

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ

П. А. ЦЫГАНКОВ

Редактор И. Л. Пивоварова Компьютерное макетирование и корректура Н.Б. Кучерова

Лицензия ЛР N 062281 от 22.02.93

Подписано к печати 24.10.94 Формат 60x88/16

Бумага офсетная. Гарнитура Тайме. Печать офсетная.

Уч.-изд.л.20. Тираж 3000 экз. Заказ N 696.

Издательство «Радикс» 121019 Москва, а/я 336.

Отпечатано с оригинал-макета в Московской типографии № 4

Комитета по печати Российской Федерации. 129041, г. Москва, Большая Переяславская ул., д. 46.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

**Глава I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

**Глава II МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСОБЫЙ РОД
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Глава III ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Глава IV ПРОБЛЕМА МЕТОДА В СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Глава V ЗАКОНОМЕРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава VI МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА

Глава VII СРЕДА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава VIII УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Глава IX ЦЕЛИ И СРЕДСТВА УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

**Глава X ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Глава XI ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Глава XII КОНФЛИКТЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ**

Глава XIII СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

**Глава XIV ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА**

**Глава XV ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

От Фукидида до наших дней о международных отношениях, мире и войне, нациях и людях, сотрудничестве и конфликте было сказано все, или почти все.

Международные отношения издавна занимали существенное место в жизни любого государства, общества и отдельного человека. Происхождение наций, образование межгосударственных границ, формирование и изменение политических режимов, становление различных социальных институтов, обогащение культур, развитие искусства, науки, технический прогресс и эффективная экономика тесно связаны с торговыми, финансовыми, культурными и иными обменами,

межгосударственными союзами, дипломатическими контактами и военными конфликтами - или, иначе говоря, с международными отношениями. Их значение возрастает еще больше в наши дни, когда все страны вплетены в плотную, разветвленную сеть многообразных взаимодействий, влияющих на объемы и характер производства, виды создаваемых товаров и цены на них, на стандарты потребления, ценности и идеалы людей.

Окончание «холодной войны» и распад «мировой социалистической системы», выход на международную арену бывших советских республик в качестве самостоятельных государств, поиски новой Россией своего места в мире, определение ее внешнеполитических приоритетов, переформулирование национальных интересов, угрозы быть втянутой в кровопролитные конфликты, бушующие на периферии постсоветского пространства, - все эти и многие другие обстоятельства международной жизни оказывают непосредственное влияние на повседневное существование людей и судьбы россиян, на настоящее и будущее нашей страны, ее ближайшее окружение и, в известном смысле, на судьбы человечества в целом.

В свете сказанного становится понятно, что в наши дни резко возрастает объективная необходимость в теоретическом осмыслении международных отношений, в анализе происходящих здесь изменений и их последствий и, не в последнюю очередь, в расширении и углублении соответствующей тематики в общегуманитарной подготовке студентов. Предлагаемая вниманию читателя работа призвана способствовать формированию целостного, систематического представления о международных отношениях как специфической сфере общественного взаимодействия и предназначена прежде всего для студентов университетов, специализирующихся в изучении политологии и социологии. Вместе с тем она может оказаться полезной не только для них, но и для студентов иных специальностей при освое

нии ими базовых социально-политических дисциплин - тем более, что читаемые сегодня курсы по этим дисциплинам, как правило, либо вовсе не содержат международно-политического раздела, либо ограничивают его одной-двумя темами.

Систематическое, целенаправленное изучение международных отношений связано с межвоенным периодом первой половины XX века, когда в США и странах Западной Европы возникают первые исследовательские центры и университетские кафедры, появляются программы учебных курсов, в которых обобщаются и излагаются результаты нового научного направления. На первых порах его становление происходило в рамках философии, а также таких традиционных научных дисциплин, как история, право и экономическая наука

Выделение из них соответственно истории дипломатии, международного права и международной экономики в относительно самостоятельные отрасли знания стало важным этапом на пути становления науки о международных отношениях. В то же время ни одна из этих дисциплин не могла отразить всего многообразия и особенностей столь сложного феномена, каким являются международные отношения. Кроме того, развитию нового научного направления препятствовала и их слабая связь друг с другом, затруднявшая интегрирование, концептуализацию достижений каждой из них.

Необходимость такой концептуализации привела к тому, что уже в 30-40-е годы исследователи международных отношений обратились к получившей к этому времени бурное развитие политической науке, не без основания считая политическое измерение международных отношений тем связующим началом, опираясь на которое, можно в полной мере обобщить достижения различных наук и придать новый импульс изучению международных реалий. Благодаря работам таких ученых, как Э. Карр, Н. Спайкмен, Р. Нибур, А. Уолферс и особенно Г. Моргентау, который в 1948 г. издал свой главный труд «Политика среди наций», в рамках политической науки прочно утверждается относительно самостоятельное направление, изучающее международные отношения и опирающееся на методологию «политического реализма». Его критика нормативистского подхода к международным отношениям, настаивание на необходимости объективного, свободного от предвзятости и идеологии анализа взаимодействия между государствами, в основу которого кладутся «национальный интерес, выраженный в терминах власти», силовой фактор, сохранение мира путем устрашения и т.п., имели огромные последствия для науки о международных отношениях и надолго определили пути ее развития.

В то же время в самих концептуальных основаниях политического реализма были заложены и недостатки, которые становятся все более очевидными по мере эволюции международных отношений, изменения их характера.

Речь идет прежде всего о кризисе государственно-центричной организации международного порядка и, в этом смысле, - о социализации международных отношений, основой которой является научно-технический переворот и распространение новых технологий. В этой связи становится узким не только «чисто» политологический, но и экономический взгляд на международные отношения, все более настоятельной становится необходимость их обогащения социологическим подходом.

В самом деле, развитие торговых и финансовых отношений, диалог культур, распространение моды, возникновение новых социальных ценностей издавна происходили в соответствии с собственной логикой, не совпадающей с законами государств, юридическими договорами и политическими соглашениями между ними. Новейшие достижения в области средств связи и транспорта позволяют этой логике легко обходить и даже опрокидывать политические барьеры, нарушать государственные границы, пренебрегать политическим суверенитетом. Тенденция к становлению целостности, единства человечества находит свое воплощение не только в институциональной интеграции, развитии и усилении роли межправительственных организаций типа ООН или Европейского союза, но и через повседневную жизнь людей, общими чертами которой становятся телефаксы, компьютеры, сверхзвуковые авиалайнеры, средства космической связи, ухудшение среды обитания человека, истощение природных ресурсов и т.п. Соответственно будущее человечества зависит не только от указанных межгосударственных организации или даже таких внеинституциональных форм межправительственного общения, как «встречи в верхах», совещания «семерки» и т.п., но в возрастающей мере от стихийных общений рядовых граждан, поведения масс, миграций в более развитые страны и регионы и т.д. Оно определяется не только профессиональными дипломатами, государственными деятелями, но и социальными общностями и частными субъектами, руководствующимися своими особыми интересами. Еще в большей мере это относится к противоположной тенденции - фрагментации международных отношений, связанной с выходом на мировую арену и резким возрастанием роли нетрадиционных участников международных отношений (националистических и регионалистских движений, мафиозных кланов, земляческих групп, профессиональных объединений, экологических инициатив и т.п.).

В условиях, когда в роли главных факторов международной жизни выступают не только ресурсы, размеры территории, геополитическое положение, количество населения или господствующий режим, но все в большей степени - обладание новейшими технологиями, внутривнутриполитическая стабильность и уровень экономического развития, многие современные ученые-международники все чаще обращаются к исследованиям политико-экономического характера. Та

кое обращение вполне логично, многообещающе и плодотворно. И все же его значение нельзя преувеличивать.

Что бы мы ни говорили о роли экономики в жизни общества, во взаимодействии участников международных отношений, она не в состоянии объяснить всех происходящих здесь процессов и событий. Вторжение США на Гренаду в 1983 г., или советских войск в Афганистан в 1979 г., рост международного терроризма, распространение исламского (фундаментализма, югославская трагедия, кровавые конфликты между республиками бывшего СССР и многие другие события международной жизни не поддаются такому объяснению. Необходим более широкий подход, который соединял бы в себе преимущества правового, исторического, политологического и экономического анализа и одновременно учитывал бы социокультурные основания поведения международных авторов, роль национального, конфессионального, ценностного, группового и т.п. факторов в эволюции международных отношений.

Теоретические основания такого подхода имеются. Уже в 30-е годы, фактически параллельно теории политического реализма, начинает формироваться и социология международных отношений. С 60-х годов макропарадигма социологии международных отношений, сохраняя политологическую доминанту, расширяет ее рамки, опираясь на социальную философию и историю, и продолжая в этом плане европейскую мыслительную традицию (Р. Арон, М. Мерль, И. Лорд и др.). Микропарадигма развивается в русле позитивизма в его бихевиористском и функционалистском вариантах (Х. Бул, К. Дойч, Д. Сингер, Ж.-П. Дерриенник и др.). В нашей стране плодотворные попытки разработки социологического подхода к исследованию международных отношений предпринимались в 70-е годы такими авторами, как Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, Д.В. Ермоленко и др. Наконец, отметим и существование постоянно возрастающего числа специальных научных исследований в данной области, посвященной ей учебной литературы, а также появление научного сообщества, занятого в этой сфере знаний.

Таким образом, можно говорить о конституировании в составе дисциплин, изучающих международные отношения, относительно автономной отрасли знания - политической социологии международных отношений. Однако при этом нельзя упускать из вида, что название учебно-научной дисциплины носит достаточно условный, конвенциональный характер и потому всегда уязвимо для критики. В данной связи следует принимать во внимание еще два обстоятельства.

Во-первых, в Западных университетах соответствующая дисциплина называется чаще всего «Международные Отношения», иногда - теория международных отношений, в некоторых случаях - «социология международных отношений». Однако первые два названия, по признанию самих специалистов, не отражают в полной мере того, о

чем идет речь. Двусмысленность термина "Международные Отношения"⁴ состоит в том, что он не уточняет, чему именно посвящен соответствующий курс, не конкретизирует его предметное поле. Если же принять термин теория международных отношений, то следует признать его чрезмерную претенциозность: единой, или единственной теории международных отношений на сегодняшний день не создано, существует множество теории, построенных на разных методологических основаниях, взаимно критикующих, хотя и во многом дополняющих друг друга.

Во-вторых, термин «политическая» в названии данного учебного пособия в известной степени излишен и используется лишь для усиления характеристики природы рассматриваемой дисциплины, ее политологического профиля. Вместе с тем не стоит забывать и об относительности границ между различными дисциплинами, изучающими один и тот же объект.

Исходя из сказанного, название «Политическая социология международных отношений» призвано отразить: 1) процесс социализации международных отношений как общий знаменатель их эволюции; 2) преемственность с политологией, вытекающую из констатации того, что государства и межправительственные организации остаются на сегодня главными участниками международных отношений; 3) теоретическую доминанту, позволяющую представить науку о международных отношениях как целостную и относительно автономную дисциплину.

В этой связи следует подчеркнуть, что суждение французского специалиста, приведенное в качестве эпиграфа, уже не отражает в полной мере современных реалий.

Несколько слов о содержании учебного пособия. Главные цели, которые оно преследует, состоят в следующем: обобщение и систематизация наиболее устоявшихся положений и выводов, имеющих в мировой теоретической и учебно-методической литературе о международных отношениях; ознакомление студентов с основными понятиями социологии международных отношений; помощь в формировании у них первичного представления о современном уровне разработки этой дисциплины в нашей стране и за рубежом; освещение ее наиболее заметных достижений и проблем. При этом основной акцент сделан на состоянии европейской школы в науке о международных отношениях. Не забывая о том, что большинство авторов, работающих в данной области, - американцы, как и то, что сама эта наука находится под сильным влиянием американской школы, не следует упускать из виду достижения и подходы европейских ученых. Это тем более важно подчеркнуть, что общетеоретические подходы к социологии международных отношений, разработка макропарадигмы данной дисциплины больше развиты именно в западноевропейской и, в частности, французской науке.

Структурно работа построена следующим образом. Первая глава носит вводный характер и призвана познакомить с основными парадигмами и теоретическими школами в науке о международных отношениях. Следующие четыре главы дают представление о методологических основаниях социологии международных отношений. В главах VI-IX раскрываются структурные, а в X-XII - функциональные аспекты международных отношений. Наконец, заключительные главы посвящены рассмотрению места и роли нашей страны в современной системе международных отношений. В результате студент должен получить тот теоретический инструментарий, используя который, он сможет самостоятельно разбираться в сложных переплетениях взаимодействия государств и их союзов, межправительственных и неправительственных организаций, многообразных частных субъектов, выработать представление о потенциале участников международных отношений, их целях, средствах, стратегиях и т.п. В свою очередь, это позволит ему лучше понять место России в современном мире, ориентироваться в ее национальных интересах, оценивать международно-политическую деятельность различных институциональных и неинституциональных социальных общностей.

Автор выражает искреннюю благодарность доктору философских наук профессору А.С. Панарину, советы которого помогли при доработке разделов, касающихся методологических и социокультурных проблем; доктору политических наук Д.М. Фельдману, прочитавшему рукопись и высказавшему ряд полезных пожеланий (особенно по таким проблемам, как международные конфликты, участники международных отношений, а также российская внешняя политика). Важные критические замечания, которые помогли автору при доработке рукописи и подготовке ее к печати, были высказаны рецензентами - доктором исторических наук А.А. Мурадяном и доктором политических наук профессором И.А. Тюлиным, которых мне также хотелось бы искренне поблагодарить. Естественно, что вся ответственность за сформулированные в книге положения и выводы ложится на автора.

Глава I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Политическая социология международных отношений - составная часть науки о международных отношениях, включающей дипломатическую историю, международное право, мировую экономику, военную стратегию и множество других дисциплин. Особое значение имеет теория международных отношений, под которой понимается совокупность множественных концептуальных обобщений, представленных полемизирующими между собой теоретическими школами и составляющих предметное поле относительно автономной дисциплины. Эта дисциплина, называемая на Западе «Международные Отношения», переосмысливается в свете общесоциологического понимания мира как единого социума - сферы взаимодействия индивидов и многообразных социальных общностей, действующих в условиях наблюдающихся сегодня глобальных изменений, затрагивающих судьбы человечества и существующий мировой порядок. В вышеуказанном смысле теория международных отношений, как подчеркивает С. Хоффманн¹, является одновременно и очень старой и очень молодой. Уже в древние времена политическая философия и история ставили вопросы о причинах конфликтов и войн, о средствах и способах достижения мира между народами, о правилах их взаимодействия и т.п., - и поэтому она является старой. Но в то же время она молода, ибо предполагает систематическое изучение наблюдаемых феноменов, призванное выявить основные детерминанты, объяснить поведение, раскрыть типичное, повторяющееся во взаимодействии международных авторов. Такое изучение относится, главным образом, к послевоенному периоду. Лишь после 1945 года теория международных отношений начинает действительно освобождаться от «удушения» историей и от «задавленности» юридической наукой. Фактически, в этот же период появляются и первые попытки ее «социологизации», которые впоследствии (в конце 50-х - начале 60-х годов) привели к становлению (впрочем продолжающемуся и в наши дни) социологии международных отношений как относительно автономной дисциплины.

Исходя из сказанного, осмысление теоретических источников и концептуальных оснований социологии международных отношений предполагает обращение к взглядам предшественников современной

международно-политической науки, рассмотрение наиболее влиятельных сегодня теоретических школ и направлений, а также анализ нынешнего состояния социологии международных отношений.

1. Международные отношения в истории социально-политической мысли

Одним из первых письменных источников, содержащих глубокий анализ отношений между суверенными политическими единицами, стала написанная более двух тысяч лет назад Фукидидом (471-401 до н.э.) «История Пелопонесской войны в восьми книгах». Многие положения и выводы древнегреческого историка не утратили своего значения до наших дней, подтвердив тем самым его слова о том, что составленный им труд - «не столько предмет состязания для временных слушателей, сколько достояние на веки». Задавшись вопросом о причинах многолетней изнурительной войны между афинянами и лакедемонянами, историк обращает внимание на то, что это были наиболее могущественные и процветающие народы, каждый из которых главенствовал над своими союзниками. «...Со времени мидийских войн и до последней они не переставали то мириться, то воевать между собою, или с отпадавшими союзниками, причем совершенствовались в военном деле, изошрялись среди опасностей и становились искуснее» (там же, с. 18). Поскольку оба могущественных государства превратились в своего рода империи, постольку усиление одного из них как бы обрекало их на продолжение этого пути, подталкивая к стремлению подчинить себе все свое окружение, с тем, чтобы поддержать свой престиж и влияние. В свою очередь, другая «империя», так же как и менее крупные городагосударства, испытывая растущие страх и беспокойство перед таким усилением, принимают меры к укреплению своей обороны, втягиваясь тем самым в конфликтный цикл, который в конечном итоге неизбежно выливается в войну. Вот почему Фукидид с самого начала отделяет причины Пелопонесской войны от многообразных поводов к ней: «Причина самая действительная, хотя на словах наиболее сокрытая, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением внушали страх лакедемонянам и тем привели их к войне» (см. прим.2-т.1, с.24).

Фукидид говорит не только о господстве силы в отношениях между суверенными политическими единицами. В его работе можно найти упоминание и об интересах государства, а также о приоритетности этих интересов над интересами отдельной личности (см. прим.2 - т.1, с.91; т.II, с.60). Тем самым он стал в известном смысле родоначальником одного из наиболее влиятельных направлений в более поздних представлениях и в современной науке о международных отношениях.

В дальнейшем это направление, получившее название *классического* или *традиционного*, было представлено во взглядах Н. Макиавелли (1469-1527), Т. Гоббса (1588-1679), Э. де Ваттеля (1714-1767) и других мыслителей, приобретая наиболее законченную форму в работе немецкого генерала К. фон Клаузевица (1780-1831).

Так, Т. Гоббс исходит из того, что человек по своей природе существо эгоистическое. В нем скрыто непреходящее желание власти. Поскольку же люди от природы не равны в своих способностях, постольку их соперничество, взаимное недоверие, стремление к обладанию материальными благами, престижем или славой ведут к постоянной «войне всех против всех и каждого против каждого», которая представляет собой естественное состояние человеческих взаимоотношений. Для того, чтобы избежать взаимного истребления в этой войне, люди приходят к необходимости заключения общественного договора, результатом которого становится государство-Левиафан. Это происходит путем добровольной, передачи людьми государству своих прав и свобод в обмен на гарантии общественного порядка, мира и безопасности. Однако если отношения между отдельными людьми вводятся, таким образом, в русло, пусть искусственного и относительного, но все же гражданского состояния, то отношения между государствами продолжают пребывать в естественном состоянии. Будучи независимыми, государства не связаны никакими ограничениями. Каждому из них принадлежит то, что оно в состоянии захватить» и до тех пор, пока оно способно удерживать захваченное. Единственным «регулятором» межгосударственных отношений является, таким образом, сила, а сами участники этих отношений находятся в положении гладиаторов, держащих наготове оружие и настроенно следящих за поведением друг друга.

Разновидностью этой парадигмы является и теория политического равновесия, которой придерживались, например, голландский мыслитель Б. Спиноза (1632-1677), английский философ Д. Юм (1711-1776), а также упоминавшийся выше швейцарский юрист Э. де Ваттель. Так, взгляд де Ваттеля на существо межгосударственных отношений не столь мрачен, как взгляд Гоббса. Мир изменился, считает он, и по крайней мере «Европа представляет собой политическую систему, некоторое целое, в котором все связано с отношениями и различными интересами наций, живущих в этой части света. Она не является, как некогда была, беспорядочным нагромождением отдельных частиц, каждая из которых считала себя мало заинтересованной в судьбе других и редко заботилась о том, что не касалось ее непосредственно». Постоянное внимание суверенов ко всему, что происходит в Европе, постоянное пребывание посольств, постоянные переговоры способствуют формированию у независимых европейских государств наряду с национальными еще и общих интересов - интересов поддержания в

ней порядка и свободы. «Именно это, - подчеркивает де Ваттель, породило знаменитую идею политического равновесия, равновесия власти. Под этим понимают такой порядок вещей, при котором ни одна держава не в состоянии абсолютно преобладать над другими и устанавливать для них законы» .

В то же время Э. де Ваттель в полном соответствии с классической традицией, считал, что интересы частных лиц вторичны по сравнению с интересами нации (государства). В свою очередь, «если речь идет о спасении государства, то нельзя быть излишне предусмотрительным», когда есть основания считать, что усиление соседнего государства угрожает безопасности вашего. «Если так легко верят в угрозу опасности, то виноват в этом сосед, показывающий разные признаки своих честолюбивых намерений» (см. прим.4, с.448). Это означает, что превентивная война против опасно возвышающегося соседа законна и справедлива. Но как быть, если силы этого соседа намного превосходят силы других государств? В этом случае, отвечает де Ваттель, «проще, удобнее и правильнее прибегать к ...образованию коалиций, которые могли бы противостоять самому могущественному государству и препятствовать ему диктовать свою волю. Так поступают в настоящее время суверены Европы. Они присоединяются к слабейшей из двух главных держав, которые являются естественными соперницами, предназначенными сдерживать друг друга, в качестве довесков на менее нагруженную чашу весов, чтобы удержать ее в равновесии с другой чашей» (см. прим.4, с.451).

Параллельно с традиционным развивается и другое направление, возникновение которого в Европе связывают с философией стоиков, развитием христианства, взглядами испанского теолога доминиканца Ф. Витториа (1480-1546), голландского юриста Г. Гроция (1583-1645), представителя немецкой классической философии И. Канта (1724-1804) и других мыслителей. В его основе лежит идея о моральном и политическом единстве человеческого рода, а также о неотъемлемых, естественных правах человека. В различные эпохи во взглядах разных мыслителей эта идея принимала неодинаковые формы.

Так, в трактовке Ф. Витториа (см.2, р. 30) приоритет в отношениях человека с государством принадлежит человеку, государство же - не более, чем простая необходимость, облегчающая проблему выживания человека. С другой стороны, единство человеческого рода делает в конечном счете вторичным и искусственным любое разделение его на отдельные государства. Поэтому нормальным, естественным правом человека является его право на свободное передвижение. Иначе говоря, естественные права человека Витториа ставит выше прерогатив государства, предвосхищая и даже опережая современную либерально-демократическую трактовку данного вопроса.

Рассматриваемое направление всегда сопровождала убежденность в возможности достижения вечного мира между людьми - либо путем правового и морального регулирования международных отношений, либо иными путями, связанными с самореализацией исторической необходимости. По Канту, например, подобно тому, как основанные на противоречиях и корысти отношения между отдельными людьми в конечном счете неизбежно приведут к установлению правового общества, отношения между государствами должны завершиться в будущем состоянием вечного, гармонически регулируемого мира (см. прим.5, гл.VII). Поскольку же представители этого направления апеллируют не столько к сущему, сколько к должному, и, кроме того, опираются на соответствующие философские идеи, постольку за ним закрепилось название идеалистического.

Возникновение в середине XIX века марксизма возвестило о появлении еще одной парадигмы во взглядах на международные отношения, которая не сводится ни к традиционному, ни к идеалистическому направлению. Согласно К. Марксу всемирная история начинается с капитализмом, ибо основой капиталистического способа производства является крупная промышленность, создающая единый мировой рынок, развитие средств связи и транспорта. Буржуазия путем эксплуатации мирового рынка превращает производство и потребление всех стран в космополитическое и становится господствующим классом не только в отдельных капиталистических государствах, но и в масштабах всего мира. В свою очередь, «в той же самой степени, в какой развивается буржуазия, то есть капитал, развивается и пролетариат»⁶. Тем самым международные отношения в экономическом плане становятся отношениями эксплуатации. В плане же политическом они являются отношениями господства и подчинения и как следствие отношениями классовой борьбы и революций. Тем самым национальный суверенитет, государственные интересы вторичны, ибо объективные законы способствуют становлению всемирного общества, в котором господствует капиталистическая экономика и движущей силой является классовая борьба и всемирно-историческая миссия пролетариата. «Национальная обособленность и противоположность народов, - писали К. Маркс и Ф. Энгельс, - все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни» (см. прим.6, с.444).

В свою очередь, В.И. Ленин подчеркивал, что капитализм, вступив в государственно-монополистическую стадию развития, трансформировался в империализм. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма»⁷ он пишет, что с завершением эпохи политического раздела мира между империалистическими государствами на передний план выступает проблема его экономического раздела между монополиями. Монополии сталкиваются с посто

явно обостряющейся проблемой рынков и необходимостью экспорта капитала в менее развитые страны с более высокой нормой прибыли. Поскольку же они сталкиваются при этом в жестокой конкуренции друг с другом, постольку указанная необходимость становится источником мировых политических кризисов, войн и революции.

Рассмотренные основные теоретические парадигмы в науке о международных отношениях - классическая, идеалистическая и марксистская - в целом остаются актуальными и сегодня. В то же время следует отметить, что конституирование указанной науки в относительно самостоятельную область знания повлекло за собой и значительное увеличение многообразия теоретических подходов и методов изучения, исследовательских школ и концептуальных направлений. Рассмотрим их несколько подробнее.

2. Современные теории международных отношений

Указанное выше многообразие намного осложнило и *проблему классификации современных теорий международных отношений*, которая сама по себе становится проблемой научного исследования.

Существует множество классификаций современных течений в науке о международных отношениях, что объясняется различиями в критериях, которые используются теми или иными авторами.

Так, одни из них исходят из географических критериев, выделяя англосаксонские концепции, советское и китайское понимание международных отношений, а также подход к их изучению авторов, представляющих «третий мир»⁸.

Другие строят свою типологию на основе степени общности рассматриваемых теорий, различая, например, глобальные экспликативные теории (такие, как политический реализм и философия истории) и частные гипотезы и методы (к которым относят бихевиористскую школу)⁹. В рамках подобной типологии швейцарский автор Г. Брайар относит к общим теориям политический реализм, историческую социологию и марксистско-ленинскую концепцию международных отношений. Что касается частных теорий, то среда них называются теория международных авторов (Б. Корани); теория взаимодействий в рамках международных систем (О.Р. Янг; С. Амин; К. Кайзер); теории стратегии, конфликтов и исследования мира (А. Бофр, Д. Сингер, И. Галтунг); теории интеграции (А. Этциони; К. Дойч); теории международной организации (Ж. Сиотис; Д. Холли)¹⁰.

Третьи считают, что главной линией водораздела является метод, используемый теми или иными исследователями и, с этой точки зрения, основное внимание уделяют полемике между представителями традиционного и «научного» подходов к анализу международных отношений^{11,12}.

Четвертые выделяют центральные проблемы, характерные для той или иной теории, акцентируя магистральные и переломные линии в развитии науки¹³.

Наконец, пятые опираются на комплексные критерии. Так, канадский ученый Б. Корани выстраивает типологию теорий международных отношений на основе используемых ими методов («классические» и «модернистские») и концептуального видения мира («либерально-плюралистическое» и «материалистически-структуралистское»). В итоге он выделяет такие направления, как политический реализм (Г. Моргентау, Р. Арон, Х. Бул), бихевиоризм (Д. Сингер; М. Каплан), классический марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин) и неомарксизм (или школа «зависимости»: И. Уоллерстейн, С. Амин, А. Франк, Ф. Кардозо)¹⁴. Подобным же образом Д. Коляр останавливает внимание на классической теории «естественного состояния» и ее современном варианте (то есть политическом реализме); теории «международного сообщества» (или политическом идеализме); марксистском идеологическом течении и его многочисленных интерпретациях; доктринальном англо-саксонском течении, а также на французской школе международных отношений¹⁵. М. Мерль считает, что основные направления в современной науке о международных отношениях представлены традиционалистами - наследниками классической школы (Г. Моргентау, С. Хоффманн, Г. Киссинджер); англо-саксонскими социологическими концепциями бихевиоризма и функционализма (Р. Кокс, Д. Сингер, М. Каплан; Д. Истон); марксистским и неомарксистскими (П. Баран, П. Суизи, С. Амин) течениями¹⁶.

Примеры различных классификаций современных теории международных отношений можно было бы продолжать. Важно однако отметить по крайней мере три существенных обстоятельства. Во-первых, любая из таких классификаций условна и не в состоянии исчерпать многообразия теоретических взглядов и методологических подходов к анализу международных отношений. Во-вторых, указанное многообразие не означает, что современным теориям удалось преодолеть свое «кровное родство» с рассмотренными выше тремя основными парадигмами. Наконец, в-третьих, вопросы все еще встречающиеся и сегодня противоположному мнению, есть все основания говорить о наметившемся синтезе, взаимообогащении, взаимном «компромиссе» между непримиримыми ранее направлениями.

*Впрочем, они и не ставят перед собой подобную цель. Их цель в другом - осмысление состояния и теоретического уровня, достигнутого наукой о международных отношениях, путем обобщения имеющихся концептуальных подходов и сопоставление их с тем, что было сделано ранее.

Исходя из сказанного, ограничимся кратким рассмотрением таких направлений (и их разновидностей), как *политический идеализм, политический реализм, модернизм, транснационализм и неомарксизм.*

Наследие Фукидида, Макиавелли, Гоббса, де Ваттеля и Клаузевица, с одной стороны, Витториа, Гроция, Канта с другой, нашло непосредственное отражение в крупной научной дискуссии, которая возникла в США в период между двумя мировыми войнами, дискуссии между идеалистами и реалистами.

Идеализм в современной науке о международных отношениях* имеет и более близкие идейно-теоретические истоки, в качестве которых выступают утопический социализм, либерализм и пацифизм XIX века. Его основная посылка - это убеждение в необходимости и возможности покончить с мировыми войнами и вооруженными конфликтами между государствами путем правового регулирования и демократизации международных отношений, распространения на них норм нравственности и справедливости. Согласно данному направлению мировое сообщество демократических государств при поддержке и давлении со стороны общественного мнения, вполне способно улаживать возникающие между его членами конфликты мирным путем, методами правового регулирования, увеличения числа и роли международных организаций, способствующих расширению взаимовыгодного сотрудничества и обмена. Одна из его приоритетных тем - это создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики. В политической практике идеализм нашел воплощение в разработанной после первой мировой войны американским президентом В. Вильсоном программы создания Лиги наций¹⁷, Пакте Брайена-Келлога (1928 г.), предусматривающем отказ от применения силы в межгосударственных отношениях, а также в доктрине Стаймсона (1932 г.), по которой США отказываются от дипломатического признания любого изменения, если оно достигнуто при помощи силы. В послевоенные годы идеалистическая традиция нашла определенное воплощение в деятельности таких американских политиков, как госсекретарь Дж. Ф. Даллес и госсекретарь З. Бжезинский (представляющий, впрочем, не только политическую, но и академическую элиту своей страны), президенты Д. Картер (1976- 1980) и Дж. Буш (1988-1992). В научной литературе она была представлена, в частности, книгой американских авторов Р. Кларка и Л.Б. Сона «Достижение мира через мировое право». В книге предложен проект поэтапного разоружения и создания системы коллективной безопасности для всего мира за период 1960-1980 гг. Основным инструментом преодоления войн и достижения вечного

*Иногда это направление классифицируется как утопизм (см. например: Сагг ЕН. The Twenty Years of Crisis, 1919-1939. London. 1956).

мира между народами должно стать мировое правительство, руководимое ООН и действующее на основе детально разработанной мировой конституции. Сходные идеи высказываются в ряде работ европейских авторов¹⁹. Идея мирового правительства высказывалась и в папских энцикликах: Иоанна XXIII «*Pacem in terris*» от 16.04.63, Павла VI - «*Populorum progressio*» от 26.03.67, а также Иоанна-Павла II - от 2.12.80, который и сегодня выступает за создание «политической власти, наделенной универсальной компетенцией».

Таким образом, идеалистическая парадигма, сопровождавшая историю международных отношений на протяжении веков, сохраняет определенное влияние на умы и в наши дни. Более того, можно сказать, что в последние годы ее влияние на некоторые аспекты теоретического анализа и прогнозирования в области международных отношений даже возросло, став основой практических шагов, предпринимаемых мировым сообществом по демократизации и гуманизации этих отношений, а также попыток формирования нового, сознательно регулируемого мирового порядка, отвечающего общим интересам всего человечества.

В то же время следует отметить, что идеализм в течение длительного времени (а в некотором отношении - и по сей день) считался утратившим всякое влияние и уж во всяком случае безнадежно отставшим от требований современности. И действительно, лежащий в его основе нормативистский подход оказался глубоко подорванным вследствие нарастания напряженности в Европе 30-х годов, агрессивной политики фашизма и краха Лиги Наций, развязывания мирового конфликта 1939-1945 гг. и «холодной войны» в последующие годы. Результатом стало возрождение на американской почве европейской классической традиции с присущим ей выдвиганием на передний план в анализе международных отношений таких понятий, как «сила» и «баланс сил», «национальный интерес» и «конфликт».

Политический реализм не только подверг идеализм сокрушительной критике, - указав, в частности, на то обстоятельство, что идеалистические иллюзии государственных деятелей того времени в немалой степени способствовали развязыванию второй мировой войны, - но и предложил достаточно стройную теорию. Ее наиболее известные представители - Р. Нибур, Ф. Шуман, Дж. Кеннан, Дж. Шварценбергер, К. Томпсон, Г. Киссинджер, Э. Карр, А. Уолферс и др. - надолго определили пути науки о международных

В большинстве изданных на Западе учебников по международным отношениям идеализм как самостоятельное теоретическое направление либо не рассматривается, либо служит не более, чем «критическим фоном» при анализе политического реализма и других теоретических направлений.

отношениях. Бесспорными лидерами этого направления стали Г. Моргантау и Р. Арон.

Работа Г. Моргантау «Политика среди нации. Борьба за влияние и мир», первое издание которой увидело свет в 1948 году, стала своего рода «библией» для многих поколений студентов-политологов в США, и других странах Запада. С точки зрения Г. Моргантау» международные отношения представляют собой арену острого противоборства государств. В основе всей международной деятельности последних лежит стремление к увеличению своей власти, или силы (power) и уменьшению власти других. При этом термин «власть» понимается в самом широком смысле: как военная и экономическая мощь государства, гарантия его наибольшей безопасности и процветания, славы и престижа, возможности для распространения его идеологических установок и духовных ценностей. Два основных пути, на которых государство обеспечивает себе власть, и одновременно два взаимодополняющих аспекта его внешней политики - это военная стратегия и дипломатия. Первая из них трактуется в духе Клаузевица: как продолжение политики насильственными средствами. Дипломатия же, напротив, есть мирная борьба за власть. В современную эпоху, говорит Г. Моргантау, государства выражают свою потребность во власти в терминах «национального интереса». Результатом стремления каждого из государств к максимальному удовлетворению своих национальных интересов является установление на мировой арене определенного равновесия (баланса) власти (силы), которое является единственным реалистическим способом обеспечить и сохранить мир. Собственно, состояние мира - это и есть состояние равновесия сил между государствами.

Согласно Мергантау есть два фактора, которые способны удерживать стремления государств к власти в каких-то рамках - это международное право и мораль. Однако слишком доверяться им в стремлении обеспечить мир между государствами - означало бы впасть в непростительные иллюзии идеалистической школы. Проблема войны и мира не имеет никаких шансов на решение при помощи механизмов коллективной безопасности или посредством ООН. Утопичны и проекты гармонизации национальных интересов путем создания мирового сообщества или же мирового государства. Единственный путь, позволяющий надеяться избежать мировой ядерной войны, - обновление дипломатии.

В своей концепции Г. Моргантау исходит из шести принципов политического реализма, которые обосновывает уже в самом начале своей книги²⁰. В кратком изложении они выглядят следующим образом.

1. Политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, корни которых находятся в вечной и неизменной человеческой природе. Поэтому существует возможность

создания рациональной теории, которая в состоянии отражать эти законы - хотя лишь относительно и частично. Такая теория позволяет отделять объективную истину в международной политике от субъективных суждений о ней.

2. Главный показатель политического реализма - «понятие интереса, выраженного в терминах власти.» Оно обеспечивает связь между разумом, стремящимся понять международную политику, и фактами, подлежащими познанию. Оно позволяет понять политику как самостоятельную сферу человеческой жизнедеятельности, не сводимую к этической, эстетической, экономической или религиозной сферам. Тем самым указанное понятие позволяет избежать двух ошибок. Во-первых, суждения об интересе политического деятеля на основе мотивов, а не на основе его поведения, и, во-вторых, выведения интереса политического деятеля из его идеологических или моральных предпочтений, а не «официальных обязанностей».

Политический реализм включает не только теоретический, но и нормативный элемент: он настаивает на необходимости рациональной политики. Рациональная политика - это правильная политика, ибо она минимизирует риски и максимизирует выгоды. В то же время рациональность политики зависит и от ее моральных и практических целей.

3. Содержание понятия «интерес, выраженный в терминах власти» не является неизменным. Оно зависит от того политического и культурного контекста, в котором происходит формирование международной политики государства. Это относится и к понятиям «сила» (power) и «политическое равновесие», а также к такому исходному понятию, обозначающему главное действующее лицо международной политики, как «государство-нация».

Политический реализм отличается от всех других теоретических школ прежде всего в коренном вопросе о том, как изменить современный мир. Он убежден в том, что такое изменение может быть осуществлено только при помощи умелого использования объективных законов, которые действовали в прошлом и будут действовать в будущем, а не путем подчинения политической реальности некоему абстрактному идеалу, который отказывается признавать такие законы.

4. Политический реализм признает моральное значение политического действия. Но одновременно он осознает и существование неизбежного противоречия между моральным императивом и требованиями успешного политического действия. Главные моральные требования не могут быть применены к деятельности государства как абстрактные и универсальные нормы. Они должны рассматриваться в конкретных обстоятельствах.

тельствах места и времени. Государство не может сказать: «Пусть мир погибнет, но справедливость должна восторжествовать!». Оно не может позволить себе самоубийство. Поэтому высшая моральная добродетель в международной политике это умеренность и осторожность.

5. Политический реализм отказывается отождествлять моральные стремления какой-либо нации с универсальными моральными нормами. Одно дело - знать, что нации подчиняются моральному закону в своей политике, и совсем другое - претендовать на знание того, что хорошо и что плохо в международных отношениях.

6. Теория политического реализма исходит из плюралистической концепции природы человека. Реальный человек - это и «экономический человек», и «моральный человек», и «религиозный человек» и т.д. Только политический человек, подобен животному, ибо у него нет «моральных тормозов». Только «моральный человек» - глупец, так как он лишен осторожности. Только «религиозным человеком» может быть лишь святой, поскольку у него нет земных желаний.

Признавая это, политический реализм отстаивает относительную автономность указанных аспектов и настаивает на том, что познание каждого из них требует абстрагирования от других и происходит в собственных терминах.

Как мы увидим из дальнейшего, не все из вышеприведенных принципов, сформулированных основателем теории политического реализма Г. Моргентау, безоговорочно разделяются другими приверженцами - и, тем более, противниками - данного направления. В то же время его концептуальная стройность, стремление опираться на объективные законы общественного развития, беспристрастный и строгий анализ международной действительности, отличающейся от абстрактных идеалов и основанных на них бесплодных и опасных иллюзиях, - все это способствовало расширению влияния и авторитета политического реализма как в академической среде, так и в кругах государственных деятелей различных стран.

Однако и политический реализм не стал безраздельно господствующей парадигмой в науке о международных отношениях. Превращению его в центральное звено, цементирующее начало некоей единой теории, с самого начала мешали его серьезные недостатки.

Дело в том, что, исходя из понимания международных отношений как «естественного состояния» силового противоборства за обладание властью, политический реализм по существу сводит эти отношения к межгосударственным, что значительно обедняет их понимание. Более того, внутренняя и внешняя политика государства в трактовке политических реалистов выглядят как не связанные друг

с другом, а сами государства - как своего рода взаимозаменяемые механические тела с идентичной реакцией на внешние воздействия. Разница лишь в том, что одни государства являются сильными, а другие - слабыми. Недаром один из влиятельных приверженцев политического реализма А. Уолферс строил картину международных отношений, сравнивая взаимодействие государств на мировой арене со столкновением шаров на бильярдном столе²¹. Абсолютизация роли силы и недооценка значения других факторов - например, таких, как духовные ценности, социокультурные реальности и т.п. значительно обедняет анализ международных отношений, снижает степень его достоверности. Это тем более верно, что содержание таких ключевых для теории политического реализма понятий, как «сила» и «национальный интерес», остается в ней достаточно расплывчатым, давая повод для дискуссий и многозначного толкования. Наконец, в своем стремлении опираться на вечные и неизменные объективные законы международного взаимодействия политический реализм стал по сути дела заложником собственного подхода. Он упустил из виду весьма важные тенденции и уже произошедшие изменения, которые все в большей степени отличают характер современных международных отношений от тех, которые господствовали на международной арене вплоть до начала XX века. Одновременно было упущено еще одно обстоятельство: указанные изменения требуют применения наряду с традиционными, и новых методов и средств научного анализа международных отношений. Все это вызвало критику в адрес политического реализма со стороны приверженцев иных подходов, и, прежде всего, со стороны представителей так называемого модернистского направления и многообразных теорий взаимозависимости и интеграции. Не будет преувеличением сказать, что эта полемика, фактически сопровождавшая теорию политического реализма с ее первых шагов, способствовала все большему осознанию необходимости дополнить политический анализ международных реалий социологическим.

Представители «модернизма», или «научного» направления в анализе международных отношений, чаще всего не затрагивая исходных постулатов политического реализма, подвергли резкой критике его приверженность традиционным методам, основанным, главным образом, на интуиции и теоретической интерпретации. Poleмика между «модернистами» и «традиционалистами» достигает особого накала, начиная с 60-х гг., получив в научной литературе название «нового большого спора» (см., например, прим. 12 и 22). Источником этого спора стало настойчивое стремление ряда исследователей нового поколения (К. Райт, М. Каплан, К. Дойч, Д. Сингер, К. Холсти, Э. Хаас и многие другие) преодолеть недостатки классического подхода и придать изучению международных отношений подлинно научный статус. Отсюда повышенное внимание к использованию средств математики, формализации, моделирования

нию, сбору и обработке данных, эмпирической верификации результатов, а также других исследовательских процедур, заимствованных из точных дисциплин и противопоставляемых традиционным методам, основанным на интуиции исследователя, суждениях по аналогии и т.п. Такой подход, возникший в США, коснулся исследований не только международных отношений, но и других сфер социальной действительности, явившись выражением проникновения в общественные науки более широкой тенденции позитивизма, возникшей на европейской почве еще в XIX в.

Действительно, еще Сен-Симон и О. Конт предприняли попытку применить к изучению социальных феноменов строгие научные методы. Наличие солидной эмпирической традиции, методик, уже апробированных в таких дисциплинах, как социология или психология, соответствующей технической базы, дающей исследователям новые средства анализа, побудило американских ученых, начиная с К. Райта, к стремлению использовать весь этот багаж при изучении международных отношений. Подобное стремление сопровождалось отказом от априорных суждений относительно влияния тех или иных факторов на характер международных отношений, отрицанием как любых «метафизических предрассудков», так и выводов, основывающихся, подобно марксизму, на детерминистских гипотезах. Однако, как подчеркивает М. Мерль (см. прим. 16, с. 91-92), такой подход не означает, что можно обойтись без глобальной объяснительной гипотезы. Исследование же природных явлений выработало две противоположные модели, между которыми колеблются и специалисты в области социальных наук. С одной стороны, это учение Ч. Дарвина о безжалостной борьбе видов и законе естественного отбора и его марксистская интерпретация, с другой - органическая философия Г. Спенсера, в основу которой положена концепция постоянства и стабильности биологических и социальных явлений. Позитивизм в США пошел по второму пути пути уподобления общества живому организму, жизнь которого основана на дифференциации и координации его различных функций. С этой точки зрения изучение международных отношений, как и любого иного вида общественных отношений, должно начинаться с анализа функций, выполняемых их участниками, перехода затем к исследованию взаимодействий между их носителями и, наконец, - к проблемам, связанным с адаптацией социального организма к своему окружению. В наследии органицизма, считает М. Мерль, можно выделить два течения. Одно из них уделяет главное внимание изучению поведения действующих лиц, другое - артикуляции различных типов такого поведения. Соответственно, первое дало начало бихевиоризму, а второе - функционализму и системному подходу в науке о международных отношениях (см. прим. 16, с. 93).

Явившись реакцией на недостатки традиционных методов изучения международных отношений, применяемых в теории поли

тического реализма, модернизм не стал сколь-либо однородным течением - ни в теоретическом, ни в методологическом плане. Общим для него является, главным образом, приверженность междисциплинарному подходу, стремление к применению строгих научных методов и процедур, увеличению числа поддающихся проверке эмпирических данных. Его недостатки состоят в фактическом отрицании специфики международных отношений, фрагментарности конкретных исследовательских объектов, обуславливающей фактическое отсутствие целостной картины международных отношений, в неспособности избежать субъективизма. Тем не менее многие исследования приверженцев модернистского направления оказались весьма плодотворными, обогатив науку не только новыми методиками, но и весьма значимыми выводами, сделанными на их основе. Важно отметить и то обстоятельство, что они открыли перспективу микросоциологической парадигмы в изучении международных отношений.

Если полемика между приверженцами модернизма и политического реализма касалась главным образом методов исследования международных отношений, то представители *транснационализма* (Р.О. Кеохан, Дж. Най), *теорий интеграции* (Д. Митрани) и *взаимозависимости* (Э.Хаас, Д.Моурс) подвергли критике сами концептуальные основы классической школы. В центре нового «большого спора», разгоревшегося в конце 60-х - начале 70-х гг., оказалась роль государства как участника международных отношений, значение национального интереса и силы для понимания сути происходящего на мировой арене.

Сторонники различных теоретических течений, которые могут быть условно названы «транснационалистами», выдвинули общую идею, согласно которой политический реализм и свойственная ему этатистская парадигма не соответствуют характеру и основным тенденциям международных отношений и потому должны быть отброшены. Международные отношения выходят далеко за рамки межгосударственных взаимодействий, основанных на национальных интересах и силовом противоборстве. Государство как международный автор лишается своей монополии. Помимо государств, в международных отношениях принимают участие индивиды, предприятия, организации, другие негосударственные объединения. Многообразие участников, видов (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены и т.п.) и «каналов» (партнерские связи между университетами, религиозными организациями, землячествами и ассоциациями и т.п.) взаимодействия между ними вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «интернационального» (то есть межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «транснациональное» (то есть осуществляющееся) помимо и без участия государств). «Неприятие

преобладающего межправительственного подхода и стремление выйти за рамки межгосударственных взаимодействия привело нас к размышлениям в терминах транснациональных отношений», - пишут в предисловии к своей книге «Транснациональные отношения и мировая политика» американские ученые Дж. Най и Р.О. Кеохан (цит.по:З, р.р. 91-92).

Значительное влияние на подобный подход оказали выдвинутые в 1969 г. Дж. Розенау идеи о взаимосвязи между внутренней жизнью общества и международными отношениями, о роли социальных, экономических и культурных факторов в объяснении международного поведения правительств, о «внешних» источниках, которые могут иметь чисто «внутренние», на первый взгляд, события и т.п.²³.

Революционные изменения в технологии средств связи и транспорта, трансформация ситуации на мировых рынках, рост числа и значения транснациональных корпораций стимулировали возникновение новых тенденций на мировой арене. Преобладающими среда них становятся: опережающий рост мировой торговли по сравнению с мировым производством, проникновение процессов модернизации, урбанизации и развития средств коммуникации в развивающиеся страны, усиление международной роли малых государств и частных субъектов, наконец, сокращение возможностей великих держав контролировать состояние окружающей среды. Обобщающим последствием и выражением всех этих процессов является возрастание взаимозависимости мира и относительное уменьшение роли силы в международных отношениях²⁴. Сторонники транснационализма часто склонны рассматривать сферу транснациональных отношений как своего рода международное общество, к анализу которого применимы те же методы, которые позволяют понять и объяснить процессы, происходящие в любом общественном организме. Таким образом, по существу речь идет о макросоциологической парадигме в подходе к изучению международных отношений.

Транснационализм способствовал осознанию ряда новых явлений в международных отношениях, поэтому многие положения этого течения продолжают развиваться его сторонниками и в 90-е гг. (см., например: ²⁵). Вместе с тем на него наложило отпечаток несомненное идейное родство с классическим идеализмом с присущими ему склонностями переоценивать действительное значение наблюдаемых тенденций в изменении характера международных отношений.

*По своим позициям к ним можно отнести не только многих ученых США и Европы, но известных политических деятелей - например, таких, как бывший президент Франции В. Жискард Д' Эстея, бывший премьер-министр Швеции У. Пальме, а также влиятельные неправительственные политические и исследовательские организации - например, комиссия Брандта, Римский клуб и т.п.

Заметно некоторое сходство положений, выдвигаемых транснационализмом, с рядом положений, которые отстаивает неомарксистское течение в науке о международных отношениях.

Представителей *неомарксизма* (П. Баран, П. Суизи, С. Амин, А. Имманюэль, И. Уоллерстейн и др.) - течения столь же неоднородного, как и транснационализм, так же объединяет идея о целостности мирового сообщества и определенная утопичность в оценке его будущего. Вместе с тем исходным пунктом и основой их концептуальных построений выступает мысль о несимметричности взаимозависимости современного мира и более того - о реальной зависимости экономически слаборазвитых стран от индустриальных государств, об эксплуатации и ограблении первых последними. Основываясь на некоторых тезисах классического марксизма, неомарксисты представляют пространство международных отношений в виде глобальной империи, периферия которой остается под гнетом центра и после обретения ранее колониальными странами своей политической независимости. Это проявляется в неравенстве экономических обменов и неравномерном развитии²⁶.

Так, например, «центр», в рамках которого осуществляется около 80% всех мировых экономических сделок, зависит в своем развитии от сырья и ресурсов «периферии». В свою очередь, страны периферии являются потребителями промышленной и иной продукции, производимой вне их. Тем самым они попадают в зависимость от центра, становясь жертвами неравного экономического обмена, колебаний в мировых ценах на сырье и экономической помощи со стороны развитых государств. Поэтому, в конечном итоге, «экономический рост, основанный на интеграции в мировой рынок, есть развитие слаборазвитости»²⁷.

В 70-е годы подобный подход к рассмотрению международных отношений стал для стран «третьего мира» основой идеи о необходимости установления нового мирового экономического порядка. Под давлением этих стран, составляющих большинство стран-членов Организации Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея ООН в апреле 1974 года приняла соответствующую декларацию и программу действий, а в декабре того же года - Хартию об экономических правах и обязанностях государств.

Таким образом, каждое из рассмотренных теоретических течений имеет свои сильные стороны и свои недостатки, каждое отражает определенные аспекты реальности и находит то или иное проявление в практике международных отношений. Poleмика между ними способствовала их взаимообогащению, а, следовательно, и обогащению науки о международных отношениях в целом. В то же время нельзя отрицать, что указанная полемика не убедила научное сообщество в превосходстве какого-либо одного из течений над

остальными, как не привела и к их синтезу. Оба этих вывода могут быть проиллюстрированы на примере концепции неореализма.

Сам этот термин отражает стремление ряда американских ученых (Р.О.Кеохан, К. Холсти, К Уолц, Р. Гилпин и др.) к сохранению преимуществ классической традиции и одновременно - к обогащению ее, с учетом новых международных реалий и достижений других теоретических течений. Показательно, что один из наиболее давних сторонников транснационализма, Коохейн, в 80-х гг. приходит к выводу о том, что центральные понятия политического реализма «сила», «национальный интерес», рациональное поведение и др, - остаются важным средством и условием плодотворного анализа международных отношений²⁸. С другой стороны, К. Уолц говорит о потребности обогащения реалистического подхода за счет той научной строгости данных и эмпирической верифицируемости выводов, необходимость которой сторонниками традиционного взгляда, как правило, отвергалась. Настаивая на том, что любая теория международных отношений должна основываться не на частностях, а на целостности мира, делать своим отправным пунктом существование глобальной системы, а не государств, которые являются ее элементами, Уолц делает определенный шаг к сближению и с транснационалистами²⁹.

И все же, как подчеркивает Б. Корани, это возрождение реализма гораздо меньше объясняется его собственными преимуществами, чем разнородностью и слабостью любой другой теории. А стремление ж сохранению максимальной преемственности с классической школой означает, что уделом неореализма остается и большинство свойственных ей недостатков (см. прим. 14, с.300-302). Еще более суровый приговор выносят французские авторы М.-К. Смуц и Б Бади, по мнению которых теории международных отношении, оставаясь в пень западоцентричного подхода, оказались неспособными отразить радикальные изменения, происходящие в мировой системе, как и «предсказать ни ускоренную деколонизацию в послевоенный период, ни вспышки религиозного фундаментализма, ни окончания холодной войны, ни распада советской империи. Короче, ничего из того, что относится к грешной социальной действительности»³⁰.

Неудовлетворенность состоянием и возможностями науки о международных отношениях стала одним из главных побудительных мотивов к созданию и совершенствованию относительно автономной дисциплины - социологии международных отношений. Наиболее последовательные усилия в этом направлении были предприняты французскими учеными.

3. Французская социологическая школа

Большинство издающихся в мире работ, посвященных исследованию международных отношений, еще и сегодня несут на себе несомненную печать преобладания американских традиций. В то же время с начала 80-х годов в данной области все острее становится влияние европейской теоретической мысли и, в частности, французской школы. Один из известных ученых, профессор Сорбонны М. Мерль в 1983 году отмечал, что во Франции, несмотря на относительно молодость дисциплины, изучающей международные отношения, сформировались три крупных направления. Одно из них руководствуется «эмпирически-описательным подходом» и представлено работами таких авторов, как К.А. Кольяр, Ш. Зоргбиб, С. Дрейфюс, Ф. Моро-Дефарг и др. Второе вдохновляется марксистскими положениями, на которых основываются П.Ф. Гонидек, Ш. Шомон и их последователи в Школе Нанси и Реймса. Отличительной чертой третьего направления является социологический подход, получивший наиболее яркое воплощение в трудах Р.Арона³¹.

В контексте настоящей работы особенно интересной представляется одна из наиболее существенных особенностей современной французской школы в исследовании международных отношений. Дело в том, что каждое из рассмотренных выше теоретических течений - идеализм и политический реализм, модернизм и транснационализм, марксизм и неомарксизм - существуют и во Франции. В то же время они преломляются в принесших наибольшую известность французской школе работах историко-социологического направления, которые наложили отпечаток на всю науку о международных отношениях в этой стране. Влияние историко-социологического подхода ощущается в трудах историков и юристов, философов и политологов, экономистов и географов, занимающихся проблемами международных отношений. Как отмечают отечественные специалисты, на формирование основных методологических принципов характерных для французской теоретической школы международных отношений, оказали воздействие учения философской, социологической и исторической мысли Франции конца XIX - начала XX века, и прежде всего позитивизм Конта. Именно в них следует искать такие черты французских теорий международных отношений, как внимание к структуре общественной жизни, определенный историзм, преобладание сравнительно-исторического метода и скептицизм относительно математических приемов исследования³².

В то же время в работах конкретных авторов указанные черты модифицируются в зависимости от сложившихся уже в XX веке двух основных течений социологической мысли. Одно из них опирается на теоретическое наследие Э. Дюркгейма, второе исходит из методологических принципов, сформулированных М. Вебером. Каждый из

этих подходов с предельной четкостью формулируется такими крупными представителями двух линий во французской социологии международных отношений, какими являются, например, Р. Арон и Г. Бутуль.

«Социология Дюркгейма, - пишет Р. Арон в своих мемуарах, - не затрагивала во мне ни метафизика, которым я стремился стать, ни читателя Пруста, желающего понять трагедию и комедию людей, живущих в обществе»³³. «Неодюрктеймизм», утверждал он, представляет собой нечто вроде марксизма наоборот: если последний описывает классовое общество в терминах вселилия господствующей идеологии и принижает роль морального авторитета, то первый рассчитывает придать морали утраченное ею превосходство над умами. Однако отрицание наличия в обществе господствующей идеологии -такая же утопия, как идеологизация общества. Разные классы не могут разделять одни и те же ценности, как тоталитарное и либеральное общества не могут иметь одну и ту же теорию (см. прим.33, с.69-70). Вебер же, напротив, привлекал Арона тем, что, объективизируя социальную действительность, не «овеществлял» ее, не игнорировал рациональности, которую люди придают своей практической деятельности и своим институтам. Арон указывает на три причины своей приверженности веберовскому подходу: свойственное М. Веберу утверждение об имманентности смысла социальной реальности, близость к политике и забота об эпистемологии, характерная для общественных наук (см. прим. 33, с.71). Центральное для веберовской мысли колебание между множеством правдоподобных интерпретаций и единственно верным объяснением того или иного социального феномена стало основой и для ароновского взгляда на действительность, пронизанного скептицизмом и критикой нормативизма в понимании общественных - в том числе и международных - отношений.

Вполне логично поэтому, что Р. Арон рассматривает международные отношения в духе политического реализма - как естественное, или предгражданское состояние. В эпоху индустриальной цивилизации и ядерного оружия, подчеркивает он, завоевательные войны становятся и невыгодными, и слишком рискованными. Но это не означает коренного изменения основной особенности международных отношений, состоящей в законности и узаконенности использования силы их участниками. Поэтому, подчеркивает Арон, мир невозможен, но и война невероятна. Отсюда вытекает и специфика социологии международных отношений: ее главные проблемы определяются не минимумом социального консенсуса, который характерен для внутриобщественных отношений, а тем, что они «развертываются в тени войны», ибо нормальным для международных отношений является именно конфликт, а не саго отсутствие. Поэтому главное, что подлежит объяснению, - не состояние мира, а состояние войны.

Р.Арон называет четыре группы основных проблем социологии международных отношений, применимой к условиям традиционной (доиндустриальной) цивилизации. Во-первых, это «выяснение соотношения между используемыми вооружениями и организацией армий, между организацией армии и структурой общества». Во-вторых, «изучение того, какие группы в данном обществе имеют выгоду от завоеваний». В-третьих, исследование «в каждой эпохе, в каждой определенной дипломатической системе, той совокупности неписанных правил, более или менее соблюдаемых ценностей, которыми характеризуются войны и поведение самих общностей по отношению друг к другу». Наконец, в-четвертых, анализ «неосознаваемых функций, которые выполняют в истории вооруженные конфликты»³⁴.

Конечно, большая часть нынешних проблем международных отношений, подчеркивает Арон, не может быть предметом безупречного социологического исследования в терминах ожиданий, ролей и ценностей. Однако, поскольку сущность международных отношений не претерпела принципиальных изменений и в современный период, постольку вышеуказанные проблемы сохраняют свое значение и сегодня. К ним могут быть добавлены и новые, вытекающие из условий международного взаимодействия, характерных для второй половины XX века. Но главное в том, что пока сущность международных отношений будет оставаться прежней, пока ее будет определять плюрализм суверенитетов, центральной проблемой останется изучение процесса принятия решений. Отсюда Арон делает пессимистический вывод, в соответствии с которым характер и состояние международных отношений зависят, главным образом, от тех, кто руководит государствами - от «правителей», «которым можно только советовать и надеяться, что они не будут сумасшедшими». А это означает, что «социология, приложенная к международным отношениям, обнаруживает, так сказать, свои границы» (см. прим.34,с.158).

В то же время Арон не отказывается от стремления определить место социологии в изучении международных отношений. В своей фундаментальной работе «Мир и война между нациями» он выделяет четыре аспекта такого изучения, которые описывает в соответствующих разделах этой книги: «Теория», «Социология», «История» и «Праксеология»³⁵.

В первом разделе определяются основные правила и концептуальные орудия анализа. Прибегая к своему излюбленному сравнению международных отношений со спортом, Р.Арон показывает, что существует два уровня *теории*. Первый призван ответить на вопросы о том, «какие приемы игроки имеют право применять, а какие нет; каким образом они распределяются на различных линиях игровой площадки; что предпринимают для повышения эффективности своих действий и для разрушений усилий противника».

В рамках отвечающих на подобные вопросы правил могут возникать многочисленные ситуации: и случайные, и заранее спланированные. Поэтому к каждому матчу тренер разрабатывает соответствующий план, уточняющий задачу каждого игрока и его действия в тех или иных типовых ситуациях, которые могут сложиться на площадке. На этом - втором - уровне теории она определяет рекомендации, описывающие правила эффективного поведения различных участников (например, вратаря, защитника и т.д.) в тех или иных обстоятельствах игры. В качестве типовых видов поведения участников международных отношений выделяются и анализируются стратегия и дипломатия, рассматриваются совокупность средств и целей, характерных для любой международной ситуации, а также типовые системы международных отношений.

На этой основе строится *социология* международных отношений, предметом которой является прежде всего поведение международных авторов. Социология призвана отвечать на вопрос о том, почему данное государство ведет себя на международной арене именно таким образом, а не как-то иначе. Ее главная задача - изучение *детерминант* и *закономерностей*, материальных и физических, а также социальных и моральных *переменных*, определяющих политику государств и ход международных событий. Здесь анализируются также такие вопросы, как характер влияния на международные отношения политического режима и/или идеологии. Их выяснение позволяет социологу вывести не только определенные правила поведения международных авторов, но и выявить социальные типы международных конфликтов, а также сформулировать законы развития некоторых типичных международных ситуаций. Продолжая сравнение со спортом, можно сказать, что на этом этапе исследователь выступает уже не в роли организатора или тренера. Теперь он решает вопросы иного рода. Как разворачиваются матчи не на классной доске, а на игровой площадке? В чем специфические особенности приемов, которые используют игроки разных стран? Существует ли латинский, английский, американский футбол? Какая доля в успехе команды принадлежит технической виртуозности, а какая - моральным качествам команды?

Ответить на эти вопросы, продолжает Арон, невозможно, не обращаясь к *историческим* исследованиям: надо следить за ходом конкретных матчей, изменением их «рисунка», многообразием технических приемов и темпераментов. Социолог должен постоянно обращаться и к теории, и к истории. Если он не понимает логики игры, то напрасно будет следить за действиями игроков, ибо не сможет понять ее тактического смысла. В разделе, посвященном истории, Арон описывает характеристики мировой системы и ее подсистем, анализирует различные модели стратегии устрашения в ядерный век, прослеживает эволюцию дипломатии между двумя полюсами биполярного мира и в рамках каждого из них.

Наконец, в четвертой части, посвященной праксеологии, появляется еще один символический персонаж - арбитр. Как надо интерпретировать положения, записанные в правилах игры? Действительно ли в тех или иных условиях произошло нарушение правил? При этом, если арбитр «судит» игроков, то игроки и зрители, в свою очередь, молча или шумно, неизбежно «судят» самого судью, игроки одной команды «судят» как своих партнеров, так и соперников и т.д. Все эти суждения колеблются между оценкой эффективности (он хорошо сыграл), оценкой наказания (он поступил согласно правилам) и оценкой спортивной морали (эта команда вела себя в соответствии с духом игры). Даже в спорте не все, что не запрещено, является морально оправданным. Тем более это относится к международным отношениям. Их анализ так же не может ограничиваться только наблюдением и описанием, требует суждений и оценок. Какая стратегия может считаться моральной, а какая - разумной или рациональной? В чем состоят сильные и слабые стороны стремлений добиться мира путем установления господства закона? Каковы преимущества и недостатки попыток его достижения путем установления империи?

Как уже отмечалось, книга Арона «Мир и Война между нациями» сыграла и продолжает играть заметную роль в становлении и развитии французской научной школы и, в частности социологии международных отношений. Разумеется, последователи его взглядов (Ж.-П. Деррьеник, Р. Боск, Ж. Унцигер и др.) учитывают, что многие из высказанных Ароном положений принадлежат своему времени. Впрочем, и сам он в своих мемуарах признает, что «наполовину не достиг своей цели», причем в значительной мере эта самокритика касается как раз социологического раздела и в частности - конкретного приложения закономерностей и детерминант к анализу конкретных проблем (см. прим.34, с.457-459). Однако само его понимание социологии международных отношений, и главное - обоснование необходимости ее развития, во многом сохранило свою актуальность и сегодня.

Разъясняя свою позицию, Ж.-П.Деррьеник³⁶ подчеркивает, что поскольку существует два основных подхода к анализу социальных отношений, постольку есть два типа социологии: детерминистская социология, продолжающая традицию Э. Дюркгейма, и социология действия, основывающаяся на подходах, разработанных М. Вебером. Разница между ними достаточно условна, ибо акционализм не отрицает каузальности, а детерминизм тоже «субъективен», ибо является формулированием намерения исследователя. Его оправдание - в необходимом недоверии исследователя к суждениям изучаемых им людей. Конкретно же эта разница состоит в том, что социология действия исходит из существования причин особого рода, которые необходимо принимать во внимание. Эти причины - решения, то есть выбор между многими возможными событиями, который

делается в зависимости от существующего состояния информации и особых критериев оценки. Социология международных отношений является социологией действия. Она исходит из того, что наиболее существенная черта фактов (вещей, событий) состоит в их наделенности значением (что связано с правилами интерпретации) и ценностью (связанной с критериями оценки). То и другое зависит от информации. Таким образом, в центре проблематики социологии международных отношений - понятие «решение». При этом она должна исходить из целей, которые преследуют люди (из их решений), а не из целей, которые они должны преследовать, по мнению социолога (то есть из интересов).

Что же касается второго течения во французской социологии международных отношений, то оно представлено так называемой полемологией, основные положения которой были заложены Г. Бутулем и находят отражение в работах таких исследователей, как Ж.-Л. Аннекэн, Р. Каррер, Ж. Фройнд, Л. Пуарье и другие. В основе полемологии - комплексное изучение войн, конфликтов и других форм «коллективной агрессивности» с привлечением методов демографии, математики, биологии и других точных и естественных наук. Основой полемологии, пишет Г. Бутуль, является динамическая социология. Последняя есть «часть той науки, которая изучает вариации обществ, формы, которые они принимают, факторы, которые их обуславливают или им соответствуют, а также способы их воспроизводства»³⁷. Отталкиваясь от положения Э. Дюркгейма о социологии как «осмысленной определенным образом истории», полемология исходит из того, что, во-первых, именно война породила историю, поскольку последняя началась исключительно как история вооруженных конфликтов. И мало вероятно, что история когда-либо полностью перестанет быть «историей войн». Во-вторых, война является главным фактором той коллективной имитации, или, иначе говоря, диалога и заимствования культур, которая играет такую значительную роль в социальных изменениях. Это, прежде всего, «насильственная имитация»: война не позволяет государствам и народам замыкаться в автаркии, самоизоляции, поэтому является наиболее энергичной и наиболее эффективной формой контакта цивилизаций. Но, кроме того, это и «добровольная имитация», связанная с тем, что народы заимствуют друг у друга виды вооружений, способы ведения войн, и т.п. - вплоть до моды на военную униформу. В-третьих, войны являются двигателем технического прогресса: так, стимулом к освоению римлянами искусства навигации и кораблестроения стало стремление разрушить Карфаген. И в наши дни все нации продолжают истощать себя в погоне за новыми техническими средствами и методами разрушения, беспардонно копируя в этом друг друга. Наконец, в-четвертых, война представляет собой самую заметную из всех мыслимых

переходных форм в социальной жизни. Она является результатом и источником как нарушения, так и восстановления равновесия.

Полемология должна избегать политического и юридического подхода, помня о том, что «политика - враг социологии», которую она постоянно пытается подчинить себе, сделать своей служанкой наподобие того, как в средние века это делала теология по отношению к философии. Поэтому полемология фактически не может изучать текущие конфликты, и, следовательно, главным для нее является исторический подход.

Основная задача полемологии - объективное научное изучение войн как социального феномена, который поддается наблюдению так же, как любой другой социальный феномен и который в то же время способен объяснить причины глобальных перемен в общественном развитии на протяжении человеческой истории. При этом она должна преодолеть ряд препятствий методологического характера, связанных с псевдоочевидностью войн; с их кажущейся полной зависимостью от воли людей (в то время как речь должна идти об изменениях в характере и соотношении общественных структур); с юридической иллюзорностью, объясняющей причины войн факторами теологического (божественная воля), метафизического (защита или расширение суверенитета) или антропоморфного (уподобление войн ссорам между индивидами) права. Наконец, полемология должна преодолеть симбиоз сакрализации и политизации войн, связанный с соединением линий Гегеля и Клаузевица.

Каковы же основные черты позитивной методологии этой «новой главы в социологии», как называет в своей книге Г. Бутуль полемологическое направление (см. прим.37, с.8)? Прежде всего, он подчеркивает, что полемология располагает для своих целей воистину огромной источниковедческой базой, которая редко имеется в распоряжении других отраслей социологической науки. Поэтому главный вопрос состоит в том, по каким направлениям вести классификацию бесчисленных фактов этого огромного массива документации. Бутуль называет восемь таких направлений: 1) описание материальных фактов по степени их убывающей объективности; 2) описание видов физического поведения, исходя из представлений участников войн об их целях; 3) первый этап объяснения: мнения историков и аналитиков; 4) второй этап объяснения: теологические, метафизические, моралистические и философские взгляды и доктрины; 5) выборка и группирование фактов и их первичная интерпретация; 6) гипотезы относительно объективных функций войны; 7) гипотезы относительно периодичности войн; 8) социальная типология войн - то есть зависимость основных характеристик войны от типовых черт того или иного общества (см. прим.37, с.18-25).

Основываясь на указанной методологии, Г. Бутуль выдвигает и, прибегая к использованию методов математики, биологии, психологии и других наук (включая этнологию), стремится обосновать предлагаемую им классификацию причин военных конфликтов. В качестве таковых, по его мнению, выступают следующие факторы (по степени убывающей общности): 1) нарушение взаимного равновесия между общественными структурами (например, между экономикой и демографией); 2) создающиеся в результате такого нарушения политические конъюнктуры (в полном соответствии с подходом Дюркгейма, они должны рассматриваться «как вещи»); 3) случайные причины и мотивы; 4) агрессивность и воинственные импульсы как психологическая проекция психосоматических состояний социальных групп; 5) враждебность и воинственные комплексы («Комплекс Абрахама»; «Дамоклов Комплекс»; «Комплекс Козла Ощущения»).

В исследованиях полемологов ощущается очевидное влияние американского модернизма и, в частности, факторного подхода к анализу международных отношений. Это означает, что этим ученым свойственны и многие недостатки этого метода, главный из которых - абсолютизация роли «научных методов» в познании такого сложного социального феномена, каким справедливо считается война. Подобный редукционизм неизбежно сопряжен с фрагментацией изучаемого объекта, что вступает в противоречие с декларированной приверженностью полемологии макросоциологической парадигме. Положенный в основу полемологии жесткий детерминизм, стремление изгнать случайности из числа причин вооруженных конфликтов (см., например, прим.37) влекут за собой разрушительные последствия в том, что касается провозглашаемых ею исследовательских целей и задач. Во-первых, это вызывает недоверие к ее способностям выработки долговременного прогноза относительно возможностей возникновения войн и их характера. А, во-вторых, - ведет к фактическому противопоставлению войны как динамического состояния общества миру как «состоянию порядка и покоя»³⁸. Соответственно полемология противопоставляется «иренологии» (социологии мира). Впрочем, по сути последняя вообще лишается своего предмета, поскольку «изучать мир можно только изучая войну» (см. прим.37, с.535).

В то же время не следует упускать из виду и теоретических достоинств полемологии, ее вклада в разработку проблематики вооруженных конфликтов, исследование их причин и характера. Главное же для нас в данном случае состоит в том, что возникновение полемологии сыграло значительную роль в становлении, легитимизации и дальнейшем развитии социологии международных отношений, которая нашла свое непосредственное, либо опосредованное отражение в работах таких авторов, как Ж.Б. Дюрозель и Р. Боск, П. Асснер и П.-М. Галлуа, Ш. Зоргбиб и Ф. Моро-Дефарг,

Ж. Унцингер и М. Мерль, А. Самюэль, Б. Бади и М.-К. Смуц и других, к которым мы будем обращаться в последующих главах.

4. Отечественные исследования международных отношений

Вплоть до недавнего времени эти исследования рисовались в западной литературе одной краской. Происходила по сути подмена: если, например, выводы о состоянии исследований международных отношений в американской или французской науке делались на основе анализа господствующих теоретических школ и взглядов отдельных ученых, то состояние советской науки освещалось через описание официальной внешнеполитической доктрины СССР, интерпретаций соответствующих марксистских установок последовательно сменявшимися друг друга советскими режимами (режимом Ленина, Сталина, Хрущева и т.д.) (см., например: прим.8, с. 21-23; прим.15, с.30-31). Разумеется, поводы для этого имелись: в условиях тотального давления официальной версии марксизма-ленинизма и подчинения общественных дисциплин потребностям «теоретического обоснования политики партии» научная и публицистическая литература, посвященная международным отношениям, не могла не иметь явно выраженной идеологической направленности. Более того, исследования в данной области находились в зоне самого пристального внимания всемогущих партийных инстанций и государственных органов. Поэтому для любого исследовательского коллектива, не попавшего в соответствующую номенклатуру, а тем более для частного лица профессиональная теоретическая работа в этой области была сопряжена с дополнительными трудностями (ввиду «закрытости» необходимой информации) и рисками (слишком велика могла быть цена «ошибки»). Да и сама номенклатурная наука о международных отношениях имела как бы три основных уровня. Один из них предназначался для обслуживания потребностей внешнеполитической практики режима (аналитические записки в МИД, ЦК КПСС и другие «руководящие инстанции») и доверялся лишь ограниченному кругу организаций и лиц. Другой адресовался научному сообществу (правда, нередко под грифом «ДСП»). И, наконец, третий был призван решать задачи пропаганды в широких массах «достижений коммунистической партии и советского государства в области внешней политики».

И все же, как можно судить на основе теоретической литературы, картина и тогда не была столь однообразной. Более того, в советской науке о международных отношениях были и свои достижения, и ведущие друг с другом полемику теоретические направления. Это обменивается прежде всего тем, что советская наука о международных отношениях не могла развиваться в абсолютной изоляции от мировой мысли. Более того, некоторые ее направления получили мощную прививку от западных школ - в частности,

американского модернизма³⁹. Другие, исходя из парадигмы политического реализма, осмысливают его выводы с учетом отечественных исторических и политических реальностей⁴⁰. В третьих можно обнаружить идейное родство с транснационализмом и попытки использования его методологии для обогащения традиционного марксистского подхода к анализу международных отношений⁴¹. В результате анализа специалистами западных теорий международных отношений о них получали представление и более широкие круги читателей⁴².

Тем не менее господствующим подходом оставался, конечно, ортодоксальный марксизм-ленинизм, поэтому элементы любой иной («буржуазной») парадигмы должны были быть либо интегрированы в него, либо - когда это не удавалось - тщательно «упакованы» в марксистскую терминологию, либо, наконец, поданы в виде «критики буржуазной идеологии». Это относилось и к работам, специально посвященным социологии международных отношений.

Одними из первых, кто обратил внимание на необходимость развития этого направления в советской науке о международных отношениях, были Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин и Д.В. Ермоленко. Бурлацкий и Галкин рассматривают социологию международных отношений как составную часть политической науки. Отмечая, что традиционные дисциплины и методы исследования международных отношений оказались недостаточными и что данная сфера общественной жизни в большей мере, чем любая другая, нуждается в комплексном подходе, они считают, что лучше всего этой задаче отвечает системный анализ. Он, по их мнению, составляет главную особенность социологического подхода, дающую возможность рассматривать международные отношения в общетеоретическом плане⁴⁵. Система международных отношений понимается ими как группирование государств на основе критериев социальноклассового, социально-экономического, военно-политического, социокультурного и регионального порядка. Главным из них является социально-классовый критерий. Поэтому основные подсистемы системы международных отношений представлены капиталистическими, социалистическими и развивающимися государствами. Из других видов подсистем (например, внешнеполитических или экономических) встречаются как гомогенные (например, ЕЭС или ОВД), так и гетерогенные (например, Движение Неприсоединения) подсистемы (см. прим.45, с.265-273). Следующий уровень системы представлен ее элементами, в роли которых выступают внешнеполитические (или международные) ситуации «пересечение внешнеполитических взаимодействий, определяемые временными и содержательными параметрами» (см. прим.45, с.273).

Помимо вышеуказанных, социология международных отношений, с точки зрения Ф.М. Бурлацкого, призвана заниматься

такими проблемами, как: война и мир; международные конфликты; оптимизация международных решений; процессы интеграции и интернационализации; развитие международных коммуникации; взаимосвязь внутренней и внешней политики государства; отношения между социалистическими государствами⁴⁶.

В.Д. Ермоленко в своем понимании рассматриваемой дисциплины также исходил из макросоциологической парадигмы, которую однако трактовал более широко: «и как совокупность генерализаций, и как комплекс концепций и методик»⁴⁷. По его мнению, социология международных отношений - это социологическая теория среднего уровня, в рамках которой вырабатывается свой специальный понятийный аппарат, а также создается ряд частных методик, позволяющих проводить эмпирические и аналитические исследования в области функционирования, статистики и динамики внешнеполитических ситуаций, международных событий, факторов, явлений и т.д. (см. прим.47, с.10). Соответственно, среда основных проблем, которыми должна заниматься социология международных отношений, он выделял следующие:

общий анализ природы международных отношений, их основных закономерностей, главных тенденций, соотношения и роли объективных и субъективных факторов, экономических, научно-технических, политических, культурных и идеологических аспектов в международных отношениях и т.п. специальные исследования центральных категорий международных отношений (война и мир, внешнеполитическая концепция, внешнеполитическая программа, стратегия и тактика, главные направления и принципы внешней политики, внешнеполитические задачи и т.п.);

специальное изучение категорий, указывающих на положение государства на международной арене, - его классовая природа, государственные интересы, сила, потенциал, моральное и идеологическое состояние населения, связи и степень единства с другими государствами и т.д.

специальные исследования категорий и проблем, связанных с практическим проведением внешнеполитических действий: внешнеполитическая ситуация; внешнеполитические действия; внешнеполитические решения и механизм их подготовки и принятия; внешнеполитическая информация и способы ее обобщения, систематизации и использования; внешнеполитические противоречия и конфликты и способы их разрешения; международные соглашения и договоренности и т.п. изучение тенденций развития международных отношений и внутриполитических событий и разработка вероятностных картин на будущее (прогнозирование) (см. прим.47, с11-12),

Описанный подход закладывал концептуальную основу под исследования конкретных проблем международных отношений с помощью специально разработанных аналитических методик, учитывающих достижения американского модернизма .

И все же нельзя не признать, что развитие отечественной науки о международных отношениях, зажатое в узкие рамки официальной идеологии, испытывало значительные трудности. Определенное освобождение от этих рамок было усмотрено в доктрине «нового политического мышления», провозглашенной в середине 80-х годов творцами «перестройки». Вот почему на какое-то - правда, весьма непродолжительное - время ей была отдана дань даже со стороны тех исследователей, которые ранее придерживались весьма далеких от ее содержания взглядов⁴⁹ и которые в дальнейшем подвергли ее резкой критике⁵⁰.

Исходным пунктом «нового политического мышления» было выдвинуто осознание принципиально новой политической ситуации в истории человечества в условиях тех глобальных вызовов, с которыми оно столкнулось к концу второго тысячелетия. «Основной, исходный принцип нового политического мышления прост, - писал М. Горбачев, - ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей»⁵¹. Опасность ядерной войны, другие глобальные проблемы, ставящие под угрозу само существование цивилизации, требуют общепланетарного, общечеловеческого осмысления. Важную роль в этом играет понимание того обстоятельства, что современный мир представляет собой неделимую целостность, хотя в ней и существуют разнотипные социально-политические системы⁵².

Положение о целостности и взаимозависимости мира повлекло за собой отказ от оценки роли насилия как «повивальной бабки истории» и вывод о том, что стремление к достижению того или иного государства собственной безопасности должно означать безопасность для всех. Возникло и новое понимание соотношения силы и безопасности. Безопасность стала трактоваться таким образом, что она уже не может быть обеспечена военными средствами, а должна быть достигнута лишь на путях политического урегулирования существующих и возникающих в ходе развития межгосударственных отношений проблем. Подлинная безопасность может быть гарантирована все более низким уровнем стратегического баланса, из которого необходимо исключить ядерное и другое оружие массового уничтожения. Международная безопасность может быть только всеобщей, равной для всех, безопасность одной из сторон увеличивается или уменьшается в той же степени, что и безопасность другой. Поэтому мир можно сохранить лишь созданием системы совместной безопасности. Это требует нового подхода к отношениям между разнотипными общественно-политическим

темами и государствами, выдвигая на первый план не то, что их разъединяет, а то общее, в чем они заинтересованы. Поэтому баланс сил должен уступить место балансу интересов. «Сама жизнь, ее диалектика, вставшие перед человечеством глобальные проблемы и опасности требуют перехода от конфронтации к сотрудничеству народов и государств независимо от их общественного строя»⁵³.

По-новому был поставлен вопрос о соотношении классовых и общечеловеческих интересов и ценностей: было заявлено о приоритете вторых над первыми и соответственно о необходимости деидеологизации международных политических, экономических отношений, культурного обмена и т.п. Более того, в эпоху взаимозависимости и универсальных ценностей на передний план во взаимодействии государств на международной арене выходит не то, что их разделяет, а то, что их объединяет, поэтому в основу международных отношений должны быть положены простые нормы нравственности и общечеловеческой морали, а сами эти отношения перестроены, исходя из принципов демократизации, гуманизации, нового, более справедливого мирового порядка, ведущего к безопасному, безъядерному миру (см. прим.51, с.143).

Таким образом, концепция «нового политического мышления» явилась значительным шагом к преодолению конфронтационного представления о мире, основанного на принципах противоположности и борьбы двух общественно-политических систем, всемирно-исторической миссии социализма и т.п. В то же время эта концепция имела двойственный, противоречивый характер. С одной стороны, она пыталась соединить вместе такие несовместимые вещи, как идеалистический, нормативистский подход к анализу международных отношений с сохранением социалистических, в конечном итоге, классовых идеалов⁵⁴.

С другой стороны, «новое политическое мышление» противопоставляет друг другу «баланс сил» и «баланс интересов». В действительности, как показывает история международных отношений и современное их состояние, реализация национальных интересов это та цель, которой государства руководствуются в своих взаимодействиях на мировой арене, в то время как сила является одним из основных средств на пути к осуществлению этой цели. И «европейский концерт наций» в XIX веке, и «война в Заливе» в конце XX свидетельствуют, о том, что «баланс интересов» в значительной мере зависит от «баланса сил».

Все эти противоречия и компромиссы рассматриваемой концепции обнаружили довольно скоро, соответственно прошла и кратковременная увлеченность ею со стороны науки, которая, впрочем, в новых политических условиях перестала подвергаться идеологическому давлению, а соответственно и нуждаться в официальном одобрении со стороны властей. Появились новые

возможности и для развития социологии международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hoffmann S.* Theorie et relations internationales. In: Revue française de Science politique. 1961 Vol. XI, p.26-27.

² *Фукидид.* История Пелопонесской войны в восьми книгах. Перевод с греческого Ф.Г. Мищенко с его предисловием, примечаниями и указателем. Т.1 М., 1987, с.22.

³ *Huntzinger J.* Introduction aux relations internationales. Paris, 1987, p.22.

⁴ *Эмер де Ваттель.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960, с.451.

⁵ Философия Канта и современность. М., 1974, гл. VII.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. К.Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т.4. М., 1955, с.430.

⁷ *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. - Полн. собр. соч. Т.27.

⁹ *Martin P.-M.* Introduction aux relations internationales. Toulouse. 1982.

⁹ *Bosc R.* Sociologie de la paix. Paris. 1965.

¹⁰ *Braillard G.* Theories des relations internationales. Paris, 1977.

¹¹ *Bull H.* International Theory: The Case for a Classical Approach. In: World Politics. 1966. Vol. XVIII

¹² *Kuplan \1.* A new Great Debate: Traditionalism versus Science in International Relations. In: World Politics. 1966. Vol. XVIII

¹³ Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ. М., 1976.

¹⁴ *Korani B. et coll.* Analyse des relations internationales. Approches, concepts et données. Montreale, 1987.

¹⁵ *Colard D.* Les relations internationales. Paris, New York, Barcelone, Milan, Mexico, Sao Paulo. 1987.

¹⁶ *Merle M.* Sociologie des relations internationales. Paris. 1974. ¹⁷ Международные отношения как объект изучения. М., 1993, гл.1.

¹⁸ *Clare C. and Sohn L.B.* World Peace through World Law. Cambridge, Massachusetts. 1960.

¹⁹ *Gerard F.* L'Unité fédérale du monde. Paris. 1971. *Perillier L.* Demain, le gouvernement mondial? Paris, 1974; *Le Mondialisme.* Paris. 1977.

- ²⁰ *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York, 1955, p.4-12.
- ²¹ *Wolfers A.* Discord and Colloboration. Essays on international Politics. Baltimore, 1962.
- ²² *BmlI H.* The Case for a Classical Approach. In: World Politics. 1966. Vol. XVIII.
- ²³ *Rasenau J.* Lincade Politics: Essay on the Convergence of National and International System. New York. 1969.
- ²⁴ *Най Дж.С.* (мл.) . Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика// Мировая экономика и международные отношения. 1989. №12.
- ²⁵ *Laard E.* International Society. - London, 1990.
- ²⁶ *Amin S.* Le Developpement inedal Paris. 1973. Emmanuel A. L'echange inegai Pans. 1975.
- ²⁷ *Amin S.* L'accumulation a Iechelle mondiale. Paris. 1970, p.30.
- ²⁸ *O'Keohane R.* Theory of World Politics: Structural Realism and beyond In Political Science: The State of a Discipline. Washington. 1983.
- ²⁹ *Waltz K.* Theory of International Politics. Reading. Addison-Wesley. 1979.
- ³⁰ *Badie B., Smouts M.-C.* Le retouement du monde. Sociologie la scene Internationale. Paris. 1992, p. 146.
- ³¹ *Merle M.* Sur la «problematique» de l'etude des relations Internationales en France. In: RFSP. 1983. №3.
- ³² *Тюлин И.Г.* Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1988, с.42.
- ³³ *Aron R* Memoires. 50 ans de reflexion politique. Paris, 1983, p.69.
- ³⁴ *Цыганков П.А.* Раймон Арон о политической науке и социологии международных отношений// Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке. Сб. М., 1992, с.154-155.
- ³⁵ *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. Avec une presentation inedite de Gautenr. Paris, 1984.
- ³⁶ *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations intemationales. Grenoble, 1977, p. 11-16.

Работы этого канадского ученого - ученика и последователя Р. Арона (под руководством которого он написал и защитил диссертацию, посвященную проблемам социологии международных отношений) - с полным основанием относится к французской школе, хотя он и является профессором университета Лавааль в Квебеке.

- ³⁷ *Borthoul G.* Paris. Traite de polemologie. Sociologie des querres. Paris.
- ³⁸ *Bouthovl G., Carrere R., Annequen J.-L.* Guerres et civilisation. Paris, 1980
- 43**
- ³⁹ Аналитические методы в исследовании международных отношений. Сборник научных трудов. Под ред. Тюлина И.Г., Кожемякова А.С. Хрусталева М.А. М., 1982.
- ⁴⁰ *Лукин В.П.* «Центры силы»: концепции и реальность. - М., 1983.
- ⁴¹ *Шахназаров Г.Х.* Изменение соотношения сил между социализмом и капитализмом и проблема мирного сосуществования // Великая победа советского народа. 1941-1945. М., 1975.
- ⁴² Современные буржуазные теории международных отношений. Под ред. Гантмана В.И. М., 1976.
- ⁴³ *Косолапов Р.И.* Общественная природа международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1979 №7; Подольский Н.В. Международные отношения и классовая борьба. М., 1982; Ленинская внешняя политика и развитие международных отношений. М., 1983.
- ⁴⁴ Ленин и диалектика современных международных отношений. Сборник научных трудов. Под ред. Ашина Г.К., Тюлина И.Г. М., 1982.
- ⁴⁵ *Бурлацкий Ф.М.,* Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974, с.235-236.
- ⁴⁶ *Вятр Е.* Социология политический отношений. М., 1970, с.11.
- ⁴⁷ *Ермоленко Д.В.* Социология и проблемы международных отношений (некоторые аспекты и проблемы социологических исследований международных отношений). М., 1977, с.9.
- ⁴⁸ *Хрусталева М.А.* Методологические проблемы моделирования международных отношений // Аналитические методы и методики в исследовании международных отношений. М., 1982.

⁴⁹ Поздняков Э.А., Шадрин И.Н. О гуманизации и демократизации международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. №4.

⁵⁰ Поздняков Э.А. Мы сами разорили свой дом, сами должны и поднять его// *Мировая экономика и международные отношения*. 1992. №3-4.

⁵¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с.146.

⁵² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с.6.

⁵³ Горбачев М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка. М., 1989, с.16.

⁵⁴ Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987,с.57-58.

Глава II МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСОБЫЙ РОД ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как известно, каждая ветвь социологической науки изучает ту или иную сферу общественной жизни, выступающую ее объектом. Для социологии труда, например, таким объектом являются многообразные взаимодействия людей, социальных общностей и коллективов в процессе производства материальных и духовных благ; для социологии досуга - отношения людей, связанные с удовлетворением потребностей в восстановлении и воспроизводстве своей рабочей силы, в отдыхе и развлечениях, в развитии их личностей; объектом политической социологии выступают государственные институты, отношения людей по поводу власти и т.д. Что же касается объекта социологии международных отношений, то его специфика определяется прежде всего взаимодействиями людей, социальных общностей и организаций, принадлежащих к различным национально-государственным образованиям. Выяснение этой специфики предполагает рассмотрение двух вопросов: во-первых, это вопрос о критериях и особенностях международных отношений, во-вторых, о соотношении внутриобщественных и международных отношений,

1. Понятие и критерии международных отношений

На первый взгляд, определение понятия «международные отношения» не представляет каких-то особых трудностей: это - «совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основными классами, основными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на мировой арене, то есть между народами в самом широком смысле этого слова»¹. Однако сразу же возникает целый ряд вопросов. Относятся ли, например, браки между людьми разных государств к сфере международных отношений? Относятся ли к ней туристические поездки и поездки по частным приглашениям граждан одной страны в другую? Вступает ли человек в международные отношения, покупая иностранный товар в магазине своей страны? Попытка ответить на подобные вопросы обнаруживает зыбкость, условность, а то и просто «неуловимость» границ между внутриобщественными

и международными отношениями. С другой стороны, в чем выражается специфика «совокупности связи и взаимоотношений между основными классами, действующими на международной арене», по сравнению с «организациями и движениями»? Что скрывается за терминами «социальные, экономические, политические силы»? Что такое «международная арена»? Все эти вопросы остаются как бы «за скобками» приведенного определения, которое к тому же явно страдает тавтологичностью.

Не много ясности вносит и попытка более строгого определения международных отношений как отношений «между государствами и негосударственными организациями, между партиями, компаниями, частными лицами разных государств...»². По сути, оно лишь более явно, чем предыдущее, сводит совокупность международных отношений к взаимодействию их участников. Главным недостатком подобных определений является то, что в конечном счете они неизбежно сводят все многообразие международных отношений к взаимодействию государств.

Попытка выйти за рамки межгосударственных взаимодействий содержится в определении международных отношений как «совокупности интеграционных связей, формирующих человеческое сообщество»³. Такое понимание международных отношений, оставляя открытым вопрос об их участниках (или авторах), позволяет избежать недостатка их сведения к межгосударственным отношениям. К его достоинствам может быть отнесено и то, что в нем выделена одна из основных тенденций в эволюции международных отношений. Однако, обладая указанными преимуществами перед приведенными ранее, данное определение имеет тот недостаток, что является слишком широким, стирает по существу границы между внутриобщественными и международными отношениями. Делая акцент не на участниках международных отношений, а на их взаимодействии друг с другом, оно по сути как бы «теряет» этих участников. Между тем без правильного понимания роли основных и второстепенных, закономерных и случайных участников международных отношений, так же как и без рассмотрения их иерархии или, иначе говоря, без выделения главных и неглавных участников выявить специфику международных отношений достаточно трудно.

Впрочем, предъявлять слишком большие претензии к определениям было бы неверно: ни одна дефиниция не в состоянии полностью раскрыть содержание определяемого объекта. Ее задача дать лишь первичное представление об этом объекте. Поэтому при анализе международных отношений исследователи стремятся не столько дать «исчерпывающее» определение, сколько выделить основные критерии, на основе которых можно было бы понять их сущность и специфику.

Чаще всего исходным пунктом поисков и одним из существенных элементов специфики международных отношений

многие исследователи делают именно выделение их участников. Так, например, с точки зрения известного французского социолога Р. Арона, «международные отношения - это отношения между политическими единицами, имея в виду, что данное понятие включает греческие полисы, римскую, или египетскую империи, как и европейские монархии, буржуазные республики, или народные демократии... Содержанием международных отношений являются, по преимуществу, отношения между государствами: так, бесспорным примером международных отношений являются межгосударственные договоры»⁴. В свою очередь, межгосударственные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей - дипломата и солдата. «Два и только два человека, - пишет Р.Арон, - действуют не просто в качестве членов, а в качестве представителей общностей, к которым они принадлежат: посол при исполнении своих функций представляет политическую единицу, от имени которой он выступает; солдат на поле боя представляет политическую единицу, от имени которой он убивает себе подобного» (там же). Иначе говоря, международные отношения в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны. Особенность международных отношений состоит в том, что они основаны на вероятностном характере того и другого и поэтому включают в себя значительный элемент риска.

В целях сделать свое понимание особенностей внешней политики и международных отношений более доступным; Р.Арон сравнивает их со спортом. При этом он подчеркивает, что, например, «по сравнению с футболом, внешняя политика является еще более неопределенной. Цель действующих лиц здесь не так проста, как забивание гола. Правила дипломатической игры не расписаны во всех деталях, и любой игрок нарушает их, когда находит в этом свою выгоду. Нет судьи, и даже когда некая совокупность действующих лиц претендует на судейство (ООН), национальные действующие лица не подчиняются решениям этого коллективного арбитра, степень беспристрастности которого оставляет повод для дискуссии. Если соперничество наций действительно напоминает какой-либо вид спорта, то таким видом слишком часто является борьба без правил - кэтч...» (см. прим.4, с.22). Поэтому, считает Р.Арон, международные отношения - это «предгражданское» или «естественное» состояние общества (в гоббсовском понимании - как «война всех против всех»). В сфере международных отношений господствует «плюрализм суверенитетов», поэтому здесь нет монополии на принуждение и насилие, и каждый участник международных отношений вынужден исходить в своем поведении во многом из непредсказуемого поведения других участников⁵.

Близкие мысли высказывают и многие другие исследователи, отмечающие, что международные отношения характеризуются отсутствием консенсуса между их участниками относительно общих ценностей, сколь-либо общепринятых социальных правил, гарантии

руемых юридическими или моральными нормами, отсутствием центральной власти, большой ролью стихийных процессов и субъективных факторов, значительным элементом риска и непредсказуемости.

Однако не все разделяют ту мысль Р. Арона, в соответствии с которой основное содержание международных отношений составляет взаимодействие между государствами. Так, по мнению американского исследователя Д. Капоразо, в настоящее время главными действующими лицами в международных отношениях становятся не государства, а классы, социально-экономические группы и политические силы⁶. Д. Сингер, представитель бихевиористской школы в исследовании международных отношений, предложил изучать поведение всех возможных участников международных отношений от индивида до глобального сообщества, - не заботясь об установлении приоритета относительно их роли на мировой арене⁷. Другой известный американский специалист в области международных отношений, Дж. Розенау, высказал мнение, что структурные изменения, которые произошли за последние десятилетия в мировой политике и стали основной причиной взаимозависимости народов и обществ, вызвали коренные трансформации в международных отношениях. Их главным действующим лицом становится уже не государство, а конкретные лица, вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле. И если для Р. Арона основное содержание международных отношений составляют взаимодействия между государствами, символизируемые в фигурах дипломата и солдата, то Дж. Розенау приходит фактически к противоположному выводу. По его мнению, результатом изменения в сфере международных отношений становится образование так называемого международного континуума, символическими субъектами которого выступают турист и террорист⁸.

В целом же в многообразии приведенных точек зрения просматриваются попытки либо объединить, либо отдать преимущество в исследовании международных отношений одному из двух критериев. В одном случае это специфика участников, в другом - особая природа международных отношений. Каждый из них, как мы уже убедились, может привести к неоднозначным выводам. Каждый имеет свои преимущества и свои недостатки.

В рамках одного подхода существует возможность свести международные отношения в конечном счете либо к взаимодействию между государствами, либо, напротив, к деятельности только негосударственных участников, что тоже неверно. Более подробно вопрос об участниках международных отношений будет рассмотрен в главе VIII. Здесь можно ограничиться лишь замечанием о том, что действительно имеющаяся и набирающая силу тенденция к расширению числа участников международных отношений за счет

негосударственных и частных субъектов диктует необходимость внимательного анализа их роли в изменениях, происходящих на мировой арене. В то же время такой анализ должен обязательно сопровождаться сопоставлением удельного веса, который имеют в международных отношениях все их участники, в том числе и такие «традиционные», как государства. Практика показывает, что они и сегодня в большинстве случаев остаются главными и решающими действующими лицами в международных отношениях, хотя абсолютизация их значения как единственных и самодовлеющих неправомерна.

Противоположные выводы, взаимоисключающие крайности допускает и второй подход. Так, понимание природы международных отношений только как «естественного», «предгражданского» состояния не учитывает тенденции к их социализации, игнорирует нарастающие свидетельства преодоления такого состояния и становления нового мирового порядка (эта тема будет рассмотрена в специально посвященной ей XIII главе). С другой стороны, если исходить только из указанной тенденции, то тоже можно прийти к ошибочному выводу, не учитывающему, что, несмотря на возрастающую целостность и взаимозависимость мира, на усиливающиеся процессы международной интеграции и сотрудничества различных государств и народов в экономической, политической, социальной и других областях, международные отношения и сегодня во многом остаются сферой несовпадающих интересов, соперничества и даже противоборства и насилия. Это уже не «джунгли», не «война всех против всех», но и не единое сообщество, живущее по единым законам и в соответствии с общими, разделяемыми всеми его членами, ценностями и нормами. Это, скорее, переходное состояние, когда усиливающаяся тенденция к становлению мирового сообщества не стала необратимой, когда элементы регулирования и «плюрализм суверенитетов», расширение сотрудничества на основе взаимных интересов и совершенствование средств насилия сосуществуют, то взаимно уравниваясь, то вновь вступая в противоборство.

Все это говорит о том, что вышеуказанных критериев недостаточно для определения специфики международных отношений, что они должны быть если не заменены, то дополнены еще одним. Известный французский исследователь М. Мерль, предложивший такой критерий, назвал его «критерием локализации». В соответствии с ним, специфика международных отношений

*При этом термин «переходность» в данном случае отнюдь не означает, что речь идет о некоей линейной тенденции, результат которой известен заранее. В действительности, данной сфере общественных отношений, даже больше чем другим, свойственны элементы непредсказуемости, незаданности, неоднозначности и неожиданности.

определяется как «совокупность соглашений или потоков, которые пересекают границы, или же имеют тенденцию к пересечению границ»⁹. Исхода из факта разделения мира на государства, сохраняющие суверенитет над своими территориальными границами, такое понимание позволяет как учитывать особенности каждого этапа в развитии международных отношений, так и не сводить их к межгосударственным взаимодействиям. В него вполне вписываются и самые различные классификации международных отношений. Обобщая высказанные в этом отношении в научной литературе позиции, можно говорить о различных типах, видах, уровнях и состояниях международных отношений.

Так, до недавнего времени в отечественной и восточно-европейской научной литературе международные отношения подразделялись, на основе классового критерия, на отношения господства и подчинения, отношения сотрудничества и взаимопомощи и переходные (см., например, прим. 11). Соответственно, к первым относили отношения феодального и капиталистического типа, ко вторым отношения между социалистическими странами, к третьим отношения между развивающимися государствами, освободившимися от колониальной зависимости.

Поскольку наблюдаемая в действительности картина не укладывалась в такую достаточно искусственную схему, постольку некоторые авторы пытались усложнить саму схему, не выходя однако за рамки классового подхода. Так Ю. Кукулка выделял три типа однородных и три типа переходных международных отношений (см. прим. 10, с.85-86). Реальная международная жизнь и прежде не вписывалась в подобную типологию, которая игнорировала наличие серьезных противоречий и даже вооруженных конфликтов между социалистическими странами, так же как и существование отношений подлинного сотрудничества (хотя и не исключаящего противоречий) между капиталистическими государствами. Изменения же, которые произошли в Восточной Европе в начале 90-х годов и которые привели к исчезновению мировой социалистической системы, заставили большинство специалистов полностью отказаться от классового и перейти к «общецивилизационному» критерию в классификации международных отношений. В соответствии с последним в отечественной литературе была сделана попытка выделить два типа международных отношений - отношения, основанные на балансе сил, с одной стороны, и на балансе интересов, с другой ¹². Впрочем, эта попытка, отражавшая увлеченность части отечественных авторов «новым политическим мышлением», фактически не оставила в науке сколь-либо существенного следа и не возобновлялась после его поражения.

Виды международных отношений рассматриваются либо на основе сфер общественной жизни (и, соответственно, содержания отношений) - экономические, политические, военно-стратегические,

культурные, идеологические и т.п., - либо на основе взаимодействующих участников - межгосударственные отношения, межпартийные отношения, отношения между различными международными организациями, транснациональными корпорациями и т.п.

В зависимости от степени развития и интенсивности тех или иных видов международных отношений выделяют их различные (высокий, низкий, или средний) уровни. Однако более плодотворным представляется определение уровней международных отношений на основе геополитического критерия: с этой точки зрения выделяются глобальный (или общепланетарный), региональные (европейский, азиатский и т.п.), субрегиональные (например, страны Карибского бассейна) уровни международного взаимодействия.

Наконец, с точки зрения степени напряженности, можно говорить о различных состояниях международных отношений: это, например, состояния стабильности и нестабильности, доверия и вражды, сотрудничества и конфликта, мира и войны и т.п.

В свою очередь, вся совокупность известных науке различных типов, видов, уровней и состояний международных отношений представляет собой особый род общественных отношений, отличающихся своими особенностями от другого их рода - общественных отношений, свойственных той или иной социальной общности, выступающей участником международных отношений. В этой связи международные отношения можно определить как особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных взаимодействий территориальных образований. В свою очередь, такое определение требует рассмотрения вопроса о взаимодействии международных и внутриобщественных отношений.

2. Международные и внутриобщественные отношения

Проблема взаимодействия и взаимовлияния международных и внутриобщественных отношений в той или иной форме затрагивается практически всеми специалистами, рассматривающими происхождение и сущность политики. Без ее осознания невозможно сколь-либо глубокое понимание особенностей и специфики международных отношений, смены их состояний и взаимодействия уровней. Значение данной проблемы столь велико, что некоторые авторы считают ее основным вопросом международнополитической теории, полагая, что именно в зависимости от ответа на него формируются различные школы и течения в области теории международной политики и международных отношений, определяются и трактуются ее важнейшие категории и закономерности¹³. Хотя здесь есть, по-видимому, определенная натяжка, связанная с утверждением об «обязательности» подобного вопроса для любой науки, а также с достаточно механическим перенесением самой постановки проблемы из области философии в другую, достаточно

специфическую, область (кстати, проблема основного вопроса характерна в столь жесткой постановке лишь для марксистской философии и даже в ее рамках она далеко не всегда и не всеми решается однозначно), - значение указанной проблемы действительно трудно переоценить. Это и в самом деле очень давняя, очень важная и очень сложная проблема, которая трактовалась и продолжает трактоваться неодинаково различными исследователями, научными школами и теоретическими направлениями.

Несколько упрощая, можно сказать, что существуют три основных трактовки проблемы взаимовлияния международных и внутриобщественных отношений. Исторически более ранняя из них склонна во взаимодействии международных и внутриобщественных отношений отдавать приоритет международным отношениям и международной политике. Так, австрийский социолог XIX в. Л. Гумплович утверждал, что внутреннее развитие государства и его истории целиком определяется развитием внешних сил и играет служебную роль по отношению к ним (см. об этом: прим.1, с.78-80). Близкие позиции были характерны для сторонников географического детерминизма и отчасти для теоретиков геополитического течения. В наши дни к указанной трактовке примыкают и многообразные концепции «зависимости» и «тьер-мондизма» (от фр. - третий мир). Первая акцентирует внимание на экономических факторах, отсталости стран «третьего мира», вторая касается более широкого круга проблем, связанных со слаборазвитостью этих стран. В обоих случаях все прошлые недостатки в развитии «третьего мира» объясняются колониализмом, а ответственность за нынешнее состояние его развития, за его проблемы и трудности возлагается на капиталистические государства.

Вторая трактовка связана с выведением внешней политики из внутренней и, соответственно, с рассмотрением международных отношений как простого продолжения внутриобщественных отношений, детерминированных в конечном итоге господствующим экономическим базисом и интересами правящих классов. Характерная до ортодоксального марксизма, эта позиция была доминирующей в отечественной литературе вплоть до середины 80-х годов. В некоторых работах отечественных -авторов она встречалась и позднее. Ссылаясь на К. Маркса, который настаивал на «вторичном» и «третичном», «перенесенном» характере международных отношений¹⁴, эти авторы определяли международные отношения как «продолжена в условиях межнационального общения тех общественных отношений, которые уже существуют на национальной основе»¹⁵. Из высказывания В.И.Ленина о неправомерности выделения внешней политики из политики вообще, а тем более - противопоставления внешней политики политике внутренней¹⁶ делался вывод о необходимости выводить внешнюю политику, типы, уровни и состоянии

международных отношений из типов и состояний внутриобщественных отношений.

Наконец, третья трактовка рассматриваемой проблемы исходит фактически из равноправности внутриобщественных и международных отношений, аргументируя это тем, что в основе тех и других лежат одни и те же законы социального бытия. Ее теоретической основой стала концепция взаимозависимости, с точки зрения которой важнейшие проблемы внутриобщественных отношений приобретают как внутренние, так и внешние аспекты и измерения. Иначе говоря, в применении к государству и его политике речь идет о «тесной взаимосвязи и взаимодействии внутренних и внешних факторов развития государства. Воздействие тех и других на формирование и внутренней, и внешней политики, его степень зависят в каждом отдельном случае не от априорно признаваемого приоритета одной группы факторов над другой, а от конкретно-исторических обстоятельств. В зависимости от них, приоритет может быть как за одной, так и за другой группой факторов. Сходные взгляды высказывались сторонниками вероятностной интерпретации в американской науке о международных отношениях, представители которой предпринимают попытки изучения конкретно-исторических проявлений взаимодействия и взаимовлияния внутриобщественных и международных отношений на основе методики, разработанной Дж.Н. Розенау. Суть этой методики заключается в том, чтобы определить внутренние и внешние факторы, воздействующие на международную политику, затем выявить имеющиеся между ними корреляции, на основе которых можно было бы дать объяснение настоящего и прогноз будущего международных отношений¹⁸. Оценивая эту методику, М. Мерль замечает, что теоретически она неязвима, однако на практике встречает столько труднопреодолимых препятствий (среди которых, например, трудности получения достоверных и поддающихся исчислению данных достаточного количества стран, огромное количество параметров, которые необходимо принимать во внимание и т.п.), что не может не привести к разочаровывающим результатам¹⁹.

Таким образом, приведенные трактовки проблемы взаимодействия и взаимовлияния международных и внутриобщественных отношений свидетельствуют не только о ее значении для понимания содержания и особенностей международных отношений, но и о сложности этой проблемы, не поддающейся однозначному решению. Действительно, международная жизнь, внешние факторы оказывают огромное влияние на внутриобщественные отношения любой страны. В наши дни такое влияние неизмеримо усиливается с обострением проблем отсталости, экологии, сырьевых и энергетических ресурсов, развитием средств массовой информации и коммуникации, нарушением социального равновесия в различных регионах мира и т.п. В этой связи в мировой науке предпринимаются

попытки систематизации и построения типологии внешних факторов, влияющих на внутриобщественные отношения.

Так, американский ученый П. Гуревич называет четыре типа таких факторов: военная интервенция, вмешательство (meddling), международная экономика и международная система государств²⁰. Данная типология, ограниченная лишь политическими и экономическими факторами, не охватывает всего многообразия внешних воздействий на внутриобщественные отношения, но важно то, что она акцентирует внимание на значении самой этой проблемы, которая на наших глазах приобретает качественно новое измерение. Возьмем, например, проблему массовых миграций. Сегодня уже до 10% жителей индустриально развитых стран Европы родились за границей. В США существуют целые регионы, население которых говорит на испанском языке, причем оно постоянно пополняется за счет иммигрантов из соседних стран. В Израиле на бытовом уровне все большее значение наряду с ивритом получает русский язык, и поток иммигрантов из бывшего Советского Союза продолжает оставаться достаточно значительным. Все это, разумеется, не может не иметь существенных социальных, политических, экономических и культурных последствий для развития указанных стран. Наконец, в России сегодня, согласно различным данным, насчитывается не менее двух миллионов беженцев из стран ближнего зарубежья, а прогнозируемая рядом экспертов вероятность обвального увеличения их числа в ближайшем будущем грозит дестабилизацией и без того достаточно шаткой социально-политической ситуации в стране. В этой связи становятся вполне понятными озабоченность данной проблемой российского политического руководства и широкой общественности страны.

В результате расправы режима Саддама Хусейна с восстанием курдского населения, вспыхнувшим после военного поражения в ходе войны в зоне Персидского залива в 1991 году, возникла исключительно острая проблема курдских беженцев. Более миллиона курдов пересекли турецкую границу, несколько меньшая часть перешла в Иран, значительные массы скопились в северной части Ирака. Огромные лишения этих людей, среда которых было множество стариков, женщин и детей, гибнущих от голода и холода, угрозы социальной дестабилизации затронутых указанным явлением стран (особенно Турции) повлекли за собой беспрецедентные в истории международных отношений шаги со стороны стран - участниц антииракской коалиции. Помимо гуманитарной помощи беженцам, США, Англия и Франция, не дожидаясь резолюции ООН, приняли решение о направлении своих войск в северные районы Ирака с целью создания анклава для курдских беженцев и защиты их от возможной мести со стороны иракского режима. В самих этих странах, в том числе и на официальном уровне, появились высказывания, требующие суда над президентом Ирака за его

военные и экологические преступления в Кувейте и политику геноцида против курдского населения.

Можно привести множество других примеров, свидетельствующих о том огромном влиянии, которое международные отношения оказывают на внутреннюю жизнь тех или иных стран. Более того, иногда такое влияние может стать решающим: в истории нередки случаи, когда политические режимы отдельных стран самим своим существованием обязаны «внешнему фактору»; происхождение территориальных границ не только бывших колониальных, но и многих европейских государств также связано в конечном счете с состоянием и типами международных отношений в соответствующую эпоху.

И тем не менее делать на этом основании вывод об однозначном приоритете международных отношений над внутриобщественными неправомерно. Действительно, существует множество проявлений внутриобщественных отношений и внутренней политики того или иного государства, которые не имеют никакого «выхода» в международные отношения. В то же время не существует какого-либо аспекта международных отношений и внешней политики, который не был бы так или иначе связан с внутриобщественными отношениями, не затрагивал бы внутреннюю политику того или иного государства²¹. Так, например, сроки осуждения за то или иное преступление, предусмотренные уголовным законодательством какой-либо страны, возрастной ценз участия в полосовании, или обычаи свадебного обряда никак не влияют на международные отношения. Напротив, если государство ведет войну или, наоборот, проводит политику широкого международного сотрудничества, это не может не отражаться на социальном и экономическом положении его граждан. Заключаемые им внешнеполитические союзы и договоры могут встречать как одобрение, так и сопротивление внутри страны, повлечь за собой серьезные социальные и политические последствия. В этом отношении можно напомнить пример внешней политики американского президента Вудро Вильсона. Порвав с изоляционистской доктриной Монро во имя «новой дипломатии», он одержал ряд блестящих побед в международных отношениях. При его решающем участии была учреждена Лига Наций, разработана и принята ее Устав. Однако внешнеполитическая деятельность В. Вильсона оказалась в противоречии с тем, что само американское общество еще не было готово отказаться от своей изоляционистской традиции. В таких условиях Сенат Соединенных Штатов фактически отвергает пакт о Сообществе наций (который не набрал необходимых 2/3 голосов), Демократическая партия терпит сокрушительное поражение на выборах, а сменивший В. Вильсона на посту президента республиканец У. Гардинг возвращается к традиционной изоляционистской внешней политике

Таким образом, однозначного решения проблемы взаимовлияния и взаимодействия международных и внутриобщественных отношений с позиции первичности» или 'вторичности» той или другой стороны этого взаимодействия не существует. Однако означает ли сказанное, что безусловно правы сторонники «факторного подхода»? Преимущество такого подхода в том, что он указывает на единую основу международных и внутриобщественных отношений, на их неразрывную взаимосвязь. Вместе с тем при игнорировании других подходов он содержит в себе риск полного отрицания границ и различий между внутриобщественными а международными отношениями, что было бы явным упрощением. Различие между ними все же существует: об этом говорит и рассмотренная выше специфика международных отношений, и неизбежное наличие определенных напряженностей, несовпадений, даже борьбы между внутренней и внешней политикой государства, хотя их проявления и результаты во многом зависят от господствующего в нем режима.

Как видим, все рассмотренные подходы к проблеме взаимосвязи международных и внутриобщественных отношений имеют свои преимущества и свои недостатки. Ни один из них сам по себе не дает полного знания, ни один не может служить единственно верным методом анализа международных отношений. И в этом нет ничего удивительного: действительность, социально-политическая практика богаче любого, тем более одностороннего, подхода к ее исследованию.

Одной из наиболее характерных черт общественного развития становится нарастающее взаимопроникновение, переплетение международных и внутриобщественных отношений при сохранении отпеченных выше различий между ними. Под влиянием глобальных изменений во всех сферах общественной жизни все заметнее отступает господствующий в международных отношениях с XVI века священный принцип политического суверенитета и неприкосновенности государственных границ, все более настойчиво заявляют о себе интеграционные процессы. Означает ли это упадок рожа государств как участников международных отношений, сужение поля их деятельности в сфере международных отношений? Наблюдаемые в данной сфере процессы пока не дают основания для такого вывода. Они требуют тщательного, углубленного анализа.

Задачам такого анализа и призвана отвечать социология международных отношений. Ее объектом являются международные отношения как особый род общественных отношений, изменения происходящие в них, особенности их функционирования и эволюции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Иноземцев Н.Н.*, Ленинский курс международной политики КПСС. М., 1978, с.11.
- ² Курс международного права, т.1. Понятие, предмет и система международного права. М., 1989.
- ³ *Шахназаров Г.Х.* Грядущий миропорядок. М., 1981, с.19.
- ⁴ *Azon R.* Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1984, p. 17.
- ⁵ *Aron R.* Une Sociologie des relations intemationales// Revue firancaise de sociologie. 1963. Vol. IV. №3,р.308,321.
- ⁶ *Caporaso J.* Dependence, Dependecy and Power in the Global System: A Structural and Behavioral Analisis// International Organization. 1979. Mi 10.
- ⁷ *Synger D.* (ed). Quantitative Intematianan Politics: Insights and Evidence. N.Y., 1978.
- ⁸ *Rosenau J.X.* Le touriste et le terroriste on les deux extremes du continuntinternational// Etudes intemationales. 1979. Juin, p. 220.
- ⁹ *Merle M.* Sociologie des relations intemationales. Paris, 1974, p. 137,
- ¹⁰ *Кужулка Ю.* Проблемы теории международных отношений. М., 1980, с.82-98.
- ¹¹ Социализм и международные отношения. М., 1975, с. 16.
- ¹² *Гладков П.В.* Международное общество: утопия или реальная перспектива//мировая экономика и международные отношения. 1989. №6, с .61
- ¹³ *Мурадян А.А.* Самая благородная наука. Об основных понятиях международно-политической теории. М., 1990, с.10.
- ¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е т. 12, с.735.
- ¹⁵ *Косолапов Р.И.* Общественная природа международных отношений// Мировая экономика и международные отношения. 1979. №7, с.61.
- ¹⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. т.30, с.93.
- ¹⁷ *Поздняков Э.А.* Внешняя и внутренняя политика. Парадоксы взаимосвязи// Мировая экономика и международные отношения, 1989. №10, с.49.
- ¹⁸ *Rosenau J.N.* The Scientific Study of Foreign Policy. L, 1978.
- ¹⁹ *Merle M.* La politique etrangere// Traite de science politique, Vo1.2. Paris, 1985.
- ²⁰ *Zolberg A.K.* Г'mfluence des faceures» sur l'ordre politique interne// Traite de science politique, Vol. 2. Paris, 19S5.
- ²¹ *Duroselle J.-B.* Tout empire peril®. Une vision theorique des relations intemationales.. Paris, 1982, p,42-45.

Глава III ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Иногда приходится встречаться с мнением, согласно которому разграничение предмета и объекта науки не имеет существенного значения для осознания ее понимания и особенностей, более того, что такое разграничение носит схоластический характер и способно лишь отвлечь от действительно важных теоретических проблем, Думается, указанное разграничение все же необходимо.

Объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, отличается от изучающих ее различные стороны научных дисциплин, которые, во-первых, отражают и описывают ее всегда с некоторым «запозданием», а во-вторых, - с определенным «искажением» существа происходящих в ней процессов и явлений, Человеческое познание дает, как известно, лишь условную, приблизительную картину мира, никогда не достигая абсолютного знания о нем. Кроме того, всякая наука, так или иначе, выстраивает собственную логику, подчиняющуюся внутренним закономерностям своего развития и не совпадающую с логикой развития изучаемой ею реальности. Во всякой науке в той или иной мере неизбежно «присутствует» человек, привносящий в нее определенный элемент «субъективности». Ведь если сама действительность, выступающая объектом науки, существует вне и независимо от сознания познающего ее субъекта, то становление и развитие этой науки, ее предмет определяются именно общественным субъектом познания выделяющим на основе определенных потребностей ту или иную сторону в познавательном объекте и изучающим ее соответствующими методами и средствами. Объект существует до предмета и может изучаться самыми различными научными дисциплинами¹.

Как отмечалось выше, международные отношения и происходящие в них изменения издавна служили общим объектом целого ряда научных дисциплин, изучающих его различные стороны и аспекты, - это история дипломатии, и мировая экономика, и международное право, и т.п. Каждая из них имеет свои особенности, свои специфические цели и задачи. Имеет такие особенности I социология международных отношений. При этом выяснение указанных особенностей, или, иначе говоря, специфики научной дисциплины, ее предмета, предполагает выяснение ее соотношения с другими дисциплинами, исследующими тот же объект, и, прежде всего, с наиболее близкими ей по своему содержанию и методам

Кроме того, определение предмета научной дисциплины предполагает рассмотрение ее места в общей системе знаний, элементом которой она выступает. Наиболее близкими к социологии международных отношений являются такие дисциплины, как политология и теория международных отношений. А сама она, «по определению», входит в качестве компонента в общесоциологическую науку, выступающую по отношению к ней как метатеория.

Прежде чем остановиться на этих вопросах более подробно, необходимо сделать два замечания.

Во-первых, было бы неверно абсолютизировать значение определения предмета науки. В этом отношении можно сослаться на то, что и столь древние отрасли знания, какими являются, например, математика, или география, и более «молодые», как социология, или политология, до сих пор вряд ли можно дефинировать окончательно и однозначно удовлетворительным образом. Это тем более верно, что предмет любой науки претерпевает изменения: меняется как сам ее объект, так и наши знания о нем. Вместе с тем указанное обстоятельство не отменяет необходимости обозначить круг тех проблем, которые составляют предметную область данной научной дисциплины. Такая потребность особенно актуальна, когда речь идет о молодой научной дисциплине, появляющаяся в процессе дифференциации научного знания и сохраняющей в ходе своего становления тесные связи с родственными ей дисциплинами.

Во-вторых, отечественная наука о международных отношениях по известным причинам достаточно длительное время пренебрегала мировыми достижениями в данной области. Такие достижения рассматривались чаще всего как неудачные (или, в лучшем случае, как представляющие лишь частный интерес в некоторых своих положениях) попытки на фоне «единственно научной и единственно правильной» марксистско-ленинской теории международных отношений. В самой же марксистско-ленинской теории международных отношений особое значение придавалось двум, рассматриваемым как «незыблемые», краеугольным положениям: а) рассмотрению международных отношений как «вторичных» и «третичных» - то есть как продолжающих и отражающих внутриобщественные отношения и экономический базис общества; б) утверждению о том, что суть международных отношений, их «ядро» составляют классовые отношения (классовое противоборство), к которым в конечном итоге и сводится все их многообразие. Изменившаяся обстановка в полной мере показала ограниченность подобного подхода и выявила настоятельную потребность интеграции отечественных исследований в области международных отношений в мировую науку, использования ее достижений и осмысления меняющихся реалии международной жизни на рубеже третьего тысячелетия.

1. Социология международных отношений и политология

В мировой науке исследования теоретических проблем международных отношений наиболее тесно соприкасаются с политической наукой (политологией). Разумеется, многообразие сфер взаимодействия государств и других участников международных отношений, множественность типов, видов, форм, уровней, измерений международных отношений говорит о такой сложности объекта науки, которая может быть исследована сколь-либо удовлетворительным образом лишь в сотрудничестве философов и историков, правоведов и экономистов, психологов и географов и т.д. В свою очередь, такой подход вызывает еще большую потребность в обобщении, синтезировании результатов всех этих дисциплин, ни одна из которых сама по себе не способна к полному охвату предмета и сферы международных отношений. Политическая наука имеет в этом отношении некоторые преимущества.

В основе политической науки - вопросы, связанные с «технологией» достижения, организации и осуществления политической власти. Речь идет прежде всего - но не только - о государственной власти. Внимание политической науки сосредоточивается, главным образом, на том, что характеризует власть как средство организаций и тем самым - выживания любой социальной общности, независимо от того, производится она государственными или общественными институтами, опирается на обычаи, воплощается в конкретном человеке или сочетается в себе и то, и другое, и третье. Наряду с этим политическая наука изучает политическое поведение, его объекты и субъекты, преследуемые последними цели и используемые ими средства, типы политических режимов, механизмы принятия политических решений и проведения их в жизнь, политическую культуру и политическое сознание, место и роль средств массовой информации в политическом процессе и т.п.

Понятно, что наука, занимающаяся подобными проблемами, не только имеет самое непосредственное касательство к исследованию международных отношений, но и с необходимостью носит характер полидисциплинарности, используя достижения и методы как гуманитарных, так и естественных, как фундаментальных, так и прикладных отраслей знания. Это, во-первых.

Во-вторых, преимущество политической науки состоит в ее способности исследовать взаимодействия в самых различных сферах общественной жизни - в области экономики и финансов, науки и

*В данном случае не ставится задача выяснения общего и особенного в соотношении понятий «политическая наука», «политология», «политическая социология». Не вдаваясь в имеющиеся по этому поводу дискуссии, автор рассматривает указанные понятия как однопорядковые, с точки зрения их взаимодействия с социологией международных отношений.

техники, культуры и туризма и т.д.: как отмечает известный французский политолог М. Дюверже, властные отношения не ограничены политической сферой, а как бы «разлиты» во всех общественных структурах². Это утверждение вполне верно и: для международных отношений.

В-третьих, политология призвана специально заниматься внешней политикой и международными отношениями - и опять-таки не с точки зрения того или иного (например, правового или исторического) аспекта, а в более широком плане, отражающем их единство и сущностные черты. Политологи-международники, составляя значительную часть представителей мировой политической науки, добились достаточно весомых результатов в исследовании новых тенденций и закономерностей в эволюции международных отношений.

Все отмеченные аспекты политической науки самым непосредственным образом пересекаются с предметной областью социологии международных отношений. Сходство обеих дисциплин явно просматривается и с точки зрения используемых ими методов. В данной связи важно отметить следующее. Во-первых, вопреки высказываемым иногда мнениям, ни та, ни другая да них не выработали пока собственного метода, отличного от методов других наук (истории и права, статистики и психологии и т.д.), которые они используют в исследовании своего предмета. Во-вторых, как мы уже имели возможность убедиться, в послевоенные годы под влиянием американских исследований в политической науке наметался, с сохранением классической парадигмы, связанной во многом с историческим подходом (Р. Нибур, Г. Моргентау, И. Клоуд, А. Уолц, Д. Кеннан, Г. Киссинджер и др.), переход к новаторскому течению, которое широко использует такие методы, опробированные в других науках, как стохастический анализ, теории игр, квантификация, экстенсивное и интенсивное наблюдение, сбор, систематизация и обработка эмпирических данных и т.п. (К. Райт, Р.С. Йордан, Д. Кокс, Д. Сингер и др.). Более подробно проблема методов будет рассмотрена ниже. Здесь же важно отметить то, что указанный переход не только вызвал к жизни модернистское направление в политической науке, в том числе и в ее международном аспекте, представленное, например, бихевиоризмом, структурно-функциональным и системным анализом и т.п. Тот факт, что используемые «модернистами» методы носят по преимуществу социологический характер (хотя они и варьируются в зависимости от цели и характера исследования), придал новое - социологическое - качество и самой политической науке, дал основания говорить о ней как о политической социологии.

Действительно, объектом социологии выступает, по общему признанию, вся совокупность связей и отношений, которые носят название социальных (см. прим.1, с.24-25). Эти связи и отношения, в

основе которых отношения людей друг к другу и обществу, составляют неотъемлемое свойство любой сферы человеческой деятельности, в том числе и политической. Именно подход к ней с точки зрения «социального», как и методы ее исследования, дают основание говорить о политической социологии. Можно сказать и так: в основе социологии - исследование социальных и общественной (социетальной) систем. Политические системы - основной объект политологии - с этой точки зрения имеют несомненное сходство с другими социальными системами; это касается и системы международных отношений. Здесь различия касаются не столько природы, сколько масштабов социальных отношений. Не случайно поэтому многие авторы не делают различий между политической наукой, политологией и политической социологией (Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, М. Дюверже, М. Крозье, Г. Лассуэл и др.). Попытка их «разведения», предпринятая Р. Бендиксом и С.М. Липсетом, далеко не всеми признается достаточно убедительной³.

И все же подход политологии к международным отношениям обнаруживает свою ограниченность. Оставаясь в рамках политической науки, исследователь по ряду причин не в состоянии решить некоторые важные задачи, которые ставит перед ним современная практика международных отношений. Это объясняется особенностями самого предмета политической науки.

Во-первых, политология имеет дело в основном с политической сферой и политическими отношениями. События, происходящие в других сферах жизни общества, могут принять значение политических лишь в зависимости от условий и контекста, в которых они происходят. Это относится и к сфере международных отношений. Ее отличие заключается в том, что здесь большинство событий, явлений и процессов принимают политическое измерение. Однако и в данной сфере существуют феномены, которые либо выходят за рамки такого измерения, либо просто носят неполитический характер. Таковы, например, ряд международных неправительственных организаций, «внутренние» аспекты функционирования и взаимодействия тех или иных международных структур, международное общественное мнение, экономические и культурные обмены, новые явления в области мировых религий и т.п. Изучение подобных феноменов требует более широкого подхода, учитывающего их социальное содержание, его влияние на изменение характера и природы международных отношений, и составляет одно из отличий социологии международных отношений от политической теории.

Во-вторых, на политологию накладывает определенные ограничения и то обстоятельство, что, хотя она и рассматривает международные отношения - в отличие, например, от международного права, - в их целостности, она изучает их, главным образом, в одном аспекте - в аспекте внешней политики. Иначе говоря, политическую науку международные отношения интересуют, прежде

всего, как среда и результат внешнеполитической деятельности различных государств. Что же касается социологии международных отношений, то она стремится охватить всю совокупность участников международных отношений, что отвечает необходимости и делает возможным исследование этих отношений в их единстве (глобальный подход) и целостности (системный подход).

В-третьих, если согласиться с тем, что «основной вопрос» международно-политической теории - это проблема взаимосвязи и взаимовлияния внутриобщественных и международных отношений, а более узко - внутренней и внешней политики⁴, то следует признать, что в рамках политологии в этом вопросе чаще всего господствуют несколько упрощенные представления. Так, один из видных американских ученых, основатель системного подхода в политической науке, Д. Истон, рассматривает международный уровень политических отношений лишь как аспект среда политической системы⁵. В свою очередь, да Г. Моргентау международные отношения, как правило, целиком определяются внутренними аспектами политики государств, взаимодействующих на мировой арене⁶, Французский исследователь А. Зольберг подчеркивает, что в политической науке работы «интернистов» - специалистов в области внутриполитических вопросов функционирования общества - и «экстернистов», рассматривающих его внешнеполитические аспекты, существуют как бы параллельно и мало соприкасаются друг с другом⁷. Исключения не составляет и такой раздел политологии, как компаративистика (сравнительные исследования), ибо она чаще всего понимается как изучение «политического» у «других». В целом же, компаративизм исходит из взаимодействия политических субъектов, рассматриваемых как самодостаточные и обусловленные в своем поведении эндогенной (внутренней) динамикой. Социология международных отношений призвана раздвинуть рамки рассмотрения указанного вопроса, обеспечить всестороннее исследование взаимодействия и взаимовлияния внутриобщественных и международных процессов.

Наконец, в-четвертых, исследование международных составляет лишь часть предметного поля политической науки - причем, не самую значительную. Поэтому она и не ставит перед задачей сущностного анализа специфики этих отношений, которая отнюдь не сводится к их «вторичному» и «третичному» -характеру, так же как и специфика внешней политики не может быть представлена как простое продолжение внутренней. Напротив, социологию международных отношений интересуют, наряду с другими проблемами, именно особая природа отношений по сравнению со всеми другими общественными отношениями, их нередуцируемый характер, который состоит в постоянном присутствии относительно высокой степени непредсказуемости, а, следовательно, и риска. Как подчеркивал Ж.-Б. Люрозель. между

народные отношения невозможно понять без учета бесконечного варьирования сочетаний между иерархическим и рисковым⁸.

Вышесказанное можно резюмировать, опираясь на вывод Дж.Розенау о существовании двух подходов к исследованию международных отношений. Один из них связан с изучением внешней политики суверенных национальных государств и влияния их взаимодействия на международные отношения. В рамках другого анализируются условия, влияющие на состояние системы международных отношений, как производные от ее способности гармонизировать составляющие ее элементы⁹. Отметим, что первый отражает специфику политической науки, второй - социологии международных отношений (причем нации-государства рассматриваются здесь как лишь один из участников международных отношений). Приведем и слова Дж. Розенау о том, что современный исследователь международных отношений должен быть разносторонним социологом, обладающим широким кругозором (см. прим.9, с.77).

2. Соотношение социологии международных отношений и социологической науки в целом

Прежде всего, следует отметить, что примерно до середины 60-х годов социология, за небольшими исключениями, не уделяла сколько-либо серьезного внимания международному аспекту. Более того, можно сказать, что такая практика во многом характерна и для наших дней. Рассматривая государство как один из социальных институтов, анализируя систему структурных элементов основных институтов общества¹⁰, исследуя понятия суверенности, нации, патриотизма¹¹, социологи, как правило, не выходят на изучение таких проблем, как отношения между государствами, анализ суверенитета и патриотизма в международном измерении и т.п. Даже тогда, когда речь идет о так называемом «эмергентном обществе» понятии, относящемся к «социологии третьего мира и отражающем переживаемое состояние напряженности между внутренним и внешним»¹², о конфликтах, иерархии систем, смене парадигм в развитии общества¹³, или же о мировом развитии как социальном изменении о социологии модернизации¹⁴, - картина остается по существу все той же.

Причины такого положения заключаются, по мнению Р.Энджелла, во-первых, в долговременном преобладании эмпиризма в социологической науке, ее ориентации на исследование так называемых социальных фактов, что было неосуществимо вне национально-государственных рамок. Во-вторых, эти же рамки определяли и анализ «внутренних» социальных систем, детерминированность которых механизмами именно национально-государственного характера просматривается достаточно четко¹⁵. С позиций подобного подхода к социологии сложность функционирования

международных отношений оставляла мало надежды на нахождение устойчивых тенденций и закономерностей, на формулирование достаточно операциональных обобщений.

Положение начинает меняться по мере того, как исследования международных отношений второй половины XX века приводят к выводу, что международные отношения не сводятся к взаимодействию государств и межгосударственных организаций. Параллельно в таких исследованиях все в большей мере используются теоретические и эмпирические методы социологической науки, а также создаются специальные методики анализа международных феноменов, ситуаций и процессов. С другой стороны, изменения происходят и в предмете самой социологии, которая предстает сегодня как наука о социальных общностях - многообразных разновидностях взаимодействующих социальных образований, члены которых связаны совместным интересом, - а также о социальных организациях и социальных процессах как модусах их существования¹⁶.

Переход от трактовки международных отношений как государственных к их пониманию как взаимодействия гораздо более широкого круга участников, которые могут рассматриваться как субъекты и объекты международных отношений, и означал по существу один из решающих шагов к формированию социологии международных отношений. В отличие от государств как субъектов международной политики в правовой науке, межгосударственных событий как основного объекта истории дипломатии, социологию международных отношений интересуют не только государства, но любые социальные общности, взаимодействующие на мировой арене. Как социологическая дисциплина она исходит прежде всего из макросоциологической парадигмы: рассмотрения общества в его целостности, выделения главных аспектов предметной области - социальной структуры, социальных институтов, социальных процессов и изменений, социальных систем, а также социальных взаимодействий и взаимосвязей. Вместе с тем ей нисколько не чужда и микросоциологическая парадигма: именно на ней основаны исследования американских «модернистов» и их европейских последователей, некоторые из которых обосновывают свое понимание социологии международных отношений как вида поведенческой либо событийной социологии¹⁷. Такая дихотомия парадигм отражает положение, издавна существующее в социологической науке в целом (см. прим.6, с.5). И этот факт сам по себе тоже является свидетельством, пусть и своеобразным, все большей социализации науки о международных отношениях, - или, вернее, все более заметного становления социологии международных отношений как относительно самостоятельной области научного знания.

Подведем итоги. Социология международных отношений является частносociологической дисциплиной, составляя, наряду с

социологией труда, социологией образования, социологией семьи и т.п., одну из отраслей социологической науки. Наиболее близко она примыкает к политической социологии: эти две отрасли взаимопроникают и взаимодополняют друг друга. Международно-политическая теория как составная часть политологии, изучающая процесс взаимодействия различных государств и их союзов на мировой арене на основе анализа их потребностей и интересов, социально-экономической, политической и идеологической природы, немыслима без правильного понимания среды, «внешнего климата» этого взаимодействия, то есть без международных отношений, исследованием которых занимается социология международных отношений. Последняя, в свою очередь, исходя из тезиса международно-политической теории о международных отношениях как равнодействующей, результате взаимодействия социальных общностей за пределами их территориальных образований, не может обойтись без получаемых в рамках указанной теории данных о состоянии и изменениях международной политики в глобальном, региональном и субрегиональном масштабах. Вместе с тем стоит еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что указанное разделение носит весьма условный, «учебный» характер. Реальные исследования международных отношений, даже в тех случаях, когда они выделяют в качестве исходного принципа их анализа тот или иной (например, социологический) аспект, вовсе не имеют целью установить некие непроходимые границы между различными дисциплинами. Кроме того, современное состояние социологии международных отношений не позволяет говорить о том, что данная дисциплина полностью принадлежит либо к социологическим, либо к политическим наукам.

3. Проблема автономности социологии международных отношений

Вместе с тем вышесказанное не означает, что социология международных отношений не имеет своего, относительно автономного предмета изучения. Имея своим объектом международные отношения, происходящие в них изменения, она исследует свой объект, - в отличие, например, от истории дипломатии, международного права, международной экономики и других дисциплин, изучающих тот же объект, - в аспекте социальных связей и взаимодействий. Поэтому в международных отношениях ее интересуют прежде всего социальные общности и социальные системы, социальные связи и структуры, социальные закономерности и противоречия и т.п. Поскольку социальность - наиболее общая характеристика любого вида общественных связей и отношений, постольку социология международных отношений выполняет интегрирующую роль по отношению к родственным ей дисциплинам. И если, например, историю интересует сбор, изучение и описание международных событий на самых различных этапах эволюции человеческого общества, а

юридическая наука занимается, в первую очередь, нормами регулирования отношения между государствами как субъектами международного права, то задача социологии международных отношений иная. Опираясь на собранный историей материал, учитывая факты и требования международного права, широко используя общенаучные, общесоциологические и эмпирические методы, а также конкретные частные методики, она исследует общие принципы, тенденции и закономерности функционирования современных международных отношений, расширяя, таким образом, научные основы для их сознательного регулирования и прогнозирования их изменений.

Сказанное означает, что социология международных отношений является преимущественно теоретической наукой междисциплинарного характера, функции которой состоят, наряду с прочим, в систематизации и обобщении знаний о своем объекте, полученных в рамках других наук, с целью выведения общих тенденций, закономерностей и принципов его существования и эволюции. В этой связи возникает вопрос об отличии социологии международных отношений от такой дисциплины, которая носит название теории международных отношений.

В целом разница между ними носит достаточно условный характер, поэтому ее значение нельзя преувеличивать. Вместе с тем важно отметить следующее. Во-первых социологию международных отношений можно рассматривать не только как теоретическую дисциплину, но и как совокупность эмпирических методов и частных методик, применяемых для анализа конкретных международных событий и явлений, с последующей генерализацией результатов такого анализа, которые могут использоваться как в ее собственных рамках, так и другими дисциплинами, а также находить применение в практике внешнеполитической деятельности¹⁸. Уже на этом основании можно сделать вывод о несовпадении социологии международных отношений с теорией международных отношений

Во-вторых, в отличие от социологии международных отношений, в основе которой изучение социальных событий, процессов и тенденций, теория международных отношений делает упор на уже устоявшиеся правила поведения участников международных отношений, использования ими тех или иных средств или ресурсов в тех или иных ситуациях. При этом, во-первых теория как можно было убедиться на примере теории политического реализма или же неомарксистской теории международных отношений, стремится предстать как целостная система знаний, построенная на основе одного или нескольких ключевых понятий, - будь то понятия «национальный интерес», «баланс сил», или же такие понятия, как «мировой центр» и «мировая периферия», «зависимость» и т.п. Во-вторых, как всякая теория в области общественных наук, теория международных отношений основывается не только на фактах, но и

на убеждении, интуиции, воображении, что роднит ее с социальной философией. В отличие от нее, социология международных отношений, как и любая частносоциологическая дисциплина, не претендует на какую-то завершенность и не стремится выработать ту или иную концептуальную систему.

С другой стороны, как уже было показано выше, специфика объекта исследования заставляет усомниться в том, что подобная завершенная система непротиворечивых знаний вообще может быть создана (по крайней мере, в обозримом будущем), когда речь идет о международных отношениях, - видимо, не случайно до сих пор нигде не удалось создать единой общепринятой теории международных отношений. Зато существуют многочисленные теории (концепции) международных отношений, построенные на различных основаниях, не совпадающие и полемизирующие между собой, хотя во многом взаимодополняющие и нередко пользующиеся результатами друг друга. Составляемая ими совокупность теоретических знаний (несмотря на то, что каждая из таких теорий имеет свои недостатки) имеет большое значение для социологии международных отношений, которая опирается на эти знания при объяснении наблюдаемых фактов, исходит из них в формулировании гипотез, построении частных социологических теорий инструментального характера и т.п.

Завершая рассмотрение предмета социологии международных отношений, важно подчеркнуть следующее. Социология международных отношений изучает поведение специфических социальных общностей - государств, межправительственных и неправительственных организаций, других участников международных отношений и их систем, их взаимосвязи и взаимодействия, особенностью которых является выход за пределы их территориальных образований. Она занимается также анализом социальных основ функционирования международных отношений - закономерностями и тенденциями их эволюции и изменения, противоречиями, кризисами и конфликтами и т.п. Наконец, социологию международных отношений интересует современное состояние глобальной международной общности, возможности и пути становления целостного социального субъекта мирового развития, его природные и общественные условия. В ее предмете в полной мере отражаются противоречия предмета социологической науки в целом: дихотомия макро- и микропарадигм, стремление к определенной концептуальной целостности (на уровне частносоциологической теории) и осознание невозможности создания завершенной картины, отражающей сущность, состояние и перспективы эволюции международных отношений* .

*В этом отношении представляет интерес точка зрения, в соответствии с которой то, что называют «общей социологией», в строгом смысле не является научной дисциплиной, а представляет собой размышление о генеральных проблемах, единых для всех частно-социологических теорий.

Занимаясь поиском и изучением закономерностей и детерминант функционирования и эволюции своего объекта, социология международных отношений исходит из представления о нем как о сохраняющей свои специфические особенности изменяющейся глобальной социальной общности, включающей различные структурные уровни, важнейшими из которых выступают политический, экономический и социокультурный. При этом постоянно возрастающее значение других уровней не отменяет (во всяком случае, на сегодняшний день и на обозримую перспективу) того, что уровень политических структур является ведущим, во многом (хотя уже не во всем) определяющим состояние и эволюцию международных отношений. Отсюда термин «политическая» в социологии международных отношений является как бы само собой разумеющимся, вытекающим из самой сути этой дисциплины и отражающим ее междисциплинарный характер.

Междисциплинарностью обусловлено и то, уже отмеченное выше обстоятельство, что социология международных отношений не имеет своего собственного, только ей одной присущего метода. Ее специфика - в преимущественном внимании к тем или иным общенаучным или общесоциологическим методам, конкретным эмпирическим методикам, а также в особенности их использования при исследовании своего предмета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г. Осипов (рук. авт. колл.), Ю.Л. Коваленко. Н.И. Щипанов, Р.Г. Яновский. Социология, М., 1990, с.21-25

² Сытин А.Г. Политическая социология Мориса Дюверже, Социальнополитические науки, 1990. №12., с.81.

³ Вятр Е. Социология политических отношений - М., 1979, с.23.

Социология не является наукой об обществе, так же как, например, не является наукой о жизни биология (наука о существах), Социология не может считаться и наукой о социальных отношениях - по нестрогости понятия «социальное отношение». Поэтому существуют лишь частные социологии, каждая из которых изучает то или иное подмножество множества социальных отношений. Число таких социологий может быть бесконечным (в зависимости от потребностей научного познания), сконструировать же некую генеральную социологию, которая могла бы охватить их все, не представляется возможным {см.. прим. 17, с. 13-14). Не вдаваясь в полемику с этой достаточно дискуссионной позицией, стоит отметить, что в ней отражена противоречивость, свойственная социологической науке в целом и отпечаток которой неизбежно несут на себе частносоциологические дисциплины, в том числе и социология международных отношений.

- ⁴ *Мурадян А.А.* Самая благородная наука. Об основных понятиях международно-политической теории. М., 1990, с.10.
- ⁵ *Easton D.* The Political System. N.Y., 1953.
- ⁶ *Morgenthau H.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y 1950, p.3-12.
- ⁷ *Zolberg A.R.* L'influence des facteurs «externes» sur l'ordre politique «interne»// Traite de science politique. Paris, 1985. Vol.1, p. 572.
- ⁸ *Duroselle J.-B.* L'empire perira. Une vision theorique de relations internationales. Paris, 1982, p. 45.
- ⁹ *Хозин Г. С.* Д.Розенау как теоретик международных отношений// Социально-политические науки. 1991. №3, с.72.
- ¹⁰ *Mausse M.* Divisions et proportions de la sociologie (original: Annee sociologique, 1927)//Essai de sociologie. Paris, 1971.
- ¹¹ *Guiviller A.* Manuel de sociologie. Paris, 1962.
- ¹² La sociologie. Guide alphabetique/ sous la direction de J.Duvignaud. Paris, 1972, p. 176-179.
- ¹³ *Touraine A.* Pour la sociologie. Paris, 1974, p.3.
- ¹⁴ *Wallace R.C., Wallace W.D.* Sociology. Boston, 1989.
- ¹⁵ *Angell R.* The Sociology of International Relations// Current Sociology - La sociologie contemporaine. Vp.1 XIV. №1. 1966, p.20.
- ¹⁶ *Ядов В.А.* Размышления о предмете социологии// социологические исследования. 1990. №2, с.5;12-14.
- ¹⁷ *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.
- ¹⁸ *Ермоленко Д.В.* Социология и проблемы международных отношений (некоторые аспекты и проблемы социологических исследований международных отношений). М., 1977, с.9.

Глава IV ПРОБЛЕМА МЕТОДА В СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Основная цель данной главы - познакомить с наиболее широко применяемыми методами, методиками и техниками изучения международных отношений и внешней политики. В ней не ставится такой, достаточно сложная и самостоятельная задача, как научить пользоваться ими. Впрочем, ее решение было бы и невозможно, так как для этого требуется, во-первых, подробное описание тек или иных методов, иллюстрируемое примерами их конкретного применения в исследовательской работе при анализе определенного объекта международных отношений, а, во-вторых (и это главное), практическое участие в том или ином научно-теоретическом или научно-прикладном проекте, поскольку, как известно, нельзя научиться плавать, не входя в воду.

При этом следует иметь в виду, что каждый исследователь (или исследовательский коллектив) обычно использует свой излюбленный метод (или их группу), корректируемый, дополняемый и обогащаемый с учетом имеющихся условий и инструментария. Важно иметь в виду и то, что применение того или иного метода зависит от объекта и задач исследования, а также (что весьма существенно) от наличных материальных средств.

К сожалению, приходится отметить тот факт, что специальная литература, посвященная проблеме методов и особенно - прикладных методик анализа международных отношений, - весьма немногочисленна (особенно на русском языке) и потому труднодоступна.

1. Значение проблемы метода

Проблема метода - одна из наиболее важных проблем науки, так как в конечном счете речь идет о том, чтобы научить, получать новое знание, как применять его в практической деятельности. Вместе с тем это и одна из самых сложных проблем, которая и предваряет изучение наукой своего объекта, и является итогом такого изучения. Она предваряет изучение объекта потому, что исследователь с самого начала должен владеть определенной суммой приемов и средств достижения нового знания. Она является итогом изучения, ибо полученное в его результате знание касается не только самого объекта, но и методов его

изучения, а также применения полученных результатов в практической деятельности. Более того, исследователь сталкивается с проблемой метода уже при анализе литературы и необходимости ее классификации и оценки.

Отсюда неоднозначность и в понимании содержания самого термина «метод». Он означает как сумму приемов, средств и процедур исследования наукой своего предмета, так и совокупность уже имеющегося знания. Это значит, что проблема метода, обладая самостоятельным значением, в то же время тесно связана с аналитической и практической ролью теории, которая также играет и роль метода.

Распространенное мнение о том, что каждая наука имеет свой собственный метод, верно лишь отчасти: большинство социальных наук не имеют своего специфического, только им присущего метода. Поэтому они так или иначе преломляют применительно к своему объекту общенаучные методы и методы других (как социальных, так и естественнонаучных) дисциплин. В данной связи принято считать, что методологические подходы политической науки (в том числе и политической социологии международных отношений) строятся вокруг трех аспектов:

как можно более строгое отделение исследовательской позиции от морально-ценностных суждений или личных взглядов; использование аналитических приемов и процедур, являющихся общими для всех социальных наук, что играет решающую роль в установлении и последующем рассмотрении фактов; стремление к систематизации, или, иначе говоря, к выработке общих подходов и построению моделей, облегчающих открытие «законов»¹.

И хотя при этом подчеркивается, что сказанное не означает необходимости «полного изгнания» из науки ценностных суждений или личных позиций исследователя, тем не менее перед ним неизбежно встает проблема более широкого характера - проблема соотношения науки и идеологии. В принципе та или иная идеология, понимаемая в широком значении - как сознательный или неосознанный выбор предпочтительной точки зрения, - существует всегда. Избежать этого, «деидеологизироваться» в этом смысле нельзя. Интерпретация фактов, даже выбор «угла наблюдения» и т.п. неизбежно обусловлены точкой зрения, исследователя. Поэтому объективность исследования предполагает, что исследовать должен постоянно помнить об «идеологическом присутствии» и стремиться контролировать его, видеть относительность любых выводов, учитывая такое «присутствие», стремиться избегать одностороннего видения. Наиболее плодотворных результатов в науке можно добиться не при отрицании идеологии (это в лучшем случае заблуждение, а в худшем - сознательное лукавство), а при

условии идеологической терпимости, идеологического плюрализма и «идеологического контроля» (но не в смысле привычного нам по недавнему прошлому контроля официальной политической идеологии по отношению к науке, а наоборот - в смысле контроля науки над всякой идеологией). Что же касается проблемы ценностей, то не будет преувеличением сказать, что те трудности, которые сегодня испытывает отечественная социология, связаны именно с дефицитом ценностного начала. Обстановка жесткого политического давления, господствовавшая в стране в течение многих лет, привела к тому, что советская социология стада развиваться в рамках американской бихевиористской традиции, отдавая предпочтение операциональным, инструментальным подходам и методам. Это позволило ей как бы «избавиться» от идеологии: советские социологи были одними из первых среди отечественных обществоведов, кто перестал верить идеологическим мифам. Но, с другой стороны, не восприняв в свое время традиции теоретической социологии, например, французской школы с ее дюркгеймовскими традициями, или немецкой феноменологической социологии Макса Шеллера и т.д., советская (и унаследовавшая ей постсоветская) социология пока не сумела приспособиться к новому, постнеклассическому течению в мировой социальной (в том числе и социологической, и политической, и любой другой) науке, где наблюдается ренессанс ценностей, антропологического подхода, внимания к социокультурной специфике и т.п.

Сказанное касается и так называемой методологической дихотомии, которая, впрочем, нередко наблюдается не только в отечественной, но и в западной науке о международных отношениях, Речь идет о противопоставлении так называемого традиционного историко-описательного, или интуитивно-логического подхода операционально-прикладному, или аналитико-прогностическому, связанному с применением методов точных наук, формализацией, исчислением данных (квантификацией), верифицируемостью (или фальсифицируемостью) выводов и т.п. В этой связи, например, утверждается, что основным недостатком науки о международных отношениях является затянувшийся процесс ее превращения в прикладную науку². Подобные утверждения страдают излишней категоричностью. Процесс развития науки является не линейным, а, скорее, обоюдным: происходит не превращение ее из историкоописательной в прикладную, а уточнение и коррекция теоретических положений через прикладные исследования (которые, действительно, возможны лишь на определенном, достаточно высоком этапе ее развития) и «возвращение долга» «прикладникам» в виде более прочной и операциональной теоретико-методологической основы.

Действительно, в мировой (прежде всего, американской) науке о международных отношениях с начала 50 годов XX века происходит освоение многих релевантных результатов и методов социологии,

психологии, формальной логики, а также естественных и математических наук. Одновременно начинается и ускоренное развитие аналитических концепций, моделей и методов, продвижение к сравнительному изучению данных, систематическое использование потенциала электронно-вычислительной техники. Все это способствовало значительному прогрессу науки о международных отношениях, приближению ее к потребностям практического регулирования и прогнозирования мировой политики и международных отношений. Вместе с тем, это отнюдь не привело к вытеснению прежних, «классических» методов и концепций.

Так, например, операциональность историко-социологического подхода к международным отношениям и его прогностические возможности были продемонстрированы Р. Ароном. Один из наиболее ярких представителей «традиционного», «историко-описательного» подхода Г. Моргентау, указывая на недостаточность количественных методов, не без оснований писал, что они далеко не могут претендовать на универсальность. Столь важный для понимания международных отношений феномен, как, например, власть, «есть качество межличностных отношений, которое может быть проверено, оценено, угадано, но которое не может быть измерено количественно... Конечно, можно и нужно определить, сколько голосов может быть отдано политике, сколькими дивизиями или ядерными боеголовками располагает правительство; но если мне потребуется понять, сколько власти имеется у политика или у правительства, то я должен буду отставить в сторону компьютер и счетную машину и приступить к обдумыванию исторических и непременно качественных показателей».

Действительно, существо политических явлений не может быть исследовано сколь-либо полно при помощи только прикладных методов. В общественных отношениях вообще, а в международных отношениях в особенности, господствуют стохастические процессы, не поддающиеся детерминистским объяснениям. Поэтому выводы социальных наук, в том числе и науки о международных отношениях, никогда не могут быть окончательно верифицированы или фальсифицированы. В этой связи здесь вполне правомерны методы «высокой» теории, сочетающие наблюдение и рефлексию, сравнение и интуицию, знание фактов и воображение. Их польза и эффективность подтверждается и современными изысканиями, и плодотворными интеллектуальными традициями.

Вместе с тем, как верно подметил М. Мерль по поводу полемики между сторонниками «традиционных» и «модернистских» подходов в науке о международных отношениях, было бы абсурдно настаивать на интеллектуальных традициях там, где необходимы точные корреляции между собранными фактами. Все то, что поддается квантификации, должно быть квантифицировано⁴. К полемике между «традиционалистами» и «модернистами» мы еще вернемся.

Здесь же важно отметить неправомерность противопоставления «традиционных» и «научных» методов, ложность их дихотомии. В действительности они взаимно дополняют друг друга. Поэтому вполне правомерен вывод о том, что оба подхода «выступают на равных основаниях, а анализ одной и той же проблемы проводится независимо друг от друга разными исследователями» (см. прим.4, с.8). Более того, в рамках обоих подходов одной и той же дисциплиной могут использоваться - хотя и в разных пропорциях различные методы: общенаучные, аналитические и конкретноэмпирические (впрочем, разница между ними, особенно между общенаучными и аналитическими, тоже достаточно условна). В данном отношении не составляет исключения и политическая социология международных отношений. Переходя к более подробному рассмотрению указанных методов, стоит еще раз подчеркнуть УСЛОВНОСТЬ, относительность границ между ними, их способность «перетекать» друг в друга.

2. Общенаучные методы

Общенаучные методы составляют исходный пункт, фундамент любой дисциплины, сколь бы далеко от высокой теории она ми находилась. Однако, рассматривая использование в социологии международных отношений общенаучных методов, нет смысла останавливаться на описании таких теоретических и философских методов, как историческое и логическое, анализ и синтез, принцип очередности, восхождение от абстрактного к конкретному и т.п. Все они имеют место, но изыскивать и демонстрировать их применение в данной дисциплине, как показывает уже имеющийся в этом отношении опыт⁵, - малопродуктивное занятие. Зато гораздо более продуктивной представляется задача рассмотрения тех методов, которые - при всем многообразии методологических подходов используются в науке о международных отношениях наиболее часто и дают конкретные исследовательские результаты. В этом смысле социологии международных отношений в своего объекта характеризуется обобщением и систематизацией фактов, основанной на изучении исторических, аналитических и иных документов, строгих научных наблюдениях и сравнительном анализе. Это предполагает отказ от замыкания в границы той или иной отдельной дисциплины, попытку осмыслить объект изучения в целостности и, насколько возможно, в единстве, открывающую перспективу обнаружения тенденций и закономерностей его функционирования и эволюции. Отсюда - то значение, которое придается при изучении международных отношений системному подходу и тесно связанному с ним методу моделирования. Рассмотрим эти метода более подробно.

Системный подход

Понятие системы (более подробно оно будет рассмотрено далее) широко используется представителями самых разных теоретических направлений и школ в науке о международных отношениях. Его общепризнанным преимуществом является то, что оно дает возможность представить объект изучения в его единстве и целостности, и, следовательно, способствуя нахождению корреляций между взаимодействующими элементами, помогает выявлению «правил» такого взаимодействия, или, иначе говоря, закономерностей функционирования международной системы. На основе системного подхода ряд авторов отличают международные отношения от международной политики: если составные части международных отношений представлены их участниками (авторами) и «факторами» («независимыми переменными» или «ресурсами»), составляющими «потенциал» участников, то элементами международной политики выступают только авторы^{6,7,8}.

Системный подход следует отличать от его конкретных воплощений - системной теории и системного анализа. Системная теория выполняет задачи построения, описания и объяснения систем и составляющих их элементов, взаимодействия системы и среды, а также внутрисистемных процессов, под влиянием которых происходит изменение и/или разрушение системы⁹. Что касается системного анализа, то он решает более конкретные задачи; представляя собой совокупность практических методик, приемов, способов, процедур, благодаря которым в изучение объекта (в данном случае - международных отношений) вносится определенное упорядочивание (см.: прим.9, с. 17; прим. 10, с. 100).

С точки зрения Р. Арона, «международная система состоит из политических единиц, которые поддерживают между собой регулярные отношения и которые могут быть втянуты во всеобщую войну»¹¹. Поскольку главными (и фактически единственными) политическими единицами взаимодействия в международной системе для Арона являются государства, на первый взгляд может создаться впечатление, что он отождествляет международные отношения с мировой политикой. Однако ограничивая, по сути, международные отношения системой межгосударственных взаимодействий, Р. Арон в то же время не только уделял большое внимание оценке ресурсов, потенциала государств, определяющего их действия на международной арене, но и считал такую оценку основной задачей и содержанием социологии международных отношений. При этом он представлял потенциал (или мощь) государства как совокупность, состоящую из его географической среды, материальных и людских ресурсов и способности коллективного действия (см. прим.11, с.65). Таким образом, исходя из системного подхода, Арон очерчивает, по существу, три уровня рассмотрения международных (межгосудар

ственных) отношений: уровень межгосударственной системы, уровень государства и уровень его могущества (потенциала).

Д. Розенау предложил в 1971 г. другую схему, включающую шесть уровней анализа: 1) индивиды-«творцы» политики и их характеристики; 2) занимаемые ими посты и выполняемые роли; 3) структура правительства, в котором они действуют; 4) общество, в котором они живут и которым управляют; 5) система отношений между национальным государством и другими участниками международных отношений; 6) мировая система¹². Характеризуя системный подход, представленный различными уровнями анализа, Б. Рассетт и Х. Старр подчеркивают, что выбор того или иного уровня определяется наличием данных и теоретическим подходом, но отнюдь не капризом исследователя. Поэтому в каждом случае применения данного метода необходимо найти и определить несколько разных уровней. При этом объяснения на разных уровнях не обязательно должны исключать друг друга, они могут быть взаимодополняющими, углубляя тем самым наше понимание.

Серьезное внимание уделяется системному подходу и в отечественной науке о международных отношениях. Работы, изданные исследователями ИМЭМО, МГИМО, ИСКАН, ИВАН и других академических и вузовских центров свидетельствуют о значительном продвижении российской науки в области как системной теории^{13,14}, так и системного анализа^{15,16}. Так, авторы учебного пособия «Основы теории международных отношений» считают, что «методом теории международных отношений является системный анализ движения и развития международных событий, процессов, проблем, ситуаций, осуществляемый с помощью имеющегося знания, внешнеполитических данных и сведений, особых способов и приемов исследования» (см. прим. 15, с.68). Отправным моментом такого анализа являются, с их точки зрения, три уровня исследования любой системы: 1) уровень состава - множество образующих ее элементов; 2) уровень внутренней структуры - совокупность закономерных взаимосвязей между элементами; 3) уровень внешней структуры - совокупность взаимосвязи системы как целого со средой (прим. 15, с.70).

Рассмотрим метод системного анализа в его статическом и динамическом измерении применительно к изучению внешней политики государства.

Статическое измерение включает анализ «детерминант», «факторов» и «переменных».

Один из последователей Арона, Р. Боск, в работе «Социология мира» представляет потенциал государства как совокупность ресурсов, которыми оно располагает для достижения своих целей, состоящую из двух видов факторов: физических и духовных.

Физические (или непосредственно осязаемые) факторы включают в себя следующие элементы:

1.1 Пространство (географическое положение, его достоинства и преимущества).

1.2 Население (демографическая мощь).

1.3 Экономика в таких ее проявлениях, как: а) экономические ресурсы; б) промышленный и сельскохозяйственный потенциал; в) военная мощь.

В свою очередь, в состав духовных (или моральных, или социальных, непосредственно не осязаемых) факторов входят:

2.1 Тип политического режима и его идеологии.

2.2 Уровень общего и технического образования населения.

2.3 «Национальная мораль», моральный тонус общества.

2.4 Стратегическое положение в международной системе (например, в рамках сообщества, союза и т.п.).

Указанные факторы составляют совокупность независимых переменных, воздействующих на внешнюю политику государств, исследуя которые, можно прогнозировать ее изменения¹⁷.

Графически данная концепция может быть представлена в виде следующей схемы:

Рис.1

Схема дает наглядное представление как о достоинствах, так и о недостатках данной концепции. К достоинствам можно отнести ее операциональность, возможность дальнейшей классификаций факторов с учетом базы данных, их измерения и анализа с применением компьютерной техники. Что же касается недостатков, то, по-видимому, наиболее существенным из них является фактическое отсутствие в данной схеме (за исключением пункта 2,4)

факторов внешней среды, оказывающих существенное (иногда решающее) воздействие на внешнюю политику государств.

В этом отношении гораздо более полной выглядит концепция Ф. Брайара и М.-Р.Джалили¹⁸, которая также может быть представлена в виде схемы (см. рис. 2).

Рис.2

Условные обозначения:

Физические факторы:

- A.1 Географическое положение
- A.2 Природные ресурсы
- A.3 Демографическая ситуация

Структурные факторы:

- B.1 Политические институты
- B.2 Экономические институты
- B.3 Способность использования физической и социальной среды; технологические, экономический и человеческий потенциал
- B.4 Политические партии
- B.5 Группы давления
- B.6 Этнические группы
- B.7 Конфессиональные группы
- B.8 Языковые группы
- B.9 Социальная мобильность
- B.10 Территориальная структура; доля городского и сельского населения

Б. 11 Уровень национального согласия

Культурные и человеческие факторы

В.1Л (Культура):

В.1.1 Система ценностей

В.1.2 Язык

В.1.3 Религия

В.2 (Идеология):

В.2.1 Самооценка властью своей роли

В.2.2 Ее самовосприятие

В.2.3 Ее восприятие мира

В.2.4 Основные средства давления

В.3 (Коллективный менталитет):

В.3.1 Историческая память

В.3.2 Образ «другого»

В.3.3 Линия поведения в области международных обязательств

В.3.4 Особая чувствительность к проблеме национальной безопасности

В.3.5 Мессианские традиции

В.4 Качества ЛПР (лиц, принимающих решения):

В.4.1 Восприятие своего окружения

В.4.2 Восприятие мира

В.4.3 Физические качества

В.4.4 Моральные качества

Как видно из схемы, данная концепция, обладая всеми достоинствами предыдущей, преодолевает ее основной недостаток. Ее главная идея - тесная взаимосвязь внутренних и внешних факторов, их взаимовлияние и взаимозависимость в воздействии на иностранную политику государства. Кроме того, в рамках внутренних независимых переменных эти факторы представлены здесь гораздо более полно, что значительно снижает возможность упустить какой-либо важный нюанс в анализе. В то же время схема обнаруживает, что сказанное гораздо меньше относится к внешним независимым переменным, которые на ней лишь обозначены, но никак не структурированы. Данное обстоятельство свидетельствует, что при всем «равноправии» внутренних и внешних факторов авторы все же явно отдают предпочтение первым.

Следует подчеркнуть, что и в том, и в другом случаях авторы отнюдь не абсолютизируют значение факторов в воздействии на внешнюю политику. Как показывает Р. Боск, вступив в 1954 году в войну против Франции, Алжир не обладал большинством из указанных факторов, и тем не менее ему удалось добиться поставленной цели.

Действительно, попытки наивно-детерминистского описания хода истории в духе Лапласовской парадигмы - как движения от прошлого через настоящее к заранее заданному будущему - с особой силой обнаруживают свою несостоятельность именно в сфере между

народных отношений, где господствуют стохастические процессы. Сказанное особенно характерно для нынешнего - переходного - этапа в эволюции мирового порядка, характеризующегося повышенной нестабильностью и являющего собой своеобразную точку бифуркации, содержащую множество альтернативных путей развития и, следовательно, не гарантирующей какой-либо предопределенности.

Такая констатация вовсе не означает, что никакие прогнозы в сфере международных отношений в принципе невозможны. Речь идет о том, чтобы видеть границы, относительность, амбивалентность прогностических возможностей науки. Это касается и столь специфического процесса, каким является процесс принятия внешнеполитических решений.

Анализ процесса принятия решений (ППР) представляет собой *динамическое измерение* системного анализа международной политики и вместе с тем одну из центральных проблем социальной науки вообще и науки о международных отношениях в особенности. Изучение детерминант внешней политики без учета этого процесса может оказаться либо напрасной потерей времени, с точки зрения прогностических возможностей, либо опасным заблуждением, ибо данный процесс представляет собой тот «фильтр», через который совокупность воздействующих на внешнюю политику факторов «просеивается» лицом (лицами), принимающим решение (ЛПР).

Классический подход к анализу ППР, отражающий «методологический индивидуализм», характерный для веберовской традиции, включает два основных этапа исследования¹⁹. На первом этапе определяются главные лица, принимающие решение (например, глава государства и его советники, министры: иностранных дел, обороны, безопасности и т.д.), и описывается роль каждого из них. При этом учитывается, что каждый из них имеет штат советников, обладающих полномочиями запрашивать любую необходимую им информацию в том или ином государственном ведомстве.

На следующем этапе проводится анализ политических предпочтений ЛПР с учетом их мировоззрения, опыта, политических взглядов, стиля руководства и т.д. Важную роль в этом отношении сыграли работы Р. Снайдера, Х. Брука²⁰, Б. Сапэна и Р. Джервиса.

Ф. Брайар и М.Р. Джалили, обобщая методы анализа ППР, выделяют четыре основных подхода.

Первый из них может быть назван моделью рационального выбора, в рамках которой выбор решения осуществляется единым и рационально мыслящим лидером на основе национального интереса. Предполагается, что: а) принимающий решение действует с учетом целостности и иерархии ценностей, о которых он имеет достаточно устойчивое представление; б) он систематически возможные последствия своего выбора; в) ППР открыт для любой новой информации, способной повлиять на решение.

В рамках второго подхода предполагается, что решение принимается под влиянием совокупности правительственных структур, действующих в соответствии с установленными рутинными процедурами. Решение оказывается разбитым на отдельные фрагменты, а разрозненность правительственных структур, особенности отбора ими информации, сложность взаимных отношений друг с другом, различия в степени влияния и авторитета и т.п. - являются препятствием для ППР, основанным на систематической оценке последствий того или иного выбора.

В третьей модели решение рассматривается как результат торга - сложной игры между членами бюрократической иерархии, правительственного аппарата и т.д. каждый представитель которых имеет свои интересы, свои позиции, свои представления о приоритетах внешней политики государства.

Наконец, при четвертом подходе обращается внимание на то, что во многих случаях ЛПР находятся в сложном окружении и располагают неполной, ограниченной информацией. Кроме того, они не в состоянии оценить последствия того или иного выбора. В такой обстановке им приходится расчленять проблемы, редуцируя используемую информацию к небольшому числу переменных.

В анализе ППР исследователю необходимо избегать соблазна использовать тот или иной из указанных подходов «в чистом виде». В реальной жизни описываемые ими процессы варьируются в самых разнообразных сочетаниях, изучение которых должно показать, на какой из них в каждом конкретном случае следует опираться и с какими другими его соединять (см. прим. 18, с.71-74).

Анализ процесса принятия решений часто используется для прогнозирования возможной эволюции той или иной конкретной международной ситуации, например, межгосударственного конфликта. При этом принимаются в расчет не только факторы, относящиеся «непосредственно» к ППР, но и потенциал (совокупность ресурсов), которым располагает лицо, или инстанция, принимающая решение. Интересная методика в этом отношении, включающая элементы количественной формализации и основанная на различных моделях ППР, предлагается в статье Ш.З.

Султанова «Анализ принятия решений и концептуальная схема прогнозирования» (см. прим.10, с.71-82).

Моделирование

Данный метод связан с построением искусственных, идеальных, воображаемых объектов, ситуаций, представляющих собой системы, элементы и отношения которых соответствуют элементам и отношениям реальных международных феноменов и процессов.

Один из распространенных видов моделирования, получивших распространение в науке о международных отношениях, связан с

теорией игр. Теория игр - это теория принятая решений в конкретном социальном контексте, где понятие «игра» распространяется на все виды человеческой деятельности. Она базируется на теории вероятностей и представляет собой конструирование моделей анализа или прогнозирования различных типов поведения акторов, находящихся в особых ситуациях. Классическая теория игр была разработана математиком Д. фон Нойманном и экономистом О. Моргенштерном в их совместной работе «Теория игр и экономическое поведение», опубликованной издательством Принстонского университета в 1947 году. В анализе поведения международных акторов она нашла применение в ставших классическими работах А. Рапопорта, исследовавшего ее эпистемологические возможности²¹, и Т. Шеллинга, который распространил ее на изучение таких международных феноменов, как конфликты, переговоры, контроль над вооружениями, стратегия устрашения и т.п.²². Канадский специалист в социологии международных отношений Ж.-П.Деррьерник рассматривает теорию игр как теорию принятия решения в рискованной ситуации или, иначе говоря, как область применения модели субъективно рационального действия в ситуации, когда все события являются непредсказуемыми. Если речь идет об игре с несколькими игроками, то мы имеем дело с теорией взаимозависимых решений, где рискованная ситуация является общей, а непредсказуемость вытекает для каждого игрока из действий другого. Рискованная ситуация находят свое решение, если устраняется ее рискованный характер. В игре с двумя игроками в том случае, когда один из игроков принимает плохое решение, другой получает дополнительный выигрыш. Если же оба играют хорошо (то есть действуют рационально), то ни один не имеет шансов улучшить свой выигрыш сверх того, что позволяют правила игры.

В теории игр, таким образом, анализируется поведение ЛПР в их взаимных отношениях, связанных с преследованием одной и той же цели. При этом задача состоит не в описании поведения игроков или их реакции на информацию о поведении противника., а в нахождении наилучшего из возможных вариантов решения для каждого из них перед лицом прогнозируемого решения противника. Теория игр показывает, что количество типов ситуаций, в которых могут оказаться игроки, является конечным. Более того, оно может быть редуцировано к небольшому числу моделей игр, различающихся по характеру целей, возможностям взаимной коммуникации и количеству игроков.

Существуют игры с разным числом игроков: одним, двумя или многими. Например, дилемма, брать или не брать с собой зонтик в неустойчивую погоду, является игрой с одним игроком (ибо природа не принимает в расчет решения человека), которая перестанет быть таковой, когда метеорология станет точной наукой (см. прим.23, с. 30).

В игре с двумя игроками, например, в знаменитой Дилемме заключенных, игроки лишены возможности общаться друг с другом, поэтому каждый принимает решение на основе представления о рациональном поведении другого. Правила игры уподобляются правилам ситуации, в которой два человека (А и Б), совершившие совместное преступление и попавшие в руки правосудия, получают от его представителей предложение о добровольном признании (то есть о предательстве по отношению к своему соучастнику). При этом каждый предупреждается о следующем: 1. Если А признается (П), Б не признается (Н), то А получает свободу (С), Б - максимальное наказание (В); 2. Если А не признается (Н), Б признается (П), то А получает максимальное наказание (В), Б - свободу (С); 3. Если и А, и Б признаются, то оба получают суровое, хотя и не максимальное наказание (Т); 4. Если же оба не признаются, то оба получают минимальное наказание (У).

Графически дилемма заключенных представляется в виде такой схемы (рис.3):

		Б	
		Н	П
А	Н	У 4	В 2
	П	С 1	Т 3

Рис.3

В идеале для каждого из соучастников свобода лучше, чем минимальное наказание, минимальное наказание лучше сурового, а последнее лучше, чем максимальное: $C > Y > T > B$. Поэтому для обоих самым выгодным вариантом было бы Н,Н. На деле же, лишенный возможности общаться с другим, не доверяя ему, каждый ожидает предательства со стороны соучастника (для А это: Н,П) и, стремясь избежать В, принимает решение предать, считая его наименее рискованным, В результате оба избирают предательство (П,П), и оба получают суровое наказание.

В терминах символической логики ситуация может быть представлена следующим образом:

1. { П(А)& П(Б) } ⊃ { С(А)&В(Б) }
2. { П(А) & П(Б) } ⊃ { В(А) & С(Б) }
3. { П(А) & П(Б) } ⊃ { Т(А)& Т(В) }
4. { П (А)&П(Б) } ⊃ { У(А)& У(Б) }

Эта модель применялась к анализу многих международных ситуаций: например, внешней политики гитлеровской Германии, или гонки вооружений периода 50-70-х годов. В последнем случае в основе ситуации для двух сверхдержав лежала тяжесть взаимного риска, представленного ядерным оружием, и желание обеих избежать взаимного разрушения. Результатом явилась гонка вооружений, не выгодная ни одной из сторон.

Теория игр позволяет находить (или прогнозировать) решение в некоторых ситуациях: то есть указать наилучшее из возможных решений для каждого участника, вычислить наиболее рациональный способ поведения в различных типах обстоятельств. И тем не менее было бы ошибочно преувеличивать ее значение как метода исследования международных отношений, а тем более - как практического метода для выработки стратегии и тактики поведения на мировой арене. Как мы уже видели, решения, принимаемые в международных отношений, далеко не всегда носят рациональный характер. Кроме того, например, Дилемма заключенных не учитывает, что в сфере международных отношений существуют взаимные обязательства и соглашения, а также имеется возможность коммуникации между участниками - даже в периоды самых напряженных конфликтов.

Рассмотрим еще один вид моделирования - комплексное - на примере работы М.А. Хрусталева «Системное моделирование международных отношений» (см. прим.2).

Автор ставит задачей построение формализованной теоретической модели, представляющей тринарный методологического (философская теория сознания), общенаучного (общая теория систем) и частнонаучного (теория международных отношений) подходов. Построение осуществляется в три этапа. На первом формулируются «предмодельные задачи», объединяемые в два блока: «оценочный» и «операционный». В этой связи автор анализирует такие понятия, как «ситуации» и «процессы» (и их виды), а также уровень информации. На их основе строится матрица, представляющая собой своего рода «карту», призванную

обеспечить исследователю выбор объекта с учетом уровня информационной обеспеченности.

Что касается операционального блока, то главное здесь состоит в выделении на основе триады «общее-особенное-единичное» характера (типа) моделей (концептуальная, теоретическая и конкретная) и их форм (вербальная или содержательная, формализованная в квантифицированная). Выделенные модели также представлены в виде матрицы, являющей собой теоретическую модель моделирования, отражающую его основные стадии (форма), этапы (характер) и их соотношение.

На втором этапе речь идет о построении содержательной концептуальной модели как исходной точки решения общей задачи исследования. На основе двух групп понятий - «аналитической» (сущность-явление, содержание-форма, количество-качество) и «синтетической» (материя, движение, пространство, время), представленных в виде матрицы, строится «универсальная познавательная конструкция - кофигуратор», задающая общие рамки исследования. Далее на базе выделения вышеуказанных логических уровней исследования всякой системы отмеченные понятия подвергаются редукции, в результате которой выделяются «аналитические» (сущностная, содержательная, структурная, поведенческая) и «синтетические» (субстратная, динамическая, пространственная и временная) характеристики объекта. Опираясь на структурированный таким образом «системный ориентированный матричный кофигуратор», автор прослеживает специфические особенности и некоторые тенденции эволюции системы международных отношений.

На третьем этапе проводится более детальный анализ состава и внутренней структуры международных отношений, то есть построение ее развернутой модели. Здесь выделяются состав и структура (элементы, подсистемы, связи, процессы), а также «программы» системы международных отношений (интересы, ресурсы, цели, образ действий, соотношение интересов, соотношение сил, отношения). Интересы, ресурсы, цели, образ действий составляют элементы «программы» подсистем или элементов. Ресурсы, характеризующиеся как «несистемообразующий элемент», подразделяются автором на ресурсы средств (вещно-энергетические и информационные) и ресурсы условий (пространство и время).

«Программа системы международных отношений» является производной по отношению к «программам» элементов и подсистем. Ее системообразующим элементом выступает «соотношение интересов» различных элементов и подсистем друг с другом. Несистемообразующим элементом является понятие «соотношение сил», которое более точно можно было бы выразить термином «соотношение средств» или «соотношение потенциалов». Третьим производным элементом указанной «программы» является «отношение», пони

маемое автором как некое оценочное представление системы о себе и о среде.

Опираясь на сконструированную таким образом теоретическую модель, М.А. Хрусталеv анализирует реальные процессы, характерные для современного этапа мирового развития. Он отмечает, что если ключевым фактором, определявшим эволюцию системы международных отношений на протяжении ее истории, являлось межгосударственное конфликтное взаимодействие в рамках устойчивых конфронтационных осей, то к 90-м годам XX в. возникают предпосылки перехода системы в иное качественное состояние. Оно характеризуется не только сломом глобальной конфронтационной оси, но и постепенным формированием стабильных осей всестороннего сотрудничества между развитыми государствами мира. В результате появляется неформальная подсистема развитых государств в форме мирохозяйственного комплекса, ядром которого стала «семерка» ведущих развитых стран, объективно превратившаяся в управляющий центр, регулирующий процесс развития системы международных отношений. Принципиальное отличие такого «управляющего центра» от Лига Нации или ООН состоит в том, что он является результатом самоорганизации, а не продуктом «социальной инженерии» с характерными для нее статичной завершенностью и слабой адекватностью к динамичному изменению среды. Как управляющий центр «семерка» решает две важные задачи функционирования системы международных отношений: во-первых, ликвидация существующих и недопущение возникновения в будущем региональных конфронтационных военно-политических осей; во-вторых, стимулирование демократизации стран с авторитарными режимами (создание единого мирового политического пространства). Выделяя, с учетом предлагаемой им модели, также и другие тенденции в развитии системы международных отношений, М. А. Хрусталеv считает весьма симптоматичным появление и закрепление понятия «мировое сообщество» и выделение идеи «нового мирового порядка», подчеркивая в то же время, что нынешнее состояние системы международных отношений в целом еще не соответствует современным потребностям развития человеческой цивилизации.

Столь подробное рассмотрение метода системного моделирования в применении к анализу международных отношений позволяет увидеть и преимущества, и недостатки как самого этого метода, так и системного подхода в целом. К преимуществам можно отнести отмеченный выше обобщающий, синтезирующий характер системного подхода. Он позволяет обнаружить как целостность изучаемого объекта, так и многообразие составляющих его элементов (подсистем), в качестве которых могут выступать участники международных взаимодействий, отношения между ними, пространственновременные факторы, политические, экономические,

религиозные характеристики и т.д. Системный подход дает возможность не только фиксировать те или иные изменения в функционировании международных отношений, но и обнаружить причинные связи таких изменений с эволюцией международной системы, выявить детерминанты, влияющие на поведение государств. Системное моделирование дает науке о международных отношениях те возможности теоретического экспериментирования, которых она в его отсутствие практически лишена. Оно дает также возможность комплексного применения прикладных методов и техник анализа в самом разнообразном их сочетании, расширяя тем самым перспективы исследования и их практической пользы для объяснения и прогнозирования международных отношений и мировой политики.

Вместе с тем было бы неверным преувеличивать значение системного подхода и моделирования для науки, игнорировать их слабые стороны и недостатки. Главным из них является, как это ни кажется парадоксальным, тот факт, что никакая модель - даже самая безупречная в своих логических основаниях - не дает уверенности в правильности сделанных на ее основе выводов. Это, впрочем, признает и сам автор рассмотренной выше работы, когда говорит о невозможности построения абсолютно-объективной модели системы международных отношений (см.: прим.2, с.22). Добавим, что всегда существует определенный разрыв между сконструированной тем или иным автором моделью и действительными источниками тех выводов, которые формулируются им об исследуемом объекте. И чем более абстрактной (то есть чем более строго логически обоснованной) является модель, а также чем более адекватными реальности стремится сделать ее автор свои выводы, тем шире указанный разрыв. Иначе говоря, существует серьезное подозрение, что при формулировании выводов автор опирается не столько на построенную им модельную конструкцию, сколько на исходные посылы, «строительный материал» этой модели, а также на другие, не связанные с ней, в том числе и «интуитивно-логические» методы. Отсюда и весьма неприятный для «бескомпромиссных» сторонников формальных методов вопрос: могли ли быть сформулированы без модели те (или подобные им) выводы, которые появились как результат модельного исследования? Значительное несоответствие новизны подобных результатов тем усилиям, которые предпринимались исследователями на основе системного моделирования, заставляют считать, что утвердительный ответ на указанный вопрос выглядит весьма обоснованным. Как подчеркивают в подобной связи Б. Рассетт и Х. Старр: «в известной мере удельный вес каждого вклада может быть определен с помощью методов сбора данных и анализа, типичных для современных социальных наук. Но во всех других отношениях мы остаемся в области догадок, интуиции и информированной мудрости» (см. прим. 12, с. 37).

Что касается системного подхода в целом, то его недостатки являются продолжением его достоинств. В самом деле, преимущества понятия «международная система» настолько очевидны, что его используют, за небольшими исключениями, представители всех теоретических направлений и школ в науке о международных отношениях. Однако, как справедливо подметил французский политолог М. Жирар, мало кто точно знает, что оно означает в действительности. Более или менее строгий смысл оно продолжает сохранять для функционалистов, структуралистов и системников. Для остальных же это чаще всего не более чем красивый научный эпитет, удобный для украшения плохо определенного политического объекта. В результате данное понятие оказалось перенасыщенным и девальвировалось, что затрудняет его творческое использование²⁴.

Соглашаясь с негативной оценкой произвольной трактовки понятия «система», подчеркнем еще раз, что это вовсе не означает сомнений в плодотворности применения как системного подхода, так и его конкретных воплощений - системной теории и системного анализа - к исследованию международных отношений.

Системный анализ и моделирование являются наиболее общими из аналитических методов, представляющих собой совокупность комплексных исследовательских приемов, процедур и техник междисциплинарного характера, связанных с обработкой, классификацией, интерпретацией и описанием данных. На их основе и с их использованием появилось и получило широкое распространение множество других аналитических методов более частного характера, к рассмотрению которых мы и переходим.

3. Другие аналитические методы

Наиболее распространенные из них контент-анализ, инвентаризация, метод когнитивного картирования и их многочисленные разновидности (см.: прим. 2; 10; 16).

Контент-анализ в политических науках был впервые применен американским исследователем Г. Лассуэлом и его сотрудниками при изучении пропагандистской направленности политических текстов и описан ими в 1949г.²⁵. В самом общем виде данный метод может быть представлен как систематизированное изучение содержания письменного или устного текста с фиксацией наиболее часто повторяющихся в нем словосочетаний или сюжетов. Далее частота этих словосочетаний или сюжетов сравнивается с их частотой в других письменных или устных сообщениях, известных как нейтральные, на основе чего делается вывод о политической направленности содержания исследуемого текста. Описывая данный метод, М.А. Хрусталев и К.П. Боришполец выделяют такие стадии его применения как: структуризация текста, связанная с первичной обработкой информационного материала; обработка информационного массива

при помощи матричных таблиц; квантификация информационного материала, позволяющая продолжить его анализ при помощи электронно-вычислительной техники (см. прим. 16, с.86-94).

Степень строгости и операциональности метода зависит от правильности выделения первичных единиц анализа (терминов, словосочетаний, смысловых блоков, тем и т.п.) и единиц измерения (например, слово, фраза, раздел, страница и т.п.).

Ивент-анализ (или анализ событийных данных) направлен на обработку публичной информации, показывающей, «кто говорит или делает что, по отношению к кому и когда». Систематизация и обработка соответствующих данных осуществляется по следующим признакам: 1) субъект-инициатор (кто); 2) сюжет или «issue-area» (что); 3) субъект-мишень (по отношению к кому) и 4) дата события (когда) (см. прим.8, с.260-261). Систематизированные таким образом события сводятся в матричные таблицы, ранжируются и измеряются при помощи ЭВМ. Эффективность данного метода предполагает наличие значительного банка данных. Научно-прикладные проекты, использующие ивент-анализ, отличаются по типу изучаемого поведения, числу рассматриваемых политических деятелей, по исследуемым временным параметрам, количеству используемых источников, типологии матричных таблиц и т.д.

Что касается метода когнитивного картирования, то он направлен на анализ того, как тот или иной политический деятель воспринимает определенную политическую проблему.

Американские ученые Р. Снайдер, Х. Брук и Б. Сэпин еще в 1954 году показали, что в основе принятия политическими лидерами решений может лежать не только и даже не столько действительность, которая их окружает, сколько то, как они ее воспринимают. В 1976 году Р. Джервис в работе «Восприятие и неверное восприятие (misperception) в международной политике» показал, что помимо эмоциональных факторов на принимаемое тем или иным лидером решение оказывают влияние когнитивные факторы. С этой точки зрения, информация, получаемая ЛПР, усваивается и упорядочивается ими «с поправкой» на их собственные взгляды на внешний мир. Отсюда - тенденция недооценивать любую информацию, которая противоречит их системе ценностей и образу противника, или же, напротив, придавать преувеличенную роль незначительным событиям. Анализ когнитивных факторов позволяет понять, например, что, относительное постоянство внешней политики государства объясняется наряду с другими причинами, и постоянством взглядов соответствующих лидеров.

Метод когнитивного картирования решает задачу выявления основных понятий, которыми оперирует политик, и нахождения имеющихся между ними причинно-следственных связей. «В результате исследователь получает карту-схему, на которой на основании

изучения речей и выступлений политического деятеля отражено его восприятие политической ситуации или отдельных проблем в ней» (см. прим.4, с.6).

В применении описанных методов, которые обладают целым рядом несомненных достоинств - возможность получения новой информации на основе систематизации уже известных документов и фактов, повышение уровня объективности, возможность измерения и т.п., - исследователь сталкивается и с серьезными проблемами, Это проблема источников информации и ее достоверности, наличия и полноты баз данных и т.п. Но главная проблема - это проблема тех затрат, которых требует проведение исследований с использованием контент-анализа, ивент-анализа и метода когнитивного картирования. Составление базы данных, их кодировка, программирование и т.п. занимают значительное время, нуждаются в дорогостоящем оборудовании, вызывают необходимость привлечения соответствующих специалистов, что в конечном итоге выливается в значительные суммы.

Учитывая указанные проблемы, профессор Монреальского университета Б.Корани предложил методику с ограниченным количеством индикаторов поведения международного автора, которые рассматриваются в качестве ключевых (наиболее характерных) (см.: прим.8, с.263- 265). Таких индикаторов всего четыре: способ дипломатического представительства, экономические сделки, межгосударственные визиты и соглашения (договоры). Эти индикаторы систематизируются в соответствии с их типом (например, соглашения могут быть дипломатические, военные, культурные или экономические) и уровнем значимости. Затем составляется матричная таблица, дающая наглядное представление об исследуемом объекте. Так, таблица, отражающая обмен визитами, выглядит следующим образом:

Глава государства: король, президент, шейх эмирата, первый секретарь компартии, канцлер	3
Вице-президент: премьер-министр или глава правительства, председатель верховного совета.....	2
Вице-президент: министр иностранных дел, министр обороны, министр экономики	1

Что касается способов дипломатического представительства, то их классификация строится на основе их уровня (уровень посла или более низкий уровень) и с учетом того, идет ли речь о прямом представительстве или через посредничество другой страны (резидент или не резидент). Комбинация этих данных может быть представлена в таком виде:

Посол резидент.....	5
Посол не резидент.....	4
Резидентное дипломатическое представительство (на уровне ниже посла)	3
Не резидентное дипломатическое представительство	2
Другие дипломатические отношения.....	1

На основе подобных данных строятся выводы, касающиеся способа поведения международного автора во времени и в пространстве: с кем он поддерживает наиболее интенсивные взаимодействия, в какой период и в какой сфере они происходят и т.п.

Используя данную методику, Б. Корани установил, что почти все военно-политические отношения, которые имел, например, Алжир в 70-е годы, поддерживались им с СССР, тогда как уровень экономических отношений со всем социалистическим лагерем был довольно слабым. Фактически большая часть экономических отношений Алжира была направлена на сотрудничество с Западом, и особенно с США, - «главной империалистической державой». Как пишет Б. Корани, «подобный вывод, противоречащий «здравому смыслу» и первым впечатлениям [напомним, что Алжир принадлежал в эти годы к странам «социалистической ориентации», придерживающимся курса «антиимпериалистической борьбы и всестороннего сотрудничества со странами социализма» - П.Ц.], не мог быть сделан, и в него нельзя было поверить без использования строгой методики, подкрепленной систематизацией данных» (см. прим.8, с.264). Возможно, это несколько преувеличенная оценка. Но в любом случае данная методика довольно эффективна, достаточно доказательна и не слишком дорогостояща.

Следует, однако, подчеркнуть и ее ограниченность, которая, впрочем, является общей для всех вышеназванных методов. Как признает сам ее автор, она не может, (или может только частично) ответить на вопрос о причинах тех или иных феноменов. Подобные методы и методики гораздо более полезны на уровне описания, а не объяснения. Они дают как бы фотографию, общий вид ситуации, показывают, что происходит, но не проясняя, почему. Но именно в этом и состоит их назначение - выполнять диагностическую роль в анализе тех или иных событий, ситуации и проблем международных отношений. Однако для этого они нуждаются в первичном материале, в наличии данных, которые подлежат дальнейшей обработке и накопление которых осуществляется на базе частных методик.

4. Частные методики

Под частными методиками понимается сумма процедур междисциплинарного характера, применяемых для накопления и первичной систематизации эмпирического материала («данных»). Поэтому иногда их называют также «техниками исследования». К настоящему времени известно более тысячи таких методик - от самых простых (например, наблюдение) до достаточно сложных (как, например, ситуационные игры, приближающиеся к одному из этапов системного моделирования). Наиболее известные из них анкетирование, интервью, экспертный опрос, экспертное совещание. Разновидностью последнего является, например, «дельфийская техника» - когда независимые эксперты вносят свои оценки того или иного международного события в центральный орган, который проводит их обобщение и систематизацию, после чего вновь возвращает экспертам. С учетом проведенного обобщения эксперты либо вносят поправки в свои первоначальные оценки, либо укрепляются в своем мнении и продолжают настаивать на нем. В соответствии с этим и вырабатывается окончательная оценка и даются практические рекомендации.

Рассмотрим наиболее распространенные из аналитических методик: наблюдение, изучение документов, сравнение, эксперимент.

Наблюдение

Как известно, элементами данного метода являются субъект наблюдения, объект и средства наблюдения. Существуют различные виды наблюдений. Так, например, непосредственное наблюдение, в отличие от опосредованного (инструментального), не предполагает использования какого-либо технического оборудования или инструментария (телевидения, радио и т.п.). Оно бывает внешним (подобным тому, которое, например, ведут парламентские журналисты или специальные корреспонденты в иностранных государствах) и включенным (когда наблюдатель является прямым участником того или иного международного события: дипломатических переговоров, совместного проекта или вооруженного конфликта). В свою очередь, прямое наблюдение отличается от косвенного, которое проводится на основе информации, получаемой при помощи интервью, анкетирования и т.е. В науке о международных отношениях в основном возможно косвенное и инструментальное наблюдение. Главный недостаток данного метода сбора данных - большая роль субъективных факторов, связанных с активностью субъекта, его (или первичных наблюдателей) идеологическими предпочтениями, несовершенством или деформированностью средств наблюдения и т.п. (см. прим .5, с.57-58).

Изучение документов

Применительно к международным отношениям оно имеет ту особенность, что у «неофициального» исследователя часто нет свободного доступа к источникам объективной информации (в отличие, например, от штабных аналитиков, экспертов международных ведомств или работников органов безопасности). Большую роль в этом играют представления того или иного режима о государственной тайне и безопасности. В СССР, например, предметом государственной тайны долгое время оставался объем добычи нефти, уровень промышленного производства и т.д.; существовал огромный массив документов и литературы, предназначенной только «для служебного пользования», сохранялся запрет на свободное хождение иностранных изданий, огромное множество учреждений и институтов было закрыто для «посторонних». Существует и другая проблема, затрудняющая использование данного метода, который является одним из исходных, базовых для любого исследования в области социальных и политических наук: это проблема финансовых средств, необходимых для приобретения, обработки и хранения документов, оплаты связанных с этим трудовых затрат и проч. Понятно поэтому, что чем более развитым является государство и чем более демократическим является его политический режим, тем более благоприятные возможности существуют и для исследований в области социальных и политических наук. К сожалению, для современной России обе указанные проблемы весьма актуальны. А обострение экономического кризиса в сочетании с поворотом ценностных приоритетов массового сознания в сторону меркантилизма, связанного с утратой многих духовных ориентиров, необычайно обостряет трудности исследовательской работы в целом и в области международных отношений, в частности.

Наиболее доступными являются официальные документы: сообщения пресслужб дипломатических и военных ведомств, информация о визитах государственных деятелей, уставные документы и заявления наиболее влиятельных межправительственных организаций, декларации и сообщения властных структур, политических партий и общественных объединений и т.д. Вместе с тем широко используются и неофициальные письменные, аудио и аудиовизуальные источники, которые так или иначе могут способствовать увеличению информации о событиях международной жизни: записи мнений частных лиц, семейные архивы, неопубликованные дневники. Важное значение могут иметь воспоминания непосредственных участников тех или иных международных событий - войн, дипломатических переговоров, официальных визитов. Это касается и форм подобных воспоминаний - письменных или устных, непосредственных или восстанавливаемых и т.п. Большую роль в сборе данных играют так называемые иконографические документы: картины, фотографии, кинофильмы, выставки, лозунги. Так, в

условиях господствовавшей в СССР закрытости, повышенной секретности и, следовательно, практической недоступности неофициальной информации американские советологи уделяли большое внимание изучению иконографических документов, например, репортажей с праздничных демонстраций и парадов. Изучались особенности оформления колонн, содержания лозунгов и плакатов, количества и персонального состава официальных лиц, присутствующих на трибуне, и, разумеется, видов демонстрируемой военной техники и вооружений²⁶.

Сравнение

Это также метод, являющийся общим для многих дисциплин. По утверждению Б. Рассета и Х. Старра, в науке о международных отношениях он стал применяться лишь с середины 60-х годов, когда непрекращающийся рост числа государств и других международных акторов сделал его и возможным, и совершенно необходимым (см. прим. 12, с. 46). Главное достоинство данного метода состоит в том, что он нацеливает на поиск общего, повторяющегося в сфере международных отношений. Необходимость сравнения между собой государств и их отдельных признаков (территория, население, уровень экономического развития, военный потенциал, протяженность границ и т.д.) стимулировала развитие количественных методов в науке о международных отношениях и, в частности, измерения. Так, если имеется гипотеза о том, что крупные государства более склонны к развязыванию войны, чем все остальные, то возникает потребность измерения величины государств с целью определения, какое из них является крупным, а какое малым, и по каким критериям. Кроме этого, «пространственного», аспекта измерения, появляется необходимость измерения «во времени», то есть выяснения в исторической ретроспективе, какая величина государства усиливает его «склонность» к войне (см. прим.12, с.47- 48).

В то же время сравнительный анализ дает возможность получить научно значимые выводы и на основе несходства явлений и неповторимости ситуации. Так, сравнивая между собой иконографические документы (в частности, фото- и кинохронику), отражающие отправление французских солдат в действующую армию в 1914 и в 1939гг., М. Ферро обнаружил впечатляющую разницу в их поведении. Улыбки, танцы, атмосфера всеобщего ликования, царившая на Восточном вокзале Парижа в 1914 году, резко контрастировала с картиной уныния, безнадежности, явного нежелания отправляться на фронт, наблюдаемой на том же вокзале в 1939 году. Поскольку указанные ситуации не могли сложиться под влиянием пацифистского движения (по свидетельству письменных источников, оно никогда не было столь сильным, как накануне 1914г., и, напротив, почти совсем не проявляло себя перед 1939г.), постольку была выдвинута гипотеза, согласно которой одним из

объяснений описанного выше контраста должно быть то, что в 1914 году, в отличие от 1939 года, не существовало никаких сомнений относительно того, кто является врагом: враг был известен и идентифицирован. Доказательство данной гипотезы стало одной из идей весьма интересного и оригинального исследования, посвященного осмыслению первой мировой войны²⁷.

Эксперимент

Метод эксперимента как создание искусственной ситуации с целью проверки теоретических гипотез, выводов и положений является одним из основных в естественных науках. В социальных науках наиболее широкое распространение получил такой его вид, как имитационные игры, являющиеся разновидностью лабораторного эксперимента (в отличие от полевого). Существует два типа имитационных игр: без применения электронно-вычислительной техники и с ее использованием. В первом случае речь идет об индивидуальных или групповых действиях, связанных с исполнением определенных ролей (например, государств, правительств, политических деятелей или международных организаций) в соответствии с заранее составленным сценарием. При этом участниками должны строго соблюдаться формальные условия игры, контролируемые ее руководителями: например, в случае имитации межгосударственного конфликта должны учитываться все параметры того государства, роль которого исполняет участник - экономический и военный потенциал, участие в союзах, стабильность правящего режима и т.п. В противном случае подобная игра может превратиться в простое развлечение и потерю времени с точки зрения познавательных результатов. Имитационные игры с применением компьютерной техники предлагают гораздо более широкие исследовательские перспективы. Опираясь на соответствующие базы данных, они дают возможность, например, воспроизвести модель дипломатической истории. Начав с самой простой и самой правдоподобной модели объяснения текущих событий - кризисов, конфликтов, создания межправительственных организаций и т.п., далее исследуют, как она подходит к подобранным ранее историческим примерам. Путем проб и ошибок, изменяя параметры исходной модели, добавляя упущенные в ней прежде переменные, учитывая культурно-исторические ценности, сдвига в господствующем менталитете и т.д., можно постепенно продвигаться к достижению ее все большего соответствия воспроизведенной модели дипломатической истории и на основе сравнения этих двух моделей выдвигать обоснованные гипотезы относительно возможного развития текущих событий в будущем.

Заканчивая рассмотрение методов, используемых в науке о международных отношениях, суммируем основные выводы, касающиеся нашей дисциплины.

Во-первых, отсутствие «собственных» методов у социологии международных отношений не лишает ее права на существование и не является основанием для пессимизма: не только социальные, но и многие «естественные науки» успешно развиваются, используя общие с другими науками, «междисциплинарные» методы и процедуры изучения своего объекта. Более того: междисциплинарность все заметнее становится одним из важных условий научного прогресса в любой отрасли знания. Подчеркнем еще раз и то, что каждая наука использует общетеоретические (свойственные всем наукам) и общенаучные (свойственные группе наук) методы познания.

Во-вторых, наиболее распространенными в социологии международных отношений являются такие общенаучные методы, как наблюдение, изучение документов, системный подход (системная теория и системный анализ), моделирование. Широкое применение находят в ней развивающиеся на базе общенаучных подходов прикладные междисциплинарные методы (контент-анализ, ивентанализ и др.), а также частные методики сбора и первичной обработки данных. При этом все они модифицируются с учетом объекта и целей исследования и приобретают здесь новые специфические особенности, закрепляясь как «свои, собственные» методы данной дисциплины. Заметим попутно, что разница между аналитическими, прикладными и частными методами носит достаточно относительный характер: одни и те же методы могут выступать и в качестве общенаучных подходов, и в качестве конкретных методик (например, наблюдение).

В-третьих, как и любая другая дисциплина, социология международных отношений в ее целостности, как определенная совокупность теоретических знаний, выступает одновременно и методом познания своего объекта. Отсюда то внимание, которое уделено в данной работе основным понятиям этой дисциплины: каждое из них, отражая ту или иную сторону международных реалий, в эпистемологическом плане несет методологическую нагрузку, или, иначе говоря, выполняет роль ориентира дальнейшего изучения его содержания - причем с точки зрения не только углубления и расширения знаний, но к их конкретизации применительно к потребностям практики.

Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что наилучший результат достигается при комплексном использовании различных методов и техник исследования. Только в таком случае исследователь может надеяться на обнаружение повторяемостей в цепи разрозненных фактов, ситуации и событий, то есть своего рода закономерностей (г соответственно и девиант) международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Braud Ph. La science politique. Paris, 1992, p.3.

² Хрусталеv М.А. Системное моделирование международных отношений Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук М., 1992, с.89.

³ Цыганков А.П. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику// Власть и демократия. Сборник статей. Под ред. П.А.Цыганков а. М., 1992, с.171.

4 Лебедева М.М., Тюлин И.Г

5 . Прикладная междисциплинарная политология: возможности и перспективы// Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладных исследований). Сборник научных трудов. Под ред. доктора политических наук И.Г. Тюлина. М., 1991.

⁵ Кукулка Е. Проблемы теории международных отношений (пер. с польского).М., 1980, с.52-56;60-61.

⁶ Hoffmann S. Theorie et relations inteinacionales. Paris, 1965, p.428.

⁷ Merle M. Les acteurs dans les relations internationales. Paris, 1986.

⁸ Korany B. et coll. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreal. 1987.

⁹ Braillard Ph. Philosophie et relations internationales. Paris, 1965.

¹⁰ В.И. Ленин и диалектика современных международных отношений. Сборник научных трудов. Под ред. Ашина Г.К., Тюлина И.Г. М., 1982.

¹¹ Aron R. Paix et Guerre entre les nations., p., 1984,p.103.

¹² Rassett B., Starr H. World Politics. Menu for Choice. San-Francisco, 1981.

¹³ Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.

¹⁴ Система, структура и процесс развития международных отношений / Отв. ред. В.И.Гантман. М., 1984.

¹⁵ Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталеv М.А. Основы теории международных отношений. М., 1988.

¹⁶ Аналитические методы в исследовании международных отношений. Сборник научных трудов. Под ред. Тюлина И.Г., Кожемятсова А.С., Хрусгалева МА. М., 1982.

¹⁷ Bosc R. Sociologie de la paix. Paris, 1965, p.47-48.

¹⁸ Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations mternationales. Paris, 1988, p.65-71.

¹⁹ Senarclens P.de. La politique intemationale. Paris, 1992, p.44-47.

²⁰ Rapoport A. N-Person Game Theorie, Concepts and Applications. Un. of Michigan Press, 1970.

²¹ Snyder R.C., Bruck H. W, Sapin B. Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics. 1954.

²² Schelling T. The Strategy of Conflict Oxford, 1971.

²³ *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations Internationales. Grenoble. 1977, p.29-33.

²⁴ *Girard M.* Turbulence dans la theorie politique internationale ou James Rosenau inventeur// Revue francaise de science politique. Vol. 42, №4, aout 1992, p.642.

²⁵ *Lasswell H. & Leites N.* The Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics. N.Y., 1949.

26 *Баталов Э.А.* Что такое прикладная политология// Конфликты и консенсус

27 . 1991. МЫ.

²⁷ *Ferro M.* Penser la Premiere Guerre Mondiale. In: Penser le XX-e siecle. Bruxelles, 1990.

Глава V ЗАКОНОМЕРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Любая наука направлена на поиск существенных, повторяющихся, необходимых связей исследуемого ею объекта, или, иначе говоря, на поиск законов его функционирования и развития. Только на этой основе она может выполнить свое главное предназначение: объяснение наблюдаемого в существующих фактах, явлениях, событиях и процессах и предсказание их возможной эволюции. Но если в естественных и технических науках точность подобного предсказания бывает достаточно высокой, и чаще всего их «вечные истины» не могут быть подвергнуты сомнению (например, при условии соответствующего атмосферного давления и определенного химического состава воды, ее нагревание до ста градусов по Цельсию приводит к кипению), то иначе обстоит дело в социальных науках.

Они имеют дело с такой специфической областью, как общественные отношения, субъектами которых являются люди с неповторимостью их черт характера, уникальностью индивидуальных судеб; руководствующиеся волей, страстями, убеждениями, верованиями, ценностями, идеологиями, личными привязанностями и т.д. Поэтому сама проблема законов здесь выглядит иначе. Конечно, абстрактно рассуждая, можно представить себе такую ситуацию, при которой возможно сколь-либо точное повторение того или иного общественного факта или события. Однако на деле это потребовало бы соблюдения такого количества условий, которое практически не осуществимо. Отсюда фактическое отсутствие устойчивых, «вечных», «неопровержимых» законов и, соответственно, наличие значительных трудностей в попытках предсказания путей эволюции того или иного общественного явления или процесса. Как известно, сама проблема законов является в социальных науках дискуссионной, широко распространен скептицизм относительно их существования.

К сказанному следует добавить еще одно обстоятельство, вызванное сменой парадигм в научной картине мира и, в частности, переходом от детерминистских объяснений в духе лапласовского понимания вселенной к постдетерминизму, связанному с новейшими открытиями в таких областях знания, как квантовая механика, молекулярная биология и, особенно, синергетика.

Все это влечет за собой ряд нетривиальных последствий и для науки о международных отношениях, прежде всего в том, что ка

сается понимания характера действующих в этой сфере законов, их содержания и проявления. Рассмотрим эти вопросы более подробно.

1. О характере законов в сфере международных отношений

Как мы уже видели, с позиций традиционного (ортодоксального) марксизма проблема законов решается на основе общей методологии исторического материализма, в соответствии -с которой содержание международных отношений определяется, с одной стороны, содержанием внутренней политики взаимодействующих на мировой арене государств (которая, в свою очередь, детерминирована их экономическим базисом), а, с другой, - классовой борьбой между капитализмом и социализмом в общепланетарном масштабе. Отсюда формулировались такие «законы», как, например, «превращение мировой системы социализма в решающий фактор общественного развития»; «возрастание роли развивающихся государств и движения неприсоединения»; «усиление кризиса и агрессивности империализма»; «мирное сосуществование государств с противоположным общественным строем» и т.п. В то же время, с точки зрения марксизма, законы международных отношений, как правило, носят характер закономерностей, - иначе говоря, необходимостей менее глубокого порядка, действующих лишь в приближении, в среднем, как равнодействующая многих пересекающихся законов. Это не означает однако, что марксизм сомневается в существовании закономерной основы общественной, в том числе и международной жизни. Иной характер законов, проявляющих себя как закономерности, вовсе не ведет к отказу от детерминизма как основы основ марксистского понимания истории.

Детерминизм во многом свойствен и такому направлению в науке о международных отношениях, как политический реализм, склонный исходить в понимании и объяснении взаимодействия государств на мировой арене из вечных законов неизменной человеческой природы, познание которых дает возможность создания рациональной теории.

В соответствии с детерминистским пониманием, например, изолированные усилия того или иного человека не могут повлиять на ход общественного развития, то есть действия отдельного индивида не имеют никакого значения для макросоциальных процессов. Развитие понимается как восходящий процесс движения от простого к сложному, от низшего к высшему, определяемый начальными причинами и не имеющий альтернатив. Тем самым картина мира предстает в виде вселенной, где господствуют строгие причинно-следственные связи, имеющие линейный характер. Следствие идентично, или, по меньшей мере, пропорционально причине. Поэтому, в принципе, история может быть объяснена и

предсказана: настоящее предопределено прошлым, будущее прошлым и настоящим.

Однако в последние годы, как уже отмечалось выше, детерминизм, с позиций которого случайность, по сути, изгонялась из научных теорий, был серьезно потеснен в самих своих основаниях. Появились новые фундаментальные исследования, следствием которых стали радикальные трансформации в научной картине мира в методологических основах науки, в самом стиле научного мышления. Появление и развитие синергетики, - науки о возникновении порядка из хаоса, о самоорганизации, - позволило увидеть мир с другой стороны. Илья Пригожин показал, что в точках бифуркации детерминистские описания в принципе невозможны. Так, например, если в летящий снаряд попадает другой снаряд и происходит раздвоение (бифуркация) первого, то объяснить, как будут вести себя его части, в каком направлении они полетят, - в принципе невозможно. Не потому, что наука еще не знает этого, а потому, что это непредсказуемо, когда мы имеем точки бифуркации. Только впоследствии, когда утвердится новая траектория полета указанных частей, станут возможными описания на основе известных законов, но не в этих точках. Таким образом, в науке появляется новое понимание, в соответствии с которым существует, как правило, множество альтернативных путей развития, в том числе и для человеческой истории, которая тем самым как бы лишается предопределенности. Постепенно утверждается и новое понимание истории как стохастического процесса - непредсказуемого, непредугаданного, непредопределенного .

Новая картина мира начинает проникать и в науку о международных отношениях, где, учитывая специфику ее объекта, скептицизм относительно существования законов его функционирования и развития получил особенно широкое распространение: большинство исследователей стремятся избегать употребления самого понятия «закон», предпочитая оперировать такими «менее обязывающими» терминами, как «закономерности», «тенденции», «правила» и т.п. Так, например, Б. Рассет и Х. Старр отмечают, что даже в том случае, если бы теоретические исследования в науке о международных отношениях были развиты гораздо лучше, чем в настоящее время, все равно, скорее всего, ученые пришли бы не к формулированию законов, а к утверждениям «по вероятности»: «В самом лучшем случае, - пишут они, - ученый-социолог может оценить не более, чем вероятность, что за данным специфическим событием (угрозой, обещанием или уступкой) последует желаемый результат»⁷.

Известный французский социолог Р. Арон, в свою очередь, полагал, что сама природа международных отношений, особенностью которых является отсутствие монополии на насилие и «плюрализм суверенитетов», диктует необходимость принятия тех или

иных политических действий «до того, как собраны все необходимые знания и обретена уверенность». Поэтому всякая деятельность в этой сфере основана не столько на знании закономерностей (которые, как он считал, все же существуют), сколько на вероятностях, «связанных с непредсказуемостью человеческих решений. Здесь можно только строить предположения о том, какое поведение считать рациональным. А это означает, подчеркивал Р. Арон, что «социология, приложенная к международным отношениям, имеет, так сказать, свои границы»³.

С точки зрения одного из последователей Р. Арона, Ж. Унцингера, изучение любого явления или процесса международной жизни предполагает его анализ с позиций и истории, и социологии, и теории. Только с учетом этого можно надеяться на выведение и исследование законов международных отношений. И все же, подчеркивал он, окончательное объяснение международной ситуации или какая-либо уверенность в полном понимании причин происходящего в этой сфере невозможны. Так, например, вооруженный конфликт можно объяснять на основе теории империализма, руководствуясь утверждениями об агрессивном характере данного государства, традиционной враждой соответствующих народов, темпераментом государственных деятелей, наконец, сочетанием всех указанных факторов. Каждый из этих подходов может содержать элемент истины, но ни один из них, и даже все они вместе взятые не могут претендовать на окончательно верное объяснение. Поэтому «понятие, которое лучше всего отражает реальность международных отношений - это понятие относительности»⁴.

Приведем мнение еще одного известного ученого французского историка Ж.-Б. Дюрозеля. Соглашаясь с утверждениями о том, что в общественных науках законы не обладают той степенью строгости, которая характерна для наук о природе, и потому не дают полного удовлетворения требованиям, он подчеркивает, что такое положение вещей объясняется самой сущностью отражаемых ими реалий. При этом, поскольку речь идет о сфере вероятностного знания, в котором господствуют исключения и которое поэтому неотделимо от интуиции, здесь гораздо больше подходит термин «закономерность». Закон отражает одну или несколько групп строго идентифицированных феноменов, имеющих общий характер, более того - освобожденных от всех признаков индивидуальности и поэтому поддающихся измерению. Когда же мы имеем дело с событиями, то каждое из них предполагает присутствие человеческого разума, поэтому каждое является единичным, уникальным. Здесь фактически не существуют идентичность и изменяемость. Между несколькими событиями можно найти лишь аналогии: так, существуют типы расхождений, типы коммуникаций, типы насилия. «Закономерность - это и есть наличие длинного ряда подобий, которые как бы не зависят от особенностей той или иной

эпохи и, следовательно, могут быть отнесены к самой природе *homo sapiens*»⁵. Наряду с закономерностями, отражающими повторяемости или подобия типов событий, независимо от социального или технического уровня общества, политического режима или географического региона, существуют также «временные правила» и «рецепты». «Временные правила» отражают уровень менее общего порядка, чем совокупная история человечества. Они касаются одной из «структур», то есть «одной из фаз той длительной исторической эволюции, которую прошел мир» - данной эпохи, данного географического региона или данного политического режима.

Наконец, существует уровень отдельного действия в данный момент и в данных обстоятельствах. Люди должны действовать. Но для того, чтобы эти действия были как можно более разумными, одних закономерностей и временных правил недостаточно. Поэтому, за отсутствием научных знаний, они опираются на принципы нормативного характера, которые могут быть названы «рецептами». Можно было бы продолжить рассмотрение взглядов различных ученых, относящихся к полемизирующим друг с другом теоретическим направлениям и школам. Но и приведенных примеров достаточно для того, чтобы сделать некоторые предварительные выводы. Они показывают, что, несмотря на широко распространенный скептицизм относительно существования законов в сфере международных отношений, объясняемый спецификой этой сферы социального взаимодействия, на имеющиеся разногласия в понимании их значения для объяснения и прогнозирования наблюдаемых здесь событий и процессов, на дискуссии, касающиеся форм, характера проявления и степени «устойчивости» закономерностей, между исследователями есть согласие в ряде аспектов, существенно важных, в контексте рассматриваемой проблемы. Во-первых, сфера международных отношений представляет собой своего рода стохастическую вселенную, картину причудливого переплетения многообразных событий и процессов, причины и следствия которых носят несимметричный характер, поэтому их описания и объяснения в духе детерминизма, предопределенности, безальтернативности, исключения случайности непродуктивны.

Во-вторых, социологический подход, направленный на сравнение международных событий и процессов, на выявление между ними подобия и различий, на построение определенной типологии обнаруживает, что, при всей специфике происходящего в сфере международных отношений, в ней могут быть обнаружены и некоторые «повторяемости», например, с точки зрения видов взаимодействия, степени их интенсивности, характера возможных вариантов последствий и т.п.

Наконец, в-третьих, подобные «повторяемости», которые, могут быть названы закономерностями и которые, с учетом сказанного выше, могут иметь лишь достаточно относительный характер, непосредственно в сфере международных отношений весьма немногочисленны. К их рассмотрению мы и переходим.

2. Содержание закономерностей международных отношений

Одной из иллюстраций немногочисленности закономерностей, имеющих непосредственное отношение к сфере международных взаимодействий, может служить попытка их систематизации, предпринятая Ж.-Б. Дюрозелем. Приведем ее полностью (см. прим. 5, с.309-320):

1. Любое общество и, следовательно, любая политическая единица, стремятся к технической эффективности.

2. Любое техническое усовершенствование подчиняется постоянной и всеобщей закономерности распространения.

3. Главным тормозом распространения техники является существование в обществе целостной системы ценностей.

4. Необходимо уметь обнаруживать закономерность конверсии, то есть условия, при которых социальные общности переходят от одной системы ценностей к другой. Дело в том, что, будучи широко распространенным феноменом в индивидуальном плане, конверсия является исключительно редкой, когда речь идет об общностях, наделенных религией или идеологией. Она осуществляется только при следующих условиях: а) существующая идеология находится в процессе полного разложения; б) идущая ей на смену идеология является мощной и привлекательной; в) процесс конверсии сопровождается осуществляемым в течение длительного времени насильственным разрушением старой идеологии; г) конверсия начинается с периферических зон, находящихся в стороне от центра наиболее интенсивной веры.

5. Структурная стабильность общности вызывает у части ее членов ощущение «невыносимости», то есть состояния, при котором многие индивиды готовы рисковать своей жизнью во имя изменений. Так, например, Англия сумела избежать революции между 1830-1835 гг. только потому, что ее правители проводили политику широких реформ. Напротив, французский режим эпохи Реставрации вместо трансформации своих институтов пытался укрепить их, что шло вразрез со стремлениями большинства граждан.

6. Существует постоянный конфликт между эффективностью и человеческим достоинством.

7. Способы человеческих объединений менее стабильны, чем системы ценностей (религиозные или идеологические), но менее открыты для изменению, чем техника.

8. Закономерность войны, объясняемая существованием замкнутых систем стабильных ценностей, разницей военных потенциалов, регулярностью, с которой в истории человеческих общностей возникает ситуация Невыносимости».

Как видим, из приведенного перечня закономерностей лишь одна («закономерность войны») непосредственно касается сферы международных отношений, тогда как все другие носят гораздо более широкий характер, затрагивая социальную сферу человеческих отношений в целом. Разумеется, в этом своем качестве они не могут не влиять на международные отношения, более того, влияние некоторых из них (особенно второй, третьей и четвертой), как убедительно показывает автор, является настолько ощутимым, что без их анализа и учета трудно понять многие международные события и процессы. И все же речь идет об общесоциологических закономерностях, действующих в области как международных, так и внутриобщественных отношений. Иное дело - «временные правила». Сравнивая характер международных отношений, свойственных периоду, продолжавшемуся с XVI века до 1914 года, с современными международными реальностями (с 1945 года и до наших дней), Ж.Б.Дюрозель отмечает, что для современности характерно отсутствие коалиции, направленных против гегемонии одной или нескольких великих держав (то есть «подобия европейского концерта наций»); уже не существует ни одной собственно европейской великой державы; на мировой сцене появляется новая, разрозненная, но вполне реальная международная сила - мировое общественное мнение; происходят радикальные изменения в военной стратегии и т.п. Речь идет, таким образом, непосредственно о сфере международных (межгосударственных) отношений, однако указанные «временные правила» являются, скорее, хорошо систематизированными наблюдениями, представляющими собой исходный эмпирический материал, нуждающийся в дальнейшем изучении и обобщении.

Если же попытаться провести более широкий анализ научной литературы, посвященной международным отношениям, то можно убедиться, что значительная ее часть (напомним, что главным образом политологического характера) посвящена в основном анализу проблем, связанных с войной или ее предотвращением. Этот подход характерен и для Р. Арона (его главный труд, посвященный исследованию международных отношений, назван «Мир и война между нациями»), который одним из первых предпринял попытку создания социологии международных отношений. Поэтому закономерности, о которых идет речь в данной литературе, касаются прежде всего именно этих проблем и не выходят за рамки межгосударственных отношений.

Обобщая в этой связи различные точки зрения, позиции различных теоретических школ, можно выделить следующие закономерности.

Во-первых, главным действующим лицом международных отношений (с точки зрения некоторых авторов, практически единственным, или, в крайнем случае, единоличным) является государство, а формами его международной деятельности - дипломатия и стратегия.

Во-вторых, государственная политика существует в двух разновидностях: внутренней и внешней (международной), между которыми имеется как взаимосвязь, так и существенные различия, в силу которых международная политика государства обладает хотя и относительной, но в то же время весьма значительной автономией.

В-третьих, основа основ всех его международных действий коренится в национальном интересе, наиболее существенными составными элементами которого являются безопасность, выживание и суверенитет. Поэтому международные отношения - это сфера столкновений, конфликтов и примирений национальных интересов различных государств.

В-четвертых, потребность в защите и продвижении национального интереса вызывает необходимость обладания как можно более мощным военным потенциалом, который, в свою очередь, зависит от его природных, экономических и иных ресурсов. Поэтому международные отношения - это силовое взаимодействие государств, - баланс сил, - в котором преимущества, с точки зрения национальных интересов, имеют наиболее мощные державы.

В-пятых, в зависимости от распределения мощи между наиболее крупными, с точки зрения военного потенциала, государствами - так называемыми великими державами - баланс сил может принимать различные формы, или конфигурации: биполярную, трехполюсную, мультиполярную и т.д.

Таковы наиболее общие закономерности, сформулированные в рамках гсгударственно-центричной парадигмы международных отношений. Они дополняются, развиваются и конкретизируются в целом ряде других, гораздо более многочисленных, обобщений менее широкого характера, касающихся, например, особенностей национального интереса, применения силы, типов полярности и т.д. Таковы, например, выдвинутые Г. Моргентау «шесть принципов политического реализма», которые представляют собой, по сути, конкретизацию его понимания национального интереса и одновременно представление о путях его реализации во внешней политике государства. Р. Арон предлагал свое понимание относительно значения силы и слабости государства для международной стабильности (например, «излишек слабости не менее опасен для мира, чем излишек силы»). Б. Рассет и Х. Старр, используя метод

аналогии, выдвинули ряд гипотез, практическая подтверждаемость которых придает им более широкое значение (например: чаще убивают соотечественников, чем иностранцев, знакомых и родственников, чем неизвестных; поэтому мало вероятно, что отдаленные друг от друга государства, слабо связанные между собой, - такие, как, скажем. Боливия и Бирма - будут воевать друг с другом). Подобные примеры, содержащие интересные и, чаще всего, весьма полезные обобщения, можно было бы продолжать. Однако они вряд ли могут претендовать на то, чтобы называться закономерностями международных отношений, ибо для них характерен слишком значительный налет субъективности и, кроме того, диапазон их действия слишком ограничен.

Впрочем, ограниченность свойственна и вышеуказанным закономерностям. При всей своей значимости, эти закономерности, во-первых, относятся, главным образом, к межгосударственным взаимодействиям, которые представляют собой лишь часть международных отношений. А, во-вторых, в последние годы роль этих взаимодействий, степень их влияния на характер и эволюцию международных отношений подвергаются все более настойчивым и аргументированным сомнениям - и прежде всего именно с позиций социологического подхода.

Собственно, подобные сомнения имплицитно содержались и в сформулированных в рамках ортодоксального марксизма закономерностях об усилении значения международных отношений в общественной жизни и о возрастании влияния на их развитие народных масс. Под идеологической оболочкой (которая, конечно, не могла не сдерживать их конкретизации и развития) в них просматривается подучившая сегодня широкое распространение мысль об эволюции международных отношений, ломающей парадигму их традиционного понимания. Данное замечание не означает однако приоритета марксизма в осмыслении новых тенденций. Напротив, это осмысление возникло независимо от марксизма и имеет уже относительно давнюю традицию, восходящую к трудам, созданным в 50-е - 60-е годы такими представителями либеральной мысли, как Ж. Вернан, С. Хоффманн, Д. Розенау, Е. Лорд, М. Боск и др. Высказанные ими идеи о международном обществе, о несводимости международных отношений к межправительственным взаимодействиям, о неподконтрольности государствам некоторых типов международных общений, способных оказывать существенное влияние на облик мировой политики и т.п., получили новый импульс в международно-социологической литературе в свете наблюдающегося сегодня кризиса государственности, выхода на мировую арену новых действующих лиц и т.д.

Так, в работе известных французских исследователей Б. Бади и М.-К. Смуц «Мир на переломе. Социология международной сцены» показано, что современные международные отношения дают все

меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, в том, что поставлено на карту⁶.

Мир находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Структура межгосударственных отношений, долгое время служившая самым верным посредником во взаимодействиях между индивидом и международной ареной, в настоящее время деформируется и все меньше отвечает этому предназначению. Традиционная дипломатия слабо улавливает новые тенденции долговременной динамики социальных трансформаций со все более многообразными параметрами: например, такие, как увеличение миграционных потоков, трансграничное движение людей, капиталов и идей, деградация окружающей среды, распространение наиболее «эффективных» видов оружия. Политика уже не вырабатывается централизованно, в каком-то одном месте, а оказывается все более и более расколотой между многочисленными центрами, координация между которыми выглядит все более затруднительной.

Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения.

Происходящие изменения делают проблематичным любой прогноз относительно содержания и формы будущих политических единиц, их взаимного расположения («конфигурации») на мировой арене. Вместе с этим уменьшается (но не исчезает) и значение вышеуказанных закономерностей, их уровень общности, ограничивается сфера их действия.

Это обусловлено тем, что сегодня, как подчеркивает Дж.Розенау⁷, возникают контуры новой «постмеждународной политики» - глобальной системы, в которой контакты между различными структурами и авторами осуществляются принципиально по-новому. Наряду с традиционным миром межгосударственных взаимодействий на наших глазах рождается новый - «второй, полицентричный, мир» международных отношений, характеризующийся хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, переориентацией связей авторитета и лояльностей, которые соединяли индивидов. При этом базовые структуры «постмеждународных отношений» обнаруживают настоящую бифуркацию между соревновательными логиками этатистского и полицентрического мира, которые взаимно влияют друг на друга и никогда не могут найти подлинного примирения. «Частная группа Совет по защите природных ресурсов - ведет переговоры с правительствами сверхдержав относительно мониторинга соглашений о

запрещении ядерных испытаний; представители англиканской церкви выступают посредниками между террористами и правительствами на Ближнем Востоке; несколько организаций принимают решения - вкладывать или не вкладывать средства в экономику ЮАР, дабы изменить социальную политику местного правительства; Международный валютный фонд инструктирует национальные правительства, как им решать экономические вопросы; глава никарагуанского государства ведет камланию в поддержку самого себя на улицах Нью-Йорка; <...> поляки, живущие в США, принимают участие в национальных выборах 1989 г. и в одном из районов Варшавы их голоса становятся решающими; опубликованный в Англии роман становится причиной отставки посла в Иране и убийства в Бельгии; отравленные в Чили фрукты дестабилизируют мировые рынки, провоцируют действия нескольких правительств, рабочие волнения в доках Филадельфии и политический кризис в самой Чили - таковы лишь отдельные примеры из великого множества событий, иллюстрирующих становление нового глобального порядка», - пишет Дж. Розенау⁸.

Ощущение глубоких изменений, производящих подлинный переворот в привычной картине международных отношений, присуще практически всем крупным работам последних лет, в которых рассматриваются проблемы наблюдающихся в этой сфере новых явлений и процессов. Приведем еще два примера в данном отношении.

Так, французский исследователь Ф. Моро Дефарг подчеркивает, что XX век завершается под знаком глубокого переворота в характере международных отношений, являющегося не столько результатом деятельности государственных политиков, сколько совершенно других процессов. Религии, культуры, многообразные виды обменов между общностями эволюционируют по своей собственной логике и постоянно «нарушают государственные границы». Эта логика не считается с политико-юридическими барьерами, которые она без конца опрокидывает или обходит. В 40-е и 50-е годы в «конфликте века» противостояли друг другу коммунистический Восток и плюралистический Запад; в 70-е годы он переместился в сферу противоречий между богатым Севером и бедным Югом. «Куда он перемещается накануне 2000 года? В сферу борьбы между предприятиями, между государствами за обладание и контроль над технологическими инновациями? В сферу антагонизмов между всем тем, что символизирует современность - от джинсов до компьютера - и всем тем, что воплощает идентичность, будь то национальная, религиозная или социальная идентичность? В разрушение прежних порядков под ударами требований свободы?»⁹. Ответы на все эти вопросы далеко не очевидны. Хотя вполне очевидно то, что они вызваны глубокими трансформациями, которые переживает современный мир, и возникающими в этой связи

ощущениями тревоги перед лицом нарушения стабильного порядка вещей.

В этой связи бельгийский ученый А. Самюэль считает, что человечество уже вступило в «новый международный мир», а скорость и глубина наблюдаемых изменений имеют, по меньшей мере, два последствия.

Во-первых, произошел переход от биполярного мира к комплексному. Нет уже двух сверхдержав; в юго-восточной Азии бурно развиваются новые динамичные государства; в других странах происходит демографический взрыв; нации освобождаются; «спутники» уходят с орбит своих сюзеренов; действия малых государств приносят серьезные беспокойства великим державам. Наряду с упадком влияния больших идеологий появляются новые силы экономического, финансового, а также духовного характера. «Бог не умер». Во всяком случае, религиозность не только возвращается, но и претендует определять национальные и международные политические процессы. Одновременно от Мехико до Москвы происходит восстание гражданского общества», которое опрокидывает однопартийность и склеротическую политику. Наконец, интеллектуалы, религиозные деятели становятся не только звездами, но и международными лидерами, скромная, но настойчивая деятельность которых изменяет ход вещей.

Во-вторых, этот переходный мир стал непредсказуемым. Мы уже привыкли к разделу мира на два блока, который казался или пропагандировался как незыблемый. Но вот непредвиденное уже произошло. Коммунистическая идеология и коммунистическое движение уже совсем не те, что были еще недавно. Единственная партия - авангард уступает место многопартийности. Вопросы, которые были отложены в долгий ящик истории, - такие, как, например, воссоединение Германии, решаются неожиданно быстро. И никто не может предсказать, что еще произойдет завтра. Вместе с тем уже сегодня ясно, что вопросы международной безопасности больше не могут решаться и даже не встают в терминах равновесия военных

Итак, новизна ситуации в международных отношениях может быть резюмирована, с учетом рассматриваемой проблемы, в том, что наблюдающиеся сегодня общепланетарные трансформации выходят за рамки рассмотренных выше закономерностей межгосударственных взаимодействий и, не отменяя их значения, лишают их «претензии» на всеобщность во влиянии на человеческие судьбы, на судьбы мира в целом. В этой связи возникает имеющий принципиальное значение вопрос: правомерно ли вообще говорить сегодня о каких-либо действующих в этой сфере закономерностях универсального характера? Думается, что несмотря на всю глубину и значимость происходящих изменений, на него может быть дан утвердительный ответ.

3. Универсальные закономерности международных отношений

Универсальные, или наиболее общие закономерности, в отличие от закономерностей меньшей степени общности, должны отвечать критериям пространственно-временного и структурно-функционального характера. Это значит, что, во-первых, их действие должно касаться не только тех или иных регионов (скажем, наиболее развитых в социально-экономическом отношении - например, Западной Европы, Северной Америки и т.п.), а мира в целом. Во-вторых, они должны наблюдаться и в исторической ретроспективе, и в переживаемый период, а также не исключаться в будущем. В-третьих, они должны охватывать не тех или иных - пусть даже самых значимых сегодня и/или самых перспективных», с точки зрения обозримого будущего, а всех участников международных отношений, как и все сферы общественных отношений: экономику, социальную жизнь, идеологию, политику, культуру, даже религию, хотя проявление таких закономерностей в различных сферах может быть (и чаще всего является) отнюдь не «симметричным».

С учетом сказанного могут быть выделены две основных закономерности, а точнее говоря, две ведущих тенденции в эволюции взаимодействия социальных общностей на мировой арене. К ним относятся глобализация и фрагментация международных отношений, становление единого, целостного мира и все новые формы его раскола. В определенном смысле можно сказать, что они являются диалектически противоположными сторонами одной и той же внутренней противоречивой тенденции - роста взаимозависимости современного мира - и ее проявлений в сфере международных отношений.

Указанные закономерности проявляются, с одной стороны, в интернационализации экономической, социальной, политической и всей общественной жизни, а, с другой, - в создании и укреплении суверенных государств, развитии национальных общностей и национальных движений, стремящихся к реализации своих интересов вне национально-государственных границ¹¹. Вместе с тем их содержание гораздо шире, поскольку они активно вторгаются в частную жизнь, изменение характера которой, с точки зрения ее «выхода» в сферу международных отношений, является, по-видимому, одной из наиболее отличительных черт происходящих глобальных изменений. Поэтому их действие касается не только социальных общностей и политических движений, но и конкретных личностей, расширения поля взаимного (и весьма существенного) влияния индивида и международных отношений.

Действие основных закономерностей наблюдается уже в период образования и крушения древних империй, зарождения и распространения мировых религий, формирования национальной государственности в Европе и распространения этого процесса на

другие регионы мира, распада государственных империй на самостоятельные политические единицы в преддверии XX века (Австро-Венгрия, Османская империя и т.п.), бурного процесса институализации международных отношений в нашем столетии и т.д. Одновременно шел процесс расширения обменов между различными общностями, государствами и частными участниками международных отношений (коммерсантами, религиозными организациями, деятелями искусства и культуры), ускоряющийся по мере научно-технического развития.

Новые импульсы указанные процессы получают в точках научно-технических революций, в особенности таких, как промышленная революция на рубеже XVIII-XIX веков, НТР, ведущая свое начало с 50-х годов нашего столетия, и ее современный этап, характеризующийся бурным развитием микроэлектронных технологий. В результате осуществляющегося сегодня в масштабах планеты перехода от индустриального (а в ряде регионов - от доиндустриального) общества к постиндустриальному («программируемому», по терминологии А. Турена) происходят коренные изменения в средствах связи и транспорта, информационных технологиях и коммуникациях, формах социальной организации и механизмах управления, экономических и политических структурах и видах вооружений. Все это не может не оказывать влияния на проявление основных закономерностей международных отношений.

Среди наиболее очевидных проявлений этих закономерностей следует выделить феномены экономической, социальной и политической интеграции и дезинтеграции, наблюдаемые сегодня практически во всех регионах мира. При этом, несмотря на нередко встречающиеся эйфорию по поводу первой и ламетации по поводу второй, и та, и другая являются объективными процессами, отражающими «бифуркационность» современного состояния мировой цивилизации, стохастический, непредопределенный характер ее развития.

Так, подкрепляемые экономической, технологической, экологической взаимозависимостью, процессы интеграции испытывают и разрушающее их давление со стороны тенденции к возрастанию национальной и культурной самобытности, возврата к истокам, даже поиска социализации в идеалах архаических отношений и реакционных идейно-политических течений.

Представители социологии международных отношений с полным основанием привлекают внимание к тому обстоятельству, что формирование целостного мира не только сопровождается интеграционными процессами, но и создает условия для исключения, отбрасывая на периферию всех, не способных включиться в сета международной взаимосвязи и оказывать влияние на ее направленность (см. прим. 6, с.204-213). Указанное исключение имеет сложный характер и отличается многообразием форм, его

механизмы действуют как внутри того или иного общества, так и на мировой арене. В слаборазвитых странах оно отражает углубляющийся разрыв между сельским и городским населением, между новой буржуазией и широкими слоями люмпен-пролетариата. В развитых странах оно ускоряет формирование так называемого «четвертого мира», состоящего из иммигрантов и «новых бедных». Поэтому среди последствий усиления целостности мира немалое место занимают процессы депривации, возрастающей зависимости, клиентизации, распространения насилия и т.п. Развитие новейших средств коммуникации, спутниковой связи, видеотехники и т.п. способствует широкому распространению (в известном смысле универсализации) западных идеалов качества жизни, стандартов потребления, индивидуальных ценностей, демократических норм и т.п. В свою очередь, это ведет к возрастанию миграционных потоков в направлении более развитых стран, которые нередко поощряются руководством слаборазвитых государств, как определенное средство хотя бы частичного решения проблем занятости и валютного голода». Массовая иммиграция ведет к дестабилизации социальных и политических отношений как в принимающих, так и в покидаемых | иммигрантами странах, а нередко - и к обострению отношений между ними. Одновременно растет разрыв в уровнях развития между богатыми и бедными странами, с одной стороны, а с другой - внутри «третьего мира», мира бедных стран. Окраины разрастающихся мегаполисов «третьего мира» все более заметно превращаются в средоточие растущей нестабильности, благоприятную среду кристаллизации радикальных религиозных и популистских движений (исламского фундаментализма - в арабских странах, радикального индуизма - в Индии, анимистского мессианизма - в Тропической Африке и т.п.). Указанные движения чаще всего принимают явно выраженный антизападный характер, порождая такой не известный ранее феномен, как «дикая дипломатия», которая все более ощутимо затрудняет деятельность официальной дипломатии (см. прим.11, С.210).

В свете описанных процессов не столь уж неожиданными выглядят утверждения, согласно которым «время интеграции прошло, в мире начались дезинтеграционные процессы»¹².

Действительно, дезинтеграция характерна не только для бывшего СССР или происходящего под влиянием его кризиса и распада мирного раздела Чехословакии и кровавого - Югославии. Еще раньше тенденции к «суверенизации» начались и продолжают наблюдаться сегодня в таких странах, как Турция (курдская проблема), Франция (проблема Корсики), Англия (проблема Северной Ирландии), Испания (проблема баскского сепаратизма). Вылившиеся в погромы этнические волнения в Южной Калифорнии в мае 1992 г. также стали одним из выражений развития процессов обретения различными национальными и расовыми группами

собственной идентичности (и, соответственно, противопоставления себя «другим»). Несмотря на решительные меры, предпринимаемые во всех описанных случаях правительствами соответствующих стран, включая применение военной силы, указанные процессы в лучшем случае «загоняются вглубь», адекватного же решения им до сих пор не найдено.

Было бы однако неверным абсолютизировать ту или другую из указанных закономерностей. Как показал опыт «перестройки» и «нового мышления», политика, которая делает ставку на одну из них - указывая, например, на тенденцию к возрастающей целостности, взаимозависимости современного мира - при фактически полном игнорировании второй, противоположной ей тенденции, оборачивается тяжелыми ошибками и в конечном итоге поражением. Вот почему совершенно неуместными выглядят как возмущенное удавление по поводу развала СССР, процессов «суверенизации» субъектов Российской Федерации («Весь мир движется в направлении к интеграции, а мы пытаемся идти против течения»), так и попытки трактовать их в терминах «общественного прогресса» («Развал империи следует рассматривать как позитивное явление, как освобождение народов и реализацию ими естественного права самостоятельно решать собственную судьбу»). Суждения подобного рода грешат упрощением ситуации, ее примитивизацией, а потому вместо прояснения проблемы уводят в сторону, лишают возможности осмыслить всю ее сложность и полноту. Поэтому не менее серьезной ошибкой, чем игнорирование тенденции к дезинтеграции, была бы односторонняя ориентация только на нее при попытке осмысления современных международных реалий, а тем более - при выработке и проведении в жизнь политических решений. Так, уже сегодня видно, что процессы дезинтеграции бывшего СССР в ряде случаев достигли определенного «предела насыщения». Наблюдается взаимная заинтересованность различных стран СНГ к сотрудничеству, в том числе и в столь решительно отвергавшихся еще недавно институциональных формах. При этом следует подчеркнуть, что существенную роль в интеграционных процессах играют социокультурные факторы. Мы можем и должны объяснять необходимость интеграции потребностями экономического, экологического или любого иного характера. Но мы рискуем ничего не понять в происходящем, если упустим из виду, что, не будучи «освящены» культурой, совокупностью общих ценностей, которым привержены «рядовые» люди, их, коллективной исторической памятью, общностью ряда традиций, обычаев, элементов образа жизни и т.п., указанные факторы не могли бы играть той роли, которую они, безусловно, играют в международно-политических процессах.

Проблема закономерностей международных отношений остается одной из наименее разработанных и дискуссионных в науке. Это объясняется прежде всего самой спецификой данной сферы общественных отношений, где особенно трудно обнаружить повторяемость тех или иных событий и процессов и где поэтому главными чертами закономерностей являются их относительный, вероятностный, стохастический, преходящий характер. Как частные, так и наиболее общие, универсальные закономерности существуют здесь в виде тенденций, характер проявления которых зависит от множества условий и факторов. В то же время одно из глобальных направлений указанных тенденций, просматривающееся из глубины веков и ведущее к нарастанию взаимозависимости мира, дает основание представить международные отношения в виде целостной системы, функционирование которой зависит как от законов общесистемного характера, так и от особенностей данного типа систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с Ильей Пригожиным// Вопросы философии. 1992. № 12.

² *Rassett B. , Statrr H.* World Politics. Menu of Choice. San Francisco, 1981, p.51.

³ *Aron R.* Une sociologie des relations mternationales. In: Revue francaise de sociologie. 1963. Vol. IV. №3, p.312,321.

⁴ *Huntzinger J.* Introduction aux relations internationales. Paris, 1987, p. 16.

⁵ *Duroselle J.-B.* Tout empire perira. Une vision theorique des relations Internationales. Paris, 1982.

⁶ *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene mternationale. Paris, 1992, p,237-240.

⁷ *Rosenau J.* Turbulence in world politics: A theorie of Chande and Continuity. Princeton, 1990.

⁸ *Розенау Дж.* Мировая политика в движении. Теория изменений и пеемственности. Реферат. М., 1992, с.6-7.

⁹ *Moreau Defarges Ph.* Les relations intemationales dans le monde d'aujourd'hui . Entre globalisation et fragmentation. Paris, 1992, p. 10-11.

¹⁰ *Samuel A.* Nouveau paysage international. Paris, 1990, p.247-250.

¹¹ *Фельдман Д.М.* Закономерности и тенденции в развитии международных отношений// Введение в социологию международных отношений. Учебное пособие. М., 1992, с.67-68.

¹² *Позняков Э.А.* Россия сегодня и завтра. Международная жизнь. 3993. №2

Глава VI МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА

Принято считать, что системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины 50-х годов. Его широкое распространение совпало с проникновением в социальные дисциплины достижений научно-технической революции и, в частности, с использованием ЭВМ, что стало для него источником дополнительной привлекательности и породило надежды на придание исследованиям в этой области необходимой строгости, прочной теоретической обоснованности и эмпирической верифицируемости. «Идея систем, - писал, например, С. Хоффманн, несомненно дает наиболее плодотворную концептуальную основу. Она позволяет провести четкое различие между теорией международных отношений и теорией внешней политики, а также способствует успешному развитию как той, так и другой»¹.

В качестве основоположника системной теории западные исследователи чаще всего называют эмигрировавшего в США австрийского ученого Людвиг фон Бергаланфи, работы которого в этой области получили широкое признание в научных кругах. Однако это не означает, что системный подход не существовал раньше. Стоит напомнить, например, что основные понятия системного подхода широко использовались в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, ими часто оперировал В.И. Ленин. Специально проблемам системной теории была посвящена изданная в 20-е годы двухтомная работа нашего соотечественника А.А. Богданова «Всеобщая организационная наука (тектология)», в которой были проанализированы такие основополагающие понятия системного подхода, как «система», «элементы», «связи», «структура», «среда», «устойчивость», сформулированы идеи относительно системных противоречий, законов функционирования и трансформации сложных систем и многие другие положения, которые в последующие годы, особенно в период бурного развития системной теории в середине XX века, нашли свое подтверждение и получили дальнейшее развитие. В применении к социально-политическим наукам системный подход получил в эти годы плодотворное развитие в работах американских ученых Т. Парсонса и Д. Истона. Особенно широкое распространение получили в политической социологии идеи, высказанные в книге Д. Истона «Системный анализ политической жизни»². Политическая система рассматривается в ней в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов», в

соответствии с базовыми идеями кибернетики. На «входах» система получает извне импульсы, сигналы, ресурсы, встречается с вызовами, представляющими угрозу ее целостности. Д. Истон разделяет их на две категории: «требования», связанные с безопасностью, индивидуальной свободой и равенством, участием, потребительскими благами и т.п., и «поддержки», позволяющие удовлетворять некоторые требования и регулировать вызываемые ими конфликты. Источником «требований» являются, с одной стороны, такие части ее внутрисоциетальной среды, как экологическая система, биологическая система, личностные системы и социальные системы. С другой стороны, такими источниками являются компоненты экстра-социетальной среды: международнополитические системы, международно-экологические системы и международные социальные системы. Все эти потоки, поступающие на «входах» из глобальной окружающей среды, перерабатываются внутри политической системы путем реагирования всех ее составных элементов и вызывают в конечном счете совокупную ответную реакцию системы, при помощи которой она адаптируется к среде. На «выходах» такая реакция получает форму политических действий, правительственных актов и мероприятий и т.п. В свою очередь, эта обратная реакция системы является началом нового цикла ее взаимодействий со средой, способствует определенным изменениям в окружающей среде, продуцирующей затем новые «требования» и «поддержки».

Таким образом, одним из главных достоинств концепции Д. Истона является рассмотрение политической системы в динамике как целостного организма, находящегося в постоянном взаимодействии с окружающей средой и непрерывно «сверяющего» свои «ответы» с состоянием и реакцией своих элементов. Немаловажным является и то обстоятельство, что предложенный Д. Истоном системный анализ облегчает поиски и выявление правил функционирования политической системы, закономерностей ее отношения с другими системами, условий сохранения стабильности и т.п.

Тем не менее, не отрицая указанных достоинств анализа Д. Истона, специалисты в области международных отношений довольно сдержанно относятся к утверждениям о применимости его выводов к любому типу политических систем, считая, в частности, что они не подходят к изучению международных систем. Во-первых, потому, что они сделаны фактически на основе изучения специфического типа политической системы, а именно американской политической системы, и слабо учитывают особенности других политических систем³. Во-вторых, потому, что истоновское определение политики как «авторитарного распределения ценностей»⁴ не принимает во внимание особенности международных систем и не позволяет рассматривать международные отношения как политические. Наконец, в-третьих, потому, что схема Истона не может быть

применена к глобальной международной системе ввиду особенностей окружающей ее среды.

Напомним кратко о содержании основных понятий системной теории.

Исходным для нее является понятие «система», которое Л. фон Берталанфи определяет как «совокупность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом»⁵.

«Элементы» - это простейшие составные части системы. Причем, «исследуя развитие сложных систем, как, например, общество, организм, научная и философская доктрина, космическое тело, необходимо постоянно иметь в виду внутренние процессы подбора их элементов, а если удастся разложить элементы дальше, на элементы второго порядка, то и этих в их еще более узкой среде, и т.д., насколько позволит достигнутый уровень приемов анализа»⁶. В этом смысле каждый элемент системы может выступать как «подсистема», обладающая своей совокупностью элементов.

«Среда» есть то, что влияет на систему и с чем она взаимодействует. Различают два вида среды: внешняя (окружение системы) и внутренняя (контекст).

Содержание понятия «структура» имеет несколько аспектов, отражающих различные степени сложности системы: а) соотношение элементов системы; б) способ организации элементов в систему; в) совокупность принуждений и ограничений, которые вытекают из существования системы для ее элементов.

В свою очередь, «функции» системы - это ее реакция на воздействия среды, направленная на сохранение определенного типа отношений между элементами системы, то есть ее «устойчивости».

Именно системный подход стал одним из отличительных признаков проникновения социологии в сферу международных отношений, и тем самым - провозвестником новой научной дисциплины⁷. Было замечено, что «социологические обобщения, касающиеся социальных систем, *mutatis mutandis* применимы также и к исследованию международных систем»⁸.

И несмотря на то, что действительная роль системного подхода в успешном развитии науки о международных отношениях не совпала с ожидаемой, она все же является достаточно важной и поэтому заслуживает специального анализа. С этой целью в данной главе рассматриваются особенности и основные направления системного подхода в изучении международных отношений, а также типологии и структуры международных систем.

1. Особенности и основные направления системного подхода к анализу международных отношений

Такие особенности вытекают прежде всего из самой специфики анализируемого объекта. Поскольку она уже была подробно рассмотрена в главе 1, постольку ограничимся здесь лишь несколькими краткими замечаниями, касающимися общих и специфических особенностей международных отношений и соответственно международных систем.

К числу общих особенностей международных отношений относится то, что по своему характеру они являются социальными отношениями, из чего следует, что международные системы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Кроме того, социальные - в том числе и международные системы принадлежат, как правило, к особому типу открытых и слабоорганизованных систем. Иными словами, здесь «далеко не всегда должно провести ясную и четкую границу между изучаемым комплексом и его внешней средой, как можно сделать, скажем, при определении границы между объектом и средой двух пространственно отдаленных друг от друга объектов»⁹. В отличие от систем физического или биологического тела, пространственные границы международных систем носят чаще всего условный характер. Впрочем, эту условность не следует абсолютизировать, представляя дело таким образом, что международные системы вообще «не даны в реальности, где существует только множество людей и множество отношений», или же утверждая, что они «всегда конструируются наблюдателем¹¹». Это верно лишь отчасти. Система БЭС или же ОАЕ, хотя они и отличаются друг от друга характером отношений со средой (первая является относительно автономной, то есть отношения между ее элементами здесь играют более значительную роль, чем отношения со средой; вторая проницаемой, так как взаимодействие с внешней средой для нее оказывается важнее отношений между элементами), не только существуют в реальности, а не в воображении исследователя, но и имеют некоторые, хотя и весьма относительные, пространственные границы. Это в известной степени верно и для региональных международных систем. Конечно, подобное нельзя утверждать, скажем, о системе межгосударственного сотрудничества (например, экономического, политического и т.п.) или же о системе взаимодействия традиционных и новых международных авторов. Однако и в этом случае международные системы представляют собой не просто некие аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными общностями, взаимодействие которых проявляет определенные (пусть даже минимальные) черты

системной организации. Это не означает, конечно, что подобного рода неформальные системы представляют собой четко различную конкретную общность, наподобие какой-либо вещественной системы, например, биологического организма. Как пишет ф.Брайар, имея в виду неформальные международные системы, они, «разумеется, должны как определенная целостность проявляться и в феноменологическом плане, но только опосредованно», что и обнаруживается путем теоретического анализа.

Еще одна общая особенность международных отношений, которая оказывает влияние на системный подход к их изучению, связана с тем, что их основные элементы представлены социальными общностями группами и отдельными индивидами. Отсюда следует, что международные системы - это системы взаимодействия людей, руководствующихся в своих действиях волей, сознанием, ценностными ориентациями и т.п. В свою очередь, это означает, что, как подчеркивают С. Фридлендер и Р. Коэн, определяющие факторы международной системы связаны с такими феноменами, как выбор, мотивации, восприятие и т.п. (см. прим. 12, с. 106).

Третья общая особенность международных отношений, которая с необходимостью должна приниматься во внимание при системном подходе к их изучению, заключается в том, что они являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых остаются взаимодействия между государствами. Поэтому, например, ядром глобальной международной системы является система межгосударственных отношений.

Что касается специфических особенностей международных отношений, то главная из них состоит в том, что, как уже было показано, они характеризуются отсутствием верховной власти и «плюрализмом суверенитетов». С этим связан свойственный международным системам низкий уровень внешней и внутренней централизации. Иначе говоря, международные системы - это социальные системы особого типа, отличающиеся слабой степенью интеграции элементов в целостности, а также значительной автономией этих элементов. Разумеется, степень такой автономии нельзя абсолютизировать: Международные отношения характеризуются не только конфликтом интересов, но и взаимозависимостью акторов. А интегрированное общество (внутриобщественные отношения), в свою очередь, не избавлено от конфликтного измерения, которое при некоторых условиях может придать ему черты определенной анархии, свойственные международным отношениям (см. прим.12, с. 109), - в том числе и вполне реальную дезинтеграцию, в чем мы смогли убедиться на примере судьбы СССР.

Различия в понимании специфики международных отношений и, соответственно, особенностей международных систем влекут за собой разные подходы к их изучению. Существует несколько таких подходов: традиционно-исторический, историко-социологический,

эвристический, смешанный и эмпирический. Подчеркнем, что их выделение носит условный и отнюдь не взаимоисключающий характер, отражая лишь приоритеты в позициях того или иного автора.

Так, в основе традиционно-исторического подхода лежит использование понятия «международная система» для обозначения дипломатических отношений между государствами в тот или иной исторический период в том или ином регионе: например, европейской системы XVII века, основанной на принципах Вестфальского договора 1648 года; системы политического равновесия европейских государств («европейский концерт нации») XIX века; глобальной биполярной межгосударственной системы 1945-1989 годов. Основным недостатком подобного «панорамного» подхода состоит в том, что он не нацеливает на поиск закономерностей функционирования международных (а вернее сказать, межгосударственных) систем, ограничиваясь, как правило, описанием взаимодействий между главными акторами - великими державами, тогда как главное в системном подходе - именно в убежденности относительно существования закономерных связей между характером международных систем и поведением их основных элементов - международных акторов¹³. Именно на подобной убежденности основаны другие из названных подходов.

Так, например, Р. Арон, являющийся одним из основателей историко-социологического подхода к изучению международных отношений, делает отправным пунктом своих размышлений о международных системах опыт истории, отклоняя любую попытку конструирования абстрактных моделей. Сравнивая отношения между греческими полисами, европейскими монархиями XVII века, государствами Европы XIX и взаимодействие современных ему систем Востока и Запада, он искал в них повторяемость, которая позволила бы выделить некоторые общие закономерности, подтверждаемые уроками исторического прошлого и изучением настоящего. Понимая, что «анализ типичной международной системы не дает возможности предвидеть дипломатическое событие или диктовать правителям линию поведения, соответствующую типу системы»¹⁴, Р. Арон считал, что системный подход позволяет выявить ту долю социального детерминизма, которая имеется в функционировании международных отношений, и потому рассматривал его как необходимый элемент их изучения.

В отличие от Р. Арона, американский исследователь М. Каплан далек от ссылок на историю, считая исторические данные слишком бедными для теоретических обобщений. Основываясь на общей теории систем и системном анализе, он конструирует абстрактные теоретические модели, призванные способствовать (лучше) пониманию международной реальности¹⁵. Исходя из убежденности в том, что анализ возможных международных систем предполагает

изучение обстоятельств и условий, в которых каждая из них может существовать или трансформироваться в систему другого типа, он задается вопросами о том, почему та или иная система развивается, как она функционирует, по каким причинам приходит в упадок. В этой связи М. Каплан выделяет пять переменных, свойственных каждой системе: основные правила системы; правила трансформации системы; правила классификации авторов, их способностей и информации. Главными из них являются первые три группы переменных. Так, «основные правила» описывают отношения между авторами, поведение которых зависит не столько от индивидуальной воли и особых целей каждого, сколько от характера системы, компонентом которой они являются. «Правила трансформации» выражают законы изменения систем. Так, известно, что общая теория систем делает акцент на гомеостатическом характере систем, то есть на их способности адаптации к изменениям среды и тем самым - к самосохранению. При этом каждая система имеет свои правила адаптации и трансформации. Наконец, к «правилам классификации авторов» относятся их структурные характеристики, в частности, существующая между ними иерархия, которая также оказывает влияние на поведение каждого автора.

Другой американский ученый, Р. Роузкранс, предпринял попытку синтеза историко-социологического и эвристического подходов. Основываясь на изучении конкретных исторических ситуаций, он выделяет девять последовательных международных систем, соответствующих следующим историческим периодам: 1740-1789, 1789-1814, 1814-1822, 1822-1848, 1848-1871, 1871-1888, 1888-1918, 1918-1945 и 1945-1960 гг. Затем он проводит системный анализ каждой из них с целью нахождения факторов, способствующих стабильности системы, или же, наоборот, влияющих на ее дестабилизацию¹⁶. Подобный подход использовал Дж. Френкел, который сделал попытку проследить историческую эволюцию международных отношений, основываясь на их системных характеристиках и, в частности, на особенностях их структуры¹⁷. Однако он не стал выделять последовательные международные системы, считая, что современное состояние системного анализа международных отношений не позволяет решить такую задачу вполне удовлетворительным образом. Рассматриваемому подходу был близок и английский ученый Е. Луард, много и плодотворно работавший в области социологии международных отношений. Он выделял семь исторических международных систем: древнекитайская система (771-721 гг. до н. э.), система древнегреческих государств (510

-338гг. до н.э.), эпоха европейских династий (1300-1559 гг.), эра религиозного господства (1559-1648 гг.), период возникновения и расцвета режима государственного суверенитета (1648-1789гг.), эпоха национализма (3789-1914 гг.), эра господства идеологии (1914-1974гг.). Выделив указанные исторические системы, Е Луард анализирует их при помощи таких концептуальных орудий (переменных), как идеология, элиты, мотивации, используемые акторами средства, стратификация, структура, нормы, роли и институты. Опираясь на указанные переменные, автор прослеживает соотносительное воздействие каждой из них на структуру и функционирование международных систем, на их изменение в пространстве и времени¹⁸

По мнению Б. Корани, описываемый комплексный подход имеет целый ряд преимуществ: он более конкретен и ясен по сравнению с подходом М. Каплана; он базируется на солидном эмпирическом материале, накопленном специалистами-историками, на достижениях политологии и других социальных дисциплин; наконец, он характеризуется удобством и простотой с точки зрения как проверки его выводов, так и использования в качестве самостоятельного метода изучения международных систем. Эти преимущества способствовали тому, что данный подход привлек внимание и специалистов чикагской школы во главе с М. Калном, которые также стали использовать его в своих исследованиях (см. прим.7, с.67-68).

Наконец, существует и такой подход к системному изучению международных отношений, который может быть назван эмпирическим, поскольку опирается на реально существующие в практике международных отношений взаимодействия в рамках определенных географических регионов¹⁹. От традиционно-исторического подхода его отличает стремление объяснить особенности международнополитической ситуации в том или ином регионе планеты спецификой сложившихся здесь системных связей, раскрыть степень влияния, которую оказывают на поведение авторов такие факторы, как общерегиональное соотношение сил, социокультурные реалии, региональные международные организации и т.п. Иначе говоря, данный подход отличает поиск закономерностей, объясняющих поведение международных акторов, и дедуктивность выводов относительно существования и содержания таких законов.

Имеются и другие подходы к системному изучению международных отношений, в которых проявляется несовпадение позиций представителей различных теоретических школ и направлений. И все же существенных различий между ними меньше, а принципиального согласил больше, чем это может показаться на первый взгляд (см. прим.8, с. 160). Действительно, за исключением традиционно-исторического подхода, все они исходят из существования законов функционирования международных систем хотя характер и самих систем, и законов их функционирования

могут пониматься по-разному). Совпадение и взаимодополнительность различных подходов проявляются и в других важных вопросах. Так, например, признается обусловленность поведения государств характером взаимоотношений между наиболее крупными и влиятельными из них - великими державами. Считается, что общей чертой всех международных систем является их олигополистический характер, - в том смысле, что в ней доминируют наиболее мощные государства и тип существующих между ними отношений. Наконец, допускается возможность существования разных типов международных систем и критериев их классификаций. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

2. Типы и структуры международных систем

Выше уже упоминалось о том, что разные подходы к системному изучению международных отношений обуславливают многообразие различных типологий международных систем. Действительно, в зависимости от пространственно-географических характеристик выделяют, например, общепланетарную международную систему и ее региональные подсистемы-компоненты, элементами которых, в свою очередь, выступают субрегиональные подсистемы.

Так, Ф. Брайар и М.Р. Джалили считают (см. прим.19), что существование планетарной международной системы, накладывающей свой отпечаток на всю международную жизнь, стало бесспорной политической реальностью уже в годы начала глобального противоборства между СССР и США, приобрел новые существенные черты с возникновением на политической карте мира в качестве самостоятельных международных авторов постколониальных государств. В результате планетарная международная система вплоть до 90-х годов характеризовалась наличием двух главных конфликтных линий, или «осей», разделяющих, с одной стороны, Запад и Восток (идеологическое, политическое, военнoстратегическое противоборство), а, с другой, - Север и Юг (то есть экономически отсталые и развитые страны). Однако, несмотря на относительную целостность планетарной международной системы, в ней неизбежны и определенные разрывы, обусловленные тем, что ряд международных взаимодействий не вписывается в нее, обладает своей автономией. Такого следствия региональных подсистем «совокупности специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность» (см. прим.19, с.88). Ф. Брайар и М.-Р. Джалили стремятся выявить и описать факторы, оказывающие влияние на особенности таких взаимодействий в европейской, панамериканской, африканской и азиатских (южноазиатской, ЮВА, ближневосточной) подсистемах, в карибской и отчасти западноевропейских субрегиональных подсистемах.

Авторы книга «Система, структура и процесс развития современных международных отношений» региональные (а также групповые и двусторонние) аспекты взаимодействий государств рассматривают как структурные уровни межгосударственной системы. По сравнению с вышеприведенной типологией такой подход выглядит более логичным, так как, обозначая место такого рода системы в общей системе международных отношений, он позволяет не сводить последнюю к межгосударственной системе. Впрочем, в любом случае основным недостатком регионального подхода остается отсутствие достаточно четких критериев для выделения того или иного региона как объекта изучения, что может иметь негативные последствия для общего понимания происходящих в них международно-политических процессов.

В качестве относительно самостоятельной - функциональной системы - в литературе нередко рассматриваются виды международных (межгосударственных) отношений: экономическая, политическая, военностратегическая и т.п. системы (см., например, прим.12).

В зависимости от целей исследования его объектом могут выступать и такие типы международных систем, как стабильные и нестабильные (или революционные, по определению С. Хоффманна), конфликтные и кооперативные, открытые и закрытые и т.п.

В то же время многообразие типологии международных систем не должно вводить в заблуждение. Практически на любой из них лежит заметная печать теории политического реализма: в основе их выделения, какими бы внешними критериями оно ни руководствовалось, лежат, как правило, определение количества великих держав, или сверхдержав, распределение власти, межгосударственные конфликты и т.п. понятия из словаря традиционного направления в науке о международных отношениях. В самом деле, вернемся, например, к работе Ф. Брайара и М.-Р. Джалили. Ее авторы, хотя и ж разделяют позиций политического реализма, а, скорее, относятся к французской историко-социологической школе, в качестве основных детерминант, обуславливающих функционирование и изменение выделяемых ими международных систем, рассматривают именно упомянутые критерии: так, развитие ЮВА в качестве субрегиональной подсистемы зависит от региональных квази-сверхдержав - Японии (с экономической точки зрения) и Китая (с точки зрения демографического потенциала). В южноазиатском субрегионе международная система определяется бесспорным преобладанием Индии и ее соперничеством с другим полюсом данной системы - Пакистаном и т.д.

Именно политический реализм стал основой таких широко известных понятий как биполярная, мультиполярная, равновесная и имперская международные системы. Напомним, что в биполярной системе господствуют два наиболее мощных государства. Если же сопоставимой с ними мощи достигают другие державы, то система

трансформируется в мультиполярную. В равновесной системе, или системе баланса сил несколько крупных государств сохраняют примерно одинаковое влияние на ход событий, взаимно обуздывая «чрезмерные» претензии друг друга. Наконец, в международной системе имперского типа господствует единственная сверхдержава, далеко опережающая все остальные государства своей совокупной мощностью (размерами территории, уровнем вооружений, экономическим потенциалом, запасом природных ресурсов и т.п.).

Исходя именно из такого понимания, строит свою знаменитую типологию международных систем М. Каплан. Она включает шесть типов систем, большинство которых (за исключением двух) носит гипотетический, априорный характер.

Первый тип - это «система единичного вето», в которой каждый автор располагает возможностью заблокировать систему, используя определенные средства шантажа. В то же время каждый способен и энергично сопротивляться подобному шантажу, каким бы сильным ни было оказывающее его государство. Любое государство способно защитить себя от любого противника. Подобная ситуация может сложиться, например, в случае всеобщего распространения ядерного оружия.

Второй тип - «система баланса сил» - характеризуется мультиполярностью. По мнению М. Каплана, в рамках такой системы должно существовать не менее пяти великих держав. Если же их будет меньше, система неминуемо трансформируется в биполярную.

«Гибкая биполярная система» представляет собой третий тип. В ней сосуществуют авторы-государства и новый тип авторов - союзы и блоки государств, а также универсальные авторы (международные организации). В зависимости от внутренней организации двух образующих ее блоков, существует несколько вариантов гибкой биполярной системы. Она может быть сильно иерархизированной и авторитарной, когда воля главы коалиции навязывается ее союзникам. И она может быть неиерархизированной, если линия блока формируется путем взаимных консультаций между относительно автономными друг от друга государствами.

Четвертый тип представлен «жесткой биполярной системой». Для нее характерна та же конфигурация, что и для предшествующего типа, но, в отличие от него, оба блока организованы здесь строго иерархизированным образом. В жесткой биполярной системе исчезают неприсоединившиеся и нейтральные государства, которые существовали в мягкой биполярной системе. Универсальный автор играет здесь весьма ограниченную роль и не в состоянии оказать давления на тот или иной из блоков. В рамках обоих полюсов осуществляется эффективное урегулирование конфликтов, формиро

вание направлений дипломатического поведения, применение совокупной силы.

«Универсальная система» как следующий тип фактически, соответствует федерации. Она выражает преобладающую роль универсального автора. Такой система предполагает значительную степень политической однородности международной среды и базируется на солидарности национальных авторов и универсального автора. Например, она соответствует ситуации, в которой была бы существенно расширена, в ущерб государственным суверенитетам, роль ООН. Организация Объединенных Наций, в частности, имела бы в этих условиях исключительную компетенцию в урегулировании конфликтов и поддержании мира. Такая система предполагает наличие хорошо развитых систем интеграции в политической, экономической и административно-управленческой области. Широкие полномочия в ней принадлежат универсальному автору, которому принадлежит право определять статус государств и выделять им ресурсы. Международные отношения функционируют на основе правил, ответственность за соблюдение которых лежит именно на универсальном авторе.

Наконец, еще одним типом международной системы является «Иерархическая система», которая по сути представляет собой мировое государство. Национальные государства утрачивают в ней свое значение, становясь простыми территориальными единицами, а любые центробежные тенденции с их стороны немедленно пресекаются.

Как уже говорилось, концепция М. Каплана оценивается в специальной литературе достаточно критически - прежде всего за ее умозрительный, спекулятивный характер, оторванность от реальной действительности и т.п. Вместе с тем признается, что это была одна из первых попыток серьезного исследования, специально посвященного проблемам международных систем с целью выявления законов их функционирования и изменения.

3. Законы функционирования и трансформации международных систем

Одна из главных идей, на которых базируется концепция М. Каплана, - это идея о той основополагающей роли, которую играет в познании законов международной системы ее структура. Эта идея разделяется абсолютным большинством исследователей. Согласно ей нескоординированная деятельность суверенных государств, руководствующихся своими интересами, формирует международную систему, главным признаком которой является доминирование ограниченного числа наиболее сильных государств и структура которой определяет поведение всех международных акторов. Как пишет американский неореалист К. Уолц, все

государства вынуждены нести военные расходы, хотя это неразумная трата ресурсов. Структура международной системы навязывает всем странам такую линию поведения в экономической области или в сфере экологии, которая может противоречить их собственным интересам. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе характеристик международных отношений. Наподобие того, как в экономике состояние рынка определяется влиянием нескольких крупных фирм (формирующих олигополистическую структуру), международно-политическая структура определяется влиянием великих держав, конфигурацией соотношения их сил. Изменения в соотношении этих сил могут изменить структуру международной системы, но ее природа, в основе которой лежит существование ограниченного числа великих держав с несовпадающими интересами, останется неизменной.

Таким образом, именно состояние структуры международной системы является показателем ее устойчивости и изменений стабильности и «революционности», сотрудничества и конфликтности в рамках системы; именно в ней выражаются законы функционирования и трансформации системы. Вот почему в работах, посвященных исследованию международных систем, анализу этого состояния уделяется первостепенное внимание.

Так, например, Р. Арон, выделял по крайней мере три структурных измерения международных систем: конфигурацию соотношения сил; иерархию авторов; гомогенность или гетерогенность состава. Главным измерением, в полном соответствии с традицией политического реализма, он считал конфигурацию соотношения сил, отражающую существование «центров власти» в международной системе, накладывающей отпечаток на взаимодействие между ее основными элементами - суверенными государствами. Конфигурация соотношения сил зависит, как отмечалось выше, от количества главных акторов и характера отношений между ними. Два основных типа такой конфигурации - биполярность и мультиполярность.

Иерархия авторов отражает их фактическое неравенство с точки зрения военно-политических, экономических, ресурсных, социокультурных, идеологических и иных возможностей влияния на международную систему.

Гомогенный или гетерогенный характер международной системы выражает степень согласия, имеющегося у авторов относительно тех или иных принципов (например, принципа политической легитимности) или ценностей (например, рыночной экономики, плюралистической демократии): чем больше такого согласия, тем более гомогенной является система. В свою очередь, чем более она гомогенна, тем больше в ней умеренности и стабильности. В гомогенной системе государства могут быть противниками, но не

политическими врагами. Напротив, гетерогенная система, разрываемая ценностным и идеологическим антагонизмом, является хаотичной, нестабильной, конфликтной.

Еще одной структурной характеристикой международной системы считается ее «режим» - то есть совокупность регулирующих международные отношения формальных и неформальных принципов, норм, соглашений и процедур принятия решений. Это, например, правила, господствующие в международных экономических обменах, основой которых после 1945 г. стала либеральная концепция, давшая жизнь совокупности таких международных институтов, как МВФ, Мировой Банк, ГАТТ и др.

Ж.-П. Дерриеник называет шесть типов принуждений (то есть структурных характеристик) международных систем: 1) число авторов; 2) распределение силы между ними; 3) соотношение между конфликтом и сотрудничеством. Система может быть более конфликтной, чем кооперативной, или наоборот - более кооперативной, чем конфликтной. Если второй тип системы институализируется, то она может трансформироваться в «организованную международную систему», и тем самым оправдывается гипотеза Арона о достижении «мира через закон». С другой стороны, тип «иерархической системы» Каплана, где наиболее мощный актер навязывает пределы конфликтам, также может трансформироваться в организованную международную систему, оправдав на этот раз гипотезу Р. Арона о возможности добиться «мира через империю»; 4) возможности использования тех или иных средств (силы, обмена, или убеждения), допускаемых данной системой; 5) степень внешней централизации авторов, то есть влияния характера данной международной системы на их поведение (а), а также различие статусов между самими авторами (б).

По мнению канадского ученого, названные структурные характеристики, хотя и не дают возможности предвидеть все гипотетические типы международных структур (на что претендует концепция М. Каплана), однако позволяют описать структуру любой международной системы, что, конечно, представляет значительную важность, с точки зрения выявления законов их существования и изменения (см. прим.10, с.188-193).

Вышесказанное показывает, что наиболее общим законом международных систем считается зависимость поведения авторов от структурных характеристик системы. Этот закон конкретизируется на уровне каждой из таких характеристик (или измерений), - хотя окончательного согласия относительно их количества и содержания пока не существует.

В качестве еще одного наиболее общего закона называется закон равновесия международных систем, или закон баланса сил,

позволяющего сохранять относительную стабильность международной системы (см. прим. 14, с. 144).

Вопрос о содержании законов функционирования и изменения международных систем является дискуссионным, хотя предмет таких дискуссий, как правило, един и касается сравнительных преимуществ биполярных и мультиполярных систем.

Так, например, Р. Арон считал, что биполярная система имеет тенденцию к нестабильности, так как основана на взаимном страхе и побуждает обе противостоящие стороны к жесткости в отношении друг друга, основанной на противоположности их интересов.

Подобная точка зрения высказывалась и М. Капланом, по мнению которого мультиполярная система содержит определенные риски (например, риск распространения ядерного оружия, развязывания конфликтов между мелкими авторами, или непредсказуемости последствий, к которым могут привести изменения в союзах между великими державами). Однако они не идут в сравнение с опасностями биполярной системы. Биполярная систем. более опасна, так как характеризуется стремлением обеих сторон к мировой экспансии, предполагает постоянную борьбу между двумя блоками - то ли за сохранение своих позиций, то ли за передел мира. Не ограничиваясь подобными замечаниями, М. Каплан рассматривает «правила» стабильности для биполярных и мультиполярных систем.

Так, по его мнению, существует шесть правил, соблюдение которых каждым из полюсов мультиполярной системы позволяет ей оставаться стабильной:

- 1) расширять свои возможности, но лучше путем переговоров, чем путем войны;
- 2) лучше воевать, чем не суметь расширить свои возможности;
- 3) лучше прекратить войну, чем уничтожить великую державу (ибо существуют оптимальные размеры межгосударственного сообщества: так, европейские династические режимы считали, что их противодействие друг другу имеет естественные пределы);
- 4) сопротивляться любой коалиции или отдельной нации, пытающейся занять господствующее положение в системе;
- 5) противостоять любым попыткам того или иного национального государства «присоединиться к наднациональным международным организационным принципам», то есть распространению идеи о необходимости подчинения государств какой-либо высшей власти;
- 6) относиться ко всем великим державам как к приемлемым партнерам; позволять стране, потерпевшей поражение, войти в систему на правах приемлемого партнера или заменить ее путем усиления другого, ранее слабого государства.

Говоря о законах функционирования гибкой биполярной системы, М. Каплан подчеркивает, что они различаются в зависимости от того, являются составляющие ее блоки иерархизированными, или нет. Когда блоки иерархизированы, функционирование системы приближается к типу жесткой биполярной системы. Наоборот, если оба блока не иерархизированы, то, практически, речь идет о правилах функционирования мультиполярной системы. Существуют четыре общих правила, применимые ко всем блокам:

- 1) стремиться к расширению своих возможностей по сравнению с возможностями другого блока;
- 2) лучше воевать любой ценой, чем позволить противоположному блоку достигнуть господствующего положения;
- 3) стремиться подчинять цели универсальных акторов (МП О) своим целям, а цели противоположного блока - целям универсальных акторов;
- 4) стремиться к расширению своего блока, но сохранять терпимость по отношению к неприсоединившимся, если нетерпимость ведет к непосредственному или опосредованному тяготению неприсоединившихся к противоположному блоку.

Что касается трансформации международной системы, то основным ее законом считается закон корреляции между полярностью и стабильностью международной системы. М. Каплан, например, подчеркивает нестабильный характер гибкой биполярной системы. Если она основана на неиерархизированных блоках, то эволюционирует к мультиполярной системе. Если тяготеет к иерархии обоих блоков, то имеет тенденцию трансформироваться либо в жесткую биполярную, либо в иерархическую международную систему. В гибкой биполярной системе существуют риск присоединения неприсоединившихся; риск подчинения одного блока другому: риск тотальной войны, ведущей либо к иерархической системе, либо к анархии. Внутриблоковые дисфункции в ней подавлены, зато обостряются межблоковые противоречия. Основное условие стабильности биполярной системы, заключает М. Каплан, - это равновесие мощи. Если же появляется третий блок, то это ведет к серьезному разбалансированию и риску разрушения системы.

Д. Сингер и К. Дойч, исследовав проблему корреляции между полярностью и стабильностью международных систем в формальнотеоретическом плане, пришли к выводу о том, что, во-первых, как биполярная, так и мультиполярная системы имеют тенденцию к саморазрушению, а, во-вторых, нестабильность жестких биполярных систем все же более велика по сравнению с нестабильностью мультиполярных систем.

Другой американский ученый, М. Хаас, подверг этот вывод эмпирической проверке. С этой целью он изучил двадцать одну международную систему, четко ограниченную в пространственно

географическом и историческом планах, и пришел фактически к противоположному заключению. По его мнению такая корреляция носит обратнопропорциональный характер. В биполярной системе, считает М.Хаас, войны менее многочисленны, хотя и имеют тенденцию к большей продолжительности, чем в мультиполярной системе (см. прим.12, с.38).

С точки зрения К.Уолца, никакого качественного различия между биполярной и мультиполярной системами, фактически, не существует - кроме, может быть, того, что первая более стабильна, чем вторая.

Со своей стороны, Р. Роузкранс предложил теоретическую модель так называемой «релевантной утопии», которая объединяла бы преимущества как биполярной (прежде всего, возможности контроля периферийных для данной системы конфликтов), так и мультиполярной (более значительные возможности предотвращения всеобщего конфликта) систем, и одновременно была бы лишена недостатков обеих. Результатом явилась бы «бимультиполярная система», в которой два «главных» автора могли бы играть роль регуляторов конфликтов за пределами своих блоков, а государства, представляющие мультиполярную конфигурацию системы, выступали бы посредниками в конфликтах между двумя полюсами.

Подводя итоги рассмотрению проблемы законов функционирования и трансформации международных систем, следует признать плодотворной уже саму ее постановку, которая позволила показать зависимость поведения государств на мировой арене от формируемой ими международной системы, связь частоты и характера межгосударственных конфликтов с ее структурными характеристиками, необходимость учета системообразующих факторов в дипломатии. Уже сама идея о существовании системных законов в международных отношениях дает возможность рассматривать международные системы как результат принятия рядом государств определенного политического, экономического и идеологического статус-кво на международной арене, на общепланетарном, региональном или субрегиональном уровне. С такой точки зрения, каждая международная система является не чем иным, как неформальной институализацией соотношения сил между государствами в соответствующем пространственно-временном контексте (см. прим. 13, с.171).

В то же время было бы наивным считать, что существующие в науке о международных отношениях законы функционирования и трансформации международных систем обладают такой степенью строгости, которая позволяла бы делать на их основе безошибочные прогнозы. Более того, они по сути дела оставляют «за скобками» исследование основных причин международных конфликтов. Сводя международные отношения к межгосударственным взаимодействиям, они неоправданно ограничивают понятие международной системы

только теми государствами, между которыми существуют прямые регулярные сношения и прямой взаимный учет военной силы. Но, как верно подчеркивает Б.Ф. Поршнев, «есть обширная область косвенных, подчас не сознаваемых действующими лицами зависимостей, без которых однако представление о системе остается неполным».

Все это делает необходимым специальное рассмотрение вопроса о возможностях и пределах системного подхода к изучению международных отношений.

4. Возможности и пределы системного подхода к изучению международных отношений

Выше уже довольно сказано о достоинствах системного подхода, поэтому стоит уделить некоторое внимание и его недостаткам, а, вернее, границам его применения в изучении международных отношений. Добавим только к указанным преимуществам то немаловажное обстоятельство, что системный подход по сути лишает смысла понятие первопричины. Иначе говоря, он дает возможность уйти от механического детерминизма, от канто-лапласовской парадигмы. Это особенно важно для понимания международных отношений, где постоянно взаимодействующие между собой различные явления, события, ситуации и процессы всегда имеют в своей основе множество уровней причинности и где в полном соответствии с системной теорией целое всегда отличается как в количественном, так и в качественном отношении от составляющих его элементов.

И все же системная теория не может похвастаться слишком большими успехами в анализе международных отношений. Пожалуй, можно назвать только две области, где она достигла бесспорно положительных результатов: это стратегия и процесс принятия международно-политических решений (см. прим.11, с.158-159). В остальном же ее заслуги до сих пор были весьма скромными. Гносеологически это объясняется тем, что ни одна система, достигшая определенного уровня сложности, не может быть познана полностью. Отсюда - то противоречие, на которое обратили внимание Б. Бади и М.-К. Смуц: системный подход рассматривается как метод выявления определяющих состояние системы различных способов сочетания ее элементов, однако, как только исследователь выходит за рамки относительно простых систем, основания для того, чтобы считать правильными делаемые им выводы, значительно уменьшаются (см.. прим.11, с.158).

Кроме того, в науке о международных отношениях до сих пор отсутствует общепринятое понимание структуры международной системы, а то, по которому имеется достаточно высокая степень согласия, является, как мы уже могли убедиться, слишком узким даже

с учетом всех своих измерений. Поэтому многие исследователи отказываются от него, не предложив, однако, более приемлемого.

Новизна современного этапа в истории международных отношений со всей очевидностью обнаруживает ограниченность основанных на методологии политического реализма таких понятий, как «конфигурация соотношения сил», «биполярность» или «мультиполярность». Распад советского блока и крушение сложившейся в послевоенные годы глобальной биполярной системы (впрочем, ее глобальность всегда была относительной) выдвигают на передний план такие вопросы, которые не могут быть решены в традиционных терминах «полюсов», «баланса сил». Исчезла линия четкого раздела между «своими» и «чужими», союзниками и противниками, гораздо менее предсказуемым стало поведение малых государств, региональных средних и «великих» держав. Мир вступил в полосу неуверенности и возросших рисков, обостряемых продолжающимся распространением ядерных, химических, бактериологических и иных видов новейших вооружений. Широкое распространение западных ценностей (таких как рыночная экономика, плюралистическая демократия, права человека, индивидуальные свободы, качество жизни) как в бывших социалистических странах, так и в постколониальных государствах не только не способствует стабильности глобальной международной системы за счет увеличения степени ее гомогенности, напротив, оно имеет следствием все более массовую миграцию населения из менее развитых в экономическом отношении стран в более богатые, порождает конфликты, связанные со столкновением культур, утратой идеалов, подрывом традиции, размыванием самоидентичности, всплесками реакционного национализма. Глобальная международная система испытывает глубокие потрясения, связанные с трансформацией своей структуры, меняющимися взаимодействиями со средой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hoffmann S.* Theorie et relations Internationales. In: Revue francaise de science politicue. 1961. Vol. XI. p.428.

² *Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. 1965.

³ *Polin C.* David Easton ou les difficultes d'une certaine sociologie politique. In: Revue francaise de Sociologie. Vol.XII, 1971. p. 185.

⁴ *Easton D.* The Political System. 1953. p. 134.

⁵ *Bertalanffy L. von.* General Systems Theory. 1968.P.3.

⁶ *Богданов А.* Всеобщая организация науки (тектология). Том II. Ленинград-Москва. 1927. с.189-190.

⁷ *Korany B.* Analyse des relations intemationales. Approches, concepts et donnees. Montreale, 1987. p. 65.

⁸ *Modelski G.* Agraria and Industria. Two Models of the International System. In; The International System. Theoretical Essays. Ed. by Klaus Knorr and Sidney Verba. Princeton. 1961. p.121.

⁹ *Поздняков Э.А.* Внешнеполитическая деятельность и международные отношения. М., 1986.

¹⁰ *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations Internationales. Grenoble. 1977. p.71.

¹¹ *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene Internationale. Paris. 1992. p. 157.

¹² *Braillard Ph.* Theories des systemes et relations intemationales. Paris, 1977.

¹³ *Huntzinger J.* Introduction aux relations Internationales. Paris. 1987. p.158-159.

¹⁴ *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. Paris. 1984. p. 103.

¹⁵ *Kaplan M.* System and Process in International Politics. New York. 1957.

¹⁶ *Rosencrance R.* Action and Reaction in World Politics. Boston. 1963. p.16.

¹⁷ *Frankel J.* International Politics. Conflict and Harmony. London. 1969.

¹⁸ *Loard E.* Types of International Society. New York. 1976.

¹⁹ *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations intemationales. Paris. 1990.

Глава VII СРЕДА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как мы уже видели, структура - есть совокупность воздействий, которые система оказывает на свои элементы. Однако, большинство воздействий, или принуждений, вытекает не из существования системы как таковой, а из отношений между ней и ее средой. Понятие среды - одно из фундаментальных понятий системного анализа. Оно имеет важное методологическое значение, помогая уяснить функционирование системы и ее эволюцию. Вот почему уже один из основателей системного анализа применительно к политическим наукам, Дэвид Истон, еще в 50-е годы обращал внимание на то, что политическая система испытывает влияние определенных внешних импульсов, идущих от общества, которые воздействуют на нее в виде требований и поддержек, обеспечивая ее бесперебойное функционирование¹.

В самом общем виде под средой системы понимается то, что ее окружает. Однако это слишком общее представление мало что дает без дальнейшей конкретизации. В ходе такой конкретизации выясняется, что применительно как к общественным, так и к природным системам существует не только внешняя, но и внутренняя среда. Различают также социальную среду (совокупность воздействий, происхождение которых связано с существованием человека и общественных отношений) и внесоциальную (многообразие природного окружения, географических особенностей, распределения естественных ресурсов, существующих естественных границ и т.п.). В качестве промежуточного вида иногда рассматривают воздействия и принуждения, вытекающие из изменений в технической базе общества; в других случаях техническая (а также экономическая, военно-политическая, дипломатическая и т.п.) среда понимается как элемент социальной (общественной) среды. Внешняя среда (или энвайромент) - это окружение системы, вменяющее ей определенные принуждения и ограничения: климат, ландшафт местности, конфигурация границ, полезные ископаемые и т.п. оказывают бесспорное влияние на взаимодействие государств и других авторов международных отношений. Иногда такое влияние бывает чрезвычайно большим, если не определяющим: это свойственно обществу как на ранних ступенях его развития, так и в настоящее время - период необычайного обострения экологических проблем. Внутренняя среда - это совокупность принуждений,

оказываемая на систему ее элементами: так, заболевание одного из органов может повлечь за собой болезнь всего организма в целом; а деградация исполнительной или законодательной власти может привести к разбалансированию и кризису политической системы. При этом, в отличие от структуры, среда - это совокупность принуждений внесистемного характера. Это касается как внешней, так и внутренней (а также социальной и внесоциальной) среды. Влияние регионального соотношения сил на взаимодействие двух или нескольких государств, например, Латинской Америки, с этой точки зрения, является не воздействием среды, а принуждением, определяемым характером структуры данной подсистемы международных отношений. Наоборот, изменения в характере отношений между государствами под воздействием, например, природных факторов (подобных «тресковым войнам» между Исландией и Норвегией, связанным с промыслом уменьшающихся природных ареалов определенных видов рыбы), могут рассматриваться как ситуационные, то есть определяемые изменениями природной среды.

Указанные понятия, таким образом, облегчают понимание и объяснение процессов, происходящих в социальных отношениях. Вместе с тем необходимо помнить, что они отражают существующие реальности довольно приблизительно, и, следовательно, носят весьма условный характер, ибо действительность, описываемая ими, значительно сложнее. Это особенно верно, когда речь идет о международных отношениях.

1. Особенности среды международных отношений

Действительно, относительно легко представить себе систему, структуру и среду межгосударственных, например, региональных отношений. Так, структура Европейского союза может быть представлена как способ организации экономического, дипломатического, военно-политического, культурного и иного взаимодействия двенадцати входящих в него государств. По отношению к нему средой будет выступать совокупность других государств, а также различных международных организаций и иных авторов на регионально-географическом (европейском), политическом (ООН и ее институты, Организация американских государств, Организация африканского единства, Лига арабских государств, ОСНАА и т.д.), экономическом (ОЭСР, ОПЕК, ЕАСТ, ЛАЭС и т.д.) и прочих уровнях. Каждый из элементов этой среды оказывает то или иное влияние на функционирование и развитие системы ЕС, результатом которого будут как изменения, происходящие в данной системе, так и реакция («ответы») на эти влияния со стороны Европейского союза.

В данной связи американские ученые Гарольд и Маргарет Спроут выдвинули идею «экологической триады», состоящей из трех частей: международного автора, окружающей его среды (энвайромента) и взаимодействия между ними. При этом они выделяют несколько типов такого взаимодействия. Во-первых, - это взаимодействие, связанное с реальными возможностями существующего энвайромента, то есть имеющейся совокупностью ограничений среды, которые автор не может преодолеть: так, например, персидский царь Дарий не мог уладить по телефону свои разногласия с Александром Македонским. Во-вторых, - это взаимодействие, формирующееся под влиянием вероятностных тенденций данного энвайромента: то есть в любой ситуации существуют ограничения среды, которые делают вероятным какой-то вполне определенный характер «нормально ожидаемого» поведения. Наконец, в-третьих, - это тип осознанного поведения актора, или, иначе говоря, своеобразие его личностного восприятия окружающей среды (которое может кардинально отличаться от того, чем она является на самом деле) и, соответственно, реакции на ее изменения². Б. Рассет и Х. Старр прибегают в этой связи к аналогии с меню: личность (автор), находясь в ресторане, сталкивается с меню (энвайроментом), которое не определяет его выбора, но ограничивает возможности. Исходя из этого, можно, при условии знания «меню» актора и индивидуального процесса принятия решений, проанализировать его поведение³.

Методологическая полезность подобного рода теоретических моделей не вызывает сомнений. Трудности возникают, когда речь заходит о глобальной, или общепланетарной международной среде. Они касаются прежде всего внешней среды глобальной международной системы, для которой описанные выше примеры являются не более, чем контекстом (внутренней средой). Как пишет М. Мерль, внешняя среда глобальной международной системой может быть найдена только в природном окружении: атмосфера, стратосфера, солнечная система... Но тогда наука о международных отношениях должна будет совпасть с метеорологией или же астрологией⁴. Исходя из подобного понимания, Г. и М. Спроут считают, что понятие среды, вполне операциональное применительно к анализу такой конкретной области, как экология, малопродуктивно при исследовании глобальных международных отношений, требующем гораздо более высокого уровня абстракции⁵. В свою очередь, с точки зрения Д. Сингера, понятие среды может быть полезным при изучении международных подсистем. Что же касается глобальной международной системы, то она может рассматриваться лишь как их среда, но не как система в точном значении этого термина, так как не может иметь отношений или взаимодействовать с какими-либо родственными системами⁶. Ф. Брайар, напротив, подчеркивает, что любая система, по определению, не может не иметь среда, что

однако не означает, что любая система обязательно находится во взаимодействии со своей средой. Существуют не только открытые, но и закрытые системы. Именно к числу этих последних и принадлежит глобальная международная система. Наконец, приведем и позицию Ж. Модельски, согласно которой к среде международных отношений относится все, что выходит за ее рамки, то есть существует независимо от нее, идет ли речь о географическом окружении или о политических отношениях.

Отмеченные расхождения в понимании международной среды не затрагивают, однако, того, что абсолютное большинство авторов отмечают в качестве специфической особенности социальной среды глобальной международной системы: ее «интрасоциетальный», по выражению Д.Истона⁹, характер. Иными словами, речь идет о «внутреннем окружении»¹⁰ или «контексте»¹¹ - совокупности факторов, которая оказывает воздействие на глобальную международную систему, навязывая ограничения и принуждения ее развитию. В самом общем виде можно сказать, что такой совокупностью факторов являются цивилизационные изменения.

2. Социальная среда. Особенности современного этапа мировой цивилизации

Понятие «цивилизация» появилось в XVIII веке и использовалось вначале для обозначения определенной исторической ступени в развитии общества. Впервые употребивший это понятие шотландский философ А.Фергюссон (1723-1816) рассматривал его содержание в самом широком смысле - как то, что отличает человеческое общество от животного мира, с одной стороны, и от любого иного общества, с другой. Однако уже со второй половины XVIII века широкое распространение получило и иное толкование понятия цивилизации. Оно стало трактоваться как определенная совокупность ценностей, обогащаемых в ходе развития общества, как его социальное и моральное совершенствование. Миссия цивилизации, отмечали французские просветители, состоит в том, чтобы покончить с войнами и завоеваниями, с рабством и нищетой и распространить на мир славную «империю разума». Известные французские социологи конца XIX - начала XX вв. Э. Дюркгейм и М. Мосс относили к цивилизации крупные идеологические, художественные, культурные и политические ценности и движения. Характерная черта цивилизации, по их мнению, состоит в том, что она выходит за пространственные и временные рамки той или иной исторической общности. Поэтому к цивилизации они относили только те элементы в жизни общества, которые могут передаваться или заимствоваться: например, формы государственного правления Древней Эллады и Древнего Рима, ценности эпохи Возрождения и Реформации, сказки африканских племен и т.п.

В философии О. Шпенглера (1880-1936) цивилизация - заключительный период в развитии замкнутых, локальных культур (египетской, греко-римской, западноевропейской и т.п.), в процессе которого происходят их закат и упадок. Цивилизация и прогресс несовместимы, как невозможно и существование единой, общечеловеческой цивилизации.

Идея плюрализма локальных цивилизаций, переживающих несколько стадий в своем развитии - от зарождения до гибели, характерна и для А. Тойнби (1889-1975). Вместе с тем он отмечал преемственность, наличие единства в различных цивилизациях, представляющих, по его мнению, многочисленные ветви общего древа человеческой истории.

Плюрализм цивилизаций во времени признает и марксизм. Для него характерно понимание цивилизации как глобальной эпохи в истории человечества, совпадающей с эпохой классовых формаций, отчуждением человека и одновременно - с формированием реальных предпосылок его преодоления и «возвращения человека к самому себе как человеку общественному»¹². Ф. Энгельс, вслед за Л. Морганом, различал следующие эпохи в развитии человечества: дикость период преимущественного присвоения готовых продуктов природы; варварство - введение скотоводства, земледелия, овладения методами увеличения продуктов природы посредством труда; цивилизация - период овладения обработкой продуктов природы, период промышленности и искусства. Важной чертой цивилизации, с точки зрения марксизма, является ее постоянное развитие от низшего к высшему, то есть прогресс, хотя он и характеризуется постоянными противоречиями. В конечном итоге, цивилизация представляет собой переходную ступень к высшей стадии в развитии общества - к господству демократии в управлении, братству, равенству прав и всеобщему образованию (см. прим. 12, с.178). Это означает, что историческое многообразие цивилизаций, с точки зрения марксизма сменяется, в конечном итоге, неким единым общепланетарным устройством человеческого общества.

Изменения, происходящие в мире, влекут за собой неизбежные изменения и в понимании термина «цивилизация», содержание которого развивается по мере эволюции отражаемого им объекта и развития науки. Сегодня понятие цивилизации включает два взаимосвязанных аспекта. В нем концентрируются наиболее значимые явления всемирной истории, единство и многообразие материальной и духовной культуры человеческого общества, его ценностей, образа жизни и труда. Каждый период, каждое общество, нация обладают собственной неповторимой цивилизацией. И в то же время в каждой из них есть элементы, присущие человечеству в целом, причем, по мере развития науки и техники, средств связи и транспорта, экономических, культурных и иных обменов между государствами, народами и частными субъектами, количество этих

элементов растет. Понятие цивилизации имеет, таким образом, и общепланетарный характер, своего рода космическое измерение, отражающее уникальность, неповторимость человеческого рода.

В современных условиях одной из важнейших характеристик, свойственных цивилизации в ее общепланетарном измерении, становится вступление ее в такую фазу, когда острота накопившихся и продолжающихся усугубляться противоречий и проблем делает вполне реальной угрозу гибели человечества или, по меньшей мере, серьезных потрясении, деградации важнейших аспектов его существования. Речь идет прежде всего о сохраняющейся опасности возникновения термоядерной войны, резком обострении других глобальных проблем на фоне противоречивых демографических изменений, затяжных региональных конфликтов, трудностей в адаптации к требованиям микроэлектронной революции. Сюда относятся также кризис городов, рост наркомании, преступности и терроризма, деградация культуры и морали, маргинализация значительных масс людей, изменение структуры ценностей, потребностей и идеалов современного человека.

Степень противоречивости современной глобальной цивилизации делает достаточно сомнительным беспорное прежде для многих социологических течений положение об общественном прогрессе. Во всяком случае, становится все более явной несостоятельность отождествления научно-технического или материального прогресса с общественным прогрессом в целом: ведь даже в экономически развитых государствах научно-технический и материальный рост не стал очевидной причиной роста нравственности, духовной культуры или терпимости в национальных и социальных отношениях. Тем более это верно для мира в целом, где развитые страны составляют меньшинство, причем разрыв между ними и слаборазвитыми странами не уменьшается, а, напротив, становится все больше.

Не уменьшается, - несмотря на увеличение удельного веса универсальных ценностей и проблем, отличающих современное человечество от его предшествующих исторических поколений, - и многообразие свойственных ему самобытных (национальных, региональных, конфессиональных) цивилизаций и культур. В этой связи встает вопрос об особенностях их взаимодействия и о характере влияния на международные отношения. В социологии существуют три подхода к анализу данного вопроса.

Первый отталкивается от характеристики цивилизации и культуры как некоей контролирующей и регулирующей инстанции, которая санкционирует (или не санкционирует) те или иные изменения в социальном порядке, связанные с взаимодействием данной общности с другими общностями. С такой точки зрения, например, если попытки модернизации российского общества путем заимствования западных моделей терпят провал, то объяснение

этому следует искать в самобытности российской культуры, которая отторгает чуждые ее традициям способы и формулы реформирования.

Второй подход связан с эволюционной (а вернее «девелопменталистской») гипотезой, которую разделяли Э. Дюркгейм и М. Вебер и согласно которой различия между цивилизациями и культурами носят временный и второстепенный характер. Первостепенным и постоянным является факт непрерывного движения общества к универсальным культурным ценностям, которые становятся все более секуляризованными, более рациональными и более совершенными.

Наконец, третий - «диффузионистский» - подход основывается на теории культурных потоков (П. Сорокин, Т. Парсонс), объединяющей положения о самобытности и конвергенции культур. В соответствии с этой теорией, более рациональные культуры имеют тенденцию распространяться на другие - путем заимствования последними их ценностей и норм. Результатом такого, по сути одностороннего, движения культурных потоков и является саморегуляция международной системы. Так, Р. Арон пишет, что планетарное распространение форм и методов дипломатии, универсалий индустриального общества, триумф американской концепции международного правового порядка имеют следствием размывание гетерогенности различных цивилизаций и их конвергенцию в одну и ту же международную систему, все участники которой стремятся к обладанию одними и теми же средствами богатства и силы¹³.

Действительно, сегодня уже невозможно не принимать во внимание феномен всемирного распространения таких, например, ценностей, как права человека, демократия, рыночное общество, материальное благосостояние, потребительская культура, досуг с его искушениями и т.п. Причиной их диффузии является как давление причем не только объективное, но и целенаправленное - западной цивилизации, так и расширение «культурного импорта» народами Востока. А наиболее эффективными средствами подобного рода «культурного (или цивилизационного) облучения» выступают средства массовой информации - СМИ.

В эпоху перехода к постиндустриальному обществу путь к славе, богатству и могуществу лежит через обладание источниками и средствами распространения информации. Спутниковое, телевидение, телефаксы, электронная почта делают возможным практически мгновенное распространение информации из любой точки мира в любую другую. Но распространение информации о том или ином событии дает возможность не только знакомить с ним огромную аудиторию, но и пропагандировать или же, напротив, развенчивать его смысл, то есть, иначе говоря, использовать его в собственных интересах. Манипулирование информацией стало

одним из источников обострения отношения между «Севером» и «Югом», выдвинутого развивающимися странами требования нового международного информационного порядка.

Информация творит событие по меньшей мере настолько же, насколько она дает о нем сведения. Репортер - не только свидетель, но и действующее лицо. Именно поэтому во многих странах мира журналисты составляют значительную часть «пропавших без вести», заключенных, казненных заложников или высылаемых лиц¹⁴. Падение Берлинской стены и крушение социализма в значительной мере объясняется тем, что режим ничего не мог противопоставить массовой информации о западном образе жизни и ее неизбежному следствию - эффекту межгруппового сравнения. Распространение через частные и зарубежные теле- и радиоканалы, а также через периодическую печать ценностей и идеалов европейской либеральной демократии - многопартийности и конкуренции партий, выборности руководящих лиц, уважения прав и свобод личности - стало одной из причин массовых протестов студенческой молодежи стран Тропической Африки против тоталитарных режимов и вступления этих стран на путь политической и экономической модернизации.

Подобные примеры влияния западной культуры и цивилизации на социокультурные и политические процессы в мире можно было бы продолжить. Важно однако иметь в виду, что революция в средствах массовой информации необычайно увеличила объемы и сократила сроки обмена культур друг с другом во всемирном масштабе. Но подобный обмен не бывает эквивалентным. Сегодня Запад фактически стал референтной группой мировой цивилизации. Его авторитет, престиж, богатство способствуют тому, что свойственные ему понимание реальности, эталоны поведения, образ жизни, политические институты навязчиво распространяются по всему миру.

Однако это распространение нельзя представлять себе как чисто механическую пересадку так называемых прогрессивных форм в другие культуры и цивилизации. Заимствование западной модели имеет определенные пределы. Любые универсалии - будь то рыночное общество, права человека или самоценность человеческой жизни - останутся пустым звуком, более того - будут отторгнуты, если их не удастся адаптировать к самобытной культуре того или иного народа, его традициям и историческим ценностям. Поскольку же такая адаптация неизбежно сопровождается процессом переоценки этих традиций и ценностей, стремлением цивилизации-импортера сохранить их ядро, свои основные культурные нормы, постольку встреча цивилизаций вносит в международную систему, как правило, дестабилизирующее начало. Сегодня это можно видеть на примере сопротивления, которое оказывает западной модели усматривающий в ней угрозу своим культурным нормам и

защищающий их от разрушения мусульманский мир. РОССИЯ, которая испокон веков находится на перекрестке двух мировых цивилизаций, испытывает потрясения каждый раз, когда на нее накатывает новая крупная волна западного или восточного влияния. В наши дни Россия в очередной раз встретилась с Западом, и произошла глобальная дестабилизация Востока - и, в частности, России.

В то же время опыт показывает, что результатом встречи различных цивилизаций и культур никогда не бывает замещение или вытеснение одной из них. Всегда имеет место сложный процесс взаимодействия, всегда усвоение элементов иной культуры сопровождается сохранением, а иногда и усилением самоидентичности культуры-импортера. Так, например, на протяжении XIX и XX вв. «мусульманский мир» пережил несколько сменявших друг друга идейных течений - реформистского, возрожденческого, панисламистского и секуляристского характера. Ни одно из таких течений, в том числе и панисламизм, не возникало без влияния со стороны Запада. Но точно так же ни одно из них - в том числе и секуляризм - не может рассматриваться как поглощение западными ценностями мусульманских культурных норм. Более того, в данной связи в социологии встает вопрос о реальном статусе самой идеи «светскости в мусульманском мире», как и использования по отношению к нему концептов и формул «трансатлантического» типа¹⁵.

Объективные культурные пределы универсализации западной модели цивилизации высвечивают бесперспективность как попыток ее бездумного копирования и пренебрежения национальными традициями, так и стремления сохранить самобытность на пути самоизоляции и отрицания завоеваний всемирной цивилизации. Пример Ирана показывает, что ни предпринятая шахом М.Р. Пехлеви при поддержке США попытка форсированной модернизации по западному образцу, сопровождающаяся подавлением самобытных культурных традиций, ни инициированный Аятоллой Хомейни опыт спасения самоидентичности на основе очищения от «западной скверны» и возврата к традиционным ценностям (тем более - в их наиболее непримиримой, радикальной версии) не способствуют стабилизации общества и международной системы в целом. С другой стороны, пример, Япония убеждает в возможности сохранения самобытных культурных норм, пафоса национальных традиций, выступающих в роли мотиваций развития при одновременном восприятии западных ценностей.

Таким образом, многообразные процессы, связанные с присущей современному миру дихотомией единства и плюрализма цивилизаций и культур, составляют социальную («интрасоциетальную») среду, которая оказывает существенное и возрастающее влияние на эволюцию и характер международных

отношении. Не меньшее значение имеет внесоциальная, или «экстрасоциетальная» среда, накладывающая свои ограничения и принуждения на международную систему. Исследования данного аспекта среды международных отношений чаще всего соотносятся с таким понятием, как «геополитика».

В. Внесоциальная среда. Роль геополитики в науке о международных отношениях

Известны многочисленные попытки определения содержания понятия «геополитика». Первичное и наиболее общее определение квалифицирует ее как изучение отношений между державной политикой государства и той географической средой, в рамках которой она осуществляется. Традиционно геополитика является ответвлением, одним из «разделов» политического реализма, представляющего международные отношения как силовые отношения между государствами.

Возникновение термина «геополитика» связано с именем шведского профессора и парламентария Рудольфа Челлена (1846-1922), который, изучая систему управления, имеющую целью создание сильного государства, приходит к выводу (в 1916 г.) о необходимости органического сочетания пяти тесно связанных между собой, взаимовлияющих элементов политики: экономополитики, демополитики, социополитики, кратополитики и геополитики.

Предшественниками геополитики считаются Геродот и Аристотель, Н. Макиавелли и Ш. Монтескье, Ж. Боден и Ф. Бродель... Однако она не может считаться приобретением только европейской цивилизации. Китайский мыслитель Сун цзы VI веке до н. э. оставил описание шести типов местности и девяти типов пространства, которые должен знать стратег для успешного ведения военной политики. Ибн Хальдун в XIV веке связывал духовные силы человеческих объединений (социальных общностей, в современной терминологии), их способность или неспособность к сплочению и борьбе за завоевание и сохранение могущественной империи - с тем импульсом, который исходит из природной среды. Однако собственно геополитика появляется в конце XIX века, когда немецкий географ Фридрих Ратцель (1844-1904) и его ученики создали дисциплину, призванную изучать отношения между географией и политикой, основываясь на положении страны, занимаемом ею пространстве и ее границах. Великими являются те народы, полагал Ф. Ратцель, которые обладают чувством пространства. Следовательно, границы могут подлежать сужению или расширению, в зависимости от динамизма рассматриваемого народа. Во времена 'Третьего Рейха» подобные идеи привели соотечественника Ф. Ратцеля - Карла Хаусхофера (1869-1946) к опасной теории

«жизненного пространства», взятой на вооружение нацистами для обоснования своих захватнических планов.

Крупный вклад в развитие геополитических идей внесли английский географ и политический деятель Х.Д. Макиндер (1861-1947); американцы адмирал А.Т. Мэхэн (1840-1914) и профессор Йельского университета Н. Спайкмен (1893-1943). Адмирал Мэхэн уже с 1900г. выдвигает идею об антагонизме морских и сухопутных государств и о мировом господстве морских держав, которое может быть обеспечено путем контроля над серией опорных пунктов вокруг евразийского континента. Свои основные идеи Хэлфорд Джон Макиндер изложил в таких известных работах, как «Географическая ось истории» (1904), «Демократические идеалы и реальность» (1919) и «Мировой круг и завоевание мира» (1943). В них он формулирует понятия «Мировой остров» и «Срединная земля» («Хартленд»). «Мировой остров» представляет собой соединение трех компонентов - Европы, Азии и Африки. Что же касается «Срединной земли», то под ней понимается обширная долина, которая простирается от Северного Ледовитого океана до азиатских степей, выходя на Германию и Северную Европу, и сердцем которой является Россия. Проведя прямую линию от Адриатики (к востоку от Венеции) до Северного моря (восточнее Нидерландов) он разделяет Европу на две непримиримые между собой части - Хартленд и Коустленд (Прибрежная земля). При этом Восточная Европа остается зоной притязания обеих сторон, следовательно, зоной нестабильности. Германия претендует на господство над славянами (Вена и Берлин в средние века были славянскими, а Эльба служила естественной границей между славянскими и неславянскими народами). Х.Д. Макиндер сформулировал широко цитируемый ныне в нашей литературе «геополитический императив», согласно которому тот, кто правит Восточной Европой, правит Срединной землей, кто правит Срединной землей, правит и Мировым Островом, кто правит Мировым Островом - тот господствует над миром. Однако не многие из цитирующих сегодня этот «императив», обращают внимание на то, что уже такие авторитеты в геополитике, как, например, современник Макиндера К. Хаусхофер, достаточно критически относились к его взглядам. Еще в большей степени эта критичность характерна для современных специалистов в геополитике - в частности, таких, как Ив Лякост¹⁶.

Николас Дж. Спайкмен в работе «Американская стратегия в мировой политике. Соединенные Штаты и баланс силы» (1942) формулирует имеющее стратегическую нагрузку понятие «Римленд». Под ним разумеется дуга территориальной окружности, соединяющая СССР и мировой остров, проходящая от Балтики до Центральной и Юго-восточной Азии через Западную Европу, Средиземноморье и Ближний Восток. Являясь периферией Срединной Земли, Римленд, по мысли Спайкмена, был призван стать

платформой сопротивления советской экспансии и ее сдерживания. По своему содержанию термин «Римленд» совпадает с тем, что Макиндер называл «внутренней маргинальной дугой». Спайкмен доказывает, что если географически Хартленд и существует, то, во-первых, его неуязвимость серьезно нарушена развитием стратегической авиации и других новейших средств вооружений. А, во-вторых, вопреки прогнозам Макиндера, он не достиг того уровня экономического развития, который дал бы ему возможность стать одним из наиболее передовых регионов мира. Решающая борьба, как в первой, так и во второй мировой войне, утверждает Спайкмен, развернулась не в зоне Хартленда, и не за обладание им, а на берегах и землях Римленда. Мировое господство зависит не от контроля над Восточной Европой, поэтому следует отказаться от афоризма Макиндера: вопреки ему «судьбы мира контролирует тот, кто контролирует Римленд».

Поскольку с приходом к власти в Германии нацистов геополитика стала активно использоваться для обоснования «расового превосходства», завоевания «жизненного пространства», «великой исторической миссии господства Германии над всем остальным миром», постольку многие исследователи как в Европе, так и в Америке стали сомневаться в научной обоснованности самого термина. При этом одна часть ученых стала рассматривать понятие «геополитика» как псевдонаучный неологизм, служащий для попыток оправдания стремлений к изменению европейского порядка, как орудие власти, пропагандистский инструмент¹⁷. Другие, не отрицая в целом сам термин, высказывают серьезный скептицизм относительно его инструментальных возможностей (см. прим.13, с.186; 198). Третьи полагают, что геополитика способна давать определенные научные результаты, но лишь в очень узкой сфере, отражающей взаимовлияние политики и пространственно-географических характеристик государств или их союзов¹⁸. Четвертые высказывают мнение, в соответствии с которым геополитика должна рассматриваться не как наука или дисциплина, а лишь как метод социологического подхода, связывающего географическую среду и международную деятельность государств¹⁹. Наконец, есть и такие, которые считают, что геополитика - это не наука, а нечто гораздо более сложное (см. прим. 16, с.31).

Существует узкое и расширительное понимание геополитики. С точки зрения сторонников первого, термином «геополитика» оперируют тогда, когда речь идет о спорах между государствами по поводу территории, причем каждая из сторон апеллирует при этом к истории (см. прим. 16). Однако подобное понимание геополитики становится все более уязвимым в эпоху постиндустриальной революции, когда рушатся практически все традиционные «императивы» «классической геополитики». Современное мировое пространство все труднее характеризовать как только «межгосу

дарственное» - с точки зрения способов его раздела, принципов функционирования социальных общностей, ставок и вызовов нынешнего этапа всемирной истории. Представители социологии международных отношений обращают внимание на то, что сегодня из трех главных принципов, на которых базировались классические представления о международных отношениях, - территория, суверенитет, безопасность - ни один не может больше считаться неизменным или же полностью адекватным новым реалиям²⁰. Феномены массовой миграции людей, потоков капиталов, циркуляции идей, деградации окружающей среды, распространения оружия массового уничтожения и т.п. девальвируют привычные представления о государстве и его безопасности, национальном интересе и политических приоритетах. Еще раньше (в 1962 году) Р. Арон указал на другой важный недостаток «узкого» понимания геополитики - его способность легко вырождаться в идеологию (см. прим.13,с.193).

Вот почему в последние годы все влиятельнее становится гораздо более широкое толкование геополитики - как совокупности физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, составляющих тот потенциал, использование которого (а в некоторых случаях даже просто его наличие) позволяют ему добиваться своих целей на международной арене. Одним из его представителей является Пьер Галлуа²¹.

С точки зрения П. Галлуа, к традиционным элементам геополитики - таким, как пространственно-территориальные характеристики государства (его географическое положение, протяженность, конфигурация границ), его недра, ландшафт и климат, размеры и структура населения и т.п. - сегодня добавляются новые, переворачивающие наши прежние представления о силе государств, меняющие приоритеты при учете факторов, влияющих на международную политику. Речь идет о появлении и распространении оружия массового уничтожения - прежде всего, ракетно-ядерного, которое как бы выравнивает силу владеющих им государств, независимо от их удаленности, положения, климата и населения. Кроме того, традиционная геополитика не принимала в расчет массовое поведение людей. В отличие от нее, геополитика наших дней обязана учитывать, что развитие средств информации и связи, а также повсеместное распространение феномена непосредственного вмешательства населения в государственную политику имеют для человечества последствия, сравнимые с последствиями угрозы ядерного катаклизма. Наконец, поле изучения традиционной геополитики было ограничено Земным пространством - сушей и морями. Современный же геополитический анализ должен иметь в виду настоящее и будущее освоения космического пространства, его влияние на расстановку сил и их соотношение в мировой политике.

С позиций «классической» геополитики, географическая среда является постоянным и незыблемым фактором, влияющим на международно-политическое поведение государств. Однако современный геополитический анализ не может не учитывать существенных изменений, которые происходят в нем сегодня. С этой точки зрения, во взаимодействии человека со средой, и, соответственно, в эволюции геополитики, могут быть выделены три исторические фазы.

На ранних этапах общественного развития и вплоть до эпохи промышленной революции влияние природной среды на человека, общество и государство было, если и не решающим, то весьма существенным, а во многих отношениях - определяющим. Эта зависимость человека от окружающей среды объясняет и придает определенную оправданность «географическому детерминизму» (разумеется, в известных исторических и логических пределах). Промышленная революция стала исходной точкой новой фазы во взаимодействии между державной внешней политикой государства и ее географическими рамками. Начинается безудержная, хищническая эксплуатация человеком окружающей среды, использование ее законов в своих целях, возрастают антропогенные нагрузки на естественные условия человеческого существования - на климат Земли, ее флору и фауну, земной покров и воздушное пространство, подземные и водные ресурсы. Синдром «передельвания» природы, подчинения ее человеку, который мы могли бы назвать «синдромом Мичурина», принял столь широкие размеры, что в конечном итоге стал причиной возникновения и чрезвычайного обострения глобальных проблем, создающих угрозу самому существованию цивилизации, поставивших ее на край гибели. Возникает, таким образом, третья стадия, третья фаза во взаимодействии человека и среды. Бумеранг возвращается. Потрясенная до основания бесцеремонным вмешательством человека в свои законы, природа «мстит за себя» тем, что уже не обеспечивает в достаточной мере всех естественных условий его существования. Тем самым она вновь заставляет государства и политиков считаться с собой.

Согласно оценкам Института всемирной вахты, публикующего ежегодные доклады о состоянии мира, только за последние три десятилетия с лица Земли исчезло более 200 га лесов, тысячи видов животных и растений. Ежегодно истребляется не менее 17 млн. га леса и разрушается около 6 млн. га плодородных почв, теряющих в результате этого всякое хозяйственное значение. Огромных размеров достигло загрязнение воздушных и водных бассейнов, что наносит

*Следует отметить, что сегодня они как бы сосуществуют: их проявление наблюдается не только в разных регионах планеты, но нередко и в рамках одной и той же страны.

существенный ущерб здоровью жителей городских и сельских регионов.

Все это имеет самое непосредственное отношение к внутренней и внешней политике. В наши дни уже во многих странах и на международном уровне существуют партии, выступающие за новые приоритеты в отношениях человека и среды, за альтернативное использование природных ресурсов. Это усиливает политическую борьбу, поскольку любая инициатива в данной области затрагивает интересы различных групп, влечет за собой новый взгляд на устоявшиеся ценности, влияет на властные отношения. Чтобы прекратить или уменьшить загрязнение окружающей среды, требуются новые решения в области энергетической политики, в способах производства и потребления. Возрастают издержки производства, общественные расходы на структурные перестройки и т.п.

Новые проблемы появляются и в сфере международных отношений. Сегодня огромная ответственность за нарушение экологического равновесия лежит на экономически развитых странах. Представляя лишь пятую часть населения планеты, они ежегодно производят более половины всех газовых выбросов в атмосферу, являющихся причиной «парникового эффекта». Согласно Докладу ООН 1989 г. о социальной ситуации в мире, 70% скапливающихся в атмосфере и способствующих разрушению озонового слоя планеты хлорофтористоуглеводородных соединений (CFC) связано с применением бытовых распылителей, производимых странами ОЭСР.

Однако значительным источником загрязнения природной среды являются и бедные страны. Экологические катастрофы, в частности, наводнения, вызываемые истреблением лесов и эрозией почв, чаще и разрушительнее проявляются именно в бедных странах. Экономически слаборазвитые страны не заинтересованы инвестировать в природоохранные программы, финансировать очистные сооружения и т.п. С другой стороны, размещающие здесь свои филиалы транснациональные предприятия и фирмы также склонны использовать общую экономическую, социально-политическую ситуацию и законодательство этих стран в целях экономии на природоохранных мерах, захоронения на их территориях отходов вредных производств и т.п.

Крупные природные катастрофы всегда имели значительные последствия в сфере международных отношений. Так «картофельный кризис» 1846г. в Ирландии отразился не только на жизни этой страны, экономика которой перенесла необычайное потрясение, а население жестоко пострадало от голода. Он вызвал массовую волну эмиграции из Ирландии в США, что стало феноменом огромного международного значения. В более недавний период наводнения и тайфуны, обрушившиеся на Бенгальскую часть Пакистана, сыграли значительную роль в самом появлении на мировой арене нового государства - Бангладеш.

Нарастание экологических проблем и осознание их опасности для всего человечества привело к возникновению таких международных организаций, как ФАО, ВОЗ, ЮНИСЕФ и др. В 1972г. ООН принимает Программу мер в области окружающей среды. В последующие годы экологические проблемы стали предметом обсуждения многих международных конференций по «глобальным рискам». Растет число межправительственных соглашений призванных не только регистрировать нарушения экологического равновесия, но создать конкретные механизмы сотрудничества государств в деле сохранения окружающей среды и регулирования природных ресурсов.

Однако, как показывает практика международных отношений, дело это не простое, и оно встречается с большими трудностями. Достаточно вспомнить так и не вступившее в силу соглашение 1982 г. в области морского права, трактовавшее природные ресурсы морских глубин как «общее достояние человечества», доходы от использования которого должны были направляться на развитие наиболее бедных стран. Фактически не оправдала ожидания и межправительственная Конференция, созыв которой в июне 1992г. был приурочен к 20-й годовщине Программы ООН по окружающей среде Главная проблема международного сотрудничества состоит в том, что государства-партнеры должны находиться на сопоставимом уровне экономического развития. Именно при этом условии они могут сблизить свои подходы к выбору необходимых мер в области охраны природной среды и выделить для этого необходимые средства. В противном случае кому-то придется пойти на большие, с его точки зрения, жертвы, что всегда достаточно трудно, особенно, если речь идет о государстве, которое не входит в число наиболее развитых. Трудно представить себе, например, что Китай или Индия откажутся от использования работающих на угле тепловых электростанций лишь по той причине, что такое использование способствует увеличению парникового эффекта.

Существует мнение, что Запад будет вынужден помогать России по причине той угрозы, которую она представляет для мира в экологическом отношении (особенно, имея в виду запасы ядерного и химического оружия, а также действующие на российской территории АЭС). Однако этому могут помешать политическая нестабильность в РФ, с одной стороны, а с другой - экономическое и социально-политическое положение в ведущих странах Запада. Более того, указанные обстоятельства могут подтолкнуть Запад к попыткам оградить себя при помощи жестких мер, направленных на изоляцию России в ее национальных границах, что обернулось бы для нее последствиями гораздо более тяжелого характера, чем холодная война». Поэтому спасение России в ее собственных руках. Экологический императив требует ускоренного создания законодательной основы регулирования рыночных отношений, укрепления

нейтральной исполнительно-распорядительной власти при одновременном росте полномочий регионов.

В целом же масштабы новых императивов таковы, что геополитика перестает быть уделом отдельных государств. Если раньше она могла быть охарактеризована как «картографическое представление отношений между главными борющимися нациями»²², то теперь этого уже по меньшей мере недостаточно. Появляется необходимость согласованного взаимодействия всех членов международного сообщества в выработке и реализации общепланетарной геополитики, в основе которой лежали бы интересы спасения цивилизации для будущих поколений.

Геополитика бесспорно оказала и продолжает оказывать влияние как на изучение международных отношений, так и на международную стратегию государств и их правительств. Рассматривая политическую историю США, П. Галлуа с основанием подчеркивает, что главным источником их могущества стало пространство. Во-первых, расстояние, отделяющее их от Старого Света, позволило американцам отказаться от его законов, институтов, нравов и создать новое общество, защищенное удаленностью и океаном. А, во-вторых, протяженность американского континента, явившаяся на первых порах источником опасности для эмигрантов, стимулировала авантюрный и предпринимательский дух их последователей и стала основой величия нации.

Подобные примеры помогают понять причины, благодаря которым теоретические изыскания Х. Макиндера, Р. Челлена, К. Хаусхофера, Ф. Ратцеля, А. Мэхэна, Н. Спайкмена и др. основателей и «классиков» геополитики, выдвинутые ими афоризмы для объяснения отношений между морскими и сухопутными государствами нашли отклик в политических кругах и генеральных штабах великих держав, предоставив «научную» базу их глобалистским амбициям (см., об этом прим. 18, с.37-40). После второй мировой войны отпечаток геополитических установок просматривается и в американской стратегии «сдерживания советской экспансии», и в стремление руководителей СССР к созданию и удержанию «санитарного кордона» к западу от его государственных границ, я в «доктрине Брежнева». В наши дни элементы геополитической идеологии проявляются не только в планах великих держав и их поведении на мировой арене, но и в экспансионистской политике региональных квазисверхдержав (например, таких, как Ирак или Турция), в соперничестве государств за стратегический или экономический контроль над территориями, расположенными далеко за пределами их национальных границ.

Признавая все это, необходимо однако видеть ограниченность геополитических объяснений. (а тем более - прогнозов) мировых реалий. Даже при всей произвольности геополитических рамок

анализа международной системы, эти рамки слишком узки для их понимания.

Одним из центральных приемов, при помощи которых геополитика аргументирует свои выводы, является то, что Ив. Лякост назвал в своей лекции «представлением» - в смысле воображения, а также в том смысле, в каком актер, играющий в театре, представляет свой персонаж²³. Подобного рода эпистемологический прием достаточно широко применяется в социальных науках, более того составляет важный этап в их развитии. Специфика геополитики, ее особенность состоит в том, что здесь «представление» очень часто принимает самодовлеющий характер, дополняется фантастическими и мистическими рассуждениями и предположениями.

Революция в средствах связи и транспорта, развитие информатики и появление новейших видов вооружений радикально изменяют отношения человека и среды, представления о «больших пространствах» и их роли, делают устаревшим и недостаточным понимание силы и могущества государства как совокупности его пространственно-географических, демографических и экономических факторов. «Геополитический словарь» слишком образен, чтобы претендовать на научную строгость. Альтернативы «Север и Юг», «Запад и Восток», «Теллуократии и Талассократии» слишком метафоричны, чтобы гарантировать от ложных представлений о поляризации «богатых» и «бедных», «развитых и цивилизованных» и «менее развитых, менее цивилизованных», «Континентальных» (сухопутных) и морских («островных») государств и их союзов, Положения об исторически перманентном противостоянии «Рима» и «Карфагена», так же как об авторитаризме и демократизме, имманентным, соответственно, сухопутным и морским державам²⁴ слишком категоричны, чтобы служить достаточным методологическим ориентиром для понимания всех перипетий взаимодействия стран и народов в прошлом, настоящем и будущем. Концептуальные построения как «классиков» геополитики, так и ее современных приверженцев слишком произвольны, нередко фантастичны, а их аргументы слишком малоубедительны перед контраргументами (впрочем, нередко столь же малоубедительными, что однако не говорит в пользу геополитики) их противников, чтобы исходить из них в понимании основных тенденций в эволюции мировой политики.

Сказанное особенно касается новейших тенденций, связанных с социализацией международных отношений, оттесняющих (хотя и не вытесняющих) государство с роли главного автора трансграничных взаимодействий, во многом изменяющих приоритеты таких взаимодействий.

В связи с вышеизложенным воздействие, которое оказывает на современную международную систему ее среда, выглядит достаточно неоднозначным. Одним из результатов такого воздействия является резкое возрастание взаимозависимости, интернационализация всех сторон человеческого общения, внутриобщественных и международных отношений, интеграционные процессы, проявляющиеся как объективные, общемировые, а значит, общесоциологические тенденции. Однако эта системообразующие факторы, ведущие к социализации международных отношений, стимулирующие становление своего рода глобального гражданского общества, сопровождаются неравномерным ростом производительных сил в различных странах, находящихся на разных уровнях научно-технического, экономического, социального и политического развития. Сохраняются, а местами и растут национально-государственная обособленность, политические противоречия, столкновение экономических интересов различных стран, усиливающие напряжение в глобальной международной системе, подрывающие ее стабильность, увеличивающие ее конфликтный потенциал. Одновременно все более настоятельными становятся и многообразные формы международного сотрудничества, характерными проявлениями которого выступают интеграционные процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Easton D.* The Political System N.Y., 1953.

² *Sprout H. & M.* Environmental Factors in the Study of international Politics In: James N. Rosenau (Ed.). International Politics and Foreign Policy. N.Y., 1969. p.41-56.

³ *Rasset B. & Statrr H.* World Politics. Menu for Choice. San Francisco, 1981. p. 40.

⁴ *Merle M.* Sociologie des relations intemationales. Paris. Dalloz. 1988. p. 122.

⁵ *Sprout H. & M.* An Ecological Paradigm for the Study of International Politics. Princeton. 1968. p.14.

⁶ *Singer D.J.* The Global System and its Sub-System. A Developmental View. N.Y. 1971. p.32.

⁷ *Braillard Ph.* Theories des systemes et relations intemationales. Bruxelles. 1977. p. 128.

⁸ *Modelski G.* Agraria and Industria. Two Models of the International System. In The International System. Princeton. 1961, p.122.

⁹ *Easton D.* A Framework for Political Analisis. N.Y. 1965. p. 128.

¹⁰ Lineage Politics. Essays on the Convergence of National and Internationa! System. Ed. by James N. Rosenau. N.Y.; London. 1969. p.45.

- ¹¹ *Young O.* A systemic Approach to International Politics. Princeton. 1968
p. 24.
- ¹² *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года.// *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т.42. с.116.
- ¹³ *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. Paris. 1984. p.388-389.
- ¹⁴ *Samuel A.* Nouveau paysage du monde. Bruxelles. 1990. p.109.
- ¹⁵ *Bctdie B.* Culture et politique. Paris. 1993. p.84.
- ¹⁶ *Lacosie Y.* Questions de la Geopolitique. Paris. 1988.
- ¹⁷ *Angel J.* Questions de la Geopolitique. Paris. 1936. p.103.
- ¹⁸ *Senarclens P. de.* La politique Internationale. Paris. 1992. p.40.
- ¹⁹ *Huntzinger J.* Introduction aux relations intemationales Paris. 1987.
p.134.
- ²⁰ См. об этом: *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du Monde. Sociologie de la scene Internationale. Paris. 1992. p. 237-239; Введение в социологию международных отношений. М. 1992. с.29-44.
- ²¹ *Gallois P.M.* Geopolitique. Les voiles de la puissance. Paris. 1990.
- ²² *Harkavy R.* Great Power Competition for Overseas Dases. The Geopolitics of Access Diplomacy. New York. 1982. p. 274.
- ²³ Лекция была прочитана во французском колледже МГУ в ноябре 1992 года.
- ²⁴ См. об этом: *Гливаковский А.* Сценарий «атлантистов». - «День». 03.04.1993.

Глава VIII УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Международные отношения - это прежде всего процесс взаимодействия их участников, характер которого выходит за рамки их территориальных образований. Но каковы основные типы участников международных отношений и какую роль играет каждый из них на мировой арене? От ответов на эти вопросы во многом зависит понимание особенностей социологии международных отношений, а также содержания и основных тенденций их эволюции. В самом первом приближении основные типы участников международных отношений могут быть разделены на государственных и негосударственных. Рассмотрим подробнее, что имеется в виду в каждом из этих случаев.

1. Основные понятия, характеризующие участников международных отношений

Как известно, в социологии для обозначения носителей или участников социальных отношений сложилось несколько терминов. Из них наиболее широким по своему содержанию является термин «социальный субъект» - индивид группа, класс или общность людей, вступающих между собой в отношения, то есть взаимодействующих друг с другом по поводу и/или при помощи того или иного объекта. Один из основных критериев выделения субъекта это его наделенность сознанием и способность к действию. Однако этой слишком общей характеристики недостаточно для исследования тех или иных отдельных видов социальных отношений. Поэтому указанный термин требует конкретизации, результатом которой стали такие категории, как «социальный агент» и «социальный автор»¹.

«Социальный агент» - это понятие критической социологии близкой к социальному детерминизму. Оно отражает соотношение между поведением субъекта и его средой. Но главной особенностью данного понятия является то, что оно служит для выражения действия, являющегося промежуточным между субъектом и средой. Агент - это выразитель, проводник (вольный или невольный) тех или иных норм и ценностей определенной социальной системы, логика которой определяет логику его поведения в той или иной ситуации. Иначе говоря, в понятии «социальный агент» отражается социальный и культурный контроль системы над индивидами и/или

та роль, которую они стремятся (сознательно или бессознательно) играть в соответствии с ожиданиями на социальном статусе агента. Простейший пример в этом отношении - связь поведения человека на официальном приёме с его общественным положением: делая «выбор» между напитками, представители «нижних классов», как показали социологические исследования, на самом деле, следуют «логике престижности», то есть выбирают то, что, по их представлениям, соответствует более высокому социальному статусу. Подобным же образом поведение лидеров той или иной страны нередко объясняется их представлениями о статусе суверенного государства, стремлением играть роль великой державы и т.п. С этой точки зрения, многое в деятельности российского МИДа, особенно на первых этапах его существования в постсоветский период, было призвано, судя по всему, по соответствовать прежде всего статусу демократического государства, придерживающегося либеральных ценностей: колебания в определении национальных интересов, поддержка (правда, с некоторыми оговорками) сомнительной акции США, связанной с нанесением ракетного удара по Багдаду в июне 1993 года и т.п.

Что касается понятия «социальный автор», то в данном случае речь идёт прежде всего о таком социальном субъекте, который действует и способен своей деятельностью внести те или иные изменения в окружающую среду. Это понятие активно используется в социологии действия. Один из ее представителей, известный французский социолог А. Турен выделяет следующие критерии социального автора: способность сказать «я»; признание другого; принадлежность к определённой группе. Соответственно, отношения автора со средой определяются четырьмя уровнями: во-первых, стремлением к удовлетворению своих интересов («уровень интереса»); во-вторых, улучшением или ухудшением условий деятельности: например, соединение труда индивида с трудом другого может способствовать как повышению, так и понижению их заработка («уровень стратегии»); в-третьих, воздействием общности на институциональную систему: например, профсоюз того или иного предприятия осуществляет давление на администрацию этого предприятия с целью изменить условия труда и его оплаты («уровень изменения правил игры»); наконец, в-четвёртых, культурной, этической, ценностной моделью, которая является ставкой борьбы за власть («уровень историчности»). В конечном итоге, считает А. Турен, социальный субъект - это тот, кто желает стать автором (см. прим.1, с.24).

Наиболее употребительным термином, которым в науке о международных отношениях принято обозначать участников взаимодействия на мировой арене, является термин «автор». В русском переводе он звучал бы как «актер». И действительно,

некоторые зарубежные авторы иногда напоминают об этом его значении. Так, Б. Рассет и Х. Старр подчеркивают, что Шекспир представлял весь мир как большую сцену, а людей - ее актерами. Однако, учитывая, что значение термина «актер» в русском языке является гораздо более узким, более конкретным, а также то, что в этом своем конкретном, узком значении (как лицо, исполняющее заранее заданную роль другого персонажа) в науке о международных отношениях он практически не употребляется, в отечественной литературе принят термин «актор»³.

«Автор» - это любое лицо, которое принимает активное участие, играет важную роль, - пишут Ф. Брайар и М.-Р. Джалили. В сфере международных отношений, подчеркивают они, под автором следует понимать любой авторитет, любую организацию, любую группу и даже любого индивида, способного играть определенную роль, оказывать влияние.

Б. Рассет и Х. Старр отмечают, что термин «актор» имеет целый ряд достоинств. Во-первых, он отражает широкий спектр взаимодействующих общностей и поэтому является достаточно всеобъемлющим. Во-вторых, используя его, мы делаем акцент на поведении общностей. Тем самым данный термин помогает понять существо общности, которая ведет себя определенным образом, предпринимает такие-то действия. Наконец, в-третьих, он помогает понять то, что разные актеры играют разные роли: некоторые из них занимают авансцену и являются «звездами», тогда как другие остаются не более чем статистами или же членами хоровой группы. И тем не менее, все они участвуют в создании законченного спектакля на мировой сцене (см. прим.2, с.72).

Социальная общность может рассматриваться как международный автор в том случае, если она оказывает определенное влияние на международные отношения, пользуется признанием со стороны государств и их правительств и учитывается ими при выработке внешней политики, а также имеет ту или иную степень автономии при принятии собственных решений. Исходя из этого, становится ясным, что если все авторы являются участниками международных отношений, то не каждый участник может считаться международным автором. Организация, предприятие или группа, имеющие какие-либо отношения с иностранными организациями, предприятиями или гражданами, далеко не всегда могут выступать в роли международных авторов. Наоборот, эту роль может выполнять отдельный человек, - например, такой, как всемирно известный правозащитник А.Д. Сахаров, который, - благодаря авторитету, которым пользовался как среди государственных руководителей многих стран, так и среди демократической общественности, оказывал известное влияние на отношение Запада к СССР.

Однако в данной связи возникают следующие вопросы. В первую очередь, какие из разновидностей социальных общностей.

взаимодействующих на мировой арене, могут считаться типичными международными авторами? И, во-вторых, какова иерархия между типами международных авторов, или, иначе говоря, какой из них может рассматриваться как наиболее влиятельный, авторитетный и перспективный? Оба эти вопроса являются, хотя и в разной степени, предметом научных дискуссий, теоретических споров.

Гораздо больше согласия имеется по первому вопросу. Представители большинства теоретических направлений и школ считают, что типичными международными авторами являются государства, а также международные организации и системы. Так, М. Каплан различает три типа международных авторов: национальный (суверенные государства), транснациональный (региональные международные организации, например НАТО) и универсальный (всемирные организации, например ООН). М. Мерль в качестве типичных международных авторов рассматривает государства, международные организации и транснациональные силы (например, мультинациональные фирмы, а также мировое общественное мнение)⁷. Ф. Брайар и М.-Р. Джалили добавляют к этим трем типам еще один - так называемых потенциальных авторов (таких, как национально-освободительные движения, региональные и локальные общности: например, Европейский Совет коммун, Европейская Конференция местных органов власти) (см. прим.4). Д. Розенау считает основными международными авторами государства, подсистемы (например, органы местной администрации, обладающие определенной автономией в международной сфере), транснациональные организации (такие, как, например, компания по производству микросхем «Европейские кремниевые структуры», существующая вне пределов государственной юрисдикции), когорты (например, этнические группы, церкви и т.п.), движения⁸.

Вместе с тем из приведенных примеров видно, что указанное согласие относительно основных типов международных авторов касается прежде всего государства и межгосударственных (межправительственных) организаций. Что же касается вопроса о других участниках международных отношений, то он остается предметом теоретических расхождений. Однако гораздо более серьезные дискуссии ведутся по вопросу о том, какому типу актора следует отдавать предпочтение при анализе международных отношений.

Как мы уже видели, для представителей политического реализма нет сомнений в том, что государство является главным, решающим, если не единственным автором международных отношений.- Это касается всех разновидностей политического реализма, хотя одни из них опираются в своей аргументации преимущественно на политические возможности государства (Г. Моргентау), другие делают акцент на его социальную сферу (Р. Арон), третьи апеллируют к экономическому потенциалу (Ж. Бертэн).

Более гибкой выглядит точка зрения представителей модернистского направления. Смещая акцент на функционирование международных отношений, опираясь на системный подход, моделирование, количественные методы в их изучении и т.п., представители модернизма не ограничиваются исследованием поведения государств, вовлекая в научный оборот проблемы, связанные с деятельностью международных организаций, международно-политическими последствиями экономической экспансии ТНК и т.п. Вместе с тем, во-первых, чаще всего вопрос о приоритетности того или иного международного автора является для них второстепенным. А, во-вторых, многие представители данного, чрезвычайно гетерогенного, направления близки либо к политическому реализму (М. Каплан, К. Райт), либо к другим теоретическим школам, например, таким как транснационализм и глобализм.

Согласно теоретикам транснационализма или взаимозависимости (Р. Кеохан, Д. Най, Э. Скотт, С. Креснер и др.) одной из характерных особенностей современного этапа в эволюции международных отношений является тот вызов, который бросают позициям государств международные неправительственные организации, мультинациональные фирмы и корпорации, экологические движения и т.п. По мере роста числа международных сделок позиции государств в мировой политике ослабевают, и, напротив, усиливается роль и значение частных субъектов международных отношений^{9,10}. «Глобалисты» (Д. Бартон, С. Митчел и др.) идут еще дальше, представляя мир в виде гигантской многослойной паутины взаимных связей, соединяющих вместе государства и негосударственных авторов, из которой никто не может выбраться¹¹. Вместе с тем «транснационалисты» остались достаточно лояльными о отношению к политическому реализму и, следовательно, к его трактовке государства как главного международного автора¹². Что же касается «глобалистов», то они имеют тенденцию принижать значение понятия «международный актер» в пользу показа тенденций глобальной взаимозависимости¹³.

В неомарксистских концепциях международных отношений (И. Уоллерстейн, С. Амин, А. Франк) главное внимание уделяется таким понятиям, как «миросистема» и «мироэкономика», государство же является лишь удобным институциональным посредником господствующего в международном масштабе класса, призванным обеспечить его доминирование над мировым рынком¹⁴.

Каждое из указанных теоретических направлений и школ отражает ту или иную сторону реальности международных отношений. Однако для того, чтобы судить о том, насколько верно такое отражение, необходимо получить более полное представление об особенностях существа и функционирования основных участников взаимодействий на мировой арене.

2. Сущность и роль государства как участника международных отношений

Государство является бесспорным международным автором, отвечающим всем вышеназванным критериям этого понятия. Оно является основным субъектом международного права. Внешняя политика государств во многом определяет характер международных отношений эпохи; оно оказывает непосредственное влияние на степень свободы и уровень благосостояния индивида, на саму человеческую жизнь. Деятельность и даже существование международных организаций, других участников международных отношений в значительной мере зависит от того, как к ним относятся государства. Кроме того, государство является универсальной формой политической организации человеческих общностей: в настоящее время практически все человечество, за небольшими исключениями, объединено в государства. Но процесс образования новых государств продолжается: если в XV веке в мире существовало 5-6 государств, то в 1900 году их становится уже 30, в 1945г. членами Организации Объединенных наций являлись 60 государств, в 1965 г. в ней состоит уже 100, в 1990 - 160, а в 1992 году 175 государств. Для того, чтобы стать членом ООН, и, следовательно, получить признание в качестве субъекта международного права, государство должно обладать независимым правительством, территорией и населением.

Происхождение государства связано с переходом человеческих общностей к оседлости, разделением труда, обособлением управленческих функций, сосредоточением их в руках особого социального слоя и установлением политической власти над населением в пределах определенной территории. Американский специалист Д. Фрэнкел связывает формирование государства с развитием у людей потребностей и предпочтений, которые они не могут удовлетворить в одиночку, и поэтому вынуждены объединяться в группы. В зависимости от обстоятельств, такие группы различаются по своим размерам и характеру, однако все они сталкиваются с одинаковыми проблемами, связанными со структурой, иерархией и организацией группы, а также ее отношениями с другими группами, которые являются прообразом современных международных отношений¹⁵.

Функции государства в его наиболее развитой форме сводятся к поддержанию порядка и безопасности в рамках отделенной границами территории, созданию условий для социального и экономического развития общества, для распределения благ и услуг, поддержанию занятости и удовлетворению основных потребностей населения¹⁶.

Исторические формы государства характеризуются многообразием: в своем развитии оно прошло путь от мировых империй, предшествовавших античным полисам, до европейских монархий в

новое время, возникновения национального государства (или государства-нации) в XIX веке. Однако вплоть до XV - XVI вв. государства в силу отсутствия строгих территориальных границ, слабости центральной власти по отношению к периферии, господства общинной формы организации социума не являлись еще государствами в полном (современном) значении этого понятия^{17,18}.

Современная форма государственности связана с понятием суверенитета. Первоначально это понятие означало неограниченную власть монарха осуществлять свою волю внутри страны и представлять государство за его пределами (или, выражаясь современным языком, определять его внутреннюю и внешнюю политику) и отражало стремление правителей преодолеть местническую раздробленность и освободиться от подавляющего государства господства церковной иерархии. После окончания 30-летней религиозной войны в Европе возникает и закрепляется в Вестфальском мирном договоре 1648г. современная система межгосударственных отношений, основанная на взаимном признании юридического равенства и независимости каждого государства.

В XVIII веке начинается новая фаза в распространении государственности - переход от суверенитета монарха к суверенитету нации. Формируется такая форма государственности, как национальное государство, распространившаяся, начиная с XIX века, на весь европейский регион, а в последующем (особенно с процессом освобождения народов от колониальной зависимости и образованием национальных государств в «третьем мире», который завершается в целом в 60-е годы XX века), и на мир в целом.

Таким образом, генезис и существование современной формы государственности тесно связаны с формированием и развитием такого вида социальной общности, как нация. Следует подчеркнуть, что как не существует «естественных» границ между государствами (все они являются продуктом истории, результатом соотношения сил и потому носят «искусственный», то есть политический характер), так не существует и оснований для представления о биологической сущности наций или их этническом происхождении. Все нации являются многоэтническими образованиями, все они формируются и укрепляются в процессе политической социализации, распространения и усвоения религиозных верований, обычаев, других культурных ценностей, способствующих политической консолидации социальной общности.

Об этом свидетельствуют и основные факторы, лежащие в основе генезиса нации, открытые научным сообществом в результате многочисленных исследований данного феномена. Это, прежде всего, - общность территории проживания, способствующая формированию близости в восприятии природных феноменов и, соответственно, консолидации социальной общности. Это - общность экономической деятельности, определяемая одними и теми же

ресурсами, формирующая сходный тип хозяйственной активности. Это - культурное единство, отражаемое в общности языка, религии, социальных норм поведения. Определенную роль в формировании нации может играть и общее этническое происхождение людей, хотя, как уже было сказано выше, эта роль отнюдь не может считаться решающей. Это, наконец, - общий исторический опыт, ощущение общей судьбы, общности прошлого, настоящего и будущего. В то же время ни один из указанных факторов не является достаточным для того, чтобы рассматривать социальную общность как нацию. Так, для многих наций характерно наличие нескольких языков (Швейцария), религий (Китай), культур (Индия) и т.п. Пожалуй, наиболее устойчивой является общность национального самосознания, ощущения единства исторической судьбы (см. прим.2, с.63-65).

Английский специалист Э. Смит отмечает, что формирование национальной идентичности явилось основным элементом процессов легитимизации социального и политического порядка. Назначение национальной идеологии состоит в формировании связей солидарности между индивидами и социальными классами, мобилизации с этой целью общих ценностей и культурных традиций. Национальные доктрины производят мифы, символы, апеллирующие к рациональности идеологии, призванные служить оправданию и укреплению государства. Они предлагают каждому индивиду как личную, так и социальную идентичность, позволяющую ему отличать себя от остального мира и других культур. Их распространению в той или иной мере способствуют все правительства, заинтересованные в закреплении национальных особенностей, легитимизирующей государственной суверенитет¹⁹ (цит по: прим. 16, с.120). Определяющую роль в формировании и закреплении национальной идеологии играет политическая и интеллектуальная элита. Это характерно и для тех неевропейских регионов, в которых формирование наций происходит под влиянием империализма: профессиональная элита указанных регионов, стоящая во главе движения за освобождение от всех форм колониального господства и политическую независимость, фактически воспроизводит в государственности как форме политической организации общества политическую модель метрополий. Вместе с тем здесь процесс формирования наций идет как бы «наоборот»: не нация предшествует и сопровождает генезис государственности, а государство используется как решающий инструмент в формировании наций. Именно этим объясняется парадоксальный, на первый взгляд, факт существования на политической карте мира государств (например, в постколониальной Африке), не имеющих нации: речь идет о процессе создания нации «мы-восприятия», которая подошла бы под уже существующее государство, а не о процессе поиска нацией своего собственного государства (см. прим. 2, с.63).

Как уже отмечалось, одной из решающих в понимании происхождения и сущности государства является категория «национально-государственный суверенитет». Она имеет два основных аспекта - внутренний и внешний. Речь идет, с одной стороны, о свободе государства избирать свой путь экономического развития, политического режима, гражданского и уголовного законодательства и т.п., а, с другой, - о невмешательстве государств во внутренние дела друг друга, об их равенстве и независимости.

Однако принцип суверенитета национальных государств приводит к неоднозначным последствиям в международных отношениях.

Во-первых, каждое государство вынуждено так или иначе сочетать в своей внешней политике достаточно противоречивые функции. По определению одного из основателей современной американской политической науки А. Уолферса, каждое государство может стремиться к национальной экспансии (self-extension) в самом широком смысле этого термина, включающем увеличение территорий, влияния, ресурсов, союзников и т.п. Оно может быть озабочено защитой (сохранением) своего пространства и своего национального интереса (self-preservation). Наконец, оно может отказываться от тех или иных непосредственных выгод в пользу укрепления мира и солидарности в межгосударственных отношениях (self-abnegation)^{20, 21}.

Во-вторых, каждое государство стремится к обеспечению собственной безопасности. Однако это стремление, ввиду того, что оно свойственно всем суверенным государствам-нациям в условиях «плюрализма суверенитетов», порождает одну из самых сложных и животрепещущих проблем международных отношений - так называемую «дилемму безопасности». Она состоит в том, что увеличение безопасности одного из государств может рассматриваться как небезопасность для другого и вызывать с его стороны соответствующие реакции - от гонки вооружений до «превентивной войны».

Наконец, в-третьих, если все государства-нации равны, то, как остроумно замечают Б. Рассет и Х. Старр, «некоторые из них равны больше, чем другие» (см. прим.2, с.79). Действительно, формальноюридическое равенство государств с точки зрения международного права не может отменить того обстоятельства, что они различаются по своей территории, населению, природным ресурсам, экономическому потенциалу, социальной стабильности, политическому авторитету, вооружениям, наконец, по своему возрасту. Эти различия резюмируются в неравенстве государств с точки зрения их национальной мощи. Следствием такого неравенства является международная стратификация, с характерной для нее фактической иерархией государств на международной арене.

Исследуя международную стратификацию с позиций исторической социологии, английский ученый И. Луард приходит к выводу, что на всех этапах своего существования - от Римской империи, где государства-данники зависели от центральной власти, и Китайской многогосударственной системы, где власть была неравномерно распределена между большими группами государств, до современности - международные отношения всегда были стратифицированы по тем или иным основаниям. В социологии, которую интересуют причины социальной стратификации и ее влияние на поведение авторов, в объяснении этого феномена существует два основных направления.

Одно из них - «консервативное» - рассматривает стратификацию как следствие функциональной специализации: общество стратифицируется потому, что позиции, которым приписываются большая ценность, обеспечивают тем, кто их занимает, власть, привилегии, престиж. С этой точки зрения, интеграция общества и социальный порядок являются продуктами стратификации и, более того, в степени стабильности общества отражается степень ценностного консенсуса его членов. Представители второго «радикального» направления - считают, что общественный порядок всегда основан на принуждении, а стратификация общества постоянно сопровождается процессом, при котором власть, привилегии и престиж определенного социального слоя достигаются и поддерживаются благодаря систематической эксплуатации им других слоев. Сформулированная марксистами, такая точка зрения разделяется не только близкими к марксизму, но и сторонниками иных теоретических течений.

Большинство идей, связанных со стратификацией международных отношений, было заимствовано именно из радикального направления²³. В рамках науки о международных отношениях литература по вопросу о стратификации подразделяется на два течения - «интеракционизм» и «структурализм». Первое рассматривает взаимодействующие государства в качестве автономных элементов стратифицированной системы международных отношений, положением в которой и объясняется их поведение (М. Каплан, А. Органски, Р. Роузкранц, Д. Сингер, К. Дойч, К. Уолц и др.). Второе исходит из того, что в XX веке государства уже не являются автономными, а играют разную роль в общемировой капиталистической системе, причем эта роль зависит от того, какое место они занимают в данной системе - центральное или периферийное (Р. Пребич, Б. Браун, П. Баран, П. Суизи, А. Франк, И. Галтунг, С. Амин, И. Уоллерстейн и др.). Таким образом, если для интеракционистов государство как международный автор представляет главный предмет анализа, то структуралисты, рассматривающие прежде всего отношения между центром и

периферией в мировой системе, чаще всего не принимают его за единицу анализа.

Как отмечалось выше, одним из наиболее широко распространенных видов международной (межгосударственной) стратификации считаются неравные возможности государств защитить свой суверенитет, вытекающие из неравенства их национально-государственной мощи. С этой точки зрения различают сверхдержавы, великие державы, средние державы, малые государства и микрогосударства (см. прим.4, к гл. II).

Сверхдержавы выделяются по следующим признакам: а) способность к массовым разрушениям планетарного масштаба, поддерживаемая благодаря обладанию и совершенствованию ядерного оружия; б) способность оказывать влияние на условия существования всего человечества; в) невозможность потерпеть поражение от любого другого государства или их коалиции, если в такую коалицию не входит другая сверхдержава.

В отличие от них, великие державы оказывают существенное влияние на мировое развитие, но не господствуют в международных отношениях. Они нередко стремятся играть мировую роль, однако реальные возможности, которыми они располагают, ограничивают их значение либо определенным регионом, либо отдельной сферой межгосударственных отношений на уровне региона.

Средние державы обладают прочным влиянием в своем ближайшем окружении. Это отличает их от малых государств, влияние которых слабо. Однако малые государства располагают достаточными средствами для сохранения своей независимости и территориальной целостности. Микрогосударства же в принципе неспособны защитить свой суверенитет собственными силами.

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, какие из государств считать малыми, а какие - микрогосударствами. Большинство склоняется к тому, что критерием в данном случае может выступать количество населения: в одних случаях микрогосударствами считаются страны, население которых не превышает 1 млн. человек, в других эта цифра доходит до 2 млн. ЮНИТАР использовал в этом случае более сложный критерий определения величины, мощи и статуса государств, включающий анализ величин их площади, населения и ВВП. Б. Рассетт и Х. Старр предложили учитывать также военный потенциал, продолжительность жизни населения, процент детской смертности, количество врачей и койкомест в медицинских учреждениях на душу населения, его расовый состав, долю городских и сельских жителей и т.п. (см. прим.2, с.82-90). Однако в этом случае появляется риск утраты решающих критериев и, следовательно, риск «утопить» проблему в огромной массе важных, но все же не определяющих признаков.

Согласно традиционным представлениям, государства выражают себя на международной арене через внешнюю политику, которая может принимать две основные формы: дипломатии и стратегии. Их назначение - удовлетворение национальных интересов, сохранение территориальной целостности страны, защита ее безопасности и суверенитета. Однако в наши дни такое понимание внешней политики и международных отношений обнаруживает явную узость, ибо внешняя политика уже не может не принимать в расчет проблемы экологии и научно-технического прогресса, экономики и средств массовой информации, коммуникаций и культурных ценностей. А главное - оно не способно отразить как тот факт, что традиционные проблемы международных отношений претерпевают существенные видоизменения под влиянием всех этих новых факторов, так и действительную роль и подлинное место негосударственных международных акторов.

3. Негосударственные участники международных отношений

Среди негосударственных участников международных отношений выделяют межправительственные организации (МПО), неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации (ТНК) и другие общественные силы и движения, действующие на мировой арене. Возрастание их роли и влияния относительно новое явление в международных отношениях, характерное для послевоенного времени. Данное обстоятельство в сочетании с длительным и практически безраздельным господством реалистической парадигмы объясняет то, что они все еще сравнительно слабо изучены политической наукой (см. прим.16, с.129). Отчасти это связано и с неочевидностью их подлинного значения, отражаемой в таких терминах, как «невидимый континент» (Й. Галтунг) или «второй мир» (Д. Розенау). Сказанное касается не только участников, которых Д. Розенау называет «подсистемами», но и международных организаций, которые, казалось бы, у всех «на слуху».

Французский специалист Ш. Зоргбид выделяет три основных черты, определяющие международные организации: это, во-первых, политическая воля к сотрудничеству, зафиксированная в учредительных документах; во-вторых, наличие постоянного аппарата, обеспечивающего преемственность в развитии организации; в-третьих, автономность компетенции и решений²⁴.

Указанные черты в полной мере относятся к международным межправительственным организациям (МПО), которые являются стабильными объединениями государств, основанными на международных договорах, обладающими определенной согласованной компетенцией и постоянными органами. Рассмотрим их более подробно.

Венский Конгресс 1815- г., возвестив об окончании наполеоновских войн и рождении новой эпохи в международных отношениях, одновременно возвестил и о появлении в них нового участника: Заключительным актом Конгресса было провозглашено создание первой МПО - Постоянной комиссии по судоходству по Рейну. К концу XIX века в мире существовало уже более десятка подобных организаций, появившихся как следствие индустриальной революции, породившей потребность в функциональном сотрудничестве государств в области промышленности, техники и коммуникаций и т.п.: Международная Санитарная Конвенция (1853), Международный Телеграфный Союз (1865), Международное Бюро Мер и Весов (1875), Всемирный Почтовый Союз (1878), Союз Защиты Промышленной Собственности (1883), Международная Организация Уголовной Полиции (Интерпол, 1923), Международный Сельскохозяйственный Институт и др.

МПО непосредственно политического характера возникают после Первой мировой войны (Лига Наций, Международная Организация Труда), а также в ходе и особенно после Второй мировой войны, когда в 1945 г. в Сан-Франциско была образована Организация Объединенных Наций, призванная служить гарантом коллективной безопасности и сотрудничества стран-членов в политической, экономической и социальной областях. Параллельно с развитием ее специализированных органов и институтов создаются межправительственные организации межрегионального и регионального характера, направленные на расширение сотрудничества государств в различных областях: Организация Экономического Сотрудничества и Развития, объединяющая 24 наиболее развитые страны мира (1960), Совет Европы (1949), Европейское Объединение Угля и Стали (1951), Европейское Экономическое Сообщество (Общий Рынок, 1957), Европейское Сообщество по Атомной Энергии (Евратом, 1957), Европейская Ассоциация Свободной Торговли (ЕАСТ, 1960), Лига Арабских Государств (1945), Организация Американских Государств (1948), Организация Африканского Единства (1963) и др. С 1945 г. число МПО удвоилось, составив к началу 70-х гг. 220 организаций. В середине 70-х годов их было уже 260, а в настоящее время - более 400 (см. прим.2, с.73).

Потребности функционирования этих организаций вызывают необходимость в периодическом созыве конференций представителей входящих в них стран, а подготовка таких конференций и выполнение их решений, в свою очередь, ведет к созданию постоянных административных структур - «аппарата». При этом, если администрация и аппарат первых МПО были достаточно скромными (так, например, Всемирный Почтовый Союз был представлен его руководителем и шестью постоянными функционерами), то в ООН в настоящее время занято более 50 тыс. человек (см. прим.24, с.5; прим. 16, с.128).

Отмеченное увеличение количества МПО и численности их постоянных работников - одно из свидетельств роста взаимозависимости государств и их многостороннего сотрудничества на постоянной основе. Более того, будучи созданы, подобные организации приобретают определенную автономию по отношению к государствам-учредителям и становятся отчасти неподконтрольными им. Это дает им возможность оказывать постоянное влияние на поведение государств в различных сферах их взаимодействия и в этом смысле играть роль наднационального института.

Однако здесь необходимо сделать одно важное уточнение. Наднациональные институты в подлинном значении этого термина, - то есть такие, чьи решения являются обязательными для всех государств - членов, даже если они с ними не согласны, - в международных отношениях являются редким исключением. Подобные институты существуют сегодня только в рамках Европейского Союза. Комиссия, Совет министров и Суд этой организации обладают правом принимать обязательные для исполнения всеми государствами - членами решения в экономической, социальной и даже политической областях на основе принципа квалифицированного большинства. Тем, самым происходит изменение взглядов на священный для международного права принцип государственного суверенитета, а органы ЕС все больше напоминают органы конфедерации, являясь выражением растущей интеграции современного мира.

Существуют различные типологии МПО. И хотя, по признанию многих ученых, ни одна из них не может считаться безупречной, они все же помогают систематизировать знание об этом относительно новом влиятельном международном авторе. Наиболее распространенной является классификация МПО по «геополитическому» критерию и в соответствии со сферой и направленностью их деятельности. В первом случае выделяют такие типы межправительственных организаций, как: универсальный (например, ООН или Лига Наций); межрегиональный (например, Организация Исламская Конференция); региональный (например, Латиноамериканская Экономическая Система); субрегиональный (например, Бенилюкс). В соответствии со вторым критерием различают общецелевые (ООН); экономические (ЕАСТ); военно-политические (НАТО); финансовые (МВФ, Всемирный Банк); научные («Эврика»); технические (Международный Союз Телекоммуникации); или еще более узко специализированные МПО (Международное Бюро Мер и Весов).

В то же время указанные критерии носят достаточно условный характер. Во-первых, их нельзя противопоставлять, так как многие организации могут отвечать одновременно обоим критериям: например, являться и узкоспециализированными, и субрегиональ

ными (Организация Стран Восточной Африки по контролю за пустынной саранчой). Во-вторых, проводимая на их основе классификация достаточно относительна: так, даже технические МПО могут брать на себя и экономические, и даже политические функции; тем более это относится к таким организациям, как, скажем, Всемирный Банк, или ГАТТ, которые ставят своей задачей создание условий для функционирования в государствах – членах либеральных рыночных отношений, что, конечно, является политической целью. В-третьих, не следует преувеличивать не только функциональную, но и, тем более, политическую автономию МПО. Так, например, в статье 100 Устава ООН говорится:

«1. При исполнении своих обязанностей Генеральный Секретарь и персонал Секретариата не должны запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или власти, посторонней для Организации. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед Организацией.

2. Каждый Член Организации обязуется уважать строго международный характер обязанностей Генерального Секретаря и персонала Секретариата и не пытаться оказывать на них влияние при исполнении ими своих обязанностей»²⁶.

Однако на деле господствующее влияние на ориентацию деятельности ООН и ее институтов имеют США и их союзники. Этому способствует действующий в указанных институтах принцип уравнивающего голосования при принятии решений, в соответствии с которым наибольшими возможностями располагают государства, оказывающие этим институтам наибольшую финансовую поддержку. Благодаря этому США располагают около 20% голосов в МВФ и Всемирном Банке (см. прим.16, с.136). Все это ставит проблему эффективности МПО и особенно такой, наиболее крупной и универсальной из них по своим задачам, как ООН.

Созданная в целях поддержания международного мира и безопасности, развития дружественных отношений и сотрудничества между государствами, способствуя обмену мнениями и улучшению взаимопонимания между ними, ООН в условиях холодной войны нередко служила местом ожесточенных пропагандистских схваток, выступала как сугубо политизированное учреждение, демонстрировала несоответствие конкретных результатов требованиям современности, неспособность обеспечить решение возложенных на нее задач²⁷. Специалисты отмечают и такое противоречие, явившееся обратной стороной принципа равноправия всех членов ООН, как ситуация, когда значительная часть членов ООН - малых или даже микросоциальных - обладает равными голосами с крупными странами. Тем самым решающее большинство может быть составлено теми, кто представляет менее 10% мирового населения, что так же

недопустимо, как доминирование в этой организации небольшой группы великих держав²⁸. Генеральный Секретарь ООН отмечает, что «двусторонние программы помощи зарубежным странам нередко были инструментом «холодной войны» и до сих пор остаются под сильнейшим воздействием соображений, продиктованных интересами политического влияния и национальной политики»²⁹

В конце 80-х - начале 90-х годов окончание «холодной войны» принесло новые возможности укрепления этой всемирной организации, увеличения ее потенциала и эффективности, решения ею проблем, связанных с выполнением своего мандата. Многие из этих проблем объясняются ограниченностью всякой межправительственной организации рамками государственно-центристской модели поведения. Государство - действительно универсальная модель политической организации людей, о чем свидетельствует ее распространение на все новые нации и народы. Однако уже приведенные факты противоречий между формально-юридическим равенством и фактическим неравенством государств показывают, что ее роль нельзя абсолютизировать. Исследования в области социологии международных отношений показывают, что во многих, к тому же становящихся все более частыми ситуациях, интересы людей и их «патриотизм» связаны не с государством, а с другими общностями, политическими или культурными ценностями, которые воспринимаются ими как более высокие: это могут быть ценности панисламизма, связанные с чувством принадлежности к более широкой общности, чем нация-государство, но это могут быть и ценности, связанные с этнической идентификацией субгосударственного характера - как это имеет место у курдов или берберов (см. прим.21, с.26). В этой связи сегодня все более ошутимо возрастает роль международных неправительственных организаций (НПО).

В отличие от межправительственных организаций, НПО - это, как правило, нетерриториальные образования, ибо их члены не являются суверенными государствами. Они отвечают трем критериям: международный характер состава и целей; частный характер учредительства; добровольный характер деятельности (см. прим.4, с.47). Вот почему их причисляют к «новым авторам» (М.-К. Смуц), «авторам вне суверенитета» (Д. Розенау), «транснациональным силам» (М. Мерль), «транснациональным организациям» (Ш. Зоргбиб) и т.п.

Существует как узкое, так и расширительное понимание НПО. В соответствии с первым, к ним не относятся общественнополитические движения, транснациональные корпорации (ТНК), а тем более - организации, созданные и существующие под эгидой государств.

Так, Ф. Брайар и М.-Р. Джалили под НПО понимают структуры сотрудничества в специфических областях, объединяющие негосударственные институты и индивидов нескольких стран: религиозные

организации (например, Экуменический Совет Церквей), организации ученых (например, Пагоушское Движение); спортивные (ФИФА), профсоюзные (МФП), правовые (Международная Амнистия), и т.п. организации, объединения, учреждения и ассоциации (см. прим.4, с.47-50).

Напротив, Ш. Зоргбиб считает, что термин НПО включает три вида организации или институтов. Во-первых, это «силы общественного мнения». Они не могут составить реальную конкуренцию государствам как международным авторам с точки зрения влияния на мировую политику, но оказывают существенное воздействие на международное общественное мнение. Сюда относятся различного рода «интернационалы»: политические (например, Социинтерн); религиозные (например, Экуменический Совет Церквей); гуманитарные (Международный Красный Крест). Во-вторых, это «частные транснациональные власти», то есть организации и институты, символизирующие появление на мировой арене новых «экономических, оккультных и неконтролируемых» сил. Они выражают расхождение между политической и экономической властью в международных отношениях и серьезно сотрясают организацию «мирового общества». Сюда относятся транснациональные предприятия (ТНП), с одной стороны, и транснациональный синдикализм, с другой. Наконец, в-третьих, это «ассоциации государств-производителей». Речь идет об организациях, которые являются межправительственными по своей структуре и составу, но транснациональными по характеру деятельности и которые «стремятся утвердить свое экономическое влияние в международном обществе, воспроизводимом как единое пространство, как общепланетарная общность». Сюда относятся Межправительственный Совет Стран Экспортеров Меда, Организация Стран Экспортеров Железа, Международная Ассоциация Боксита и, конечно, Организация Стран Экспортеров Нефти (ОПЕП) (см. прим.24, с. 91-118).

Таким образом, речь идет по существу обо всех негосударственных участниках международных отношений, о том, что Д.Розенау назвал в противовес традиционному миру государственных международных акторов «вторым миром», или «полицентричным миром», состоящим из огромного, почти бесконечного числа участников, о которых можно с уверенностью сказать только то, что они способны на международную деятельность, более или менее независимую от государства (см. прим.8). Подобное понимание свойственно и теоретикам взаимозависимости или транснационализма (см. прим. 10 и 11).

Однако и в «узком» (и, по-видимому, более точном) понимании данного термина, НПО прошли впечатляющую эволюцию с XIX века, когда появились первые международные неправительственные организации, до наших дней. Так, Британское и Международное Общество Борьбы против Рабства было образовано еще в 1823г. В

начале XX в. создается целый ряд добровольных обществ, в частности, ведущих свою деятельность в рамках конфессиональных институций. В 1905 г. насчитывается 134 НПО, в 1958 г. их уже около тысячи, в 1972 г. - от 2190 до 2470, а конце 80-х годов - 4000 (см. прим.2, с.76; прим.4, с.48; прим.16, с.154; прим. 17, с.209). Особенно интенсивным процесс создания НПО стал с появлением на международной арене Организации Объединенных Наций. Многие НПО получают консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН и ее специализированных институтах и учреждениях, что находит отражение в статьях 71 и 58 Устава ООН.

НПО различаются по размерам, структуре, направленности деятельности и задачам. Однако все они имеют те общие черты, которые отличают их как от государств, так и от межправительственных организаций. В отличие от первых, они не могут быть представлены как акторы, действующие, говоря словами Г. Моргентау, во имя «интереса, выраженного в терминах власти». В отличие от вторых, их учредителями являются не государства, а профессиональные, религиозные или частные организации, учреждения, институты, и, кроме того, принимаемые ими решения, как правило, не имеют для государств юридической силы. И все же им все чаще удается добиваться выполнения задач, которые они ставят перед собой, - и не только в профессиональной, но и в политической области. Это касается и таких задач, которые требуют серьезных уступок со стороны государств, вынужденных в ряде случаев поступаться «священным принципом» национального суверенитета. Так, в последние годы некоторым НПО - в частности тем, сферой деятельности которых являются защита прав человека, экологические проблемы или гуманитарная помощь - удалось добиться «права на вмешательство во внутренние дела суверенных государств».

Основным «оружием» НПО в сфере международной политики является мобилизация международного общественного мнения, а методом достижения целей - оказание давления на межправительственные организации (прежде всего на ООН) и непосредственно на те или иные государства. Именно так действуют, например, Гринпис, Международная Амнистия, Международная Федерация по Правам Человека или Всемирная Организация Борьбы против Пыток (последняя показательна и в том отношении, что объединяет усилия более 150 национальных организаций, целью которых является борьба против применения пыток). Поэтому НПО подобного рода нередко называют «международными группами давления». Как известно, в политической социологии термин «группы давления» фиксирует отличие общественных организации от политических партий: если партии стремятся к достижению и исполнению властных функций в обществе, то группы давления ограничиваются стремлением с целью защиты своих интересов оказывать влияние на власть, оставаясь вне властных структур и институтов (например,

профсоюзы, предпринимательские объединения, женские организации и т.п.). Аналогичный характер имеют и международные НПО - с точки зрения как отношения к «власти» и методов действия, так и эффективности в достижении выдвигаемых целей. Возможно, что не все НПО играют роль международных групп давления (определенные сомнения в этой связи могут иметься относительно организации, обладающих консультативным статусом при ЭКОСОС ООН и ее институтах). Однако их совокупное воздействие зримо меняет характер международных отношений, делает их существенно отличными от характера традиционных межгосударственных отношений, эпоха которых уходит в прошлое.

Немалое влияние на существо и направленность изменений в характере международных взаимодействий оказывают такие специфические неправительственные организации, как транснациональные корпорации (ТНК), которые «подтачивают» национальный суверенитет государств в такой важной сфере общественных отношений, как экономика. Речь идет о предприятиях, учреждениях и организациях, целью которых (в отличие от НПО, охарактеризованных выше) является получение прибыли, и которые действуют, через свои филиалы одновременно в нескольких государствах, в то время как центр управления и решений той или иной ТНК находится в одном из них.

Действительно, крупнейшие ТНК обладают огромными экономическими ресурсами, дающими им преимущества в этом отношении не только перед малыми государствами, но нередко и перед средними и даже великими державами. Так, например, объем зарубежных продаж фирмы «Эксон» к середине 70-х годов достиг свыше 30 миллиардов долларов, что превысило объем внутреннего национального продукта (ВНП) такой экономически развитой страны, как Швейцария (см. прим.2, с.77), и лишь немногим уступало ВНП Мексики. Это дает ТНК возможность оказывать существенное воздействие в своих интересах и на политическую сферу - как в странах базирования, так и в мире в целом. Характерный пример в данном отношении дает роль американской компании ИТТ в свержении правительства С. Альенде в Чили в начале 70-х годов.

ТНК - явление достаточно противоречивое. Они, несомненно, способствуют модернизации стран базирования, развитию их народного хозяйства, распространению ценностей и традиций экономической свободы и политического либерализма. Одновременно они несут с собой и социальное потрясение, связанные со структурной перестройкой, интенсификацией труда и производства, новые формы господства и зависимости - экономической, технологической, а нередко и политической. В ряде случаев последствия их деятельности ведут к дальнейшему обострению уже имеющихся и возникновению новых экологических проблем, разрушению национальных традиций, конфликту культур. Так же бесспорно и то, что ТНК

усиливают экономическую взаимозависимость и единство мира в хозяйственном отношении, способствуют созданию предпосылок становления единой глобальной культуры как планетарного, общецивилизационного явления. И это тоже приносит неоднозначные результаты, что и вызывает критику ТНК со стороны различных идейно-теоретических течений - как марксистского и неомарксистского, так и либерально-демократического характера. В определенной мере результатом подобной критики явились попытки международного сообщества ввести некоторые ограничения для деятельности транснациональных корпораций, подчинив ее определенным правилам, некоему «кодексу поведения». Однако усилия, предпринятые с этой целью в рамках ОЭСР и ООН, не увенчались успехом, что не удивительно, если учитывать заинтересованность наиболее развитых в экономическом и наиболее влиятельных в политическом отношении стран в беспрепятственном функционировании рыночной экономики.

В современном мире насчитывается не менее 7 тыс. ТНК, имеющих около 26 тыс. филиалов в различных странах на всех континентах (см. прим.2, с.78). Однако их непосредственная экспортно-импортная и инвестиционная деятельность затрагивает главным образом три экономические зоны, представленные США, ЕЭС и Японией, и вне этих зон касается еще около десятка развивающихся государств. Относительная защищенность рынков, развитость инфраструктур, образовательной, исследовательской и информационной сфер, обеспечивающих гарантии в необходимой высококвалифицированной рабочей силе, влекут за собой распространение передовых технологий, сходство в образе и уровне жизни и потребления во всех трех экономических зонах. Экономические процессы, контролируемые ТНК, охватывают большую часть мировой торговли, финансовых обменов и передач передовых технологий. Так, торговые связи между США и остальным миром на 80 % находятся в руках ТНК. В 1988 г. экспорт товаров и услуг из американских филиалов ТНК в Соединенные Штаты составил 87 миллиардов долларов, или 19 % всего импорта США (см. прим. 16, с. 89). Указанные процессы способствовали ускоренной экономической интеграции в Европе, Америке и Азии, усилению конкуренции и в то же время взаимозависимости между главными экономическими регионами современного мира. Вместе с тем они имели не менее серьезные последствия и политического характера.

Пожалуй, наиболее значимыми среди этих последствий, вызвавшими эпохальные изменения в облике современного мира и характере международных отношений, явились кризис в СССР, распад «мировой социалистической системы», а затем и разрушение Советского Союза со всеми его драматическими результатами для России и других бывших союзных республик. Конечно, указанные события имели и глубокие внутренние причины - неэффективность уста

новленной в результате революции 1917 года социально-экономической и политической системы, преступные режимы, некомпетентные и коррумпированные руководители и т.п. Но особенно важную роль эти внутренние причины приобрели именно в свете той постиндустриальной революции конца 60-х - начала 70-х годов, которая так нелегко далась Западу и которая, фактически, прошла мимо нашей страны. По вине своих бездарных руководителей, увлеченных сиюминутными выгодами от «нефтедолларов», а по сути из-за хищнической эксплуатации природных богатств в сложившейся в те годы мировой экономической конъюнктуре СССР оказался в ситуации прогрессирующего отставания от века микроэлектронных технологий. Попытки же «подтянуть» систему до уровня экономически развитого мира путем «ускорения» и «перестройки» оказались роковыми для страны, политическая система которой обнаружила полную неспособность к какому-либо реформированию. Во всяком случае, сегодня становится все более очевидной бесплодность и разрушительный характер попыток подобного «реформирования», если они не предваряются (как они не предварялись в эпоху «перестройки») и/или не сопровождаются (как они не сопровождались тогда и (фактически не сопровождаются сейчас - ни в России, ни в других странах СНГ) продуманными, учитывающими социокультурные реальности и традиции народа экономическими преобразованиями.

Таким образом, ТНК обладают определенной автономией в своих решениях и деятельности, способны вносить изменения в международные отношения, учитываются государствами в их внешней политике - то есть отвечают всем признакам влиятельного международного автора.

В меньшей степени этим признакам отвечают другие участники международных отношений - такие, как, например, национальноосвободительные, сепаратистские и ирредентистские движения, мафиозные группировки, террористические организации, региональные и местные администрации, отдельные лица. Часть из них, например национально-освободительные и сепаратистские движения, являются, скорее, международными субъектами в вышеприведенном социологическом (а не юридическом) значении этого термина, то есть они стремятся стать авторами (в данном случае суверенными государствами). С этой целью они добиваются членства или хотя бы статуса наблюдателя в авторитетных межправительственных организациях, считая участие в них важным звеном в обретении статуса международного автора. Так, ООП является членом Лиги Арабских Государств, Организации Исламская Конференция, Движения Неприсоединения и обладает статусом наблюдателя в ООН. Это, однако, не давало ей вплоть до последнего времени полной легитимности в глазах некоторых международных авторов (прежде всего Израиля, но также, в

известной степени таких арабских государств, как Аммана и Иордании).

Растущая взаимозависимость приводит к развитию функционального и институционального международного сотрудничества, участниками которого выступают различные предприятия, фирмы, административные структуры и граждане приграничных зон соседних государств, а также регионы и отдельные города различных стран (см. прим.4, с.53-55). В первом случае (функциональное трансграничное взаимодействие) речь идет об установлении контактов и обменов между представителями сопредельных государств, в основе которого лежит общность интересов и потребностей и которое нередко устанавливается как бы стихийно, то есть помимо официальных договоренностей между государствами (а иногда и вопреки им). Таковы, например, отношения между жителями приграничных районов России и Китая, или отношения между сопредельными районами стран СНГ, жители которых фактически игнорируют запреты и ограничения властей на взаимную торговлю. Примером второго (институционального сотрудничества локального характера) выступают достаточно представительные международные организации, формирующиеся вне национально-государственных рамок (Ассоциация породненных городов; Совет коммун Европы и т.п.). Кроме того, в федеративных государствах наблюдается феномен своего рода фрагментации внешней политики, когда руководство субъектов федерации в стремлении более полно отстаивать свои интересы устанавливает прямые связи на международной арене и тем самым как бы нарушает прерогативы суверенного государства, частью которого данный субъект является. Иногда развитие такой, по выражению канадского исследователя П. Сольдатоса, «субнациональной дипломатии» происходит с согласия соответствующих государств и осуществляется в рамках международного права: так, Квебек уже с 1882 г. имеет генерального представителя во Франции (см. прим.4, с.54). В других случаях наблюдается конфликт центральных и местных властей. В настоящее время это характерно для Российской Федерации.

Указанные примеры вновь возвращают нас к центральному для проблемы участников международных отношений вопросу: какой из типов этих участников - государство, международные организации, или же «параллельные участники» («авторы вне суверенитета») будет определять содержание и характер международных отношений в обозримом и более отдаленном будущем? Как мы могли убедиться, по данному вопросу существует множество точек зрения, крайние из которых отдают предпочтение либо традиционным (прежде всего, государству), либо нетрадиционным участникам. Важно однако подчеркнуть, что сторонники как одного, так и другого из этих полюсов избегают детерминистских подходов. Поэтому существо полемики перемещается в методологическую плоскость: что считать

основой для выводов? Поиск специфических факторов, оказывающих влияние на поведение авторов, и изучение роли, которую играют те или иные из этих факторов в эволюции международных отношений? Или же анализ традиционных и нетрадиционных авторов с целью определения главных и второстепенных из них с точки зрения как состояния, так и тенденций указанной эволюции? Споры продолжаются, и острота их усиливается по мере нарастания признаков изменения привычного международного порядка, исключающих однозначные ответы на вышеприведенные вопросы. Вместе с тем не вызывает сомнений то обстоятельство, что указанные изменения во многом зависят от целей, которые ставят перед собой международные авторы, и от избираемых ими средств их достижения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Tonraine A.* Pour la sociologie. Paris, 1974. p. 12.

² *Rasset B., Starr H.* World politics. Menu for Choice. San Francisco, 1981. p.71.

³ *Бурлацкий Ф.М., Галкин Л.А.* Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.

⁴ *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations internationales. Paris, 1988. p.31.

⁵ *Kaplan A.* The Language of Inquiry. N. Y. 1964. p. 126.

⁶ *Kaplan M.* System and Process in International Politics. N. Y. 1957.

⁷ *Merle M.* Sociologie des relations internationales. Paris. 1974.

⁸ *Rosenau J.* Turbulence in world politics: A Theorie of Change and Continuity. Princeton, New Jersey. 1990.

⁹ *Най Дж.С.* (младший). Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика// Мировая экономика и международные отношения. 1989. №12.

¹⁰ *Keohane R. & Nye J.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, 1977.

¹¹ *Burton J.W.* World Society. Cambridge. 1972.

¹² *Pioux J.-F., Keenes E., Legare G.* Le neo-realisme ou la reformulation du paradigme hegemonique en relations internationales// Etudes internationales. XIX 1982.

¹³ *Maghroori R., Ramberg B.* Globalism Versus Realism - International Relations Third Debate. Boulder. 1982.

¹⁴ *Wallerstein I.* The Politics of the World Economy. Cambridge, 1984.

¹⁵ *Frankel J.* International Relations in the Changing World. Oxford, New York. 1979. p.10.

- ¹⁶ *Senarclens P. de.* La politique Internationale. Paris, 1992. p. 116.
- ¹⁷ *Huntzinger J.* Introduction aux relations Internationales. Paris, 1988, p.116.
- ¹⁸ *Чешков М.А.* Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или в ограждение?// *Мировая экономика и международные отношения.* 1993. №1. с.30-31.
- ¹⁹ *Smith A.* State and Nation and the Third World. Brighton, 1983.
- ²⁰ *Wolfers A.* Discord and Colloboration. Baltimore, 1962.
- ²¹ *Korany B. et coll.* Analyse des relations intemationales. Approches, conceots et donnees. Montreale, 1987.
- ²² *Luard E.* Types of the International Society. N.Y., 1976.
- ²³ *Little R.* International Stratification. In: *International Relations Theory.* N Y, 1978.
- ²⁴ *Zorgbibe Ch.* Los organizations Internationales. Paris. 1991. p.3.
- ²⁵ *Зайцева О.* О методологии изучения международных организаций// *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. №12.
- ²⁶ Устав Организации Объединенных наций и Статут Международного суда. М., 1989.
- ²⁷ *Козырев А.В.* ООН - демократия против тоталитаризма// *Мировая экономика и международные отношения.* 1990. №12.
- ²⁸ *Нестеренко А.Е.* Потенциал ООН// *Международная жизнь.* 1990. №5.
- ²⁹ *Бутрос-Гали Б.* Укрепление потенциала Организации Объединенных Наций// *Мировая экономика и международные отношения.* 1993. №4. с.11.

Глава IX ЦЕЛИ И СРЕДСТВА УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализ характерных особенностей основных участников международных отношений и их взаимодействия друг с другом способствует лучшему пониманию социальной природы этих отношений и одновременно выводит на новую группу вопросов, связанную с таким пониманием. В самом деле, какие цели преследуют и какими интересами руководствуются участники международных отношений? Каковы наиболее распространенные средства и стратегии, которые используются ими для достижения поставленных целей? Изменилась ли роль силы в составе средств, используемых международными авторами для достижения своих интересов?

Прежде чем перейти к рассмотрению этих вопросов, подчеркнем еще раз мысль о том, что основными участниками международных отношений являются государства. Действительно, автономия межправительственных организаций и институтов как участников международных отношений носит относительный характер уже в силу того, что принимаемые ими решения и их реализация невозможны без участия соответствующих государств. Что же касается неправительственных организаций, различного рода движений и частных субъектов, то, хотя они и могут не только вступать в противоречие с теми или иными государственными структурами и государством в целом, но и преодолевать их сопротивление в достижении своих целей, понимание этих целей невозможно без понимания целей, интересов и стратегий государств. Именно поэтому, как правило, в рассмотрении вышеобозначенных вопросов исследователи исходят, прежде всего, из анализа государств как основных участников международных отношений, хотя, как уже подчеркивалось, сведение международных отношений к межгосударственным было бы неправомерно.

1. Цели и интересы в международных отношениях

Анализ целей участников международных отношений является не только одним из важнейших условий понимания их особенностей, но и одной из наиболее трудных задач. Дело том, что цель категория во многом субъективная, и судить о ней можно лишь на основании действительных последствий тех действий, которые предпринимаются участниками международных отношений - причем и в

этом случае степень достоверности такого суждения отнюдь не абсолютна и далеко не однозначна. Это тем более важно подчеркнуть, что результаты деятельности людей нередко сильно расходятся с их намерениями.

И тем не менее в социологической науке выработан такой подход к пониманию целей, который, не являясь абсолютной гарантией против субъективности, зарекомендовал себя как достаточно плодотворный. Речь идет о подходе с точки зрения поведения субъекта, то есть с точки зрения анализа последствий его поступков, а не его мыслей и декларируемых намерений. Так, если из нескольких возможных последствий какого-либо действия мы наблюдаем то, которое происходит, и имеем основание считать, что его бы не было без желания действующего субъекта, это означает, что указанное последствие и являлось его целью. В качестве примера можно назвать подъем популярности правительства М. Тэтчер в Великобритании в результате его действий по выходу из Мальвинского кризиса.

Основываясь на указанном подходе, большинство представителей науки о международных отношениях определяют цели как предполагаемый (желаемый) результат действия, являющегося его причиной (побудительным мотивом) (см., например, прим. 1; а также 2 и 3). Это относится как к сторонникам политического реализма, так и к представителям других теоретических школ в науке о международных отношениях, в том числе марксистского и неомарксистского течений. Последние основываются, в частности, на положении К. Маркса, согласно которому «будущий результат деятельности существует сначала в голове человека идеально, как внутренний образ, как побуждение и цель. Эта цель как задача определяет способ и характер действий человека и ей он должен подчинять свою деятельность»⁴.

Определенная методологическая близость отмечается также и в понимании значения категории «интерес» для анализа соотношения объективного и субъективного в структуре целей участников международных отношений. Не случайно этой категории уделяется большое внимание в работах представителей самых различных течений в науке о международных отношениях. Так, например, теоретические построения школы политического реализма конструируются, как мы уже видели, на основе категории «интерес, выраженный в терминах силы (power)». С точки зрения Г. Моргентау, национальный интерес содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый). В свою очередь, центральный интерес состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств⁵.

В первой главе уже отмечалось, что Р.Арон (и ряд его последователей) считал понятие национального интереса слишком многозначным и потому малооперациональным для анализа целей и средств международных отношений. Вместе с тем его положения о так называемых вечных целях любого государства по существу совпадают с традиционным пониманием национального интереса, присущим школе политического реализма. В самом деле, с точки зрения Р. Арона, вечные цели могут проявляться как абстрактным, так и конкретным образом. В первом случае они предстают как стремление к безопасности, силе и славе, а во втором выражаются в жажде расширения пространства (или, иначе говоря, увеличения территории, занимаемой той или иной политической единицей), увеличения количества людей (населения государства) и завоевания человеческих душ (распространения идеологии и ценностей данного политического автора).

В наши дни, в условиях возрастания глобальной взаимозависимости человечества, категории «интерес» принадлежит важная роль в понимании существа тех событий, явлений и процессов, которые происходят в сфере международных отношений. Вместе с тем следует иметь в виду и то, что эта ее роль не абсолютна.

Как отмечал Р. Арон, внешнеполитическая деятельность государства выражается в действиях его лидеров, которые располагают определенными степенями свободы в выборе целей. При этом большое значение имеют идеология, амбиции, темперамент и т.п. качества лидеров. С другой стороны, само их положение обуславливает то, что они стремятся создать впечатление, будто в основе всех их действий лежит национальный интерес (см. прим.6, с. 97-102). Более того, некоторые исследователи считают, что, хотя интерес объективен, но он, по сути, непознаваем. Поэтому для ученого, исходящего из объективного интереса в объяснении поведения людей и социальных общностей, опасность состоит в почти неизбежной возможности соскользнуть на путь произвольного «конструирования» интересов. Иначе говоря, существует риск заменить субъективность тех, кого изучает социолог, его собственной субъективностью (см. прим.1, с.26).

Подобного мнения придерживается и известный французский специалист в области международных отношений Ж.-Б. Дюрозель. «Было бы, конечно, хорошо, - пишет он, - если бы существовала возможность определить объективный национальный интерес. Тогда можно было бы довольно просто исследовать международные отношения путем сравнения между национальным интересом, предлагаемым лидерами, и объективным национальным интересом. Беда, однако, состоит в том, что любое размышление об объективном национальном интересе является субъективным» .

В конце концов поскольку, с такой точки зрения, определить понятие национального интереса не представляется возможным,

предлагают считать побудительным мотивом действий участников международных отношений не интерес, а «национальную идентичность»⁸. Речь идет о языке и религии как основах национального единства, о культурно-исторических ценностях и национально-исторической памяти и т.п. С этих позиций, например, поведение Франции на международной арене может быть лучше понято, если иметь в виду колебания ее исторических традиций между патриотизмом и пацифизмом, антиколониальной идеологией и идеей «цивилизаторской миссии», лежавшей в основе колониальной экспансии, и т.п. В свою очередь, ключом к пониманию международной деятельности США может служить историческая традиция, сторонами которой являются изоляционизм «отцов основателей» и интервенционизм (см. прим.8, с.474).

Действительно, без учета культурно-исторических традиций и национальных ценностей понимание внешней политики того или иного государства и международных отношений в целом было бы неполным, а потому и неверным. И все же, скорее всего, ближе к истине Г. Моргентау, который не противопоставляет национальную идентичность национальному интересу, а считает первую неотъемлемым элементом второго (см. прим.4, с.3-12).

В самом деле, в основе всякого интереса лежат объективные потребности, нужды субъекта или социальной общности, обусловленные его экономической, социальной, политической и иной ситуацией. Процесс познания социальных потребностей и есть процесс формирования интересов людей (см. прим. 3, с.112-124). Интерес, таким образом, - категория объективно-субъективная, причем, объективным в своей основе может быть не только истинный, но и ложно понятый интерес. Так, десятилетиями на Западе существовало мнение о советской военной угрозе, а, следовательно, о том, что наращивание вооружений служит коренным интересам демократических государств от нападения со стороны тоталитарного режима. И хотя в действительности Советский Союз не был заинтересован в нападении на западные страны, его поведение во внешнеполитической области, как и внутри страны, давало основания для их недоверия к нему (справедливости ради следует отметить, что верно и обратное). Реально же гонка вооружений не служила интересам ни одной, ни другой стороны.

Бывают также мнимые и субъективные национальные интересы. Примером первого могут служить такие обстоятельства, когда идея становится национальным мифом, овладевает умами людей, и доказать им эту мнимость чрезвычайно трудно⁹. Что касается субъективного интереса, то хрестоматийный пример здесь поступок Герострата, добившегося бессмертной «славы» поджогом храма. В сфере современных международных отношений примером субъективного «национального интереса» могут служить мотивы, которыми руководствовался Саддам Хусейн при вторжении Ирака в

Кувейт в 1991 году (декларации о необходимости присоединения к Ираку «исконно принадлежавшей ему провинции» были лишь предлогом для попыток решить внутренние трудности иракского режима путем Небольшой победоносной войны»).

Наряду с основными (коренными, постоянными) и неосновными (второстепенными, временными) интересами, интересами объективными и субъективными, подлинными и мнимыми, различают также интересы совпадающие и взаимоисключающие, пересекающиеся и непересекающиеся и т.д.¹⁰

Исходя из сказанного, общественный интерес можно определить как осознанные потребности субъекта (социальной общности), вытекающие из фундаментальных условий его существования и деятельности. В то же время интерес - это отношение потребности к условиям ее реализации. Соответственно национальный интерес есть осознание и отражение в деятельности его лидеров потребностей государства. Это относится и к многонациональным и этнически неоднородным государствам: фактически под национальным интересом подразумевается национально-государственный интерес.

Традиционно понимаемый коренной национально-государственный интерес включает три основных элемента: военная безопасность; экономическое процветание и развитие; государственный суверенитет как основа контроля над определенной территорией и населением.

Однако в наши дни как эти элементы, так и содержание национального интереса в целом претерпевают существенные изменения под давлением новых фактов и обстоятельств. Бурное развитие производительных сил, средств массовой коммуникации и информации, новые достижения научно-технической революции, усиливающаяся интернационализация всех сторон общественной жизни, возникновение и обострение глобальных проблем, растущее стремление людей к демократии, личному достоинству и материальному благополучию - все это трансформирует интересы участников международных отношений, ведет к переформулированию целей их взаимодействия.

Крах тоталитарных режимов и сопровождающееся трудностями, противоречиями, кризисами и конфликтами продвижение европейских постсоциалистических стран к рыночным отношениям и плюралистической демократии, распад СССР и его многочисленные последствия, окончание «холодной войны» между Востоком и Западом - все эти и многие другие процессы, происходящие в современном мире, ставят перед международным сообществом новые задачи, вносят коренные изменения в условия реализации интересов международных авторов. На глазах одного поколения людей мир как бы сужается, государства и регионы становятся все более проницаемыми для пересекающих их границ растущих потоков идей,

капиталов, товаров, технологий и людей. Традиционные двух- и многосторонние связи между государствами дополняются новыми, действующими в самых разных областях - таких, как транспорт, экономика и финансы, информация и культура, наука и образование и т.д. На этой основе появляются новые международные организации и институты, которым государства делегируют часть своих полномочий, и которые имеют свои специфические цели и интересы, вытекающие из самой сущности их как субъектов международных отношений. Картина усложняется и по мере усиления мощи и увеличения числа транснациональных корпораций, которые стали значительными и неотъемлемыми участниками международных отношений со своими специфическими интересами и целями, связанными в первую очередь с собственными финансовыми прибылями и экономическим ростом, но их интересы касаются и стабильности (экономической, политической, военной) страны базирования, всеобщей безопасности и сотрудничества, других вопросов глобального характера.

В этих условиях национальный интерес не может быть обеспечен без создания таких условий существования государства, как внутренняя стабильность, экономическое благополучие, моральный тонус общества, безопасность (причем не только в ее военнoстратегическом аспекте, но и в более широком плане, включая экологическую обстановку), благоприятное внешнеполитическое окружение, престиж и авторитет на мировой арене. Следует иметь в виду, что обеспечение национального интереса достигается лишь при сбалансированности указанных условий, представляющих собою открытую систему взаимозависимых и взаимодополняющих элементов. Полное обеспечение каждого из них возможно лишь в идеале. В реальной же практике нередки случаи отсутствия и типичны - случаи недостаточного развития того или другого из указанных элементов или условий, что компенсируется более интенсивным развитием других. В обеспечении подобного баланса и состоит искусство международной политики¹¹. Важную роль играет при этом выбор соответствующих средств и выработка внешнеполитических стратегий.

2. Средства и стратегии участников международных отношений

Средства - есть пути, способы, методы и орудия достижения целей. Цели и средства - диалектически взаимосвязанные категории (см. об этом: прим. 3, с. 127-130). Никакая, даже самая реальная цель не может быть достигнута без соответствующих средств. В свою очередь, средства должны соответствовать цели.

Специфика средств, потенциально или актуально находящихся в распоряжении международных авторов, вытекает из особенностей международных отношений и прежде всего из того обстоятельства,

что они применяются к общностям, на которые в большинстве своем не распространяется власть отдельного государства. Разные специалисты называют многообразные типы средств, используемых участниками международных отношений в их взаимодействии. Однако в конечном итоге это многообразие сводится к ограниченному количеству типов: в одном случае - это сила, убеждение и обмен (см. прим. 1, с.20-23), в другом - сила и переговоры (см. прим.8, с.472-473), в третьем - убеждение, торг, угроза и насилие (см. прим.7, с.96) и т.д. Нетрудно заметить, что по сути речь идет о совпадающей типологии средств, полюсами которой выступают насилие и переговоры. При этом насилие и угроза могут быть представлены как элементы силы, а убеждение и торг - элементы переговоров. Каждое из названных понятий отражает относительно широкую совокупность путей, методов, способов и инструментов достижения цели, которые в реальной действительности международных отношений используются в самых различных сочетаниях, поэтому выделение их в «чистом виде» - не более, чем абстракция, служащая задачам анализа.

Так, следует отметить возрастающую роль убеждения и переговоров, иначе говоря, политических средств во взаимодействии современных участников международных отношений. Эти средства предполагают налаживание систематических, постоянных связей и контактов между ними, ведут к росту взаимного доверия. Успеху политических средств способствует наличие у сторон взаимных интересов. Например, именно общая заинтересованность участников СБСЕ в безопасности и стабильности на Европейском континенте явилась той основой, которая способствовала принятию в ноябре 1990 г. Парижской Хартии для новой Европы, в которой признается окончание эпохи конфронтации между Востоком и Западом. С другой стороны, и несовпадение интересов не является препятствием для успешного применения политических средств участниками международных отношений. Более того, специалисты, занимающиеся теорией и методологией переговоров, именно в несовпадении интересов усматривают одну из предпосылок успеха, отмечая, что «удовлетворительное соглашение становится возможным потому, что стороны хотят разного... Различия в интересах и убеждениях открывают возможность того, что тот или иной аспект оказывается весьма выигранным для вас, но мало ценным для другой стороны» (см. прим. 10, с.20).

Как уже отмечалось, категории «цели» и «средства» являются соотносительными. Они соответствуют не различным событиям, поведениям и действиям участников международных отношений, а их различному положению по отношению друг к другу. Определенное событие, поведение или действие является средством по отношению не к любой, а к определенной цели; последняя, в свою очередь, может выступать средством по отношению к другой цели. Уста

новление соответствия между целями и средствами отражается категорией «стратегия». Специалисты в данной области отмечают, что характер и диалектику любой стратегии определяют: 1) существенное воздействие на кого-то или что-то; 2) средства и способы далеко идущего воздействия; 3) перспективно-динамичная ориентация цели¹². В общем виде стратегия может быть определена как долговременная линия поведения, соединяющая науку и искусство в достижении перспективной цели.

В наши дни категория «стратегия» приобрела довольно широкий характер, возникли понятия экономической стратегии, политической стратегии, стратегии развития предпринимательства, стратегии банковского дела... вплоть до «стратегии продажи арбузов в больших городах». Однако во всех случаях стратегия понимается именно как наука и искусство соотношения целей с имеющимися средствами. Согласно классической военной науке, например, решающее условие высшей победы - это численный перевес над противником. В прямом кратковременном столкновении главным фактором является количество средств (живой силы и вооружений), имеющихся в распоряжении у каждого из противников. В то же время Наполеон выиграл итальянскую кампанию, не располагая необходимым перевесом над силами противника в целом. Дело в том, что он сумел так распределить свои силы, что при каждом прямом столкновении имел над ним локальное и временное превосходство. Таким образом, успешное достижение цели зависит не только от наличных средств, но и от того, как они используются, то есть от стратегии.

Вопреки встречающемуся иногда мнению, было бы ошибкой считать, что вплоть до середины XX в. стратегия в теоретическом и практическом смысле была исключительной принадлежностью военного искусства и войн¹³. Традиционные постоянные интересы государств - безопасность и процветание - могли достигаться лишь при благоприятном соотношении сил. Отсюда традиционными же средствами достижения целей были не только войны, но и «дипломатическо-стратегическая игра», направленная на достижение указанного соотношения. Роль стратегии того или иного автора международных отношений в данном случае заключалась в том, чтобы дипломатическими средствами противостоять давлению более сильных авторов, а также компенсировать собственные геополитические или демографические недостатки. И все же решающим средством участников международных отношений вплоть до последнего времени оставалась военная сила. Поэтому и основным направлением дипломатической стратегии было формирование коалиции и союзов, призванных обеспечить перевес в силе над потенциальным и актуальным противником, а война, в полном соответствии с известной формулой К. Клаузевица, являлась продолжением политики иными средствами.

В новых условиях это положение коренным образом изменяется. Взаимозависимость мира, его хрупкость перед разрушительными последствиями применения современных средств массового уничтожения, перед опасностью других глобальных проблем требует от участников международных отношений решительного разрыва с прежними стратегиями в отношениях друг с другом. Изменяется и содержание понятия «сила».

3. Особенности силы как средства международных авторов

Сила и насилие издревле являются наиболее распространенными и решающими в арсенале средств международных авторов. С понятием силы связана одна из центральных проблем международных отношений - проблема войны и мира. На его основе авторы судят о возможностях друг друга, строят планы своего взаимодействия, принимают решения, оценивают степень стабильности международной системы. Наконец, категория «сила» выполняет значительную методологическую роль в науке о международных отношениях, являясь важным инструментом их научного анализа: о значении «силового фактора» ведутся дискуссии между различными научно-теоретическими школами, сила выступает критерием многообразных моделей систем международных отношений и т.д.

И все же приходится признать, что если и прежде ни у теоретиков, ни у практиков международных отношений не было полной ясности относительно содержания понятия силы, то нет его и сегодня.

В самом общем виде под силой понимают способность международного автора навязать свою волю и тем самым повлиять на характер международных отношений в собственных интересах. Но что лежит в основе такой способности? Чем она обусловлена? В чем выражается? Эти и другие подобные вопросы до сих пор остаются предметом полемики в теории и источником многих недоразумений в практике международных отношений.

Примерно с конца 40-х годов наиболее распространенными в науке о международных отношениях стали два подхода к пониманию силы - атрибутивный и поведенческий (бихевиоральный). Первый рассматривает силу международного автора (прежде всего государства) как нечто присущее ему изначально, как его неотъемлемое свойство. Второй связывает силу с поведением международного актора, его взаимодействиями на мировой арене¹⁴.

Атрибутивный подход характерен для политического реализма. С точки зрения Г. Моргентау, международная политика, как и любая другая, есть политика силы. Моргентау не делает различий между силой, мощью, властью и влиянием, выражая все это одним термином «power», который выступает для него как обобщенная характеристика, обозначающая цель и средство политики госу

дарства на мировой арене. Представляя собой способность государства контролировать действия других государств, международная политика имеет три основных источника и соответственно преследует три основных цели: стремление к выгоде; избежать ущерба или оказаться в невыгодном положении; уважение к людям и институтам. Именно для этого государству и нужна сила (власть, мощь), содержание которой не ограничивается только его военными ресурсами, а включает в себя, помимо них, еще целый ряд составных элементов: промышленный потенциал; природные ресурсы; геостратегические преимущества; численность населения; культурные характеристики (национальный характер); национальную мораль; качество дипломатии и государственного руководства.

В отличие от Г. Моргентау, другой влиятельный представитель школы политического реализма - А. Уолферс - стремится провести различие между силой (властью, мощью) и влиянием международных авторов. По его мнению, сила - это способность автора изменить поведение других международных авторов путем принуждения. Влияние же - это его способность изменить указанное поведение посредством убеждения. В то же время он подчеркивал, что между силой и влиянием имеется определенный континуум, что их различия не абсолютны¹⁵. Однако и в этом случае вопросы, связанные с определением силы того или иного государства, остаются нерешенными. Дело в том, что реалисты стремятся представить силу как исчисляемую характеристику государства, как величину, придающую действиям различных государств более или менее однородный смысл. Согласно их подходу подобно тому, как в рыночной экономике стремление предпринимателя к максимальному удовлетворению своих интересов определяется в терминах денег и прибыли, так и для государства реализация его национальных интересов резюмируется в стремлении увеличить свою мощь и/или силу.

Но при таком подходе возникают две трудности. Первая из них связана с разнородностью составных элементов силы: ведь помимо вещественных компонентов в нее включаются и такие, которые не поддаются сколь-либо точному измерению (например, национальный характер, или качество государственного руководства). На это, кстати, обращал внимание и Г. Моргентау, когда в полемике с «модернистами» сравнивал феномен власти с любовью, которая не поддается постижению при помощи рациональных средств (см. об этом: прим.5, с. 169). Вторая трудность вытекает из того, что понимание силы государства как его неотъемлемого свойства изолирует его от той системы международных связей, в которой она проявляется и проверяется и без которой любые измерения силы нередко утрачивают свой смысл. В конечном счете эти трудности обусловили то, что атрибутивное понимание силы стало одним из самых слабых мест школы политического реализма (см.: прим.1, с.21).

Пытаясь преодолеть этот недостаток, Р. Арон делает предметом своего анализа не только различия между силой и влиянием, но также между силой и мощностью, мощью и властью, соотношением сил и властными отношениями (см.: прим.5, с.58-80). Общее между ними он усматривает в том, что сила и мощь в международных отношениях, как и власть во внутриобщественных отношениях, зависят от ресурсов и связаны с насилием. Являясь приверженцем веберовского подхода, Р. Арон исходит из того, что феномен власти включает три элемента: территорию, монополию на легитимное физическое насилие и институты. В международных отношениях, которые отличаются отсутствием монополии на легитимное насилие и слабой ролью институтов в урегулировании споров, свойственные для власти отношения командования и авторитета часто проявляются как прямое принуждение или угроза насилия. Здесь основная цель не контроль над административными или институциональными механизмами, позволяющими осуществлять политическое и социальное влияние, а реализация «вечных целей государства», которыми являются его безопасность, сила и слава. Власть тесно связана с мощью и силой государства. Однако их нельзя смешивать. Власть - понятие внутривластное, тогда как мощь относится к внешнеполитической характеристике государства. Ориентация власти на внешнеполитические цели - свидетельство завоевательной политики. Но власть суверена - будь то наследный монарх или партийный лидер - отличается от власти завоевателя: первый стремится выглядеть легитимным выразителем общества, соответствовать его традициям и законам, второй же опирается (по крайней мере вначале) на откровенную силу. Таким образом, проявления властных отношений на международной арене связаны с имперскими амбициями и тенденциями.

Отличие силы от мощи, с точки зрения Р. Арона, состоит в том, что мощь международного автора - это его способность навязать свою волю другим. Иначе говоря, мощь - это социальное отношение. Сила же - это лишь один из элементов мощи. Таким образом, различие между ними - это различие между потенциалом государства, его вещными и людскими ресурсами, с одной стороны, и человеческим отношением - с другой: Составными элементами силы являются материальные, человеческие и моральные ресурсы государства (потенциальная сила), а также вооружения, армия (актуальная сила). Мощь - это использование-силы. Это способность повлиять не только на поведение, но и на чувства другого. Важный фактор мощи - мобилизация сил для эффективной внешней политики. Следует отличать наступательную мощь (способность

*В этой связи Р. Арон, рассматривая политику США на международной арене, приходил к выводу о ее имперском характере (см.: R Aron. *Republique imperiale. Les Etats-Unis dans le monde. 1945-1972.* Paris, 1973)

политической единицы навязать свою волю другим) и оборонительную мощь (способность не дать навязать себе волю другим).

В структуре государственной мощи Р. Арон выделяет три основных элемента: 1) среда (пространство, занимаемое политическими единицами); 2) материалы и знания, находящиеся в их распоряжении, а также численность населения и возможности превращения определенной его части в солдат; 3) способность к коллективному действию (организация армии, дисциплина бойцов, качество гражданского и военного управления в военное и в мирное время, солидарность граждан перед лицом испытаний благополучием или несчастьем). Лишь второй из этих элементов, по его мнению, может быть назван силой. При этом Р. Арон подвергает критике различные варианты структуры государственной мощи, представленные в работах сторонников американской школы политического реализма (например, таких как Г. Моргантау, Н. Спайкмен, Р. Штеймец). Он отмечает, что их взгляды на структуру государственной мощи носят произвольный характер, не учитывают происходящих в ней с течением времени изменений, не отвечают условиям полноты. Но главный недостаток указанных взглядов состоит, по его мнению, в том, что они представляют мощь как измеримое явление, которое можно «взвесить на весах». Если бы это было так, подчеркивает Р. Арон, то любая война стала бы невозможной, так как ее результат был бы всем известен заранее. Можно измерить силу государства, которая представляет собой его мускулы и вес. Но как мускулы и вес борца ничего не значат без его нервного импульса, решительности, изобретательности, так и сила государства ничего не значит без его мощи. О мощи того или иного государства можно судить лишь весьма условно, через ссылку на его силы, которые, в отличие от мощи, поддаются оценке (правда, только приблизительной). Государство, слабое с точки зрения наличных сил, может успешно противостоять гораздо более сильному противнику: так вьетнамцы в отсутствие таких элементов силы, как развитая промышленность, необходимое количество различных видов вооружений и т.п., нашли такие методы ведения войны, которые не позволили американцам добиться победы над ними.

Несмотря на то, что ему не удалось это полностью, заслугой Р.Арона явилось стремление преодолеть недостатки атрибутивного понимания силы. При этом он не останавливается и на бихевиоральном понимании, связывающим ее с целями и поведением государств на международной арене. Р. Арон идет дальше, пытаясь обосновать содержание мощи как человеческого (социального) отношения. Можно сказать, что в определенной мере он сумел предвосхитить некоторые аспекты более позднего - структуралистского подхода к пониманию силы.

Основы этого подхода были заложены уже сторонниками теории взаимозависимости, получившими широкое распространение в 70-е годы. Р. О'Кеохан, Дж.С. Най и другие представители этой теории предприняли попытку поставить силу в зависимость от характера и природы широкого комплекса связей и взаимодействий между государствами. Теоретики взаимозависимости обратили внимание на перераспределение силы во взаимодействии международных авторов, на перемещение основного соперничества между ними из военной сферы в сферы экономики, финансов и т.п. и на увеличение в этой связи возможностей малых государств и частных субъектов международных отношений (см. прим. 11). При этом подчеркивается различие степеней уязвимости одного и того же государства в различных функциональных сферах (подсистемах) международных отношений. В каждой из таких сфер (например, военная безопасность, энергетика, финансовые трансферты, технология, сырье, морские ресурсы и т.п.) устанавливаются свои «правила игры», своя особая иерархия. Государство, сильное в какой-либо одной или даже нескольких из этих сфер (например, военной, демографической геополитической), может оказаться слабым в других (экономика, энергетика, торговля). Поэтому оценка действительной силы предполагает учет не только его преимуществ, но и сфер его уязвимости.

Так, например, было установлено, что существует корреляция между структурой внешней торговли того или иного государства и его влиянием на мировой арене. В этом отношении показателен пример американо-японских отношений, свидетельствующий о том, что в современных условиях межгосударственного соперничества на смену территориальным завоеваниям приходит дающее гораздо больше преимуществ завоевание рынков. За период с 1958 по 1989 гг. рост японского внешнеторгового экспорта составил 167%, что выглядит весьма впечатляюще по сравнению с 7% роста, которых добились в этой области за тот же период США. Важно, однако, то, что более 30% внешнеторговых операций Японии по-прежнему выпадает на долю США, что делает ее в двусторонних отношениях более уязвимой, чем ее американский партнер¹⁶.

Таким образом, крупный вклад школы взаимозависимости состоит в том, что она показывает несостоятельность сведения феномена силы к ее военному компоненту, привлекает внимание к его вытеснению другими элементами данного феномена, и прежде

*Следует иметь в виду и то, что уже в 1945 г. американский исследователь А. Хиршман в работе «National Power and the Structure of the Foreign Trade» привлек внимание к взаимосвязи, существующей между влиянием государства на мировой арене и структурой его внешней торговли» подчеркивая вытекающие из этого возможности формирования новых форм зависимости (см. прим.2, с. 149)

всего такими, которые относятся к сфере экономики, финансов, новых технологий и культуры. Вместе с тем следует признать, что некоторые выводы и положения указанной школы оказались явно преждевременными. Это касается прежде всего вывода об отмирании роли военной силы в отстаивании международными авторами своих интересов, стремления представить ее не отвечающей реалиям XX века, и, соответственно, принижения методологического значения категории «сила» для анализа международных отношений. Ошибочность подобных позиций стала очевидной уже в 80-е годы в свете резко обострившейся международной обстановки. Последующие события - развал СССР и мировой социалистической системы, вооруженный конфликт 1991 года в зоне Персидского залива, войны на территории бывшего Советского Союза - показывают, что отказываться от понятия силы в изучении межгосударственных взаимодействий и, следовательно, от традиций политического реализма пока не приходится. Другое дело, что эти традиции должны быть переосмыслены с учетом новых реалий и достижений других теоретических направлений, освобождены от односторонностей и абсолютизаций. Попытка такого переосмысления и была предпринята сторонниками структуралистского понимания силы.

В соответствии с таким пониманием в настоящее время наиболее мощным средством достижения международными авторами своих целей становится «структурная сила» - способность обеспечить удовлетворение четырех социальных потребностей, которые лежат в основе современной экономики: безопасность (в том числе и оборонительная мощь), знание, производство и финансы. Структурная сила изменяет рамки мировой экономики, в которых взаимодействуют друг с другом современные авторы международных отношений. Она зависит не столько от межгосударственных отношений, сколько от системы, элементами которой являются различные типы потребления, способы поведения, образы жизни. Эта система не зависит от территориального деления мира. Власть над идеями, кредитами, технологиями и т.п. не нуждается в территориальных границах. Она распространяется через таких агентов, как банки, предприятия, средства массовой информации и т.н. Границы, которые прежде служили гарантией безопасности, защищали национальную валюту и национальную экономику, стали теперь проницаемыми. Структурная сила влияет на предмет, содержание и исход тех или иных международных переговоров, определяет правила игры в той или иной области международных отношений. Кроме того, что особенно важно, она используется ее обладателями для непосредственного воздействия на конкретных индивидов: производителей, потребителей, инвесторов, банкиров, клиентов банков, руководящих кадров, журналистов, преподавателей и т.д. Тем самым, считает С. Стренж (Англия), происходит формирование огромной внетерриториальной транснациональной империи со

столицей в Вашингтоне. В указанных основных измерениях глобальной политической экономики, считает она, США располагают более значительными средствами влияния, чем кто-либо еще. Увеличивая их притягательную власть, это влияние усиливается еще и тем обстоятельством, что США способны использовать все четыре измерения одновременно¹⁷ (цит. по: 4, с. 153-154).

Рассматривая концепцию структурной силы, французские социологи международных отношений Б. Бади и М.-К. Смуц особо выделяют в ее составе такой элемент, как технология. Технологическая мощь, подчеркивают они, является не просто продолжением экономической и торговой силы (или мощи), но играет и самостоятельную роль в системе средств международных акторов. Она лежит в основе трех решающих для международной деятельности феноменов: автономии решения автора в военной сфере, его политического влияния, а также культурной притягательности (см. прим.4, с. 155).

Завершая рассмотрение категории целей и средств международных акторов, следует отметить, что, как и любые другие научные понятия, они носят исторический характер: их содержание развивается, наполняясь под влиянием изменений в объективной реальности и обогащения теоретической базы науки новым содержанием. Вместе с тем в них имеются и определенные устойчивые элементы, сохраняющие свое значение до тех пор, пока сохраняется деление мира на государственно-территориальные политические единицы. Эта устойчивость касается как совокупности основных целей и средств, так и их традиционных компонентов (например, для силы это военный компонент, для переговоров - это торг, подкрепленный наличными ресурсами). Однако новые явления в международных отношениях, во-первых, трансформируют иерархию и характер взаимодействия между этими традиционными компонентами, а, во-вторых, добавляют к ним новые компоненты (так, к традиционным компонентам национального интереса как цели международного актора сегодня добавляются экологическая безопасность, требования, связанные с удовлетворением основных прав и свобод человека; в содержании силы на передний план все более заметно выдвигаются характеристики, связанные с экономическим развитием и внутривнутриполитической стабильностью, и т.п.). Картина еще больше усложняется ввиду «узурпирования» традиционных средств нетрадиционными международными авторами (например, международной мафией) и появления нетрадиционных средств в арсенале традиционных авторов (новые средства коммуникации и массовой информации, используемые в межгосударственном соперничестве). Поэтому при осмыслении того или иного международного события или процесса необходимо стремиться к учету всей совокупности влияющих на него обстоятельств и одновременно принимать во внимание

мание относительность, несовершенство концептуальных орудий его анализа, избегая «окончательных», «одномерных» выводов, пытаюсь выстроить несколько вариантов его причин и возможных путей дальнейшей эволюции. Некоторыми ориентирами подобного анализа могут выступать принципы и нормы международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977. p. 25.

² *Merle M.* Sociologie des relations internationales. Paris, 1974.

³ *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М., 1976.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е т.ХП. с. 718.

⁵ *Цыганков А.Л.* Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику// Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке. М., 1992. С. 164.

⁶ *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1984. p. 82-87.

⁷ *Duroselle J.-B.* Tour empire perira. Une vision theorique des relations internationales. Paris, 1982. p. 88.

⁸ *Merle M.* La politique etrangere// Traite de science politique. Paris, 1985. p. 473-474;522.

⁹ Государственные, национальные и классовые интересы во внешней политике и международных отношениях// Мировая экономика и международные отношения. 1989. №2. с.70.

¹⁰ *Удалое В.В.* Баланс сил и баланс интересов// Международная жизнь. 1990. №5. с. 19-20.

¹¹ *Кунадзе Г.* Новое мышление тоже стареет// Новое время. 1991. № 11.

¹² *Charnay J.-P.* Essai generate de la Strategie. Paris, 1973. p. 75-77.

¹³ *Кукулка Е.* Проблемы теории международных отношений. М., 1980. С.126.

¹⁴ Баланс сил в мировой политике: теория и практика. Сборник статей под редакцией академика АЕН России Э.А.Позднякова. М., 1993. с.11

¹⁵ *Senarclens P.de.* La politique Internationale. Paris, 1992. p.24.

¹⁶ *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene Internationale. Paris. 1992. p. 149.

¹⁷ *Strange S.* Toward a Theory of Transnational Empire// E.O.Czempiel, J.N. Rosenau (eds.). Approaches to World Politics for the 1990s. Lexington (Mass.), 1989.

Глава X ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как свидетельствует история, различные социальные общности, взаимодействующие друг с другом на международной арене, всегда были заинтересованы в том, чтобы экономические и культурные обмены между государствами и гражданами, политические и социальные процессы, выходящие за рамки межгосударственных границ, сотрудничество, конфликты и даже войны осуществлялись в соответствии с определенными правилами, регулирующими меру допустимого в данной области. Особую важность проблема регулирования международных отношений приобретает в наши дни, что связано с ростом взаимозависимости современного мира, обострением глобальных вызовов человеческой цивилизации в экологии и демографии, экономике и политике, с распространением средств массового уничтожения и остающейся реальной угрозой ядерной войны.

Основными социальными регуляторами общественных отношений, которые были выработаны человечеством в его историческом развитии, стали правовые и моральные нормы. В сфере международных отношений они имеют свои существенные особенности и отличия, характеризуются сложностью и вызывают неоднозначные трактовки и интерпретации в науке. Так, с одной стороны, исследователи справедливо отмечают общее возрастание уровня правового сознания в мире, повышение роли этических факторов в процессе создания, функционирования и развития международного права^{1,2}, а, с другой - с не меньшим основанием указывают на то, что как международная мораль, так и международное право продвинулись сравнительно недалеко в своем влиянии на характер взаимодействия государств и народов и потому не могут рассматриваться как эффективные регуляторы такого взаимодействия^{3,4}.

Такая неоднозначность в оценке регулирующей роли права и морали в международных отношениях вовсе не является свидетельством того, что эту роль можно не принимать во внимание и что во внешней политике государства действуют в полном соответствии с учением Н. Макиавелли, согласно которому «разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпала причина, побудившая его дать обещание»⁵. Отмеченная неоднозначность подчеркивает лишь опасность упрощенного подхода к пониманию нравственного и

правового аспектов международных отношений, их противоречивой социальной природы и исторического характера. Она говорит как о несовершенстве и относительности роли международной морали и международного права, так и о том, что поскольку мир не знает других средств регулирования международных взаимодействий, постольку от их участников требуется постоянное внимание к моральным и правовым принципам и нормам.

В данной связи в настоящей главе рассматриваются вопросы, связанные с регулятивной ролью международного права, его основными принципами, а также взаимодействием права и морали в международных отношениях.

1. Исторические формы и особенности регулятивной роли международного права

Современное международное право является продуктом длительного исторического развития, на разных этапах которого оно принимало различные формы.

На первой стадии своей эволюции международное право существовало в теологической форме. В Ассирии, Египте, Дагмее, Перу, государстве ацтеков применение международного права и права войны было уделом жрецов. Именно они освящали церемонии и ритуалы начала и окончания войн. Даже в тех случаях, когда правитель не принадлежал к числу религиозных иерархов, он был заинтересован в том, чтобы его воспринимали хотя бы отчасти именно в этом качестве. И Цезарь, и Август, сосредоточив в своих руках крупнейшие государственные посты, стремились предстать одновременно и как верховные главнокомандующие, и как великие жрецы.

Определенные пережитки теологической концепции международного права можно встретить и сегодня: например, в обычаях кровной мести, «священной войны» (джихад), праве священной мести (вспомним «дело» Салмана Рушди) и т.п.

В средние века концепция международного права приобретает метафизическую форму. Международное право конструируется на основе таких понятий и принципов, как абсолютное и незыблемое понятие суверенитета, право на завоевания, принцип первого оккупанта, династический принцип. Критерий суверенности сводится в конечном счете к праву на объявление войны любому государству и праву возможности, даже обязанности ответить на любой вызов извне. Межгосударственная граница понимается как линия, с которой можно отправиться на завоевание своего соседа, или с которой он сам нападает на вас. В остальном международное право и сегодня постоянно воспроизводит понятия суверенной власти, лиг и союзов, свободы навигации и т.п. Одним словом, подобные понятия практически не изменились со времен Фукидида и Полибия.

«Наши мирные договоры, соглашения об арбитраже, пакты о ненападении не более изобретательны, чем во времена Пелопонесской войны. Единственное новое понятие, добавленное метафизическим правом к своему теологическому наследию, это принцип национальности (хотя его знали уже греки, отличавшие эллинов от варваров). Его генезис связан, вероятно, с реакцией на династическую политику» (см. прим.6, с. 12).

Еще одна историческая форма международного права, роль которой так же велика и так же вредна, представлена антропоморфным международным правом. По всей видимости, в ней находит отражение принцип абсолютизма, в соответствии с которым средневековое право делало из политического - суверенитета родовое благо, переходящее по наследству из поколения в поколение, а войны между государствами представляли как ссоры между суверенами или споры династий. В наши дни периодически возрождаются проекты международных договоров, законов и судов, которые являются в некотором смысле воспроизведением антропоморфных канонов. Таковы, например, попытки запретить войны путем своего рода полицейской регламентации, то же можно сказать о некоторых современных проектах арбитража, которые, не внося по сути ничего нового, фактически воспроизводят частное право, или даже феодальное право, напоминая в чем-то придворные суды удельных князей.

Современное международное право определяется юристами как «особая система прав, функционирующая в международной системе»⁷, как «государственно-волевое явление; система юридических норм, регулирующих определенные общественные отношения», с указанием на ее обеспечение в необходимых случаях государственным принуждением⁸. Важным является уточнение, согласно которому «международное право есть совокупность прежде всего общепризнанных норм»⁹. Субъектами международного права являются прежде всего существующие государства, государства в стадии становления, МПО, некоторые государственно-подобные образования (вольные города, Ватикан и др.) (см. прим.8, с.27). Вместе с тем в последние годы субъектами международного права становятся и отдельные граждане, что является одним из важных проявлений демократизации современных международных отношений.

Действительно, 80-е годы XX века ознаменовались широким распространением либеральной демократии в мире, которое продолжается и сегодня. В эти годы произошло падение военных режимов в Латинской Америке (Аргентина, Бразилия, Чили) и Азии (Филиппины), начались демократические преобразования в Южной Корее, на Тайване, демократические выборы прошли в ряде африканских стран к югу от Сахары (Мали, Буркина Фасо и др.). Бурные перемены в Восточной Европе - начиная от перестройки и падения Берлинской стены, обретения странами бывшего «советского блока»

возможности самостоятельно выбирать свою судьбу и кончая достижением независимости бывшими республиками СССР - также вписываются в эту общую тенденцию. В то же время в них, вероятно, наиболее выпукло отражаются и противоречия как самой идеи либеральной демократии, так и международного права, которое издавна является ее неотъемлемым спутником.

В соответствии с указанной идеей между демократическими государствами, использующими для разрешения возникающих между ними разногласий и споров прежде всего политические средства (переговоры, посредничество, международный арбитраж и т.п.), практически немыслимы вооруженные конфликты, а тем более войны. Для них характерны осуждение ксенофобии, соблюдение прав человека и национальных меньшинств на своей территории, отсутствие притязаний на территории соседних государств и т.п. Однако вопреки этому подобного нельзя сказать о «молодых демократиях» на пространстве бывшего СССР, в том числе и о государствах, добивающихся вступления в Совет Европы, Европейский Союз, присоединившихся к Европейской конвенции по правам человека, международным правовым обязательствам и встречающих благожелательную поддержку со стороны Запада. Дискриминационные законы в отношении национальных меньшинств (Эстония, Латвия), нарушения прав человека, войны и вооруженные конфликты остаются практически без каких-либо серьезных международноправовых последствий. Все это питает сомнения в действенности норм международного права, возможности правового решения проблем, возникающих в отношениях между независимыми государствами, дает аргументы сторонникам точки зрения о чисто «символическом» значении права для функционирования международных отношений.

Исторически одной из первых попыток демократизации международных отношений явилась доктрина так называемого естественного права, которое может считаться определенным прообразом современного международного права.

Элементы естественно-правовой доктрины можно найти у древнегреческих софистов и стоиков, в учении Аристотеля, сочинениях средневековых теологов Фомы Аквинского и Августина, трактатах канонистов эпохи Возрождения (Ф. де Витория и Ф. Суарес), работах первых протестантских юристов (Г. Гроций), философии эпохи Просвещения. При всем различии социальноисторических основ этих идей в них имеется единое содержание. Как писал Г. Гроций, «мать естественного права есть сама природа человека, которая побуждала бы его стремиться ко взаимному общению, даже если бы мы не нуждались ни в чем... Однако к естественному праву присоединяется также польза, ибо по воле создателя природы мы, люда, в отдельности на самом деле беспомощны и нуждаемся во многих вещах для благоустроенного образа жизни... Но, подобно

тому, как законы любого государства преследуют его особую пользу, так точно известные права могли возникнуть в силу соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности таких сообществ. Это и есть то право, которое мы называем правом народов, поскольку это название мы отличаем от естественного права»¹⁰.

Таким образом, основатели современного международного права усматривали в естественном праве как средство, которое позволяет подчинить политическую жизнь неким сознательным правилам, сделать государственную власть ответственной за свои действия, так и источник права народов. Однако при всей привлекательности отдельных положений концепции естественного права следует видеть и то, что ей свойственна тенденция сводить многообразие правовых основ жизнедеятельности (в том числе и в сфере международных отношений) всех государств и народов во все времена к единым рациональным основам, вытекающим из природы или божественных предустановлений. В действительности же попытки составить «вечный кодекс естественного права» представляют собой перенесение на все человечество нравов и обычаев, свойственных европейской цивилизации, что является фактическим игнорированием существования плюрализма цивилизаций как во времени, так и в пространстве.

В политической практике опасность абсолютизации естественного права, связана с вытекающей из него возможностью морального релятивизма. Поскольку сама природа не остается неизменной, порождая новые обстоятельства, постольку, следуя логике естественного права, изменение ситуации влечет за собой необходимость изменения критериев моральной и правовой оценки. Отсюда в марксизме, например, право фактически подменяется политической целесообразностью, в экзистенциализме - стремлением к свободе и т.п.

В то же время не менее верным остается и то, на чем настаивал еще Г. Гроций: без права нет справедливости, и только через право лежит путь к действительной выгоде государств в их взаимодействии друг с другом (см. прим. 10, с. 49-50).

Присущие концепции естественного права недостатки и противоречия находят отражение и в современном международном праве. Оно во многом остается основанным на западной либерально-демократической модели прав и обязанностей международных субъектов. Однако в мире не существует единого юридического пространства как универсальной системы, основные концепты которой (свобода, равенство, право и т.п.) имели бы один и тот же смысл для всех людей и народов. С другой стороны, международное сообщество все же располагает определенными инструментами воздействия на международные отношения. Главным из них

является, как мы уже видели, ООН. Принятая Генеральной ассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека обращается «ко всем членам человеческой семьи», призывая их действовать в отношении друг друга в духе справедливости и братства. В 1966 г. Генеральная ассамблея принимает два пакта: один об экономических, социальных и культурных правах, второй (в первых строках которого содержится положение о том, что все народы обладают правом распоряжаться своей судьбой) - о гражданских и политических правах. В отличие от Декларации, указанные пакты выступают как обязательные к исполнению каждым государством. Однако к ним присоединилась менее половины членов ООН, и только 20 из них ратифицировали Протокол, относящийся к гражданским и политическим правам и предусматривающий рассмотрение обращений частных лиц. Кроме того, во-первых, указанные пакты не предусматривают никаких механизмов их реализации, а, во-вторых, противоречат седьмому параграфу второй главы Хартии ООН, запрещающей любое вмешательство во внутренние дела суверенных государств¹¹. Определенные противоречия свойственны и основным принципам международного права.

2. Основные принципы международного права

Под основными принципами международного права понимаются его наиболее широкие и важные нормы, в которых выражается его главное содержание и характерные черты и которые обладают высшей, императивной юридической силой¹². Основные принципы современного международного права закреплены в ряде документов наиболее авторитетных международных организаций и форумов, в частности, в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права 1970 г., Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Как правило, в международных актах речь идет о следующих десяти принципах: суверенное равенство государств; неприменение силы и угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств по международному праву (см. прим.12, с.19). Их функции состоят в закреплении и охране устоев системы международных отношений, содействии ее нормальной жизнедеятельности и развитию, а также в обеспечении приоритета общечеловеческих интересов и ценностей мира и безопасности, жизни и здоровья, международного сотрудничества и т.п.

Основные принципы международного права носят исторический характер, - то есть в них закрепляются основные права и обязан

ности государств применительно к потребностям существующего этапа и состояния международных отношений. Их значение и роль в регулировании международных отношений нельзя абсолютизировать - как показывает практика, эти принципы нередко игнорируются, оставаясь по существу не более чем благими пожеланиями. Вместе с тем было бы ошибкой и отрицать всякое влияние принципов на характер межгосударственного взаимодействия.

Несмотря на их относительную многочисленность, легко заметить, что содержание принципов пересекается, они так или иначе перекликаются друг с другом. Поэтому в системе основных принципов международного права могут быть выделены три группы: 1) принципы, формулирующие положения о равенстве субъектов международных отношений; 2) принципы, настаивающие на их независимости; 3) принципы, направленные на мирное урегулирование межгосударственных противоречий.

В первую группу входят нормы, в которых отражается одна из наиболее древних и фундаментальных идей, касающихся международно-правового регулирования взаимодействия государств. В Хартии ООН она формулируется следующим образом: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех своих членов» (Статья 2, §1). Этот принцип проявляется в положениях о равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничестве между государствами; добровольном выполнении обязательств по международному праву. Он получает дальнейшее развитие также в принципах иммунитета, взаимности и недискриминации¹³. Согласно первому из них государство не может быть подчинено законодательству любого другого государства (иммунитет юрисдикции); его представители обладают правом неприкосновенности на территории другого государства (дипломатический иммунитет). Второй нацеливает субъектов международного права на прагматическое поведение: речь идет о равенстве обязательств в конкретных областях взаимодействия, например в торговле, культурных обменах и т.п. Наконец, в соответствии с третьим, речь идет о так называемом негативном обязательстве, когда права или выгоды, признаваемые за одним субъектом международного права, должны быть гарантированы и другому.

Вторая группа включает такие принципы, как невмешательство, нерушимость границ, территориальная целостность. Являясь предметом особой озабоченности и постоянных напоминаний, они в то же время не менее часто нарушаются, чем принципы первой группы. Это в полной мере может быть отнесено и к принципам третьей группы (неприменение силы или угрозы силой; мирное урегулирование споров; соблюдение прав человека).

Одним из основополагающих принципов международного права является принцип соблюдения прав человека и основных свобод,

заметно превращающийся в последние десятилетия (Всеобщая декларация прав человека была принята в 1948 г.) в самостоятельную тему, оказывающую возрастающее влияние на международные отношения. Именно в силу этой причины данная тема длительное время оставалась одной из наиболее заидеологизированных, использовалась как орудие конфронтации между «Западом» и «Востоком». В то же время она и сегодня служит достаточно красноречивой иллюстрацией, демонстрирующей противоречия и двусмысленности, свойственные международному праву в целом.

В послевоенные годы своего рода лабораторией, в которой вырабатываются и апробируются юридические нормы, касающиеся защиты прав и свобод человека, стала Западная Европа. Так, в рамках созданного в 1949 г. Совета Европы была принята (4 ноября 1950 г.) Европейская конвенция по правам человека. Это система, позволяющая конкретным индивидам вносить соответствующие жалобы и ходатайства через органы того или иного государства, а гражданам стран, подписавших протокол Конвенции, обращаться непосредственно в Комиссию по правам человека. Комиссия, состоящая из независимых лиц, оценивает обоснованность таких обращений, после чего передает их в Европейский суд по правам человека. В 1972 г. им было принято 63 решения в этой области, в 1982 - уже 146 (см. прим. 12, с.453). Тем самым конкретное лицо, любой человек соответствующей страны становится самостоятельным субъектом международного права, в центр всей системы ценностей выдвигается человеческая личность. Однако уже здесь появляются и противоречия.

Действительно, концепция соблюдения прав человека предполагает защиту конкретного индивида от неправомерных действий государства. В то же время она имеет юридическую правомерность только в том случае, если принята в качестве нормы тем же самым государством. Иначе говоря, с одной стороны, государство является главным источником угрозы правам и свободам человека. Но, с другой стороны, реализация этих прав и свобод невозможна без соответствующих процедур, правил и механизмов, которые гарантировали бы их защиту, то есть без государства. Именно государства формулируют содержание, способы выражения прав человека, а также вырабатывают санкции за их нарушение. В итоге между международной нормой и ее объектом существует своего рода «экран», представленный государством. И есть все основания предполагать, что именно в области прав человека этот экран «отражает» любые проявления, которые не вписываются в сферу внутригосударственных юридических норм. Поэтому можно сказать, что в том виде, в каком он представлен в международном праве, принцип соблюдения прав человека и основных свобод выполняет свое предназначение только в рамках тех государств,

которые и без того выполняют его в силу его соответствия их внутреннему законодательству¹⁴.

Еще одно противоречие состоит в том, что в соответствии с идеологией западного рационализма в недрах которой зародилась концепция прав человека, угнетенные народы должны получить эти права в качестве своего рода дара цивилизации, как нить, которая приведет их к общественному прогрессу. Однако эти народы сразу же сумели обратить данные права против их инициаторов, продолжая в то же время рассматривать их как нечто внешнее по отношению к собственным традициям. Вообще разнородность мира, существующее в нем многообразие культур обуславливает несовпадение в понимании содержания прав человека. Поэтому межправительственные организации, призванные служить гарантами соответствующих прав и потребностей индивида (такие как, например, ФАО, МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО), вместо того, чтобы способствовать формированию единого международного сообщества, служат чаще всего рупором нового конформизма, новой господствующей идеологии¹⁴.

Принцип прав человека тесно связан с международным гуманитарным правом - правом на вмешательство в целях оказания помощи в чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих массовыми страданиями и гибелью людей. Эти изначально два разных вида международного права (они различаются по источникам, по целям, по природе, по текстам и по методам применения) в последние годы все в большей мере сближаются друг с другом. Основой такого сближения является то, что в обоих случаях речь идет о защите фундаментальных, естественных прав людей - праве на нормальные условия существования, на сохранение здоровья, на саму жизнь. С другой стороны, в обоих случаях речь идет о столкновении с таким классическим принципом международного права, как принцип государственного суверенитета, запрещающий любое вмешательство во внутренние дела государства и делающий из государственных границ настоящий оплот, который ни при каких обстоятельствах не может быть нарушен без согласия государства.

Проблема права на вмешательство известна еще с XVI в., когда теологи Ф. де Витория, а затем Ф. Суарес поднимают вопрос об ответственности христианства по отношению к любому человеку как творению Бога, члену единой в политическом и моральном отношении человеческой общности. В международно-правовую практику она проникает, начиная с конца XIX в., когда заключаются первые договоры, касающиеся обращения с военнопленными, запрещения некоторых видов вооружений, миссии Красного креста и т.п. Однако в последние годы эта проблема приобретает качественно новое измерение. Во-первых, было конкретизировано поле применения гуманитарного права, в которое входят ситуации трех типов: природные катастрофы; массовые политические репрессии; экологи

ческие бедствия. Во-вторых, впервые в международном праве принимается принцип свободного доступа к жертвам - доступа для спасателей, представителей Красного креста, организаций и систем ООН, Верховного комиссариата по делам беженцев, Фонда детей и других межправительственных и неправительственных (например, Врачи без границ) организации.

Так, в связи с землетрясением в Армении 8 декабря 1988 г. Генеральная ассамблея ООН принимает резолюцию 43/131. Подтверждая принцип суверенитета и первостепенную роль государств в организации помощи населению, резолюция подчеркивает значение гуманитарной помощи и обязанность содействия ей со стороны государств.

5 апреля 1991 г. Совет безопасности ООН принимает резолюцию 688, осуждающую репрессии режима С. Хусейна против курдов и шиитов (в результате которых ежедневно погибало до 600 человек), и призывает его обеспечить немедленный доступ международных гуманитарных организаций к нуждающимся в помощи во всех уголках Ирака. В резолюции впервые в истории ООН было подчеркнуто, что массовые нарушения прав человека представляют собой угрозу всеобщему миру. Исходя из этого, резолюция не только разрешает вмешательство, но и предусматривает защиту спасателей при помощи «голубых касок». 16 декабря 1991 г. Генеральная ассамблея ООН принимает резолюцию 46/182 об усилении координации в оказании срочной гуманитарной помощи населению бывшей Югославии, страдающему от гражданской войны. Тем самым происходит институализация обязанности оказывать гуманитарное вмешательство.

Подобные примеры можно было бы продолжить. Они говорят о том, что в современных условиях появляются некоторые механизмы сознательного регулирования международных отношений и тем самым преодоления «естественного состояния». Вместе с тем, специалисты указывают на целый ряд возникающих в этой связи вопросов (см. прим.12, с.456-457; прим.14, с.136-137; прим.15, с.239).

Одна группа таких вопросов относится к ситуации, в которой может иметь место гуманитарное вмешательство. Действительно, нарушения прав человека - явление отнюдь не редкое. Почему в одних случаях (как, например в Югославии) они влекут за собой вмешательство, а другие (например, массовые страдания мирного населения в ходе армяно-азербайджанского конфликта) - остаются в этом отношении без последствий? Кто должен принимать решение о вмешательстве - влиятельные межправительственные организации (ООН, СБСЕ) или сами государства? Могут ли подобные решения приниматься без согласия государства, населению, которого оказывается гуманитарная помощь?

Другая группа вопросов касается границ между гуманитарным вмешательством и политическим. Не является ли всякое вмешательство неизбежно политическим? Ведь ни одно государство никогда не может абстрагироваться от своих национальных интересов, а любое решение ООН является продуктом политического соглашения. Оказывая помощь иракским курдам в 1991 г., США и их союзники не пошли на создание «зон защиты», опасаясь, что они могут стать зародышем курдского государства. Не следовало бы пойти значительно дальше и найти политическое решение курдской проблемы?

Наконец, еще одна группа вопросов связана с принципом равенства. Может ли гуманитарное право применяться одинаково ко всем государствам? Трудно представить, чтобы оно применялось, например, по отношению к США или любой великой державе Европы.

Указанные вопросы являются еще одним свидетельством противоречивости международного права и, в частности, того, что наиболее динамичные из его основных положений, отражающие реальности все большей взаимозависимости мира и выходящие за рамки межгосударственных отношений, неминуемо сталкиваются с наиболее традиционными, настаивающими на понятиях суверенитета, неприкосновенности границ и независимости государств.

И все же было бы неверно не видеть того, что основные принципы являются главным каналом проникновения общечеловеческих норм взаимодействия между социальными общностями в международные отношения. Как отмечает немецкий юрист Г. Каде, в десяти основных принципах взаимоотношений между государствами «были сформулированы основные международно-правовые нормы политических взаимоотношений и этические правила, соблюдение которых всеми государствами-участниками... является неременной предпосылкой дальнейшего прогресса» (цит. по: прим.2, с. 119). В этой связи необходимо представлять себе как общие черты, так и особенности международного права и морали.

3. Взаимодействие права и морали в международных отношениях.

Взаимодействие международного права и международной морали, их диалектическое единство не исчерпываются общностью основных принципов поведения международных авторов. В основе этого единства лежат их генетическая общность (то есть общность социальных основ происхождения, обусловленность особым родом общественных отношений); функциональная общность (регулятивное назначение); общность международного права и международной морали в плане их нормативно-ценностной природы: и право, и мораль представляют собой обязательные правила поведения, приобретающие роль юридического или нравственного долга и

ответственности за его нарушение, отражающие существующий уровень развития международной системы, человеческой цивилизации в целом (см. об этом: прим.2, с.54-56; прим. 3, с. 193).

Вместе с тем нравственное и правовое единство не означает тождественности международного права и международной морали. В одних принципах преобладают юридические элементы (например, в принципе суверенного равенства государств), в других, напротив, моральные элементы (например, в принципе сотрудничества). «Единство означает лишь тождественность их идейного содержания» (см. прим.2, с.22). В рамках объективно обусловленного единства мораль и право характеризуются существенными различиями, которые необходимо учитывать при анализе роли, которые они играют в регулировании международных отношений. Суммируя выводы специалистов, указанные различия можно свести к следующим основным положениям.

Во-первых, правовые нормы носят фиксированный характер, записанный в соответствующих уставах, соглашениях, международных договорах и т.п. С этим тесно связан и институциональный характер права вообще и международного права, в частности: оно тесно связано с государственными институтами и межправительственными организациями (ООН и ее организации, Совет Европы, другие региональные организации). Система международного права охватывает таким образом такие элементы, как правовое сознание, правовые нормы, правовые отношения и правовые институты. В отличие от нее, в механизме нравственного регулирования международных отношений последний элемент (то есть институты) отсутствует. Вместе с тем здесь надо иметь в виду и специфику международной морали: она «также непосредственно связана с государством: она создается и реализуется в процессе межгосударственного отношения (конечно, данная особенность относится лишь к одной разновидности международной морали межгосударственной)» (см. прим.2, с.57). Следует однако оговориться, что эта «институциональность» достаточно условна, относительна, ибо в конечном итоге институты, продуцирующие международные моральные нормы (государства, межправительственные организации), не являются некими специализированными органами по выработке и распространению всеобщих нравственных правил взаимодействия на мировой арене.

В конечном итоге и государства, и международные организации опираются на нравственные нормы, складывающиеся в самой практике международного общения, основой которых являются вырабатываемые в процессе всей истории человеческой цивилизации универсальные образцы поведения и взаимодействия социальных общностей и индивидов. С другой стороны, в разработке и развитии норм международной морали бесспорной выглядят и роль такого

социального института, как наука (хотя в данном случае речь идет об ином смысле самого термина «институт»).

Во-вторых, международная мораль и международное право различаются по сферам действия: моральные нормы носят всеохватывающий характер, в то время как право имеет в каждый данный момент ограниченную сферу применения. «Во многом международные отношения регулируются одновременно нормами как права, так и морали. Например, военная агрессия является и нарушением общепризнанных правовых норм, и моральным преступлением. Однако моральные нормы шире и эластичнее, чем нормы правовые» (см. прим. 3, с.197).

Действительно, и моральные, и правовые нормы связаны с системой ценностей, принятой в той или иной социальной общности и определяющей выбор средств для обеспечения ее потребностей и интересов. Для того, чтобы эти средства были адекватными и гарантировали достижение поставленных целей, они должны согласовываться с обязательными в системе международных отношении образцами, или, иначе говоря, с такими способами поведения, которые признаны как нормальные или допустимые в определенной обстановке. Полностью они могут быть понятными только в той социокультурной среде, в которой они сформировались. В то же время это не означает невозможности их передачи или заимствования. Содержащийся в них универсальный элемент способствовал тому, что некоторые из них были закреплены и формализованы в нормах международного права.

Закрепление общепринятых образцов поведения имеет большое практическое значение: от степени согласованности с ними поведения общности зависит ее успех в системе международных отношений, ими определяется предсказуемость действия автора и в конечном счете динамическое равновесие самой международной системы. Однако далеко не все универсальные образцы поведения могут быть формализованы в международно-правовых нормах. Значительно большая их часть закрепляется в нормах международной морали. В принципе каждая этническая, территориальная или функциональная общность имеет свои специфические образцы поведения и собственные системы ценностей, которые не подвержены влиянию международного права. В то же время она способна модифицировать некоторые из них под воздействием существующих и вновь возникающих в международной жизни правил и норм этического поведения. Необходимость их усвоения и применения во взаимодействии с другими международными авторами (что может быть достигнуто только при условии определенной трансформации таких правил и норм с учетом собственных образцов поведения и ценностей) особенно возрастает в современных условиях взаимозависимости и кризисных явлений в развитии человеческой цивилизации. Но если моральные нормы допускают и даже предполагают

такую трансформацию, то правовым нормам это противопоказано: они рассчитаны на внешнее поведение автора, носят преимущественно рациональный характер, их пределы четко изучены и направлены на достижение стандартов такого поведения (см. прим.2, с.58-62).

В-третьих, международное право и международная мораль различаются с точки зрения форм, методов, средств и возможностей воздействия на поведение международного автора, а, следовательно, - и возможностей регулирования системы международных отношений. Правовое регулирование предполагает использование средств принуждения (международный суд, военные, экономические и политические санкции, исключение из членов межправительственных организаций, разрыв дипломатических отношений и т.п.). Основным регулятором в соблюдении нравственных норм международного поведения - мировое общественное мнение, причем его влияние на участника международных отношений может оказаться более эффективным, чем воздействие международного права. В то же время специфика международного права состоит в том, что, в отличие от внутригосударственного законодательства, его нормы носят, как правило, рекомендательный характер, применяются с согласия его субъектов. Случаи обязательного и насильственного применения норм международного права относительно редки и всегда вызывают проблемы.

Различия международно-правовых и моральных норм могут служить источником возникновения противоречий между ними (см. прим.2, с.73-75). Это не отменяет их единства и взаимодействия как регуляторов системы международных отношений и вместе с тем требует глубокого понимания особенностей, которые присущи каждому из них. В данной связи необходимо остановиться на специфике этического измерения международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Спасский Н.Н.* Новое мышление по-американски// Мировая экономика и международные отношения. 1991. №12. с. 20.

² *Дмитриева Г.К.* Мораль и международное право. М., 1991. с.10.

³ *Кортунов А.* Реализм и мораль в политике// Прорыв. Становление нового политического мышления. М., 1988. с. 193-194.

⁴ *Поздняков Э.А.* Мировой социальный прогресс: мифы и реальность// Мировая экономика и международные отношения. 1989. №11. с.56.

⁵ *Макиавелли Я.* Государь. М., 1990. с.52

⁶ *Bouthoul G.* Traite de polemologie. Sociologie des guerres. Paris, 1970. p. 11-13.

⁷ Курс международного права. Том 1. Понятие, предмет и система международного права. М., 1989, с.9.

⁸ Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. М., 1983. с.26.

⁹ Блищенко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. М., 1991. с. 106.

¹⁰ Гроций Гуго. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. с.48.

¹¹ Moreau Defarges Ph. Les relations internationales dans le monde d'aujourd'hui. Entre globalisation et fragmentation. Paris, 1991. p. 5.

¹² Курс международного права, т. 2. Основные принципы международного права. М., 1989.

¹³ Martin P.-M. Introduction aux relations internationales. Toulouse, 1982. p. 107111.

¹⁴ Demichel F. Elements pour une tneorie des Relations internationales. Paris, 1986. p.134-135.

¹⁵ Moreau Defarges Ph. Relations intemationales. 2. Question mondiales. Paris, 1992.

Глава XI ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Присутствие этического лексикона в словаре авторов международных отношений - факт, эмпирически очевидный, и потому общеизвестный: вооруженное вторжение того или иного государства на территорию другого почти всегда аргументируется либо необходимостью обеспечить собственную безопасность путем восстановления справедливого равновесия сил либо стремлением защитить права этнически родственным национальным меньшинств, либо отстаиванием общезначимых ценностей, либо ссылками на исторические, религиозные и т.п. соображения. Иначе говоря, ни одно правительство не хочет выглядеть агрессором в глазах как собственного народа, так и международного общественного мнения, каждое ищет моральных оправданий своего поведения на мировой арене. К моральным мотивам в объяснении своих действий нередко прибегают и другие авторы: транснациональные корпорации говорят о том, что они помогают экономическому и культурному росту слаборазвитых стран; международные террористы мотивируют свои акции необходимостью борьбы против нарушения тех норм, которым они привержены и которые считают высшими, даже если они не совпадают с общепринятыми нормами; исламские фундаменталисты исходят из убеждения о наличии на Земле единой и единственно легитимной общности всех людей в социальном, политическом, военном и конфессиональном отношении - «уммы», которая не ограничена никакими географическими пределами и может существовать только в непрерывной экспансии. Не менее многообразны и этические представления индивидуальных авторов международных отношений.

Таким образом, признавая, хотя бы на словах, существование моральных норм и необходимость следовать им во взаимодействии на мировой арене, разные участники международных отношений понимают эти нормы по-разному. Вот почему главным для понимания международной морали является вопрос не о том, каким нормам следуют международные авторы *de facto*, а о том, существуют ли некие моральные ценности, которыми они руководствуются в своем поведении или которые влияют на это поведение.

1. Многообразие трактовок международной морали

Проблема политической морали сложна сама по себе, что проявляется как в конфликте (несовпадении) между различными системами ценностей в разных культурах и идеологиях, так и в конфликте теоретических представлений о политической морали.

Действительно, как подчеркивает П. де Сенарклен, «структура той или иной политической системы не может быть понята без учета принятых в ней принципов, а объяснение этих принципов невозможно без анализа их нормативных и идеологических основ»². При этом социологическое понимание культуры ориентирует на точный, конкретный анализ политических систем, базирующийся на выявлении культурных кодов, или, иначе говоря, «исторически сформировавшихся смысловых систем, выполняющих функцию контроля по отношению к трансформации социальных и политических процессов» (см. прим.1, с.89).

Общим для разных культурных кодов является вопрос о легитимности политического действия и, следовательно, необходимости отличать власть от авторитета. Общим является также признание обоснованности политической критики и оценка ее идеологического характера. Однако, если, например, обратиться к анализу мировых религий, то на этом общие черты их культурных кодов заканчиваются.

Так, в рамках конфуцианской культуры, основывающейся на земной морали, власть и авторитет имеют тенденцию к слиянию и сосредоточению в руках Императора, обладающего «мандатом» Неба, который он однако может использовать лишь в исключительных обстоятельствах (политические катаклизмы, угроза разрушения социальной гармонии и т.п.). Буддистско-индуистский культурный код, для которого характерна обращенность к потустороннему (понимаемому, правда, крайне метафизически), ориентирован, в отличие от конфуцианского, на создание могущественной религиозной элиты, претендующей на только ей известный справедливый социальный порядок, соответствующий божественным предписаниям. Тем самым политическое действие обесценивается, становится вторичным, а роль монарха оказывается десакрализованной: она ограничена функцией поддержания земного порядка и лишь в этом качестве признается и легитимизируется религиозной элитой. В этих условиях политическая дискуссия, политическое оспаривание, так же как и политическое участие ограничены, хотя и по другим причинам.

Совершенно иной культурный код присущ монотеистическим религиям, в рамках которых спасение мыслится в тесном соединении Земного и Небесного миров, между которыми существует постоянное напряжение, разрешение которого требует непрерывных усилий от человека, имеющих целью перестроить земной мир в соответствии с

божественными законами. Подобное видение придает политическому действию ту ценность, которой оно не имело в буддистской модели. Вместе с тем политическое действие в данном случае помещается в рамки легитимности, обращенной к священному и потому - легитимности бесконечно более принудительной, чем в конфуцианской модели (см. прим.2, с.93-95) .

Однако указанное противоречие между земным и потусторонним и, следовательно, проблема спасения, являясь общей для христианства и мусульманства, решается ими существенно различным образом. Так, например, христианству присуща идея институциональной дифференциации: являясь наместником Бога, государь должен действовать на Земле в соответствии с божественными предписаниями, но светскими методами. Тем самым политические элиты и институты не совпадают с религиозными, а, следовательно, существует два вида ответственности: ответственность государя по отношению к Богу, подсудная Церкви, и ответственность государя в управлении земными делами, в рамках которой он состоит в отношениях только со своим народом. Поскольку политическая сфера отделена от религиозной, постольку она открыта для соперничества между политическими элитами. В культурной модели ислама, напротив, Бог не делегирует свой авторитет, и политическое пространство может быть лишь пространством исполнения божественного закона. Разрешение противоречия между земным и потусторонним предполагает в этом случае стремление к слиянию, к дедифференциации политической и религиозной сфер. Тем самым в рамках ислама теряет всякое значение любая попытка создания легитимной иерархической власти: власть легитимна только в том случае, если она соответствует божественному Закону, она не допускает никакого делегирования или опосредования.

Более того, существенные различия в понимании морального долга наблюдаются и в рамках христианской традиции. Так, томистское течение исходит из существования «естественного закона», то есть единого для всех людей морального сознания, общей потребности в справедливости. Мораль в этом случае выступает в виде некоего кодекса, свода правил, предписанных извне, которые должны выполняться в обыденной действительности. Эта модель характерна для католицизма, а также для православия. Августинское течение, напротив, опирается на библейское откровение об антиномии между предписанием любви к ближнему и реальностью греха.

*Описывая рассматриваемые модели, Б. Бади ссылается на концепцию американского исследователя С.Н. Эйзенштадта, которого он, впрочем, критикует за абстрактность анализа, существующего как бы вне временных рамок, за этноцентризм, но особенно - за невнимание к принципиальному различию христианского и исламского культурных кодов.

Проявляясь в протестантской традиции, такое понимание исключает возможность обращения к «естественному закону», ибо само «естество», сама человеческая природа подверглась, с этой точки зрения, радикальному искажению под влиянием первородного греха. Только прощение, Слово Божие просвещают человека относительно его долга³. Поэтому поведение и жизненный уклад христианина тяготеют в данном случае не к мистическоэмоциональной культуре, а к аскетической деятельности, направлены на преобразование религиозной аскезы в чисто мирскую, на необходимость найти подтверждение своей вере в светской профессиональной деятельности.

Несовпадение моральных принципов можно констатировать и в рамках разных идеологий, где они выступают своего рода идеологической надстройкой над экономической борьбой и конфликтами интересов. И почти всегда принципы, используемые для морального оправдания политических действий (таких, например, как войны, репрессии, пытки или терроризм) стремлением к общему благу, справедливости, национальному освобождению и т.п., вступают в противоречие с принципами индивидуальной морали.

Наконец, указанное несоответствие проявляется и в конфликте теоретических школ, который резюмируется М. Вебером в дилемме социальной морали: «...всякое этически ориентированное действие, - пишет он, - может подчиняться двум фундаментально различным максима: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности»⁵. Приверженцы первой исходят из вечных и неизменных норм абсолютной морали. При этом они «не чувствуют реально, что они на себя берут, но опьяняют себя романтическими ощущениями», не заботясь о последствиях своих действий (см. прим.5, с.704). Если же такие последствия окажутся скверными, то сторонники этики убеждения винят в этом кого угодно - глупость людей, несовершенство мира, волю Бога - только не самих себя, ибо они всегда руководствуются чистыми помыслами и благородными побуждениями, опираясь на всеобщие ценности. Напротив, исповедующие этику ответственности главным считают именно последствия своих действий, полагая, что не имеют права рассчитывать на совершенство окружающего мира и должны считаться с заурядными человеческими недостатками. Они учитывают, что политика «оперирует при помощи весьма специфического средства - власти, за которой стоит насилие» (см. прим.5, с.694), тогда как сторонники этики убеждения отрицают его право на существование.

Анализируя проблему соотношения морали и политики, М. Вебер обращает особое внимание на необходимость постоянно помнить о напряжении между целью и средствами с этической точки зрения, подчеркивая, что «ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с

необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель «освящает» этически опасные средства и побочные следствия» (там же, с.697).

Еще более сложной выглядит проблема морали в международных отношениях. Здесь появляется дополнительная и не менее трудная дилемма: обязан ли международный автор защищать интересы особой общности, к которой принадлежит (государство, МПО, НПО, предприятие, социальная группа), или же можно (и должно) пожертвовать ими ради блага более широкой общности (этнической, региональной, общедемократической, всемирной), за судьбу которой он также несет моральную ответственность? Действительно, как опровергнуть аргумент Н. Макиавелли, который, допуская возможность нравственного и просвещенного поведения индивидов и социальных групп в стабильном и процветающем обществе, настаивал на том, что государственный деятель, призванный защищать общие интересы данного общества, не может выполнить свою задачу, не прибегая ко лжи и обману, насилию и злу?

Проблема обостряется тем обстоятельством, что возможности морального выбора в сфере международных (и особенно межгосударственных) отношений выглядят ограниченными: во-первых, существованием здесь долга государственного эгоизма; во-вторых, практически безграничной областью морального конфликта (в отличие от сферы внутриобщественных отношений, где эта область ограничена легитимной монополией государства на насилие); наконец, в-третьих, постоянно присутствующей возможностью вооруженного насилия, войны, превращающей вопросы безопасности и выживания в первостепенные для государств и отодвигающей тем самым заботу о морали и справедливости на задний план⁶.

Драма международных отношений, подчеркивает известный американский исследователь Стенли Хоффманн, состоит в том, что и сегодня не существует никакой общепринятой замены макиавеллевскому пониманию морального долга государственного деятеля. Более того: макиавеллевская мораль обладает вполне определенной притягательной силой. Она отнюдь не представляет собой некий «закон джунглей» и не является полной противоположностью христианской или демократической морали (см. прим.6, с. 33). Скорее, речь идет о том, что другой американский ученый, Арнольд Уолферс называет «этикой, не претендующий на чрезмерное совершенство», нравственностью, руководствующейся принципом «мы против них», «которая требует от человека не следовать абсолютным этическим правилам..., а выбирать наилучшее из того,

что позволяют обстоятельства», то есть выбирать то, что допускает возможность как можно меньше жертвовать ценностями⁷.

Популярность такого понимания объясняется и непривлекательностью высокомерных претензией государственного деятеля на следование принципам христианской или демократической морали, и вызываемой ими скрытой неудовлетворенностью различных слоев, на их взгляд, слишком мягкой, расплывчатой, неконкурентноспособной внешней политикой. Кроме того, подчеркивая существование ограниченности морального выбора в сфере международных отношений, указанное понимание позволяет раскрыть не только теоретические недостатки политического идеализма, но и опасность, которую может представлять воплощение его в практику межгосударственного взаимодействия.

Так, выдвинув в 1916 году свой мирный план, который должен был установить «верховенство права над любой эгоистической агрессией» путем «совместного соглашения об общих целях», президент США Вудро Вильсон основывался «на ясном понимании того, чего требует сердце и совесть человечества» (цит по: ⁸), и поэтому исключал необходимость применения силы для защиты международного права, считая, что для этого вполне достаточно мирового общественного мнения и осуждения со стороны Лиги наций. Агрессивная политика пришедшего в 30-е годы к власти в Германии нацистского руководства и ее ремилитаризация не вызвали со стороны европейских демократии и Лиги наций никакой практической реакции, кроме вербальных протестов. А когда Гитлер потребовал аннексии части Чехословакии под предлогом помощи судетским немцам, Чемберлен и Даладьё на сентябрьской конференции 1938 г. в Мюнхене уступили ему, полагая, что если Судеты будут присоединены к Германии, то это поможет предохранить мир от тотальной войны. На деле результат оказался прямо противоположным: Мюнхенская конференция стала прологом Второй мировой войны, фактически поощрив Гитлера на дальнейшую эскалацию агрессии (см. об этом: ^{9,10}).

Политический идеализм оказался, таким образом, дискредитированным как в теории, так и на практике и уступил место политическому реализму. Как уже отмечалось, политический реализм отнюдь не выступает против международной морали. Из шести сформулированных Гансом Моргентау принципов политического реализма три непосредственно касаются взаимодействия морали и внешней политики государства¹¹. Подчеркивая существование непримиримых противоречий между универсальными моральными нормами и государственными ценностями, Г. Моргентау настаивает на необходимости рассмотрения моральных принципов в конкретных обстоятельствах места и времени. Государственный руководитель не может позволить себе сказать: «Fiat justitia, pereat mundus», а тем более - действовать, руководствуясь этой максимой.

Иначе он был бы либо сумасшедшим, либо преступником. Поэтому высшая моральная добродетель в политике - это осторожность, умеренность. О моральных ценностях нации-государства нельзя судить на основе универсальных моральных норм. Необходимо понимание национальных интересов. Если мы их знаем, то можем защищать свои национальные интересы, уважая национальные интересы других государств. Главное при этом - помнить о существовании неизбежной напряженности между моральным долгом и требованиями плодотворной политической деятельности.

С подобным пониманием солидарен по сути и Р. Арон, не разделяющий концепции Г. Моргентау относительно национального интереса. Основываясь на «праксеологии» - науке о политическом действии и политическом решении, Арон весьма скептически относится к роли универсальных ценностей в области политики. В конечном итоге он настаивает на том, что за неимением абсолютной уверенности относительно моральности того или иного политического решения, следует исходить из учета его последствий, руководствуясь при этом мудростью и осторожностью. «Быть осторожным - значит действовать в зависимости от особенностей момента и конкретных данных, а не исходить из системного подхода или пассивного подчинения нормам или псевдонормам. Это значит предпочесть ограничение насилия наказанию так называемого виновного, или выбору так называемой абсолютной справедливости. Это значит намечать себе конкретные, достижимые цели, соответствующие вековому закону международных отношений».

Таким образом, в основе политического реализма - веберовское понимание политической морали. Действительно, по М. Веберу, свойственная политической морали необходимость прибегать к плохим средствам находит логическое завершение в сфере международных отношений. Считая, что высшей ценностью государственных деятелей является сила соответствующего государства, он не только устраняет из этой сферы моральный выбор по поводу целей государственной внешней политики, но и фактически переносит этот выбор в область средств, где он также достаточно ограничен, поскольку решающим средством политики Вебер называет насилие.

Указанное понимание является неизбежным для гоббсовской традиции, рассматривающей международные отношения как сферу непримиримых моральных конфликтов, разрешаемых насильственными средствами. Однако и оно далеко не бесспорно.

Во-первых, сколь бы хрупкими и относительными ни были универсальные ценности в сфере межгосударственных взаимодействий, они тем не менее существуют, как существует и тенденция к увеличению их количества и возрастанию их роли в регулировании международных отношений. Появляются новые ценности, связанные с императивами сохранения окружающей среды, сокращения

социального неравенства, решения демографических проблем. В число наиболее приоритетных ценностей, приобретающих все новые измерения, выдвигается соблюдение прав человека. Как подчеркивает А. Самюэль, сегодня концепция прав человека наполняется новым содержанием, включая право журналистов на независимую информацию, права личности на эмиграцию и профессиональную свободу, права заключенных и беженцев, права ссыльных и права детей. В результате возникает настоящий «интернационал Прав Человека». Проводятся международные конференции, стоящие над межгосударственными конфликтами и мобилизующие общественное мнение против насилия, где бы оно ни совершалось - в ЮАР или в Ираке, в секторе Газа или на площади Тянаньмынь. Правительства испытывают растущее давление, призванное обеспечить соблюдение Хельсинкских соглашений¹³.

Во-вторых, даже если согласиться с тем, что высшей ценностью для государственного руководителя является сила (могущество) его государства, трудно отрицать, что разные лидеры имеют различные представления как о приоритетных элементах ее состава (темпы экономического роста, благосостояние нации, военное могущество, лидирующее положение в союзах, социально-политическая стабильность, престиж в международном сообществе и т.п.), так и о средствах ее достижения. Достаточно сравнить соответствующие представления официальных лиц советского государства и постсоветской России.

Наконец, в-третьих, не удовлетворяет и то, что политический реализм персонифицирует моральный выбор в области международных отношений, отдавая его «на откуп» государственным лидерам, что неизбежно приводит не только к моральному релятивизму, когда остается «только давать советы правителям и надеяться, что они не будут сумасшедшими»¹⁴, но и к моральному прагматизму, то есть к подчинению индивидуальной морали политической этике, столь знакомому нам во времена советского режима.

Пытаясь избежать нормативных суждений, представители модернизма считают этику несовместимой с экспериментальной наукой. Вместе с тем некоторые из них полагают, что в рамках позитивного исследования можно (а в какой-то степени и нужно) принимать во внимание признанные в обществе нормы, если рассматривать их как факты. Можно также задаться вопросом об эффективности моральных норм. Так, К. Холсти различает три уровня, на которых моральные нормы способны влиять на поведение международного автора: уровень целей, провозглашаемых правительством (мир, справедливость и т.п.); уровень методов действия (декларируемая правительством приверженность некоторым принципам поведения, например, принципу ненасилия); все решения, принимаемые «hic et nunc» («здесь и теперь»). Именно последний уровень «важнее всего в этическом плане, так как именно

здесь проявляется способ достижения государством своих целей, и этика кажется наиболее применимой к международной политике»¹⁵. В целом же представители данного направления сходятся с политическими реалистами в позитивистском искушении установить четкое различие между объективными фактами и ценностями, которые, по их мнению, не могут оказать сколь-либо существенного влияния на международные отношения, а, напротив, сами зависят от соотношения сил между государствами.

Однако в действительности анализ международных отношений не может не учитывать нормативных суждений и ценностей, затрагивающих такие существенные явления, как мир и война, справедливость и свобода, интересы и цели и т.п. Без этого невозможно понять мотивы поведения международных авторов, а значит, и скрытые пружины функционирования международных отношений, которые отнюдь не сводятся к конфликту национальных интересов или соотношению сил между государствами.

Таким образом, ни одна из рассмотренных теоретических школ не может претендовать на окончательное решение вопроса о сущности и роли морали в международных отношениях. Тем не менее это вовсе не лишает их значимости: каждая из них обращает внимание на тот или иной аспект, раскрывает ту или иную сторону проблемы, обогащая ее видение. Кроме того, они: взаимно дополняют друг друга в том, что подводят к выводу, тривиальному лишь на первый взгляд, - о действительном наличии этических норм в международных отношениях.

Вопреки противоположному мнению, дефицит правил вовсе не свойствен международным отношениям, пишут французские ученые Б. Бади и М.-К. Смуц¹⁶. Добавим, что значительная доля среди этих правил принадлежит моральным нормам, побуждающим, согласно Э. Дюркгейму, к добровольному подчинению социальному принуждению.

В то же время, как мы могли убедиться, эти нормы носят противоречивый характер. Поэтому, отвечая утвердительно на вопрос о существовании специфического рода морали - морали международных отношений, мы сразу же сталкиваемся со следующим вопросом: каковы ее главные требования?

2. Основные императивы международной морали

Исходным при рассмотрении этого вопроса является тезис о том, что моральные императивы определяются принципами международных отношений. Резюмируя их, можно сказать, что минимальный моральный императив международно-политического поведения требует от каждого государственного актора руководствоваться необходимостью сохранения других легитимных участников международных отношений, ибо это - то «минимальное

добро, без которого все исчезнет»¹⁷. Речь идет, таким образом, прежде всего о сохранении мира, так как именно в войне находит свое наиболее полное проявление национальное высокомерие, презрение к общечеловеческим нормам и правам других (см. прим.6, с.55). Вместе с тем, как свидетельствует история человечества и современные события на мировой арене и, в частности, в постсоветском геополитическом пространстве, указанный императив далеко не стал основой осознанного международно-политического поведения всех государственных деятелей. Теоретическое объяснение этому факту можно найти в стихийном следовании традиционному подходу к состоянию войны. В соответствии с ним, война не противоречит политике, во-первых, потому что человек воспринимает свою принадлежность к политическому миру именно через борьбу с другими. А в межгосударственных отношениях война даже обеспечивает политику, является ее основным средством, поскольку она является условием выживания государств. Во-вторых, война не противоречит человеческой сущности, она даже придает смысл существованию человека, поскольку, когда он готов жертвовать собой, он способен осознать подлинное значение свободы. Отказ от войны, при таком подходе, равносителен отказу от свободы. А без свободы нет политической демократии. И, в-третьих, война не противоречит общечеловеческой морали: библейское «не убий» не относится к уничтожению вооруженного противника представителя другого государства-нации - на поле брани¹⁸.

Однако современные реалии ядерно-космического века в корне меняют ситуацию: учитывая новейшие средства вооружений, существование в мире многочисленных АЭС, огромного количества хранилищ горюче-смазочных материалов и потребляющих их механизмов и устройств, близкое к критическому состояние окружающей среды и т.п., нравственная оценка войны не может оставаться прежней. Это тем более важно, что изменился и сам характер вооруженных конфликтов: сегодня они фактически лишены традиционного разделения фронта и тыла, а потому неизбежно сопровождаются несоразмерными жертвами и лишениями среди мирного населения. Так, например, число беженцев (главным образом, женщин, детей и стариков), которым удалось покинуть зону грузино-абхазского конфликта только организованным путем (при помощи российских военно-транспортных средств), достигло более 2 тыс. человек. Никто не подсчитывал соотношение жертв среди гражданского населения и военных в войнах на территории бывшего СССР, но есть все основания полагать, что оно близко к соотношению жертв арабо-израильского конфликта, где 90% пострадавших приходится на мирное население (см. прим. 13, с.207).

Вот почему усилия международных организаций, и прежде всего ООН, направлены не только на привлечение мирового общественного мнения к моральному осуждению войн и насилия в

международных отношениях, но и на организацию действенных мер по прекращению существующих и предотвращению новых вооруженных конфликтов. Задачи эти отличаются чрезвычайной сложностью, особенно, учитывая неоднозначный, рискованный характер принимаемых мер, - в том числе и с точки зрения неоднозначности их актуальных и потенциальных моральных оценок. Так, например, позиция руководства России по отношению к войне в Персидском заливе и в особенности к ракетным ударам американской авиации по Багдаду вызвала противоречивую реакцию со стороны различных политических сил как в самой стране, так и за ее пределами. При этом налет демагогичности в рассуждениях коммунистов и «патриотов» об аморальности российского правительства, поддержавшего «агрессию американского империализма» против суверенного государства, имевшую следствием гибель невинных людей из числа гражданского населения, не избавляет от самой проблемы. Действительно ли главной целью администрации Д. Буша была защита ростков нового правового, следовательно, справедливого - международного порядка, предпосылки к сознательному созданию которого усилиями мирового сообщества появились с окончанием холодной войны? Или же в основе принятого решения лежал холодный расчет, связанный с геополитическими интересами США в этом наиболее богатом нефтью регионе мира? Как увязать данное решение с взятой на себя Соединенными Штатами ролью основного поборника прав человека во всем мире? Ведь в рассматриваемом примере было нарушено основное из этих прав - право на жизнь множества ни в чем не повинных людей, ставших жертвами решения, принятого за тысячи километров от их дома. Следовало ли России, учитывая все эти вопросы, оказывать политическую поддержку действиям США? Аналогичные вопросы встают и в связи с ракетным ударом США по иракскому разведцентру 26 июня 1993 года, в результате чего погибло шесть мирных жителей. Можно ли считать достаточным основанием для такой акции доказанность (даже доказанность!) вины нескольких человек, готовивших (то есть имевших намерение) по заданию иракской разведки покушение на экс-президента Дж. Буша? И не является ли данная акция следствием политики «двойного стандарта», подобно подходу Запада к оценке эстонского Закона об иностранцах, нарушающего права русскоязычного населения в этой стране?

Если же говорить не только о межгосударственных, а о международных отношениях в целом, то вышеназванный императив приобретает еще более широкий характер, трансформируясь в необходимость действовать так, чтобы способствовать преобразованию международной среды «из состояния джунглей в состояние международного общества» (см. прим.6, с.46), или, точнее говоря, более тесной интеграции мирового сообщества (см. прим. 3, с.174).

Иначе говоря, речь идет о том, чтобы способствовать социализации международных отношений в том ее аспекте, который касается моральных (и правовых) норм, призванных играть по крайней мере такую же роль, какую они уже играют во внутриобщественных отношениях. Данная задача является не менее сложной и противоречивой, чем та, о которой упоминалось выше. Во-первых, потому что она связана с задачей сознательного формирования нового международного порядка, который, как будет показано в следующей главе, понимается по-разному, в том числе и в морально-нравственном отношении. Во-вторых, социализация сама по себе отнюдь не панацея в решении проблем международной морали, особенно в том, что касается таких принципов, как счастье и справедливость. Уже Ж.-Ж. Руссо предупреждал, что социализация влечет за собой эффект сравнения себя с другими, последствиями чего являются зависть и корыстолюбие, хитрость и насилие. Во времена обострения «холодной войны», которое сопровождалось наибольшей непроницаемостью разделяющего человечество на «два мира» «железного занавеса», отсутствие возможностей для сравнения имело следствием то обстоятельство, что, например, многие советские люди, лишенные информации об условиях жизни в западных странах, чувствовали себя относительно счастливыми, ощущая «заботу партии и правительства о справедливом распределении социальных благ и неуклонном повышении уровня жизни советского народа». Когда же, с крахом «железного занавеса» и появлением новейших средств связи и массовой информации, они получили эти возможности, возник эффект относительной депривации: многие почувствовали себя обездоленными, лишенными элементарных благ цивилизации и соответственно глубоко несчастными. Для довольно значительного числа «энергичных» индивидов и групп постсоветской России, особенно учитывая усиление социально-экономического и политического кризиса, это стало отнюдь не мотивом «больше трудиться, чтобы лучше жить», а самооправданием «жизни по злу»: коррупции, обманов и хищений, насилия и жестокостей. Даже та минимальная либерализация, которая стала чертой российской социально-политической действительности последних лет, вместо ожидаемых от наиболее динамичной части населения усилий по обустройству своей страны, принесла эффект массовой эмиграции на Запад. Культурная экспансия Запада, ставшего своего рода референтной группой в обмене культур, приносит с собой не только богатство и многообразие мировой цивилизации, но и агрессивные суррогаты искусства, сопровождаемые подавлением национальных культурных ценностей. В более широком плане указанные процессы депривации затронули целые народы и даже континенты (Африка), которые столкнулись с проблемой сохранения своей культурной идентичности, разбалансированности социальных и политических условий жизни (в то время

как процессы демократизации проходят крайне болезненно и неровно).

Иначе говоря, новые проблемы в международной жизни порождают новые явления и новые моральные вызовы. В этой связи встает еще один вопрос: действительны ли нормы и принципы международной морали?

3. О действенности моральных норм в международных отношениях

Ответ на поставленный выше вопрос отнюдь не очевиден. В самом деле, как мы могли убедиться, в основе международной морали лежит признание ценности как универсалий общечеловеческих принципов взаимодействия социальных общностей и индивидов, так и частных интересов, определяющих оценку последствий поведения международных акторов. Другими словами, в международных отношениях, как и в общественных отношениях в целом, всегда существует дистанция между должным и сущим, а, следовательно, и разрыв между этикой долга и этикой обязанностей. Действительно, может ли мораль выполнять регулирующую функцию в международных отношениях, если сами ее критерии имеют здесь двойственный характер?

В поисках ответа на этот вопрос следует учитывать, что процесс социализации международных отношений не вышел за рамки сосуществования «двух миров», о которых говорит Д. Розенау, мира государств и мира авторов «вне суверенитета», первый из которых значительно превосходит второй по общему потенциалу воздействия на характер общения на международной арене. Поэтому об уважении принципов и норм международной морали может идти речь только в рамках конкретных социокультурных общностей, и чем более глубоким является разрыв между ними, тем больше вероятность несоблюдения указанных норм. Нормы и установки международной морали вполне конкретны: они зависят от обстоятельств места - той социокультурной среды, в которой находятся авторы; времени - характерных именно для данного момента общепризнанных международных принципов; и ситуации имеющихся в распоряжении авторов вполне определенных политических, экономических, технических и иных средств и возможностей реализации нравственных целей и ценностей. Ясно, что, во-первых, разные международные авторы исходят в своих действиях из различающихся между собой нравственных установок и норм: так, то, что является сегодня добром и справедливостью в вопросе о судьбе Черноморского флота бывшего СССР с точки зрения украинских руководителей, иначе воспринимается российскими политиками; позиции же самих моряков, или администрации Севастополя (вынужденного считаться с

дестабилизирующей социально-политической ролью нерешенности указанного вопроса) имеют собственные оттенки.

Социологическое измерение рассматриваемой проблемы имеет дело с дилеммой «социального адреса»: справедливость для кого для государств? Для их руководителей? Для их граждан (или для граждан одного из них)? Для регионального (или для мирового) сообщества? Политическое измерение сталкивается с еще более жесткой дилеммой: из чего исходить при решении проблемы общепризнанных принципов международной морали (невмешательство, соблюдение договоров, сохранение мира, права человека и т.п.) или из национальных интересов? Но интерпретация первых зависит от социального контекста, а определение вторых никогда не может быть свободным от субъективизма и идеологии. Вот почему нельзя абсолютизировать ни то, ни другое. Как отмечают крупные авторитеты международно-политической науки, необходимо сочетание вечных общечеловеческих нравственных норм и интересов конкретной социальной общности, учета культурных особенностей международных авторов и рационального поведения, предусматривающего возможные последствия международных акций, использования всех резервов разума и осторожности во взаимодействии на международной арене. Конечно, и такое сочетание не избавляет от проблем. Так, резюмируя свою позицию в данном вопросе, С. Хоффманн, настаивая на том, что международная мораль (в данном случае мораль государственного деятеля) должна основываться на трех главных элементах - целях, средствах и умеренности, подчеркивает, что ни один из них, и даже все они вместе взятые, не дают окончательной гарантии нравственной политики.

Действительно, цели международного автора должны быть нравственными, ибо они зависят от его моральной позиции. Однако последняя никогда не бывает простой: во-первых, остаются открытыми вопросы о том, кто судит о моральности целей, или как определить, какие из них являются «хорошими», а какие «плохими». Во-вторых, намечаемым целям должны соответствовать и избираемые средства: они не должны быть чрезмерными, то есть хуже, чем то зло, которое предстоит исправить или не допустить (так, вступив в войну с Азербайджаном за самоопределение Нагорного Карабаха, не принесли ли его руководство и политики Армении еще большее зло защищаемому ими народу?). Неверно избранные средства способны разрушить саму цель (так, попытка членов ГКЧП спасти СССР путем введения чрезвычайного положения стала одной из причин, ускоривших его развал). Поскольку же, кроме того, международные авторы никогда не могут быть абсолютно уверенными, что избранные ими средства приведут к намеченной цели, постольку они должны руководствоваться моралью умеренности, которая, в конечном счете, означает «просто необходимость принимать во внимание моральные требования

других» (см. прим.6, с.46). Иначе говоря, этика международных отношений требует от их участников взвешенности в определении целей, отказа от категоричности в выборе средств, постоянного соотнесения своих действий как с их возможными последствиями для данной социальной общности, которую они представляют, так и с общечеловеческими нравственными императивами, опоры на интересы, не ограниченные соображениями собственной силы и безопасности при учете потребностей и интересов других авторов и международного сообщества в целом. Большого от нее ожидать нельзя. Нравственное поведение международного автора - это не действия на основе некоего незыблемого свода правил, сформулированных для него кем-то внешним, однажды и навсегда (как бы хороши ни были эти правила). Скорее, это действия на основе разумного эгоизма, возможности которых зависят от данного социального контекста. Именно из этого следует исходить при оценке регулирующей функции международной морали: ее нельзя переоценивать, и невозможно отрицать. Нарушение нравственных принципов и требований справедливости противоречит не только нормам международного права, но и интересам тех, кто пренебрегает этими принципами и требованиями, ибо подрывает их международный престиж, а, следовательно, уменьшает возможности достижения целей или же делает более сложными и дорогостоящими средства, ограничивая их выбор.

Подводя итога, подчеркнем еще раз, что проблема моральных ценностей и норм в международных отношениях является одной из наиболее сложных и противоречивых. Однако при всей относительности их роли в регулировании взаимодействия авторов на мировой арене в социализации международных отношений, в преодолении присущей им некоторой аномии, указанная роль, несомненно, возрастает. Подтверждение данного вывода можно найти, помимо сказанного выше, и во все более настойчивых поисках учеными и политиками эффективных путей сотрудничества, преодоления конфликтов, интеграции международных отношений. Именно этим проблемам и посвящена следующая глава.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Badie B.* Culture et politique. Paris. 1993. p. 100-103.

² *Senarclens P.de.* La politique internationale. Paris, 1992. p.166.

³ *Bosc R.* Sociologie de la paix. Paris. 1965. p.153-155.

⁴ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма// М.Вебер. Избранные произведения. М., 1990. с.150-157.

⁵ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия// Там же. с. 696.

⁶ *Hoffmann S.* Duties beyond Borders: On the Limits and Possibilities of Ethical International Politics. New York, 1981. p.25-28.

⁷ *Wolfers A.* Discord and Colloboration: Essays on International Politics. Baltimore, 1962. p.50.

⁸ *Zorgbibe Ch.* Les politiques etrangeres des grandes puissances. Paris. 1984. p. II.

⁹ История дипломатии. Том третий. М., 1945. с. 639-643.

¹⁰ *Pacteau B., Mougel F.-C.* Histoire des relations internationales (1815-1889). Paris. 1990. p.75-78.

¹¹ *Morgenthau G.* Politics among nations. The Struggle for Power and Peace. № 4, N.Y., 1950.

¹² *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1984. p.572.

¹³ *Samuel A.* Nouveau paysage international Bruxelles; Lyon. 1990. p.211-215.

¹⁴ *Aron R.* Une sociologie des relations internatianaes. Revue Francaise de Sociologie. 1963. Vol. IV. №3, p. 321.

¹⁵ *Hoist K.J.* International Politics. A Framework for Analisis. N.Y. 1967. p. 432.

¹⁶ *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie la scene internationale. Paris. 1992, p. 114.

¹⁷ *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations intematianales. Paris, 1988. p. 103.

¹⁸ *Tenzer N.* La politique. Paris. 1991. p. 61.

Глава XII КОНФЛИКТЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Конфликты и сотрудничество относятся к наиболее существенным характеристикам международных отношений, рассматриваемых как процесс, и представляют собой неразрывно связанные стороны взаимодействия их участников. Выражаясь языком Гегеля и Маркса, они являются «диалектической парой» - то есть взаимно предполагающими и взаимно обуславливающими друг друга противоположностями, которые могут «меняться местами». Это означает, что процессы международного сотрудничества всегда включают в себя конфликтное измерение и наоборот - всякий конфликт предполагает ту или иную долю сотрудничества его участников.

В рамках системного подхода конфликты и сотрудничество принадлежат к числу важнейших условий функционирования международных систем, характеризующих степень их стабильности. При этом критерии стабильности международной системы связаны с ее изменениями, в зависимости от которых система либо сохраняет себя, либо настолько трансформируется, что происходит переход к иному типу системы, либо, наконец, она разрушается. С этой точки зрения, конфликт присущ как нестабильному («революционному»), так и стабильному типу международных систем. Однако отличительными чертами стабильных систем является то, что ценности, которые разделяются ее составными частями (участниками международных отношений), не подвергаются постоянному сомнению (а); существует консенсус относительно правил соперничества между этими участниками (б); отношения между ними характеризуются умеренностью (в). В «революционной» системе, напротив, наблюдаются несовместимость ценностей, непрерывное оспаривание правил и отсутствие умеренности¹, а, следовательно, и слабая степень сотрудничества.

Таким образом, положение о том, что различие и противоположность между конфликтами и сотрудничеством нельзя абсолютизировать, не означает, что они тождественны друг другу. Каждому из этих основных измерений международного процесса свойственна своя собственная динамика, заслуживающая специального рассмотрения.

1. Основные подходы к исследованию международных конфликтов

Существуют три основных подхода, или, иначе говоря, три основных направления в изучении международных конфликтов: «стратегические исследования», «исследования конфликта», «исследования мира»^{2,3}. Главное, что их объединяет, - это стремление осмыслить роль данного социального феномена в функционировании международной системы, в отношениях между ее различными составными частями и сформулировать на этой основе выводы, имеющие практическое значение. В то же время между ними имеются и различия, касающиеся методологических оснований и содержательной проблематики исследований, характера их связи с практикой международных отношений и т.п. Поскольку указанные различия во многом объясняются различиями в трактовке содержания самого понятия «международный конфликт», а также имея в виду и самостоятельное значение этого понятия для выработки теоретических представлений, адекватных международной политической практике, постольку стоит, хотя бы коротко, рассмотреть его.

Известный американский ученый Л. озер определял социальный конфликт как «столкновение между коллективными акторами по поводу ценностей, статусов, власти или редких ресурсов, в котором цели каждой из сторон состоят в том, чтобы нейтрализовать, ослабить или устранить своих соперников»⁴. Соглашаясь с таким пониманием, одна часть исследователей международных отношений исходит из того, что конфликт имеет объективное содержание. Так, с точки зрения К. оулдинга, это - «ситуация соперничества, в которой стороны осознают несовместимость возможных позиций и каждая сторона стремится занять положение, несовместимое с тем, которое хочет занять другая»⁵. Иначе говоря, речь идет о противоположности интересов, одновременная реализация которых участниками международного взаимодействия невозможна именно ввиду их объективности.

Напротив, с точки зрения Дж. Бертона, «конфликт носит в основном субъективный характер... Конфликт, который как будто затрагивает «объективные» расхождения интересов, может быть преобразован в конфликт, имеющий позитивный результат для той и другой сторон, при условии такого «переосмысления» ими восприятия друг друга, которое позволит им сотрудничать на функциональной основе совместного использования оспариваемого ресурса»⁶.

Представители акционалистской ветви в социологии международных отношений стремятся объединить преимущества обоих подходов. Рассматривая конфликт как несовместимость целей, они в то же время подчеркивают, что суждение об этом не может основываться на одном лишь логическом сопоставлении последних,

а требует «анализа практических условий, необходимых для их реализации»⁷.

Методологической основой отечественных исследований международного конфликта, нашедших отражение в литературе 70-х - 80-х годов, чаще всего выступает положение диалектической философии, согласно которому конфликт - это крайняя форма обострения противоречия^{8,9,10}. «Проявившееся противоречие, - пишут авторы учебного пособия «Основы теории международных отношений», - требует от сторон-носителей противоположных интересов действий по его разрешению (конечно, не обязательно немедленных). Если одна или обе стороны... при этом прибегают к стратегии конфронтации, то налицо конфликт» (см. прим.8, с.96). Близкое понимание международного конфликта характерно и для других авторов (см., например, прим.9, с.33-34),

Различия в трактовке содержания понятия «международный конфликт» находят отражение и в подходах к анализу его как феномена международной жизни. Как уже отмечалось, одним из наиболее традиционных среди них является подход с позиций «стратегических исследований».

Отличительные черты анализа международных конфликтов с этих позиций состоят в их направленности на решение практических задач, связанных с обеспечением национальных интересов и безопасности государства, созданием благоприятных условий для победы в возможной войне. Отсюда ясно, что эти исследования осуществляются в рамках парадигмы политического реализма с ее приоритетом государственно-центричной модели международных отношений и силовых методов в достижении целей. Как подчеркивает известный канадский специалист А. Лего, «в своем главном значении стратегия всегда состояла в использовании силы для достижения политических целей». Ее крупнейшим теоретиком был Клаузевиц¹¹. Более того, представители стратегических исследований нередко склонны редуцировать международный конфликт к одному из его видов - вооруженному столкновению государств. С этой точки зрения, конфликт начинается тогда, «когда одна или другая сторона начинает рассматривать противоречие в военных терминах»¹². И все же чаще подчеркивается, что «большая стратегия» отличается от военной стратегии, «поскольку ее подлинная цель заключается не столько в том, чтобы искать военных действий, сколько в том, чтобы добиться выгодной стратегической ситуации, которая, если и не принесет сама по себе решения, то, будучи продолжена средствами военных действий, безусловно, обеспечит его»¹³. Американский ученый Дж. М. Коллинз определяет «большую стратегию» как «науку и искусство использования элементов национальной мощи при любых обстоятельствах, с тем, чтобы осуществлять в нужной степени и в желательном виде воздействие на противную сторону путем угроз,

силы, косвенного давления, дипломатии, хитрости и других возможных способов и этим обеспечить интересы и цели национальной безопасности»¹⁴. Большая стратегия пишет он, в случае ее успеха устраняет необходимость в прямом насилии. Кроме того, ее планы не ограничиваются достижением победы, но направлены и на сохранение прочного мира (см. прим. 14).

Центральная задача стратегических исследований состоит в попытке определить, каким должно быть наиболее адекватное поведение государства в конфликтной ситуации, способное оказывать влияние на противника, контролировать его, навязывать свою волю. С появлением ядерного оружия перед специалистами в области таких исследований появляется ряд принципиально новых вопросов, поиски ответов на которые придали новый импульс стратегической мысли. Стратегические исследования становятся на Западе одним из ведущих направлений в науке о международных отношениях. Достаточно сказать, что в США существует более тысячи созданных с целью осуществления таких исследований институтов, не говоря уже о Рэнд Корпорейшн, Вашингтонском институте оборонных исследований, Центре стратегических и международных изучений Джоржтаунского университета и др. (см. прим.11, с.38). В Советском Союзе соответствующие изыскания велись в рамках ведомственных научных подразделений и прежде всего - исследовательских учреждений системы «силовых министерств». В настоящее время в РОССИЯ появляются и независимые аналитические центры.

Одной из приоритетных проблем стратегических исследований является проблема войны, ее причин и последствий для того или иного государства, региона и международной (межгосударственной) системы в целом. При этом если раньше война рассматривалась как, хотя и крайнее, но все же «нормальное» средство достижения политических целей, то огромная разрушительная мощь ядерного оружия породила парадоксальную, с точки зрения традиционных подходов, ситуацию. С одной стороны, обладающее им государство получает новые возможности для проведения своей внешней политики и обезкураживающие любого потенциального агрессора способности обеспечить свою национальную безопасность (в военном значении этого понятия). А с другой стороны, избыток мощи, который дает ядерное оружие, делает абсурдными всякие мысли о его применении, о перспективе прямого столкновения между его обладателями.

Отсюда главный акцент делается не на военных, а на политических аспектах ядерных вооружений, на стратегии не вооруженного конфликта, а устрашения противника. Порожденное стратегией устрашения «равновесие террора» позволяло удерживать глобальную международную систему в состоянии относительной стабильности. Однако это была, во-первых, статическая сгабиль

ность в ее конфронтационной форме¹⁵, и, во-вторых, она не способствовала устранению вооруженных конфликтов на уровне региональных и субрегиональных подсистем.

В конце 80-х годов, с приходом к власти в ведущих странах Запада неоконсервативных сил, появляется попытка преодоления вышеназванного парадокса ядерных вооружений, стремление выйти за рамки стратегии устрашения и реабилитировать понятие военной победы в ядерный век. С другой стороны, возникают новые тенденции в американской и западноевропейской политике в области вооружений и военных технологий. Были предприняты инициированные администрацией Рейгана в США и французскими официальными политическими кругами в Европе попытки выработать новую «большую стратегию», которая позволила бы открыть новую, «пост-ядерную» эру в мировой политике. В рамках проектов, известных как соответственно СОИ и «Эврика», ставится цель создания принципиально новых типов вооружений, дающих преимущество не наступательной, а оборонительной стратегии и минимизирующих возможные последствия гипотетического ядерного удара, а в перспективе призванных обеспечить их обладателям «ядерную неуязвимость». Вместе с тем оба проекта имеют и самостоятельное значение, стимулируя научные и технологические изыскания в ключевых отраслях экономики и общественного производства.

Окончание «холодной войны», развал Советского Союза и крушение биполярной структуры глобальной международной системы знаменуют поворот к новой фазе в разработке «большой стратегии». На передний План выдвигаются задачи адекватного ответа на вызовы, которые диктуются распространением в мире новых типов конфликтов, генерируемых ростом децентрализованного политического насилия, агрессивного национализма, международной организованной преступности и т.п. Более того, сложность указанных задач, приобретающих особую актуальность в условиях все большей доступности новейших видов оружия массового уничтожения как ядерного, так и «обычного» характера, снижает возможности их решения на пути стратегических исследований с традиционной для них «точкой зрения «солдата», пытающегося избрать наилучшее поведение перед лицом противника, и не задающегося вопросами о причинах и конечных целях конфликтов» (см. прим N3 стр.10). Это получают другие подходы и, в частности, те, которые находят применение в рамках такого направления, как «исследования конфликтов».

Центральными для этого направления являются как раз те вопросы, которые не ставятся в рамках «стратегических исследований» - то есть вопросы, связанные прежде всего с выяснением происхождения и разновидностей международных конфликтов. При этом по каждому из них существуют расхождения.

Так, в вопросе о происхождении международных конфликтов могут быть выделены две позиции. В рамках одной из них международные конфликты объясняются причинами, связанными с характером структуры международной системы. Сторонники второй склонны выводить их из контекста, то есть внутренней среды системы межгосударственных отношений.

Й.Галтунг, например, предложивший «структурную теорию агрессии»¹⁶, считает причиной международных конфликтов разбалансирование критериев, позволяющих судить о том месте, которое занимает данное государство в международной системе, когда его высокое положение в этой системе, в соответствии с одними критериями, сопровождается недостаточным или непропорционально низким положением в каком-либо другом отношении. Например, финансовая мощь такого государства, как Кувейт, диссонирует с его незначительным политическим весом; ФРГ, являвшаяся экономическим гигантом, была ограничена в своих дипломатических возможностях. С этой точки зрения, можно сказать, что демографический, ресурсный, научно-технический и производственный потенциал России находится в явном противоречии с характерной для нее сегодня экономической ситуацией и, соответственно, с тем местом, которое она занимает в системе межгосударственных отношений.

«Возникновение агрессии, - утверждает Галтунг, - наиболее вероятно в ситуации структурного разбалансирования» (см. прим. 16, с.98-99). Это касается и глобальной международной системы с наблюдающимся в ее рамках «структурным угнетением», когда индустриально развитые государства, уже в силу самих особенностей функционирования присущего им типа экономики, выступают в роли угнетателей и эксплуататоров слаборазвитых стран. Однако само по себе наличие структурного разбалансирования еще не означает, что вытекающие из него конфликты обязательно достигнут своей высшей степени - военного противостояния. Последнее становится наиболее вероятным при двух условиях: во-первых, когда насилие превращается в неотъемлемую и привычную черту жизни общества; во-вторых, когда исчерпаны все другие средства восстановления нарушенного баланса (см. прим. 16).

К рассмотренным взглядам примыкают и взгляды американского исследователя Органски. Основываясь на теории политического равновесия, или баланса сил, он исходит в анализе причин конфликта из того, что нарушения структурного равновесия в международной системе объясняются появлением в ней государств-«челленджеров». Их растущая мощь приближается к мощи наиболее сильных держав, занимающих в мировом порядке ведущие позиции, но значительно отстает от уровня их политического влияния¹⁷.

Еще одной разновидностью «структурного» подхода к вопросу о происхождении международного конфликта является стремление

объединить предложенный К.Уолцем анализ трех уровней - индивида, государства и международной системы (см. также прим.6, с.106-108). На первом уровне исследование причин международного конфликта предполагает изучение естественной природы человека («animus dominandi», о котором упоминает Г. Монгентау) и его психологии - прежде всего особенностей психологического облика государственных деятелей (отражаемых, например, в теориях инстинктов, фрустрации, агрессии и т.п.). На втором рассматриваются детерминанты и факторы, связанные с геополитическим положением государств, а также специфика господствующих в них политических режимов и социально-экономических структур. Наконец, на третьем уровне выясняются характерные черты международной системы: «полярность», или «конфигурация соотношения сил» (Р.Арон), другие структурные признаки.

К структурным представлениям о происхождении международных конфликтов могут быть отнесены и господствовавшие в советской литературе взгляды на их характер и природу. Происхождение конфликтов объяснялось неоднородностью глобальной международной системы со свойственным ей разделением на мировую капиталистическую систему, мировой социализм и развивающиеся страны, в среде которых, в свою очередь, усматривались процессы размежевания на классовой основе. Причины же конфликтов, их основной источник выводились из агрессивной природы империализма (см., например, прим. 10).

Как уже говорилось, некоторые авторы видят происхождение международных конфликтов в особенностях взаимодействия межгосударственной системы и ее внутренней среды. С этой точки зрения, наиболее благоприятным для вооруженных конфликтов или предшествующих им кризисов является международный контекст, характеризующийся размыванием или же резким изменением в соотношении сил. В том и другом случае государства теряют ясное представление об их взаимном положении в международной иерархии и пытаются покончить с возникшей двойственностью (как это произошло, например, в отношениях между США и СССР во время «Карибского кризиса» 1962г.).

Отсутствие общепринятого понимания структуры международной системы делает различия между «структурным» и «контекстуальным» подходами трудноуловимым. Впрочем, как подчеркивают исследователи теорий международных отношений, указанные подходы тесно связаны друг с другом и содержат ряд общих идей (см. прим. 17, с.327). В самом деле, их объединяет, например, явная приверженность государственно-центричной модели международной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями, главным из которых является сведение всего многообразия международных конфликтов к межгосударственным противоречиям, кризисам и

вооруженным столкновениям. Об этом говорят и различные типы классификации конфликтов.

Так, Ф. Брайар и М.-Р. Джалили выделяют три группы международных конфликтов, которые отличаются по своей природе, мотивациям их участников и масштабам. К первой группе они относят классические межгосударственные конфликты; межгосударственные конфликты с тенденцией к интеграции; национальноосвободительные войны и т.п. Во вторую группу включаются территориальные и не территориальные конфликты; в свою очередь, последние могут иметь социально-экономические, идеологические мотивы или же просто вытекать из воли к могуществу. Наконец, в зависимости от масштабов, конфликты подразделяются на генерализованные, в которые втянуто большое количество государств и которые способны перерасти в мировые конфликты, а также региональные, субрегиональные и ограниченные (по количеству участвующих государств) конфликты (см. прим. 3, с. 109). Существует множество других классификаций, критериями которых выступают причины и степень напряженности международных конфликтов, характер и формы их протекания, длительность и масштабы и т.п. Подобные классификации постоянно дополняются и уточняются, предлагаются новые критерии и т.п. В то же время следует отметить, что по крайней мере в одном отношении радикальных изменений в общей картине типологии и классификации международных конфликтов, за небольшими исключениями, пока не произошло. Речь идет о том, что подавляющее место в таких классификациях и сегодня по-прежнему отводится конфликтам между государствами. Это касается как отечественных, так и зарубежных работ, систематизированных в нашей литературе в 80-е годы (см., например, прим.9, с.58-87) . Такое положение не может не влиять и на состояние третьего направления в анализе международных конфликтов - «исследований мира».

По существу, в рамках названного направления («автономность» которого, как и тех, что были рассмотрены выше, носит относительный характер) речь идет о широком комплексе вопросов, связанных с поисками урегулирования международных конфликтов. В рассмотрении данной проблематики могут быть выделены три основных подхода. Один из них связан с традициями американской

*Как известно, отечественная социально-политическая литература этого времени отличалась идеологической перегруженностью, в значительной мере она носила откровенно апологетический характер, объявляла любые позиции, не совпадающие с марксистско-ленинской парадигмой, ненаучными и т.п. В то же время указанные особенности нередко носили в большой степени формальный, внешний характер. Это, в частности, относится ко многим работам, посвященным «критике буржуазных теорий», которые способствовали ознакомлению научной общественности с состоянием зарубежной науки в той или иной области.

школы «Conflict Resolution», второй основывается на видении, присущем европейскому течению «Peace Research», третий делает акцент на процессе международных переговоров.

Значительную роль в развитии первого подхода продолжает играть созданный в 1955 году при Мичиганском университете «Journal of Conflict Resolution». Приверженцы данного подхода уделяют центральное место анализу вопросов, относящихся к механизмам разрешения и контроля конфликтов и поиску на этой основе путей перехода от конфронтации к сотрудничеству. Большое значение придается разработке математических и игровых методов изучения социального конфликта. Одна из широко распространенных позиций состоит в том, что конфликты являются универсальным феноменом, присущим всем сферам общественной жизни. Это означает, что они не могут быть устранены - в том числе и из области международных отношений. Поэтому речь должна идти о таком анализе конфликтов, который позволил бы управлять ими с целью найти общую пользу для каждого из участников¹⁹. С этой точки зрения, существует четыре способа разрешения социальных конфликтов: 1) соглашение в результате совпадения мнения всех сторон; 2) соглашение в соответствии с законодательной или моральной волей внешней силы; 3) соглашение, навязанное одной из сторон конфликта; 4) ситуация, когда застарелый конфликт теряет свою актуальность и разрешается сам собой²⁰.

В осознании возможностей разрешения международных конфликтов мирными средствами большую роль сыграли публикации выходящего в Осло периодического издания Journal of Peace Research. Одним из важных выводов, сделанных в рамках формируемого им идейно-теоретического течения, стал вывод о том, что мир - это не просто отсутствие войны, но прежде всего законность и справедливость в отношениях между государствами²¹. Й. Галтунг идет еще дальше, считая, что мир - это не просто отсутствие прямого насилия, но и отсутствие любых форм насилия, в том числе и тех, которые проистекают из структурных принуждений. Одной из характерных черт данного течения западной конфликтологии является присущая ему значительная степень нормативизма. Мир рассматривается его представителями не только как ценность, но и как цель, достижение которой предполагает активные действия его сторонников. Средства таких действий могут быть разными некоторые из авторов не исключают даже временного использования силы, усугубляя тем самым внутреннюю противоречивость течения²².

Различие между рассматриваемыми течениями носят в значительной мере условный характер. Подтверждением может служить тесное сотрудничество их представителей в исследовании происхождения, природы и способов урегулирования конфликтов. Так, Д. Сингер, один из известных представителей американской

школы бихевиоризма в науке о международных отношениях, в 1972/73 г. избирается президентом Международного общества исследователей мира (Peace Research International Society), а с 1974 г. возглавляет Комитет по изучению конфликтов и мира Международной Ассоциации политических наук. Немаловажным является и то обстоятельство, что оба течения одним из важнейших средств урегулирования конфликтов считают переговоры.

Проблема переговоров принимает относительно самостоятельное значение в западной конфликтологии с середины 60-х годов. Как отмечают отечественные специалисты, на работы по международным переговорам оказали влияние два во многом противоречащих друг другу направления: с одной стороны, это разработка проблем мира (Peace Research), а с другой - идеи «силового подхода». Соответственно, если первая тенденция способствовала формированию представления о переговорах как средстве разрешения международных конфликтов и достижения мира, то вторая была направлена на разработку оптимальных путей достижения выигрыша на переговорах. Вместе с тем завершение эпохи холодной войны и глобальной конфронтации приводит к новым тенденциям в состоянии переговоров. В целом эти тенденции сводятся к следующему:

Во-первых, международные переговоры становятся основной формой взаимодействия государств. Они активно воздействуют на дальнейшее уменьшение роли военного фактора.

Во-вторых, растет объем и количество переговоров. Их объектом становятся все новые области международного взаимодействия (экология, социально-политические процессы, научнотехническое сотрудничество и т.п.).

В-третьих, возрастает переговорная роль международных организаций.

В-четвертых, в сферу переговоров вовлекаются специалисты, не имеющие дипломатического опыта, но располагающие той компетенцией в области сложных научно-технических и экономических проблем, которая необходима при анализе новых сфер взаимодействия между государствами.

Наконец, в-пятых, возникает необходимость коренного пересмотра процесса управления переговорами: выделения наиболее важных проблем для высшего государственного руководства; определения сферы компетенции разных рабочих уровней; разработки системы делегирования ответственности; повышения координирующей роли дипломатических служб и т.п.²⁴.

Разработка проблемы международных переговоров, обогащаясь новыми выводами, все более заметно выходит за рамки конфликтологии. Сегодня переговоры становятся постоянным, продолжительным и универсальным инструментом международных отношений,

что вызывает необходимость в выработке имеющей прикладное значение «переговорной стратегии». Такая стратегия, по мнению специалистов, предполагает: а) определение действующих лиц; б) классификацию, в соответствии с подходящими критериями, их характеристик; в) выявление иерархии ценностей (ставок) в том порядке, в каком ее представляют себе стороны; г) анализ соотношения между целями, которых хотят достичь, и средствами, которыми располагает определенная сторона в тех областях, где она имеет возможность действовать (см. прим.24, с.76 и 78).

В анализе международных переговоров бесспорны наметившиеся попытки целостного, системного подхода, понимание их как процесса совместного принятия решения - в отличие от других видов взаимодействия (например, консультаций, дискуссий, которые не обязательно требуют совместного принятия решений), стремление выделить их отдельные фазы (структуру) с целью нахождения специфики действий участников на каждой из них (см. прим.23, с.109-110). Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что сегодня уже существует некая общая теория переговоров, частью которой являлась бы теория международных переговоров. Скорее можно говорить лишь о существовании определенных теоретических основ анализа и ведения переговоров. И не только потому, что переговоры не занимают самостоятельного места в решении международных проблем. Они не представляют собой цель, а являются лишь одним из инструментов ее достижения.

Сказанное во многом относится и к исследованиям конфликтов. Несмотря на многочисленные попытки создания общей теории конфликтов, ни одна из них не увенчалась успехом²⁵. Не существует и общей теории международных конфликтов. На эту роль не могут претендовать ни полемология, ни конфликтология, ни социология конфликтов. Во-первых, многочисленные исследования не выявили какой-либо устойчивой корреляции между теми или иными атрибутами международных акторов и их конфликтным поведением. Во-вторых, те или иные факторы, которые могли бы рассматриваться как детерминирующие конфликтный процесс, как правило, варьируются на различных фазах этого процесса и поэтому не могут быть операциональными в анализе конфликта на всем его протяжении. Наконец, в-третьих, характер мотивов и природа конфликтов редко совпадают между собой, что также затрудняет возможности создания единой теории конфликтов, годной на все случаи (см. прим. 3, с.108).

Более того, определенный оптимизм, высказываемый некоторыми из видных специалистов относительно состояния исследования международных конфликтов²⁶, не помешал заметному кризису, в который эти исследования вступили с конца 80-х годов.

Окончание «холодной войны», крушение «социалистического лагеря» и развал СССР выводят на передний план вопросы, которые,

не являясь радикально новыми по своему существу, отражают сегодня феномены массового масштаба, свидетельствующие о переходном характере современного международного порядка и не освоенные ни одним из рассмотренных выше теоретических направлений в исследовании международных конфликтов. Глубина встающего в этой связи комплекса проблем показана американским ученым Дж. Розенау, обратившим внимание на все более заметное «раздвоение» международной арены, на которой «авторы вне суверенитета» демонстрируют сегодня влияние, конкурирующее по своим последствиям с влиянием традиционных (государственных) авторов²⁷. Его значение подчеркивают М.-К. Смуц и Б. Бади французские специалисты в области политической социологии, отмечающие трудности в идентификации негосударственных авторов, которые придают международным конфликтам и насилию роль «рационального» средства в достижении своих целей²⁸.

Движения сопротивления, партизанские и религиозные войны, национально-этнические столкновения и другие типы негосударственных международных конфликтов известны человечеству издавна. Однако господствующие социально-политические теории, основанные на государственно-центристской парадигме, отказывали им в праве на концептуальную значимость, рассматривая их либо как явления маргинального порядка, не способные оказывать существенного влияния на основные правила международного общения, либо как досадные случайности, которые можно не принимать в расчет ради сохранения стройности теории.

Утрата монополии на легитимное насилие и обвальная дезинтеграция ранее унитарных государств, а в иных случаях соединение обоих этих процессов («ливинизация») вызвали к жизни новые виды конфликтов, не укладывающиеся в привычную типологию, построенную на основе различий в применяемых средствах (политическое давление, экономическая блокада, вооруженное столкновение), степени используемого насилия (войны малой интенсивности и т.д.), геостратегических (глобальные, локальные и региональные конфликты), мотивационных (территориальные и нетерриториальные конфликты), структурных (идеологические, экономические, политические и т.п.) и других известных критериев. Одновременно происходит и банализация отмеченных выше типов негосударственных конфликтов. Как и новые их виды, они уже не могут быть урегулированы при помощи механизмов из арсенала классической международной стратегии (военное подавление, «баланс сил», «равновесие страха» и т.п.). В конфликтах в Северной Ирландии, на Ближнем Востоке, на юге и на севере Индии, в Камбодже, Афганистане, между республиками бывшей Югославии, на территории прежнего СССР, конечно, можно найти сходные черты. Однако это сходство в большей степени касается отсутствия сколь-либо полной ясности относительно

природы и путей урегулирования указанных конфликтов, их «неправильности», с точки зрения соотношения целей и средств их участников, опасности, которую они представляют для мирового сообщества. Каждый из этих конфликтов многомерен, содержит в себе не один, а несколько кризисов и противоречий, каждый уникален по своему характеру. Переговоры, консультации, посредничество, соглашения и т.п. средства урегулирования обнаруживают здесь свою весьма низкую эффективность. Их действенность определяется возможностями формализации конфликта, придания ему официального статуса, четкого определения его причин и идентификации бесспорных легитимных представителей сторон - то есть как раз тем, что, как правило, оспаривается участниками рассматриваемых конфликтов. Отсюда нарушение уже заключенных соглашений, неуважение к посредникам (и даже их физическое устранение). Отсутствует ясность и относительно протагонистов конфликтов, их главных действующих лиц. «Боевики», «мафиозные группировки», «сепаратисты», «бандформирования» и т.п. термины отражают не столько понимание проблемы, сколько ее эмоциональное восприятие.

Таким образом, известные сегодня результаты исследования международных конфликтов если и не утрачивают своего значения в свете новых явлении, то обнаруживают беспочвенность своих претензии на всеобщность, соответствие лишь части международных реалий. Данный вывод верен и в отношении международного сотрудничества.

2. Содержание и формы международного сотрудничества

Понятие «международное сотрудничество» отражает такой процесс взаимодействия двух или нескольких авторов, в котором исключается применение вооруженного насилия и доминируют совместные поиски реализации общих интересов. Вопреки обыденному пониманию, сотрудничество - это не отсутствие конфликта, но «избавление» от его крайних, кризисных форм. Иллюзия «прозрачности» содержания данного понятия послужила, видимо, причиной того, что попытки его определения встречаются достаточно редко. Одна из них принадлежит Ж.П. Дерриеннику, согласно которому «два автора находятся в состоянии сотрудничества, когда каждый из них может быть удовлетворен только в том случае, если удовлетворен и другой, то есть когда каждый из них может добиться достижения своей цели только тогда, когда этого может добиться и другой... Результатом чисто кооперативного отношения может быть ситуация, в которой либо оба автора удовлетворены, либо не удовлетворен ни один из них» (см. прим.7, с.110). Такое определение достаточно адекватно

отражает суть проблемы, поэтому на него вполне можно опираться при дальнейшем рассмотрении вопроса.

Традиционно отношения сотрудничества включают в себя двустороннюю и многостороннюю дипломатию, заключение различного рода союзов и соглашений, предусматривающих взаимную координацию политических линий: например, в целях совместного урегулирования конфликтов, обеспечения общей безопасности или решения других вопросов, представляющих общий интерес для всех участвующих сторон.

Как уже было показано, развитие сотрудничества между государствами и другими авторами международных отношений вызвало к жизни целую систему межгосударственных и негосударственных организаций глобального и регионального значения. Рост взаимозависимости мира, возникновение и обострение глобальных проблем необычайно увеличили объективные потребности в усилении многостороннего сотрудничества и способствовали расширению его сфер. Сегодня это уже не только вопросы торговли, таможенных правил, пограничных урегулирований или внешнеполитических союзов, но и задачи, связанные с необходимостью нахождения адекватных ответов на экологические вызовы, освоением космоса, совместным использованием ресурсов общего пользования, развитием коммуникационных сетей, контролем вооружений и т.д. В то же время, как бы ни многообразны были эти сферы и направления и сколь бы велико ни было их значение, центральным и наиболее важным из них остается политическое сотрудничество, от успешности которого во многом зависит решение задач взаимодействия и в других областях.

Особое значение приобретают вопросы политической интеграции. Она тесно связана с экономической, однако не сводится к ней и не представляет собой явление «вторичного» или «надстроечного» порядка.

В советской литературе осмысление интеграционных процессов было связано с развитием и институализацией западноевропейского сотрудничества, а также сотрудничества стран - членов СЭВ, и ограничивалось главным образом обсуждением экономических аспектов проблемы. При этом в основе такого осмысления лежала идеологическая установка, основная суть которой сводилась к перепеву старой ленинской догмы, в соответствии с которой Соединенные Штаты Европы либо невозможны, либо реакционны.²⁹ «В рамках капитализма, - писал, например, в 1963 г. И. Иванов, «интегрируются» не только экономические потенциалы разных стран, но и все пороки и противоречия их экономики, во много раз увеличиваемые «интеграцией». Именно поэтому капитализм не в

*Хотя, как уже отмечалось, базовым для акционалистской социологии выступает понятие не интереса, а действия.

состоянии обеспечить подлинного сближения наций» (цит. по: прим. 29; с.59). Такая возможность признавалась лишь за «социалистической интеграцией». Дальнейшая разработка проблемы, как показывает Ю.В. Шишков, под давлением практических потребностей постепенно принимала более содержательный характер. И тем не менее, в силу «естественных» и понятных причин, освободиться от идеологических установок и экономического детерминизма советской науке не удалось.

В политическом отношении международная интеграция представляет собой более высокую - по сравнению с вышеназванными форму сотрудничества. Это создание единого политического сообщества на основе союза двух или более политических единиц³⁰.

«Интеграция, - пишут П.-Ф. Гонидек и Р. Шарвэн, - это одновременно процесс и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные международные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими объединениями, наделенными минимальными полномочиями решений либо в одной или нескольких определенных областях, либо во всех областях, которые входят в компетенцию базовых единиц. На уровне индивидуального сознания интеграция призвана породить лояльность и приверженность новому объединению, а на структурном уровне участие каждого в его поддержке и развитии»³¹.

С точки зрения географических масштабов объединительных процессов, различают глобальный, региональный, субрегиональный уровни интеграции.

Существуют также различные этапы, или фазы интеграции - от связей взаимозависимости в рамках плюралистической международной системы, или стремления «встроиться в систему цивилизованных государств» до формирования единой политической общности. Впрочем, следует сразу же сказать, что последняя является, скорее, идеальным типом и как феномен реальной практики международных отношений не существует.

И все же основная суть интеграционного политического процесса, его главная тенденция ведет в направлении к выходу за рамки простой координации внешних политик и постепенной передаче суверенитета к новым коммунитарным структурам. Поэтому первые исходные ступени, вроде только что названных, могут быть отнесены к интеграции лишь условно.

Научное исследование проблемы интеграции связано с осмыслением реальных интеграционных процессов - начиная с попытки создания в довоенный период Лига Наций и вплоть до нынешних усилий США, Канады и Мексики по формированию

североамериканского экономического союза - и направлено на то, чтобы выявить в них общие тенденции, связанные с причинами, детерминирующими факторами, основными чертами данного феномена, наиболее продвинутой формой которого является сегодня Европейский Союз (до ноября 1993 г. называвшийся Европейским экономическим сообществом). Наиболее известными являются три теоретических направления, или три научные школы: школа функционализма и неофункционализма школа федерализма и школа транснационализма (или «плюралистическая школа»).

Отправным моментом изучения феномена международной интеграции с позиций «функционализма» стал вопрос о причинах неудачи в создании Лига Наций, которым занялся английский исследователь Д. Митрани. В разгар второй мировой войны, в 1943 году он публикует статью, озаглавленную «Мир и функциональное развитие международной организации», в которой делает вывод о несостоятельности любой предварительной модели политической интеграции. С его точки зрения, Лига Наций потерпела поражение прежде всего потому, что государства увидели в ней угрозу своему суверенитету. Между тем глобальная международная организация не способна не только преодолеть негативные последствия национальных суверенитетов, но и просто гарантировать мирные отношения между государствами. Поэтому для поддержания мира после окончания второй мировой войны нет смысла в амбициозных проектах создания международных институтов, наделенных наднациональной властью и призванных обеспечить политическую интеграцию государств. Вместо этого необходимо способствовать сотрудничеству между государствами в решении задач, представляющих совместный интерес и связанных с их конкретными потребностями экономического, социального, научно-технологического и т.п. характера. Прагматические выгоды подобного сотрудни

*Договор о свободной торговле между тремя странами (НАФТА), предусматривающий создание с 1 января 1994 года самого обширного в мире общего рынка с ежегодным товарооборотом в 6,4 трлн. долларов, уже одобрен парламентом Канады и ратифицирован конгрессом США. Что касается Мексики, то здесь его ратификация практически гарантирована: в силу очевидности тех выгод, которые ей сулит договор, в стране отсутствует сколь-либо серьезная оппозиция ему. О политическом значении договора для США свидетельствует выступление Б. Клинтона накануне ратификации, в котором он предупредил, что в случае отказа от НАФТА «мы можем лишиться не только экономических, но и политических возможностей, чтобы содействовать демократии, свободе и стабильности в нашем полушарии» (цит. по: Независимая газета. 19.11.93).

**Иногда их рассматривают отдельно - фактически, как разные направления. Так, например, Ж. Барреа выделяет четыре школы: «плюралистическую», «функционалистскую», «неофункционалистскую» и «федералистскую» (Barrea J. Theorie des relations internationales. Louvain, 1984).

чества постепенно подтолкнут государства к созданию необходимых для этого межгосударственных органов, которые, в свою очередь, создадут предпосылки и для политической кооперации.

Тем самым «функционализм» предлагает не просто расширение межгосударственного сотрудничества в отдельных сферах, которое носило бы чисто технический характер. Он видит в нем путь к достижению политической цели - интеграции государств в более широкую общность через постепенное отмирание их суверенитетов. Национальное государство он рассматривает как слишком узкое с точки зрения возможностей для решения новых экономических, социальных и технических проблем, которые могут быть решены только на уровне международного сотрудничества. Поэтому межгосударственные отношения должны быть перестроены таким образом, чтобы вместо «вертикальной» территориальной замкнутости были созданы действенные «горизонтальные» структуры, администрация которых была бы призвана координировать межгосударственное сотрудничество в конкретных сферах. Это позволит устранить экономические и социальные причины конфликтов, а затем - постепенно и безболезненно - преодолеть государственные суверенитеты. В результате длительной эволюции сотрудничество между государствами станет столь тесным, а их взаимозависимость столь высокой, что не только станет немыслимым вооруженный конфликт между ними, но будет достигнуто состояние необратимости. Международная среда претерпит глобальные изменения, благодаря которым солдаты и дипломаты уступят место администраторам и техникам, отношения между канцеляриями - прямым контактам между техническими администрациями, а защита суверенитетов - прагматическому решению конкретных вопросов³².

Таким образом, наряду с прагматизмом функциональный подход к исследованию интеграционных процессов содержит и заметную долю нормативности. Подобная двойственность, как отмечает Ш. Зоргбиб, отчасти способствовала его успеху: «идеалист чувствителен к содержащемуся в нем «мондиализму»; реалист успокоен сохранением в среднесрочной перспективе, основных атрибутов государственного суверенитета - в конечном счете «финальная фаза», как и в других доктринах, может быть отодвинута в очень далекое будущее»³³. Очевидно и практическое влияние «функционализма» - особенно на создание и развитие Организации Объединенных Наций и, в частности, такого ее института, как ЭКОСОС (Социальный и экономический совет Объединенных Наций), получившего мандат на координацию межгосударственной деятельности в соответствующих сферах. В Хартии ООН уделено значительное внимание именно ее функциональным обязанностям, а Генеральная Ассамблея формирует такие институты, как Конференция Объединенных

Наций по торговле и сотрудничеству и Организация Объединенных Наций по индустриальному развитию. В то же время именно практическое применение положения «функционализма» в практике международной интеграции обнаружило и его недостатки. Впервые, его следствием стала слишком большая децентрализация международного сообщества, определенная дисперсия его усилий. Громоздкие и многочисленные технические организации породили новые проблемы координации. Одновременно появилась и опасность того, что параллельно с падением значения государственного суверенитета будет происходить рост суверенитета специализированных организаций. Так, представитель МОТ на конференции в Сан-Франциско отказывался от субординации ООН во имя суверенитета своей организации (см. прим. 33, с.120). Во-вторых, обнаружилось, что в реальной практике международной интеграции функциональное сотрудничество не ведет автоматически к «отмиранию суверенитета». Более того, европейский процесс показал, что особенно болезненной является именно проблема передачи государствами «в общий котел» части их политической и военной компетенции. В-третьих, само функциональное сотрудничество нуждается в подкреплении его мероприятиями политического характера.

Указанные недостатки отчасти были воспроизведены и «неофункционализмом». Его представители - Э. Хаас³⁴, Л.Линдберг³⁵ и др. отстаивают идею, согласно которой потребности сотрудничества в том или ином секторе экономической, социальной или культурной деятельности способны вызвать эффект Цепной реакции в других, что, в свою очередь, приведет к необходимости создания специализированных наднациональных институтов для их координации и таким образом - к ускорению процесса политической интеграции. При этом начинать следует с ограниченных экономических проектов, которые воспринимаются гораздо легче, чем «крупные политические повороты». Поскольку для их осуществления от государств не требуется отказа от собственной политики, а достаточно лишь простого схождения интересов в конкретной области, постольку и добиться его относительно легче. Вместе с тем «неофункционалисты» подчеркивают необходимость структурных условий успеха интеграции, которым должны отвечать государства (например, политический плюрализм, консенсус относительно фундаментальных ценностей), а также отмечают, что логика функциональной интеграции носит не механический, а вероятностный характер, и сам этот процесс зависит от множества факторов.

Если «функционализм», придавая политическим институтам немаловажное значение, считает их производными, или же параллельными экономическим, социальным и др. процессам, то «федерализм» ставит их в центр своей концепции. Вместе с тем его представители

(А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих, Дж. Элзэр и др.) характеризуют федерализм как «договорный отказ от централизма, структурно оформленную дисперсию полномочий между различными центрами, законные полномочия которых гарантируются конституцией»³⁶. Международная интеграция на пути федерализма рассматривается по аналогии с «внутренними режимами» государств, построенными на принципах федерального устройства, то есть на основе этатистской модели. В основе этой модели лежит несколько принципов, раскрывающих ее суть. Во-первых, это двойное гражданство в условиях существования центрального и регионального правительств. Во-вторых, - многообразие роли региональных правительств. В-третьих, - цикличность изменения силы и роли региональных правительств. Наконец, в-четвертых, это происхождение федерализма, которое имеет два источника и, соответственно, две цели: воздействие центростремительных сил и проблем, влекущих за собой федерализм как средство проведения единой политики; влияние центробежных сил, в результате которого федеративные признаки формируются с целью предотвращения распада общества (см. прим.36, с.42-43). «Федерализм» обоснованно подчеркивает значение, которое имеет для международной интеграции политическая воля ее участников, а также роль распределения полномочий, их фрагментации между различными уровнями как гарантии против возможных злоупотреблений своей властью со стороны центра.

Казавшаяся едва ли не полностью иллюзорной на первых порах (первые работы А. Спинелли были опубликованы тоже в разгар второй мировой войны) концепция федерализма медленно, через противоречия, но все же убедительно обретает некоторые зримые черты в интеграционном процессе в Западной Европе. Они становятся особенно заметными с первых всеобщих выборов в Европарламент в 1979 г., придавших новый импульс институциональному развитию. В 1984 г. Европарламентом был принят разработанный А. Спинелли проект договора о Европейском союзе. В нем отмечалось, что в сферу деятельности Союза входит область сотрудничества, находящаяся под эгидой Совета Европы, а также деятельность, подведомственная институтам Союза. Полномочия между Союзом и государствами распределяются на основе принципа субсидиарности: Союз выполняет только те задачи, которые сообща могут быть решены более эффективно, чем государствами в отдельности. Институты призваны служить эффективному укреплению позиций Комиссии, оптимизации процесса принятия решения, разделению законодательной власти между Советом и Парламентом.

В феврале 1985 г. был принят Единый Европейский Акт, который еще не институализировал Европейский союз, но стал важным этапом на пути к этому. Он состоит из двух частей, одна из которых посвящена Сообществам, другая - политическому сотрудничеству. В первой фиксируется цель создания единого рынка

к концу 1992 г. Вторая ограничивается институализацией пятнадцатилетней практики и ее закреплением в юридических обязательствах. В качестве цели называется формирование и проведение единой внешней политики, что предполагает постоянные взаимные консультации между двенадцатью странами, учет ими позиций друг друга, а также обязательные совместные обсуждения в вопросах, затрагивающих общие интересы, до принятия решений на национальном уровне. Наконец, 1 ноября 1993 года вступили в силу Маастрихтские соглашения, предусматривающие создание к 2000 году валютно-экономического и военно-политического союзов 12 европейских государств. Европейское сообщество изменило свое название и стало Европейским союзом. Было принято решение о месте нахождения 10 новых европейских организаций - валютного института, Европола, Европейского агентства по проблемам окружающей среды и др. Решено также о принятии в ряды Европейского союза к 1 января 1995 года Австрии, Швеции, Норвегии и Финляндии. Кроме того, после многократных отсрочек было принято решение о вступлении в силу с 1 февраля 1994 года Шенгенских соглашений, подписанных восемью из двенадцати государств. В дополнении к свободному перемещению капиталов, товаров и услуг внутри союза они предусматривают беспрепятственное передвижение людей, то есть фактическую отмену границ.

И все же это не означает, что федерализм с самого начала являлся концептуальной базой европейской интеграции. В начале этого процесса теоретически были возможны три пути: 1) наиболее традиционный - сотрудничество в рамках союзов или ассоциаций между государствами, остающимися суверенными и независимыми; 2) наиболее смелый - федерация, учреждающая в ряде областей единую наднациональную политическую власть; 3) наиболее оригинальный - функциональная интеграция, дающая возможность общих действий в рамках специализированных институтов. На практике первый путь оказался необходимым и полезным, но недостаточным, второй - нереализуемым. Поэтому процесс интеграции пошел по пути развития функциональной модели, позволяющей выйти за рамки простого сотрудничества и подготовить условия для возможной федерации³⁷.

Таким образом, одним из главных недостатков федералистской модели международной интеграции является то, что при всей своей внешней привлекательности, она имеет значительно меньше шансов на успех, чем функциональная модель, поскольку удельный вес элемента нормативности в ней еще более высок. Поэтому, учитывая недостатки других рассмотренных выше концепций, реальный процесс международной интеграции может быть понят лишь с учетом комплексного понимания преимуществ каждого из них. В

сущности, именно об этом и идет речь в «плюралистической» концепции К. Дойча.

Процесс интеграции рассматривается в рамках этой концепции в терминах коммуникационных сетей, передающих сообщения и сигналы, обменивающихся информацией, способствующих выполнению определенных функции и накоплению опыта. Дойч анализирует два типа политических объединений, каждому из которых соответствует свой особый процесс интеграции - «амальгамное» и «плюралистическое».

Под первым понимается «слияние в соответствующей форме двух или нескольких ранее самостоятельных единиц в более широкое объединение, наделенное определенным типом общего управления». Во втором интегрирующиеся единицы сохраняют политическую самостоятельность. При этом осуществление «амальгамной» интеграции нуждается в целом комплексе разнообразных условий социокультурного и политического характера, среди которых приверженность населения интегрирующихся общностей одним и тем же ценностям; обоснованное ожидание выгод от интеграции; достаточное знание друг друга и, соответственно, предсказуемость поведения. Процесс интеграции должен сопровождаться лояльностью населения к возникающим новым политическим институтам, глубоким осознанием своего единства, а также выходом на политическую арену новой генерации руководителей. В конечном итоге должен сформироваться общий образ жизни, который и становится основой для «амальгамной» интеграции.

Реализация «плюралистического» типа интеграции не требует столь обширных и столь жестких условий. Основные социокультурные ценности интегрирующихся единиц просто не должны противоречить друг другу; предсказуемость поведения касается лишь ограниченной сферы общих интересов; требуется также адекватная реакция политических элит на сигналы и действия заинтересованных правительств и населения. Кроме того, успеху интеграции способствует восприятие объединительной идеи интеллектуальными кругами и политическими движениями, как и постоянное развитие сетей коммуникации и всестороннего взаимодействия. В 70-е годы под руководством К. Дойча было проведено обширное исследование в Германии (ФРГ) и Франции, в процессе которого были осуществлены интенсивный контент-анализ различных крупных ежедневных изданий, зондажи общественного мнения, экспертные опросы руководящих кадров, изучение статистики международных сделок. В результате обнаружилось, что благоприятный образ единой Европы, сформировавшийся у населения обеих стран, не привел к вытеснению приверженности национальным ценностям. Поэтому был сделан вывод о том, что «плюралистическая» версия европейской интеграции имеет более вероятное будущее, чем «амальгамная» (цит. по: прим. 33, с.125-127).

Завершая рассмотрение проблемы международного сотрудничества, следует подчеркнуть, что здесь так же, как и при анализе конфликтов, было бы ошибкой делать выводы относительно их причин каждый раз, когда обнаруживаются какие-либо корреляции. Так же как и конфликты, интеграционные процессы - многомерное и сложное явление, как бы «ускользающее» от анализа и «неподдающееся» единой и окончательной типологизации. Поэтому та или иная региональная (субрегиональная, государственная) модель интеграции не может быть механически «перенесена» - ни в теоретическом, ни (тем более) в практическом плане - на другой, даже очень «похожий» регион, но с иными социокультурными и экономическими особенностями и традициями. Во-вторых, стихийно возникнув в какой-либо сфере взаимодействия международных акторов, интеграция может остаться без последствий во всех остальных сферах, более того - может обратиться вспять или даже смениться противоположным процессом, - если она не будет подкреплена соответствующими политическими мероприятиями, закрепляющими благоприятные предпосылки и условия ее реализации и формирующими институциональные основы ее дальнейшего продвижения. Наконец, в-третьих, вряд ли верно рассматривать интеграционные тенденции как процессы, определяющие существо международных отношений, а тем более пытаться на этой основе судить о будущем этих отношений. Как было показано выше, содержание международных отношений определяется не только сотрудничеством, но и конфликтами, в том числе и такими, которые сопровождаются дезинтеграцией ранее единых политических образований (примеры этого дают судьба СССР, Югославии, Чехословакии). Современная реальность не дает оснований полагать, что на смену им придет гармоничный международный порядок. Этой проблеме посвящена следующая глава.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hoffmann S.* International Systems and International Law. In: The International System. Theoretical Essays, Princeton, 1961. p.208.

² *Groom A.J.* Paradigms in conflict: The strategist, the conflict researcher and the peace researche. In: Conflict: Readings in management and resolution. London, 1990.

³ *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations intemationales. Paris, 1988. Ch.5.

⁴ *Coser L.* The Functions of Social Conflicts. New York, 1956. p.8.

⁵ *Boulding K.* Conflict and Defence. A General Theory. New York, 1962.

⁶ *Burton J.* Resolution of Conflict In: International Studies Quaterly, XV, 1, March 1972. p.9-10.

⁷ *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Paris, 1977. p.110.

⁸ *Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталеv М.А.* Основы теории международных отношений. М., 1988. С.96.

⁹ *Доронина Н.И.* Международный конфликт. М., 1981. С.31.

¹⁰ *Международные конфликты/ Под редакцией В.В.Журкина и Е.М.Примакова.* М., 1972. С. 15.

¹¹ *Legault A.* Vingt-cinq ans d'etudes strategiques: Essai critique et survol de la documentation. In: В. Korany et coll. Analyse des relations internationales. Montreal 1987. p.42.

¹² *Bloomfield L.* Controlling Small Wars. Penguin Press, 1972. p.26.

¹³ *Гарт Лиддел.* Стратегия непрямых действий. М., 1957. С.339.

¹⁴ *Коллинз Джон М.* Большая стратегия. Принципы и практика. М., 1975. С.40.

¹⁵ *Богатуров А.Д., Плешаков К.В.* Динамика международной стабильности// Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 2.

¹⁶ *Galtung J.* A Structural Theory of Agression. In: Journal of Peace Research. 2, 1964.

¹⁷ *Barrea J.* Theories des relations internationales. Paris, 1978. p.325.

¹⁸ *Senarclens P. de.* La politique internationale Paris, 1992. p.41-49.

¹⁹ *Wright Q.* Escalation of International Conflict In: Journal of Conflict Resolution. 1965. 4.

²⁰ Социальный конфликт: современные исследования. Реферативный сборник. М., 1991. С.65.

²¹ *Senghaas D., ed.* Kritische Friedensforschung. Frankfurt, 1971.

²² *Schmid H.* Politics and Peace Research, In: Journal of Peace Research. Vol.V, 1968.

²³ *Лебедева М.М., Хрусталеv М.А.* Основные тенденции в зарубежных исследованиях международных переговоров// Мировая экономика и международные отношения. 1989, № 9. С.107

²⁴ Опроцессе международных переговоров (опыт зарубежных исследований)/ Отв. редакторы - Р.Г.Богданов, ВА.Кременюк. М., 1989. С.7.

²⁵ Международные отношения как объект изучения. М., 1993. С.57.

²⁶ *Singer D.* Vers una science de la politique internationale: perspectives, promesses et resuftats. In: В. Korany et coll. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreale. 1987. p.292.

²⁷ *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. Princetion. 1990.

- ²⁸ *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. Paris, 1992.
- ²⁹ *Шушков Ю.В.* Интеграция и дезинтеграция: корректировка концепции// Мировая экономика и международные отношения. 1993. №10.
- ³⁰ *Braillard Ph.* Tbeories des relations internationales. Paris, 1977. p.135.
- ³¹ *Gonidec P.-F., Charvin R.* Relations Internationales. Paris, 1984. p.435.
- ³² *Mitrany D. A.* Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. London, 4th ed., 1946.
- ³³ *Zorgbibe Ch.* Les relatons internationales. Paris, 1975. p.119.
- ³⁴ *Haas E.* The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950-1957. London, 1958.
- ³⁵ *Unaberg L.* The Political Dynamics of European Economic Integration. London, 1963.
- ³⁶ *Натан Р.П., Хоффманн Э.П.* Современный федерализм// Международная жизнь. 1991.№1.С.42-43.
- ³⁷ *Gerbet P. Penser l'Union europeenne.* In: Penser le XX-e siecle. Sous la direction de Andre Versaille. Bruxelles. 1990. p.198.
- ³⁸ *Deutsch. K.* Political community and North Atlantic area. Princeton, 1957. p.36

Глава XIII СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

Проблема международного порядка издавна привлекала внимание исследователей самых различных научных направлений и школ. Она интересовала философов и юристов, историков и социологов, представителей политической науки и дипломатов. Указанная проблема затрагивалась древнегреческим историком Фукидидом и известным политическим теоретиком конца XV - начала XVI вв. Н. Макиавелли, над ней задумывались такие выдающиеся философы прошлого, как Т. Гоббс и Д. Локк, И. Кант и Г.В.Ф. Гегель, ей принадлежит одно из важных мест в марксизме, наконец, она находится в центре - более того, все заметнее выдвигается на передний план - в теоретических изысканиях ведущих мировых исследовательских институтов и в практической деятельности крупнейших лидеров международной политики современности.

Такое внимание, разумеется, не может быть случайным. Дело в том, что по мере становления и развития всемирной истории, формирования и усиления взаимосвязи и взаимозависимости государств и народов вопросы взаимоотношений между ними все более заметно трансформировались в вопросы их выживания как национально-государственных и культурно-этнических общностей. В наши же дни речь идет о необходимости сохранения всей цивилизации, самого человечества как уникального мыслящего вида живых существ, возможно, единственного во всем необозримом космическом пространстве и времени.

В социологии международных отношений проблеме международного порядка принадлежит одно из центральных мест еще и потому, что в данной проблеме концентрируется представление о взаимодействующих на мировой арене социальных общностях как о составных частях, элементах единого социума, - «международного общества», - характер отношений между которыми все больше напоминает характер отношений, существующих в рамках тех или иных внутригосударственных границ. При сохранении своих отличительных особенностей (отсутствие центральной власти, плюрализм суверенитетов, территориальная разделенность и т.п.), рудиментов «права сильного», конфликтов и войн международные отношения наших дней уже никак не могут быть представлены в виде «естественного состояния», когда сильный делает все то, что он хочет, а слабый - лишь то, что может. Конечно, как единой

социально-политической организации, управляемой единым правительством на основе общих законов, международного общества не существует. Трудно предполагать, что оно вообще возможно в сколь-либо обозримом будущем. Однако столь же трудно и отрицать, что государства и народы, населяющие планету, связаны сегодня нитями единой мировой экономики, в большинстве своем разделяют сопоставимые идеалы и ценности, представлены в совместных политических и иных структурах, наконец, сталкиваются с общими вызовами и проблемами. Иначе говоря, существует тот минимум единства и организации, который вполне позволяет говорить о том, что существование международного общества - вполне очевидная реальность. А это означает, что такой же реальностью является и международный порядок.

Анализ проблемы международного порядка требует уяснения ряда вопросов. Во-первых, это вопрос о том, что такое «международный порядок», что вкладывается в содержание этого понятия. Во-вторых, это вопрос о типах международного порядка в истории человеческого общества. В-третьих, вопрос о характерных чертах послевоенного международного порядка. И, наконец, в-четвертых, это вопрос об особенностях современного международного порядка и о возможности и путях построения качественно нового мирового порядка. Рассмотрим эти вопросы более подробно.

1. Понятие международного порядка

Поскольку социологический подход в исследовании международных отношений предполагает их рассмотрение как специфического рода общественных отношений, в определении международного порядка следует исходить из характеристики социального, или общественного (социетального) порядка. Общественный порядок это такая организация социальной жизни, которая противоположна анархии, отрицающей всякую власть одних социальных общностей над другими, проповедующей неподчинение любому руководству и ничем не ограниченную свободу личности. Иначе говоря, общественный порядок - это определенная организация в жизни социума, ее регулирование на основе определенных (например, государственноправовых) норм и общих (например, национальных, культурных, морально-этических и т.п.) ценностей.

Понятие «международный порядок» относится к глобальной социальной общности, образованной совокупностью различных существенных субъектов (авторов), действующих на мировой арене. Возникает вопрос, возможен ли общественный порядок в сфере международных отношений, которая характеризуется отсутствием единой центральной власти, многообразием не совпадающих между собой ценностей, а также отсутствием высшего органа, который определял бы правомерность или неправомерность действий

участников международных отношений. Ведь общие ценности здесь играют весьма слабую роль, а нормы международного права в сущности носят необязательный характер.

Пытаясь ответить на поставленный вопрос, следует иметь в виду то, что с самого начала истории международных отношений человечеству было свойственно стремление к их сознательному регулированию, в основе которого лежала всеобщая потребность их участников в безопасности и выживании. По мере возрастания степени зрелости международных отношений это стремление находило свое выражение во все более интенсивном развитии международного права, создании и укреплении международных организаций и институтов, усилении их роли в стабилизации международной жизни. Постепенно складывается целостная глобальная международная система, включающая государства, народы и нации, международные организации, международные конференции, объединения государств, не являющихся международными организациями (например, Движение неприсоединения, Группа 77 и т.п.), различные международные органы (например, международные суды, комиссии, арбитражи и т.п.), международное право и другие социальные нормы, а также отношения между всеми этими компонентами¹.

Таким образом, международный порядок - это такое устройство международных (прежде всего, межгосударственных) отношений, которое призвано обеспечить основные потребности государств и других институтов, создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития. В данном случае речь идет об институциональном понимании, которое, конечно, не исчерпывает всего содержания понятия «международный порядок».

В литературе, посвященной анализу международных отношений, не существует однозначного, общепризнанного определения международного порядка. Некоторые исследователи склонны сводить его к совокупности юридических норм, сводя тем самым к международному праву, другие делают упор на международную стабильность, третьи связывают с сохранением на международной арене определенного статус-кво в отношениях между государствами. Например, с точки зрения Т.Франка, основу международного порядка составляет законность - совокупность правил, созданных в ходе общепринятых юридических процедур, характеризующихся ясностью, взаимосвязанностью и вписывающихся в существующую систему международного права². Однако с позиций, основанных на существовании международного общества, такая точка зрения представляется слишком узкой, поскольку она не только сводит проблему международного порядка к межгосударственным отношениям, но и эти последние рассматривает лишь в одном измерении.

Поскольку содержание термина «международный порядок» традиционно связано с межгосударственными отношениями,

С.Хоффманн предложил отличать его от термина «мировой порядок». С этой точки зрения, международный (а вернее сказать, межгосударственный) порядок вполне может существовать без наличия мирового порядка. В качестве примера можно привести государства, между которыми существуют отношения взаимного уважения и в то же время полного безразличия к внутренним делам друг друга, что делает возможным в том или ином из них геноцид или экономическую эксплуатацию основной массы населения. Напротив, мировой порядок немислим без создания эффективных процедур межгосударственного сотрудничества, предполагающих особый международный порядок, отвечающий общим основным целям и ценностям их граждан. В юридических терминах речь идет о различии между правами государств (взаимном уважении суверенитета) и правами человека.

Разница между рассматриваемыми понятиями заключается и в том, что если международный порядок как более или менее оптимальное устройство международных отношений, отражающее возможности общественных условий, существовал практически на всех этапах истории межгосударственных отношений, то этого нельзя сказать о мировом порядке.

Один из крупнейших немецких философов XX в. К. Ясперс понимал мировой порядок как «принятое всеми устройство, возникшее вследствие отказа каждого от абсолютного суверенитета», как общечеловеческие ценности и юридические нормы, как «правовое устройство мира посредством политической формы и связывающего всех этоса»³. Мировая история до сих пор не знала подобного устройства. Это не означает однако, что мировой порядок невозможен в принципе. Напротив, с расширением круга участников международных отношений, а также усилением взаимозависимости мира, стимулируемым и научно-техническим прогрессом, и обострением глобальных проблем, тенденция к общемировому устройству человеческой жизни становится все более отчетливой, приобретая особо зримые черты в наше время. В самой этой тенденции отражаются общесоциологические процессы и закономерности, обусловленные деятельностью социальных общностей на мировой арене.

Таким образом, международный порядок - важная составная часть мирового порядка, его ядро, но к нему не сводится все содержание мирового порядка. Поэтому, с точки зрения строгого, академического подхода, их не следует отождествлять. В то же время было бы неверно и абсолютизировать их различие. Они имеют общие корни, общие основы, которые цементируют единство человеческого общества, обеспечивают его целостность. К числу таких основ относятся международные экономические обмены, возрастающее значение которых резюмируется в формировании единого мирового рынка; научно-технические достижения (особенно

в области коммуникационных систем, средств связи и информации); политические структуры и интересы; социокультурные ценности. Они играют неодинаковую роль в формировании и поддержании международного порядка: на различных этапах исторического развития одни из них выступают на передний план, тогда как значение других снижается; точно так же изменения, происходящие в структуре, например, политических основ того или иного типа международного порядка, не ведут к автоматическим изменениям в мировой экономике или в ценностных ориентациях международных авторов, хотя и влияют на них. В то же время правильное понимание сущности и значения проблемы международного порядка возможно только при комплексном рассмотрении основ его формирования и функционирования.

Исходя из этого методологического требования, С.Хоффманн делает отправным пунктом своего анализа проблемы международного порядка, его основные измерения - характеристики, отражающие эмпирические данные, в которых резюмируются исследования методов создания и поддержания международного порядка.

Наиболее изученным из них является горизонтальное измерение, то есть отношения между главными авторами международных отношений. При этом, если международная система носит в структурном отношении МНОГОПОЛЮСНЫЙ характер, то механизмом поддержания в ней порядка является механизм политического равновесия. Что же касается биполярных систем, то и здесь баланс сил выступает главным средством от сползания к беспорядку.

Вертикальное измерение международного порядка представлено отношениями между сильными и слабыми авторами. Именно триумф силы выступает гарантом иерархической и жесткой организации международных отношений и регулирования взаимодействий в рамках империй, являющихся типичным примером доминирования в международной системе вертикального измерения международного порядка. При этом насилие - главное, но не единственное средство сохранения империи: история показывает, что она подвергается угрозе развала именно тогда, когда сила превращается в ее единственную опору, а остальные средства - такие, как «вертикальная дипломатия», специальные органы имперской бюрократии и правовые системы, а также экономические компенсации для лояльных вассалов, - по тем или иным причинам дают сбой и перестают действовать (см. прим. 4, с.679).

Основу функционального измерения международного порядка составляет та роль, которую играют в стабилизации международной жизни различные области международных отношений - дипломатия и стратегия поведения авторов, экономические обмены между ними, моральные ценности и политические амбиции лидеров, а также деполитизированная сфера деятельности частных субъектов международных отношений (например, транснациональных обществ

деловых людей, ассоциаций ученых, специалистов и т.п.). При этом любой из указанных аспектов функционального измерения может служить как стабилизирующим фактором, то есть фактором поддержания международного порядка, так и источником его дестабилизации и беспорядка (см. прим.4, с.681).

Главное же заключается в том, что во всех измерениях международного порядка основным средством его поддержания на разных этапах исторического развития международных отношений оставалась сила - и прежде всего военная. Положение начинает отчасти меняться лишь в последние десятилетия нашего века. Выяснение деталей этих изменений требует более подробного рассмотрения вопроса об исторических типах международного порядка.

2. Исторические типы международного порядка

В науке о международных отношениях существует согласие относительно того, что современный международный порядок и современная система межгосударственных отношений ведут свое начало с 1648 года, когда Вестфальский мирный договор положил конец Тридцатилетней войне в Западной Европе и санкционировал распадение Священной Римской империи на 355 самостоятельных государств. Именно с этого времени в качестве главной формы политической организации общества повсеместно утверждается национальное государство (в западной терминологии - «государство-нация»), а доминирующим принципом международных отношений становится принцип национального (то есть государственного) суверенитета. До этого времени, как подчеркивал известный юрист-международник прошлого века Ф. Мартенс, международные отношения характеризовались разобщенностью их участников, бессистемностью международных взаимодействий, главным проявлением которых выступали кратковременные вооруженные конфликты или длительные войны⁵.

Вестфальский договор имел целью закрепить сложившееся в результате войны соотношение сил и, закрепив границы национальных государств, создать противодействие их стремлению установить свое господство над территориями друг друга (см. прим.1, с.52). Таким образом, вместе с государством-нацией и правовым закреплением национально-государственного суверенитета в международных отношениях закрепляется система политического равновесия. Основной ее смысл - это компромисс между принципом суверенитета и принципом общего интереса. В процессе своего функционирования данная система вынуждает каждого из авторов ограничивать свои экспансионистские устремления, чтобы не оказаться в ситуации, когда подобное ограничение будет навязано ему другими. Одним из главных средств поддержания

равновесия является тот или иной вид коалиции: либо объединение «всех против одного», либо - когда этот «один» предусмотрительно окружил себя союзниками, - коалиция блокады, в которую вступают те, кто хочет сохранить сложившееся соотношение сил. Коалиция направлена на устрашение государства, которое потенциально в той или иной форме нарушает политическое равновесие. В случае неудачи устрашения средством обуздания такого государства, используемым коалицией, становится локальная война за ограниченные цели. Таким образом, в этой системе одностороннее использование силы является фактором создания беспорядка, тогда как ее коллективное использование рассматривается как инструмент поддержания порядка (см. прим.4, с.676-677).

В дальнейшем понятие политического равновесия приобрело более широкий смысл и стало означать: а) любое распределение силы; б) политику какого-либо государства или группы государств, направленную на то, чтобы чрезмерные амбиции другого государства были обузданы с помощью согласованной оппозиции тех, кто рискует стать жертвами этих амбиций; в) многополярную совокупность, в которую время от времени объединяются великие державы с целью умерить чрезмерные амбиции одной из них .

Идея равновесия как принцип международных отношений и международного права просуществовали до 1815 г., когда поражение Наполеона и временная победа монархических реставраций были закреплены на Венском конгрессе в принципе «легитимизма», означавшем в данном случае попытку победителей восстановить феодальные порядки (см. прим.1, с.52-57). Из этого не следует, что механизм равновесия в дальнейшем уже не используется для поддержания порядка. Напротив, в указанном выше широком понимании он становится едва ли не универсальным средством, которое в той или иной степени находит применение вплоть до наших дней.

«Легитимизм» как оправдание вооруженных интервенций европейских монархий с целью насаждения феодальных порядков не мог сохраниться длительное время. Уже во второй половине XIX в. рушится созданный в результате Венского конгресса Священный союз, а к концу столетия в Европе происходит формирование двух основных военно-политических группировок - Тройственного союза и Антанты, развязавших в начале XX в. первую мировую войну. Ее итогом стали новый раскол Европы и мира в целом, Октябрьская революция и образование СССР. К трем измерениям международного порядка, на которые указывал С. Хоффманн, добавилось четвертое - идеологическое измерение. Это отнюдь не способствовало стабилизации международных отношений, доказательством чего стала вторая мировая война. Раскол Европы и мира углубился, ибо образовались два противостоящих друг Другу лагеря, две общественно-политические системы, исповедующие противополож

ные идеологии. Шаткая стабильность между ними поддерживалась при помощи «холодной войны» и взаимного устрашения, подкрепляемого растущим ядерным арсеналом обеих сторон и ведущего к безудержной гонке вооружений, которая становилась все более обременительной для их экономик и для мировой экономики в целом. В структурном отношении сформировавшийся после второй мировой войны международный порядок предстает как явно выраженное биполярное устройство, усложняемое по всем измерениям целым рядом обстоятельств, более подробно о которых будет сказано ниже. Здесь же отметим, что ситуацию, сложившуюся в международных отношениях в послевоенное время и сохранявшуюся вплоть до конца 80-х годов, вряд ли правомерно рассматривать как сосуществование двух типов международного порядка - капиталистического и социалистического. В сущности, каждая из систем функционировала по одной и той же схеме, в соответствии с которой держава-гегемон фактически подчиняла своим интересам деятельность своих «клиентов» как внутри системы, так и за ее пределами.

В целом наблюдаемые в истории типы международного порядка колеблются в пределах двух классических моделей: модели «состояния войны» и модели «ненадежного мира» или «нарушаемого порядка» (см. прим.4, с.673-675). Согласно первой из них сущностью международных отношений является война или подготовка к ней. Так называемые общие нормы хрупки, временны, они пропорциональны поддерживающей их силе, подчинены преходящему совпадению интересов. Сторонники этой модели (Фукидид, Макиавелли, Гоббс, Руссо, Кант, Гегель) сходятся во мнении, согласно которому в международных отношениях не существует общего разума, который умеривал бы амбиции каждого автора, а есть лишь институциональная рациональность: поиски наилучших средств для особых целей, расчет сил, приводящие не к гегемонии, а к конфликтам. Вместе с тем они расходятся в оценках подобного типа международного порядка, а, следовательно, и путей его преодоления и замены новым, более совершенным.

Гоббс, например, считал состояние войны вполне терпимым, хотя и различал индивидуальную войну «всех против всех», вытекающую из самой человеческой природы, и войну между государствами, которая не обязательно угрожает выживанию каждого человека, особенно если речь идет о сильных государствах. Отсюда его призыв к отказу от индивидуальной свободы людей в пользу государства-Левиафана. Гегель видел в войне необходимое и благоприятное, хотя и суровое средство против упадка гражданского общества, и считал, что в конечном итоге конфликты между цивилизованными обществами трансформируются в некий ритуал, не угрожающий их безопасности. В противоположность такому подходу Кант рассматривал войны как нетерпимое явление. Идеальным состоянием общества он считал мир между отдельными лицами в 9*

естественном состоянии и мир между государствами. Но вечный мир, с его точки зрения, может наступить лишь в очень отдаленном будущем.

Что касается второй модели, то она является реакцией на возникновение государств-наций с их принципом суверенности, утрату абсолютного авторитета христианской церкви и римского папы. Международные отношения рассматриваются в ней как среда, в которой имеются силы, способные гарантировать минимум порядка. Такие силы формируются из государств, объединяющихся на основе совместных интересов, которые приводят их к созданию общих правовых норм. Так, с точки зрения Локка, мировая политика не есть состояние войны. В противоположность Гоббсу, он считал, что естественное состояние человека означает не «войну всех против всех», а личную свободу и равенство людей и, кроме того, отсутствие единого союза и общего суверена. Последнее обстоятельство создает возможность злоупотребления, поэтому государство призвано соблюдать и защищать принципы естественного права и ограждать от злоупотребления ими. Для государств является «естественным» признание взаимных обязательств, уважения друг друга и взаимопомощи, война же является продуктом злоупотребления суверенитетом и наносит всеобщий вред. Тем не менее войны практически неизбежны, поэтому международный порядок всегда является ненадежным.

Каждая из приведенных моделей отражала часть действительности своего времени. В определенной мере это остается верным и для наших дней, хотя следует подчеркнуть, что последние десятилетия привнесли в международный порядок существенные изменения. Сегодня достаточно четко просматриваются два качественно разных этапа послевоенного международного устройства: период «холодной войны» и современный период, начало которому положили перемены в нашей стране и в странах Восточной Европы и который следует характеризовать как переходный. Рассмотрим каждый из них.

3. Послевоенный международный порядок

После второй мировой войны сложился международный порядок, отличавшийся двумя существенными особенностями.

Во-первых, это уже упоминавшееся достаточно четкое разделение мира на две социально-политические системы, которые находились в состоянии перманентной «холодной войны» друг с другом, взаимных угроз и гонки вооружений. Раскол мира нашел отражение в постоянном усилении военной мощи двух сверхдержав - США и СССР, он институализировался в противостоящих друг Другу двух военно-политических (НАТО и ОВД) и политико-экономических

(ЕЭС и СЭВ) союзах и прошел не только по «центру», но по «периферии» международной системы.

Во-вторых, это образование Организации Объединенных наций и ее специализированных учреждений и все более настойчивые попытки регулирования международных отношений и совершенствования международного права. Образование ООН отвечало объективной потребности создания управляемого международного порядка и стало началом формирования международного сообщества как субъекта управления им. Вместе с тем вследствие ограниченности своих полномочий ООН не могла выполнить возлагаемой на нее роли инструмента по поддержанию мира и безопасности, международной стабильности и сотрудничества между народами. В результате сложившийся международный порядок проявлялся в своих основных измерениях как противоречивый и неустойчивый, вызывая все более обоснованную озабоченность мирового общественного мнения.

Опираясь на анализ С. Хоффманна, рассмотрим основные измерения послевоенного международного порядка.

Так, горизонтальное измерение послевоенного международного порядка характеризуют следующие особенности.

1. Децентрализация (но не уменьшение) насилия. Стабильность на центральном и глобальном уровнях, поддерживаемая взаимным устрашением сверхдержав, не исключала нестабильности на региональных и субрегиональных уровнях (региональные конфликты, локальные войны между «третьими странами», войны с открытым участием одной из сверхдержав при более или менее опосредованной поддержке другою из них противоположной стороны и т.п.).

2. Фрагментация глобальной международной системы и региональных подсистем, на уровне которых выход из конфликтов зависит каждый раз гораздо больше от равновесия сил в регионе и чисто внутренних факторов, касающихся участников конфликтов, чем от стратегического ядерного равновесия.

3. Невозможность прямых военных столкновений между сверхдержавами. Однако их место заняли «кризисы», причиной которых становятся либо действия одной из них в регионе, рассматриваемом как зона ее жизненных интересов (Карибский кризис 1962 г.), либо региональные войны между «третьими странами» в регионах, рассматриваемых как стратегически важные обеими сверхдержавами (Ближневосточный кризис 1973 г.).

4. Возможность переговоров между сверхдержавами и возглавляемыми ими военными блоками с целью преодоления создавшегося положения, появившаяся в результате стабильности на стратегическом уровне, общей заинтересованности международ

ного сообщества в ликвидации угрозы разрушительного ядерного конфликта и разорительной гонки вооружений. В то же время эти переговоры в условиях существующего международного порядка могли привести лишь к ограниченным результатам. 5. Стремление каждой из сверхдержав к односторонним преимуществам на периферии глобального равновесия при одновременном взаимном согласии на сохранение раздела мира на «сферы влияния» каждой из них.

Что касается вертикального измерения международного порядка, то, несмотря на огромный разрыв, существовавший между мощью сверхдержав и всего остального мира, их давление на «третьи страны» имело пределы, и глобальная иерархия не становилась большей, чем прежде. Во-первых, всегда сохранялась существовавшая в любой биполярной системе возможность контрдавления на сверхдержаву со стороны ее более слабого в военном отношении «клиента». Во-вторых, произошел крах колониальных империй и возникли новые государства, суверенитет и права которых защищаются ООН и региональными организациями типа ЛАГ, ОАЕ, АСЕАН и др. В-третьих, в международном сообществе формируются и получают быстрое распространение новые моральные ценности либерально-демократического содержания, в основе которых - осуждение насилия - особенно по отношению к слаборазвитым государствам, чувство постимперской вины (знаменитый «вьетнамский синдром» в США) и т.п. В-четвертых, «чрезмерное» давление одной из сверхдержав на «третьи страны», вмешательство в их дела создавали угрозу усиления противодействия со стороны другой сверхдержавы и негативных последствий в результате противостояния между обоими блоками. Наконец, в-пятых, указанная выше фрагментация международной системы оставляла возможность претензий определенных государств (их режимов) на роль региональных квазисверхдержав с относительно широкой свободой маневра (например, режим Индонезии в период правления Сукарно, режимы Сирии и Израиля на Ближнем Востоке, ЮАР - в южной Африке и т.п.).

Для функционального измерения послевоенного международного порядка характерно прежде всего выдвижение на передний план деятельности государств и правительств на международной арене экономических мероприятий. Основой этого явились глубокие экономические и социальные изменения в мире и повсеместное стремление людей к росту материального благосостояния, к достойным XX века условиям человеческого существования. Научнотехническая революция сделала отличительной чертой описываемого периода деятельность на мировой арене в качестве равноправных международных авторов неправительственных транснациональных организаций и объединений. Наконец, в силу ряда объективных причин (не последнее место среди них занимают

стремления людей к повышению своего уровня жизни и выдвигание на передний план в международных стратегическо-дипломатических усилиях государств экономических целей, достижение которых не может быть обеспечено аварией), заметно возрастает взаимозависимость различных частей мира.

Однако на уровне идеологического измерения международного порядка периода холодной войны эта взаимозависимость не получает адекватного отражения. Противопоставление «социалистических ценностей и идеалов» «капиталистическим», с одной стороны, устоев и образа жизни «свободного мира» «империи зла» - с другой, достигли к середине 80-х годов состояния психологической войны между двумя общественно-политическими системами, между СССР и США.

И хотя путем использования силы на региональных и субрегиональных уровнях, ограничения возможностей «средних» и «малых» государств сверхдержавам удавалось сохранять глобальную безопасность и тем самым контролировать сложившийся после второй мировой войны международный порядок, изменения, происходящие в сфере международных отношений, делали все более очевидным тот факт, что уже к 80-м годам он превратился в тормоз общественного развития, опасное препятствие на его пути.

Тяжелым бременем для человечества стала вызванная противоборством двух систем гонка вооружении. Так, в середине 80-х годов на вооружение ушло около 6% мирового валового продукта. Военные программы повлекли за собой огромный расход топлива, энергии, редкого сырья. Реализация этих программ приостановила либо замедлила использование для невоенных нужд множества научных открытий и новейших технологий⁷. По данным Стокгольмского международного института мира (SIPRI), в середине 80-х годов более половины ученых и технической интеллигенции планеты работали над созданием средств и методов разрушения, а не созидания материальных ценностей. Военные расходы оценивались в 1000 млрд. долларов в год или свыше 2 млн. в минуту⁸. В то же время около 80 млн. человек в мире жили в абсолютной нищете, а из 500 млн. голодающих 50 млн. (половина которых - дети) ежегодно умирали от истощения (см. прим. 8, с. 79-80).

Если для мировой экономики непомерное бремя военных расходов стало причиной стагнации и экономического дисбаланса, то еще более тяжелыми были его последствия для «третьего мира». Так, каждое вызванное гонкой вооружений повышение США своего ссудного процента на единицу добавляло 2 млрд. долларов к долгу развивающихся стран. Одним из самых опасных последствий и аспектов проблемы стал рост военных расходов стран «третьего мира», испытывающих острый недостаток средств для медицинского обслуживания и продовольственного обеспечения населения. Достигнув ежегодной суммы в 140 млрд. долларов к 1980 г., эти расходы

утроились в реальных ценах между 1962 - 1971 и 1972 - 1981 годами. Во многих развивающихся странах на военные цели выделялось до 45% национального бюджета (см. прим.8). Возрастающее бремя военных расходов стало непосильным и для СССР, сыграв едва ли не решающую роль в крушении его экономики.

В целом же в истории человечества создалась принципиально новая ситуация, когда накопленного им прежде опыта нахождения оптимальных путей общественного развития уже недостаточно, когда возникла острая необходимость в нетривиальных подходах, порывающих с привычными, но более не отвечающими действительности стереотипами. Беспрецедентные вызовы, с которыми столкнулось человечество, потребовали соответствующих их масштабам изменений в области международных отношений. Первостепенную важность для судеб цивилизации получило широкое осознание уже отмечавшегося ранее некоторыми учеными факта, что современный мир представляет собой неделимую целостность, единую взаимозависимую систему. Новое значение приобрел вопрос о войне и мире - пришло понимание всеми, причастными к принятию политических решений, того, что в ядерной войне не может быть победителей и побежденных и что войну уже нельзя рассматривать как продолжение политики, ибо возможность применения ядерного оружия делает вполне вероятной гибель человеческой цивилизации.

В этих условиях все более настойчиво пробивает себе дорогу идея нового международного порядка. Однако между ней и ее практическим воплощением лежат политические и социологические реальности наших дней, которые могут быть охарактеризованы как переходный период, отличающийся глубокой противоречивостью. Рассмотрим их подробнее.

4. Особенности современного этапа международного порядка

Идея нового международного порядка принимает самые различные концептуальные формы, в многообразии которых можно выделить два основных подхода - политологический (с акцентом на правовые аспекты) и социологический. Такое разделение конечно, носит достаточно условный характер, и его значение не должно преувеличиваться.

Сторонники первого подхода исходят из объективной потребности повышения управляемости мира и использования в этих целях существующих интеграционных процессов. Настаивая на необходимости создания международной системы, базирующейся на законности, они указывают на ускоряющееся на наших глазах расширение роли и сфер применения международного права и на повышение значения международных институтов. При этом одни из них, как, например, Г.Х. Шахназаров, считают, что ведущую роль в

формировании международного порядка призваны сыграть многочисленные международные организации во главе с Организацией объединенных наций, которая может рассматриваться как зачаток будущего мирового правительства⁹.

Другие, рассматривая создание мировых институтов, управляющих международными экономическими и политическими отношениями, как путь к формированию в отдаленном будущем планетарного правительства, указывают на роль региональных процессов как катализаторов, способных ускорить создание таких институтов. Так, например, почетный генеральный директор Комиссии европейского сообщества К. Лейтон выдвинул модель регионального сотрудничества по образцу ЮС. Поддержка и институализация интеграционных процессов не только в Европе, но и в АТР, Африке, Латинской Америке в итоге позволит, по его мнению, создать эффективно функционирующую мировую федерацию под эгидой ООН (см. прим.8, с.54-55).

Некоторые из сторонников регионального подхода, усматривая зачатки будущей конфедерации государств в интеграционных союзах, которые, в свою очередь, имеют тенденцию к взаимному сближению, считают, что ООН не способна возглавить данный процесс. Этому мешает прежде всего слабость международного права, которое по сути дела основывается на договорах, содержащих в самом акте их заключения возможность нарушения. Поэтому, по их мнению, вместо ООН нужна принципиально новая система государств, способная обеспечить действенность общих принципов их поведения на мировой арене¹⁰.

К рассматриваемому направлению можно отнести и модель Гостиницы на полпути»: по мнению ее сторонников, для создания эффективного нового международного порядка необходимо не глобальное правительство, к которому не готовы народы и государства, а полицентрическое управление из центральной руководящей группы государств (США, Японии, стран ЕЭС, а также СССР при условии преодоления им своих проблем, и Китая - при условии политических перемен в этой стране), которые сформировали бы своего рода Всемирный Генеральный Комитет. С другой стороны, аналогичную роль могли бы играть и региональные державы в соответствующих регионах мира¹¹.

Не менее разнообразны взгляды и сторонников социологического подхода к проблеме мирового порядка. Так, например, некоторые из них считают, что становление мирового порядка будет идти через конвергенцию социальных структур, размывание общественнополитических различий двух типов общества и затухание классовых антагонизмов. Настаивая на том, что именно такой путь может привести в конечном счете к формированию единой цивилизации (подчеркнем при этом, что некоторые из положений данной концепции отчасти подтверждаются дальнейшим развитием собы

тий на международной арене), они вместе с тем достаточно скептически относятся к возможности создания единого управляющего центра для всего человечества. Так, по мнению А.Е. Бовина, отсутствие устойчивого постоянного баланса интересов не позволяет говорить - по крайней мере, в среднесрочной перспективе, - о возможности делегирования подобному центру членами мирового сообщества части своих прав, своего суверенитета .

Социологический подход отличает и анализ проблемы мирового порядка, проведенный представителями Фонда Дага Хаммаршельда, которые подчеркивают, что уже сегодня существуют не только объективные потребности, но и предпосылки перехода от нынешней политики принятия сиюминутных решений и часто пассивного реагирования на события к более последовательной и надежной системе поддержания мира¹⁴. Глобальный характер крупнейших мировых проблем требует, по их мнению, создания руководства нового типа для их урегулирования. Отстаивая идею мирового правительства и считая ООН его основой и прообразом, они подчеркивают, что уже сегодня ее деятельность должна отвечать не только требованиям правительств, но и возрастающим ожиданиям народов. В наши дни, в силу необычайного повышения роли частных и негосударственных авторов международных отношений, резко возрастает потребность в развитии сотрудничества на неправительственной основе. ООН и другие существующие международные организации уже сейчас выполняют не только политические функции, но и практически связаны со всеми отраслями человеческой деятельности. В дальнейшем эта роль будет еще больше возрастать, а решение многих международных программ во все большей степени будет обеспечиваться неправительственными источниками. Важными факторами существенных изменений в мире станут обеспечение их народной поддержкой и соответственно восприимчивость международных организаций к воле народов (см. прим.14, №10, с.119-120).

Подчеркнем еще раз, что выделение двух указанных подходов носит условный характер. Разницу между ними нельзя абсолютизировать, она относительна: сторонники политологического подхода не отвергают роли социальных факторов в становлении нового международного порядка, так же как и сторонники социологического подхода не игнорируют влияния политических факторов. Речь идет лишь о том, что одни исходят из преимущественно межгосударственных, политических отношений и на этой основе осмысливают социальные и иные процессы, а другие строят анализ политических процессов и структур международных отношений на исследовании социальных тенденций. В то же время представляется, что социологический подход более плодотворен: он содержит больше возможностей избежать идеологизации анализа, он более широк, что дает возможность интегрировать и политологический анализ, а

главное - он позволяет полнее учитывать интересы не только государств и политических институтов, но и социальных групп и конкретных людей.

Именно с позиций социологического подхода можно увидеть пути решения неразрешимого в рамках «чисто» политологического рассмотрения центрального для проблемы мирового порядка вопроса о соотношении между национально-государственным суверенитетом и всеобщей мировой ответственностью. «Священный» принцип суверенитета выглядит с этих позиций совершенно иначе, что позволяет заметить, что «безудержное исполнение национальных суверенитетов слишком часто сводится к насильственному шоку борющихся эгоизмов, означает неразумную эксплуатацию природы без заботы о будущих поколениях и экономическую систему, которая не способна реализовать «естественную справедливость» в отношениях между богачами «развитого мира» и миллионами голодающих в третьем мире» (см. прим.8, с.26).

Недостаток ООН в том и состоит, что она остается организацией, в рамках которой осуществляется «дипломатия суверенитетов». В то же время именно ООН и ее специализированные учреждения свидетельствуют о попытках передачи государствами части своего суверенитета в «общий котел» для решения задач, отвечающих общим интересам. В дальнейшем объем этой части будет неизбежно возрастать¹⁵. С этой точки зрения можно сказать, что переживаемый ныне исторический период - это период перехода к новому международному порядку, регулируемому институтами, законные права которых будут складываться из добровольно отчуждаемой и постоянно возрастающей доли суверенитетов всех участников международных отношений.

Социологический подход, интегрирующий политологический анализ, как уже отмечалось выше, дает возможность широкого и целостного представления проблемы международного порядка, которое позволяет представить его основы в виде определенной системы факторов, и важное место в которой принадлежит факторам социокультурного характера. Элементами такой системы выступают отношения господства, интереса и согласия международных авторов, а также наличие соответствующих механизмов, обеспечивающих функционирование международного порядка и регулирование возникающих в его рамках напряжений и кризисов^{16,17}. При этом роль первого элемента, который выражается в военно-силовых отношениях государств на мировой арене и построенной на них международной иерархии, сегодня существенно изменяется, отчасти снижается, хотя и не исчезает. В этом смысле нынешний этап международного порядка не перестает быть системой отношений между ограниченным количеством государств, занимающих в мире господствующие, с военно-стратегической точки зрения, позиции, и остальными странами. С другой стороны, возрастание роли новых

технологий и связанного с ними уровня экономического развития повышают их роль в «рейтинге» того или иного государства и увеличивают его возможности влиять на международные дела в своих национальных интересах. Тем самым, наряду с относительно снижающейся, но в то же время сохраняющей значительное воздействие на состояние международных отношений иерархией, основанной на военно-силовых критериях, возникают и усиливают свое влияние иерархии, вытекающие из возрастающего экономического неравенства. Существование обоих видов иерархий и связанных с ними мотивации различных международных авторов - существенная черта нынешнего международного порядка. Заметные изменения претерпевает и второй элемент международного порядка, связанный с интересами авторов. Во-первых, происходят преобразования в структуре национальных интересов государственных авторов международных отношений: на передний план выдвигаются интересы, связанные с обеспечением экономического процветания и материального благополучия. При этом экономический элемент национального интереса становится уже не только фактором, который призван служить увеличению государственной мощи, а приобретает и все более очевидное самостоятельное значение - как необходимый ответ государства на возросшие требования населения к уровню и качеству жизни, с одной стороны, и - с другой стороны, как ответ на новые внешние вызовы, связанные с авторитетом и престижем государства на мировой арене, его местом в международной иерархии, складывающейся сегодня на иных принципах. Во-вторых, укрепление роли негосударственных авторов сопровождается снижением контроля со стороны правительств над мировой экономической жизнью и распределением ресурсов, большая часть которого осуществляется транснациональными корпорациями. Интересы же последних зачастую не связаны с интересами государств или преобладают над ними. К соперничеству национальных интересов добавляется соперничество не совпадающих с ними полностью интересов транснациональных предприятий, банков, ассоциаций и других негосударственных авторов. Так, в 1991 г. западные частные компании, руководствующиеся собственными интересами, снабжают Ирак военными материалами вопреки объявленному ООН экономическому эмбарго; российские политические объединения, группирующиеся вокруг газеты «День», организуют отправку добровольцев на войну в Югославию, невзирая на государственную политику РФ в данном вопросе; латиноамериканские наркомафии, превращаются не только в силу, вступающую в конфликты (которые могут принимать экономические, политические, и вооруженные формы) со «своими» государствами, но и способствуют интернационализации подобных конфликтов, в которых хорошо вооруженные армии «наркобаронов»

сталкиваются либо между собой, либо с вооруженными силами других государств. При этом у рядового человека складывается впечатление, что государство либо вовсе не владеет ситуацией в сфере международных отношений и поэтому лишь пассивно следует ей, либо - в лучшем случае - предпринимает усилия по смягчению ее неблагоприятных последствий. О «мировом беспорядке» пишут и профессиональные аналитики.

Что касается третьего элемента международного порядка отношений согласия, то речь идет прежде всего о том, что любой порядок может иметь место лишь при условии добровольного присоединения авторов к лежащим в его основе нормам и принципам. В свою очередь, это возможно только при определенном совпадении их с теми общими ценностями, которые и вынуждают авторов действовать в определенных границах. По аналогии с внутриобщественными отношениями можно сказать, что соблюдение международными авторами определенных «правил игры» объясняется не только боязнью наказания или непосредственными материальными интересами, но и консенсусом по поводу совместной социальной практики и признания легитимности этих правил. Легитимность - факт культуры. Процесс легитимизации всегда связан с адаптацией «официальных» норм и правил действия к историческим традициям, верованиям, обычаям и образцам поведения, присущим той или иной социальной общности, и их влиянием на производство норм, определяющих границы дозволенного и недозволенного. С другой стороны, он связан с присоединением к основным положениям идеологии - претендующей на научность «системы представлений о мире, функционирующей как вера (политическая) и принуждение (символическое)»¹⁸. Как подчеркивает французский политолог Ф. Бро, термин «символическое принуждение» достаточно корректно выражает способ распространения вырабатываемых идеологией политических верований. В основе процесса символического принуждения лежит тот факт, что социальные и политические идеалы, принятые как господствующие всем обществом, в действительности вырабатываются в особых секторах этого общества его отдельными представителями. Находясь в привилегированном положении, они способны через систему контролируемых ими институтов социализации - таких, как школа, религиозные или политические организации, средства массовой информации и т.п. - навязать обществу систему своих представлений и идеалов. Эффективность этого процесса зависит от двух факторов. Во-первых, от того, насколько удачной будет попытка рационально представить частные потребности и идеалы в качестве общих, и, во-вторых, от того, насколько успешным окажется стремление исключить (дискредитировать и обесценить) противоположные требования и идеалы. В конечном итоге все зависит от соотношения

интеллектуальных, а также культурных сил общества (см. прим. 18, с.160-161).

С этой точки зрения, распространение в мире демократических ценностей и идеалов не должно создавать иллюзий относительно их общечеловеческого характера. В действительности, как уже отмечалось, речь идет о ценностях западной либерально-демократической идеологии. Присущее ей, как и всякой идеологии, стремление исключить иные системы взглядов на общество и мир, на правила и нормы международного взаимодействия, а также попытки представить идеалы рыночной экономики, парламентской демократии, индивидуальных свобод и прав человека в качестве рациональных потребностей, связанных с самой человеческой природой, сталкивается с серьезными проблемами. Запад выступает для остального человечества в качестве референтной группы прежде всего в том, что касается развитых технологий, более эффективно функционирующей экономики, высокого уровня и качества жизни своих обитателей. Именно в этом пункте потерпела поражение коммунистическая идеология и основанный на ней социализм, не сумевший обеспечить сравнимых с Западом условий материального существования людей. Однако человечество не сможет повторить путь Запада к материальному процветанию, ибо он связан с обострением и глобализацией экологических и иных проблем, исчерпаемостью источников энергии и природных ресурсов планеты. Уже сегодня 6% населения планеты, живущих в развитых странах, потребляет 35% ее основных продуктов, что делает маловероятным присоединение к этим странам всего остального человечества. Экономическое неравенство, дистанция, разделяющая уровень жизни в богатых и бедных странах, отнюдь не уменьшается. Но если на протяжении прежних веков оно воспринималось как нормальное явление, то сегодня все в большей мере ощущается как несправедливость, порождая протесты и конфликты.

С другой стороны, как мы уже видели, не уменьшается и культурно-цивилизационное многообразие мира. Поэтому каждое общество, осуществляющее модернизацию, сталкивается с дилеммой - как осуществить необходимые для повышения эффективности экономики и подъема уровня жизни населения технико-экономические преобразования и одновременно сохранить собственную социокультурную идентичность? По мнению некоторых исследователей, указанная дилемма может вызвать к жизни новые идеологии, не совпадающие ни с коммунистической, ни с либерально-демократической, и связанные либо с модернистским авторитаризмом, либо с традиционализмом и ностальгическим постмодернизмом (см. прим.17,с.99-100).

Наконец, что касается четвертого элемента международного порядка, - механизмов, обеспечивающих его функционирование, позволяющих урегулировать возникающих в его рамках

напряжений и кризисов, то, помимо уже рассмотренных выше моральных и правовых регуляторов, следует отметить возрастание роли международных обменов и коммуникаций. Международные коммуникации представляют собой широкую сеть каналов общения авторов, которая постоянно развивается и приобретает все более сложный характер. Сегодня она представлена, во-первых, общениями по традиционным официальным, институциональным и неинституциональным каналам: дипломатические отношения, МПО, двусторонние и многосторонние встречи, визиты официальных лиц и т.п.; во-вторых, взаимодействием между официальными инстанциями и общественным мнением, которое оказывает возрастающее влияние на правящие режимы, дипломатические ведомства и т.п.; наконец, в-третьих, самостоятельной и непосредственной ролью средств массовой информации как каналов международного общения, оказывающих усиливающееся воздействие на существующий мировой порядок. При этом каждый из указанных каналов, призванных способствовать сохранению стабильности и совершенствованию международного порядка, способен вызвать обратный эффект: спровоцировать его кризис, усиливая неудовлетворенность тех или иных влиятельных акторов международных отношений (см. прим. 17, с.89).

Как свидетельствует история, крушение одного типа международного порядка и замена его другим происходит в результате масштабных войн или революций. Своеобразие современного периода состоит в том, что крах международного порядка, сложившегося после 1945 г., произошел в условиях мирного времени. Вместе с тем мирный характер уходящего международного порядка, как мы видели, был достаточно относительным: во-первых, он не исключал многочисленных региональных вооруженных конфликтов и войн, а во-вторых, постоянной напряженности в отношениях между двумя противостоящими блоками, выступающей как состояние «холодной войны». Последствия ее окончания во многом сходны с последствиями прошлых мировых войн, знаменовавших переход к новому международному порядку: крупномасштабные геополитические сдвига; временная дезориентация в результате потери главного противника как победителей, так и побежденных; перегруппировка сил, коалиций и союзов; вытеснение ряда прежних идеологических стереотипов; смена политических режимов; возникновение новых государств и т.п. Происходит конвульсивная трансформация всей системы сложившихся международных отношений, сопровождающаяся высвобождением политического экстремизма и агрессивного национализма, религиозной нетерпимости, ростом конфликтов на национально-этнической и конфессиональной основе, возрастанием миграционных потоков.

Дестабилизация международной системы свидетельствует о том, что человечество находится на переломном этапе развития.

Объективные императивы выживания, безопасности и развития влекут за собой потребность в более надежном международном порядке, отвечающем новым тенденциям, связанным с «раздвоением» привычного государственно-центричного мира и сосуществованием его с миром нетрадиционных авторов. Время покажет, будет ли новый порядок регулироваться планетарным правительством, располагающим для этого соответствующими средствами наднационального характера - правительством, армией, действенными правовыми механизмами и т.п., - или его основой станут несколько взаимодействующих между собой интегрированных региональных центров, охватывающих в своей совокупности весь мир, или же это будет какой-то иной вариант управления миром. Но в любом случае создание и функционирование надежного мирового порядка может быть достигнуто лишь на основе создания условий для реализации интересов и сохранения ценностей не только государств и межправительственных организации, но и самых разнообразных социальных общностей, конкретных людей. С другой стороны, это требует преодоления той степени аномии, которая присуща сегодня международному обществу.

Сегодняшний мир еще далек от такого состояния. Прежний международный порядок, построенный на силе и устрашении, хотя и подорван в глобальном масштабе, но в то же время его правила и нормы еще продолжают действовать (особенно на региональных уровнях), что не дает оснований для выводов о необратимости тех или иных тенденций. Упадок же послевоенного международного порядка открывает перед человечеством переходный период, полный опасностей и угроз для социальных и политических устоев общественной жизни.

В известном смысле можно сказать, что «модель» такого периода со всеми его сложностями и противоречиями дают сегодняшние процессы, происходящие в нашей стране и в геополитическом пространстве бывшего СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курс международного права. Т.1. М., 1989. с.10.

² *Franck T.* The Power of Legitimacy among Nations. Oxford, 1990.

³ *Яснерс К.* Истоки истории и ее цель. М., 1991. Вып.2. с.89;91;94.

⁴ *Hoffmann S.* L'ordre international// Traite de science politique. Volume 1. Paris, 1985. p.675-680.

⁵ *Мурадян А.А.* Буржуазные теории международной политики. М., 1988. с. 42-43.

⁶ *Haas E.* The Balance of Power: prescription Concert or Propaganda// World Politics. 1953. №5.

⁷ Мир и разоружение. М., 1986.

⁸ *Leyton C.* Une seule Europe. Paris, 1988, p.77.

⁹ *Шахназаров Г.Х.* Мировое сообщество управляемо// Известия. 15.01.1988.

¹⁰ *Поздняков Э.А., Шадрина И.Н.* О гуманизации и демократизации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1989. №4.

¹¹ Foreign Affairs. 1990. №4.

¹² *Бовин А.Е.* История и политика// Известия. 01.01.1991.

¹³ *Бовин А.Е.* Мировое сообщество и мировое правительство// Известия. 01.02.1988.

¹⁴ *Эркхарт Б., Чайлдерс Э.* Мир нуждается в руководстве: завтрашний день ООН// Мировая экономика и международные отношения. 1990. №10,11.

¹⁵ *Обминский Э.Е.* Мировое хозяйство. Подходы к урегулированию// Международная жизнь. 1990. №4.

¹⁶ *Senarclens P. de.* La politique internationale. Paris, 1992. p. 107.

¹⁷ *Moreau Defarges Ph.* Relations intematumales. 2. Question mondiales. Paris, 1992. p. 76.

¹⁸ *Braud Ph.* Manuel de sociologie politique. Paris, 1992. p. 159.

Глава XIV ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

Вопросы, связанные с положением России в мире, содержанием ее национальных интересов и задачами ее внешней политики, издавна привлекали внимание российской социальной науки. Над ними размышляли, нередко остро полемизируя друг с другом, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев, С.Ф. Платонов, Г.П. Федотов и другие крупнейшие отечественные ученые XIX первой половины XX столетий. При этом в центре их внимания находился вопрос о своеобразии России, ее геополитической, исторической и культурной самобытности, которая должна учитываться в ее отношениях как с Западом, так и с Востоком. Как известно, ответы на этот вопрос давались разные: если «западники» утверждали, что Россия составляет неотъемлемую часть европейской цивилизации, то славянофилы отстаивали идею о ее особости, о присущей России некоей всемирно-исторической цивилизационной миссии.

Было бы ошибочно думать, что эти споры уже изжили себя. Сегодня, когда Россия вновь, как это не раз бывало прежде, оказалась на крутом повороте своего исторического пути, «проклятые вопросы» вернулись из прошлого и стали центральной темой не только академических дискуссий, но и политических разногласий. Более того - нередко они выступают предметом идейных спекуляций, используются различными силами как действенное средство влияния на массы в своих интересах, как орудие борьбы за власть. Вот почему, пытаясь разобраться в том, какое место занимает постсоветская Россия в современной международной системе, каковы задачи, которые встают перед ней в изменяющемся международном порядке, мы должны рассмотреть содержание указанных дискуссий и сопоставить его с тем, что происходит как в самой стране, так и в окружающем ее мире, а также - и прежде всего - остановиться на том, какие изменения претерпела она сама как международный автор.

1. Особенности внутри- и внешнеполитического положения России

Самостоятельным участником международных отношений постсоветская Россия становится в результате Беловежских соглашений 1991 года. Характеризующие ее сегодня основные черты и особенности отчасти унаследованы ею из исторического

прошлого, но в основном являются принципиально новыми, возникшими в результате распада СССР и обретения его бывшими республиками государственного суверенитета. Сочетание как традиционных, издревле присущих российскому обществу и государству, так и новых отличительных черт, вкупе с описанными в предыдущих главах изменениями в самой международной системе, и определяют место и роль России в современном мире.

Одной из традиционных особенностей России, сохраняющейся и в наши дни, является ее географическое положение. В отличие, например, от стран западной Европы, Россия формировалась в равнинном пространстве, не имеющем естественных препятствий как для широкого распространения проживающих здесь племен и народностей на осваиваемые ими новые территории, так и для враждебных набегов на их владения со стороны соседей. Как отмечает В.О. Ключевский, славянское население, которому приходилось постоянно бороться против внешних врагов, «распространялось по равнине, не постепенно путем нарождения, не расселяясь, а переселяясь»¹. Он подчеркивает и другую геополитическую особенность России: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию» (см. прим.1, с.65).

Таким образом, российская нация и российская государственность формировались в стремлении к совместному выживанию населения перед необходимостью защищаться от внешней угрозы, в условиях затруднявших хозяйственную деятельность обилия рек, лесов и болот (см. прим.1, с.48). Это не могло не наложить глубокого отпечатка как на соотношение государства и общества в России, так и на господствующие здесь культурные традиции и ценностные ориентации. Исторические и геополитические особенности России обусловили, по словам Н.Я. Данилевского, «необходимость напряженной государственнополитической деятельности при возможно сильном, то есть самодержавном и единодержавном правлении, которое своею неограниченною волею направляло бы и устремляло частную деятельность к общим целям подобно тому, как условия американской жизни вели к деятельности технической при возможно слабом федеративно-демократическом правлении»². Следствием всеобъемлющей централизации в руках государства материальных и человеческих ресурсов общества стало подчинение всей общественной жизни государственному интересу и подавление личных прав и свобод отдельного человека, а также отмечавшиеся Н.А. Бердяевым такие элементы наследия российской истории, как

дух пассивности, привычка к патерналистской опеке со стороны властей и государства³.

Важной особенностью российской государственности является и то обстоятельство, что с самого начала она формировалась как многонациональное, многоэтническое, многоконфессиональное и относительно веротерпимое образование. «Воздвигнутое им государственное здание, - писал Н.Я. Данилевский, имея в виду русский народ, - не основано на костях попраных народностей» (см. прим.2, с.25).

От советских времен нынешняя Россия унаследовала такие немаловажные особенности, влияющие на ее место и роль в международной системе, как, например, обладание одним из крупнейших в мире ядерным потенциалом и членство в Совете Безопасности ООН. Отметим также и другие черты России, характеризовавшие ее прежде и продолжающие составлять ее специфику в качестве участника международных отношений: наличие значительных запасов природных ресурсов и количество населения, сопоставимое с крупнейшими государствами мира.

Вместе с тем наряду с важными особенностями, унаследованными Россией как участником международных отношений из ее недавнего или более отдаленного прошлого, сегодня появился целый ряд новых специфических черт, ставших результатом кардинальных изменений, которые произошли в стране в последние годы.

Новизна ситуации обуславливается прежде всего тем, что в наши дни Российская Федерация занимает около 80% территории бывшего СССР, насчитывает немногим более 50% его населения, а декларированный ее руководством переход к новому типу развития сопровождается глубочайшим экономическим кризисом, беспрецедентной социальной поляризацией, параличом государства, политической дестабилизацией и невиданной криминализацией общества. Одним из принципиальных последствий распада СССР стал для нее и тот факт, что в своих современных географических очертаниях Российская Федерация сопоставима с Россией допетровских времен: она потеряла почти все свои порты на Черном море, за исключением Новороссийска, утратила ряд стратегически важных портов на Балтике, оказалась отделенной от Европы новыми государствами, с которыми у нее складываются пока что непростые отношения. Во весь рост встала также такая сложная и деликатная проблема, какой является проблема государственных границ.

Положение осложняется разрывом хозяйственных связей между новыми суверенными государствами, а внутри страны - между субъектами Российской Федерации. Одним из последствий углубления экономического кризиса является резкое ухудшение демографической ситуации в стране. В связи с повсеместным

падением рождаемости общие потери в числе родившихся за пятилетие 1988-1992 гг. в сравнении с предыдущим составили 2,4 млн. человек. Уровень рождаемости опустился гораздо ниже отметки, соответствующей простому воспроизводству населения. В 1992 г. в Российской Федерации впервые за многолетний период отмечена естественная убыль населения, то есть превышение числа умерших над числом родившихся⁴. В свою очередь, этот феномен, трагический сам по себе, ведет к усугублению одной из застарелых проблем российского развития - разрыва между масштабами геополитического пространства и демографическими возможностями его освоения⁵.

Проводимые режимом экономические реформы, характеризующиеся в условиях существующей политической конъюнктуры непоследовательностью и противоречивостью, сопровождаются крупными трансформациями в социальной структуре общества. Оценивая происходящие здесь изменения, специалисты подчеркивают отмечающий их высокий динамизм и вместе с тем чрезвычайную хаотичность. Сегодня, когда структурирование российского общества постсоветского периода находится на одной из своих начальных стадий, когда ясные и осознанные групповые интересы в большинстве случаев еще не сформировались, в нем могут быть выделены пять внутренние дифференцированных и в то же время относительно целостных социальных страт: директора, бюрократы, независимые предприниматели, интеллектуальная элита и основная масса наемных работников. Наиболее оформленные, организованные и способные к реальному социальному действию группы интересов представлены вышедшими из советской экономической и партийно-бюрократической номенклатуры «директорским корпусом» и бюрократическим чиновничьим аппаратом. Именно они фактически определяют тот путь общественного развития, по которому идет сегодняшняя Россия. Он ведет не к свободной рыночной экономике, а к рынку, контролируемому монополиями и тесно связанным с ними госаппаратом, благоприятному для деятельности мафиозных структур. Что касается независимых предпринимателей, то их экономические и политические позиции относительно слабы, поэтому в своей значительной массе они ориентированы не столько на свободу от государственных структур, сколько на их покровительство, стремятся к обогащению любой ценой и слабо воспринимают идеи социальной ответственности бизнеса. В свою очередь, интеллектуальная элита чрезвычайно неоднородна; значительная часть ее обнаружила неготовность к конструктивной реформаторской деятельности, другая, активно участвующая в формировании новой российской экономики и общества, подвержена опасности гипертрофированного прагматизма и технократизма, связанного с равнодушием к социальным и этическим проблемам. Наконец, наемные работники, глубоко рас

колотые по профессиональным, локальным, культурным и иным признакам, в большинстве своем политически пассивны и инертны⁶. Формирование атрибутов новой российской государственности - таких как легитимная власть с четким разделением полномочий между ее действительно независимыми ветвями, разработанная правовая база, эффективное взаимодействие «центра» и регионов, стабильная финансовая и налоговая политика, наконец, соответствующая новым условиям армия и получившие международный правовой статус границы - пока еще далеко от своего завершения. При этом ни распад СССР, ни приход к власти в России (как и в других бывших советских республиках) новых политических элит не стали легитимными в глазах всего российского общества или даже абсолютного большинства его населения. Более того, в обстановке стремительно обостряющегося всеобъемлющего кризиса и ухудшения условия повседневного существования масс они стали одним из источников политического раскола общества. Этому же способствовала и непрекращающаяся политическая борьба как между различными ветвями власти, так и внутри самих властных структур, а также противоборство центральных и местных правящих элит. В каждом случае наблюдается, с одной стороны, апелляция к народу, а с другой - явно выраженная склонность действовать за его счет.

Выше уже отмечалось наличие в российской государственности сильных централистских и патриархальных традиций, так же как и привычная для нее невыраженность гражданского общества. Действительно, вплоть до самого последнего времени российское (как и советское) общество в значительной мере объединялось не столько изнутри, сколько извне, то есть усилиями государства, «сверху». Любые более или менее значительные проявления самостоятельности общества, его автономности по отношению к государству энергично подавлялись последним. Российское гражданское общество не достигло поэтому достаточно развитых форм. Подобное положение во многом объясняется именно вышеотмеченными цивилизационными особенностями России, ее промежуточным положением между Европой и Азией, Востоком и Западом. В условиях культурного, национального и конфессионального многообразия характерной чертой российского развития стало традиционно сильное государство, опирающееся не на групповые (например, этнические или региональные) интересы и ценности, а на единый цивилизационный проект⁷. Выраженная в нем объединяющая идея всегда играла мобилизующую роль позволяла сохранить социокультурное равновесие в обществе, осознание им себя как единого целого, своей идентичности.

В обстановке постсоветских реальностей, когда привычные формы государственности (воплощением которых оставался и СССР) прекратили существование, а новые не получили еще должного развития, одним из последствий отсутствия подобной

идентичности у российского общества стала фрустрация его массового сознания. Вместе с СССР рухнула и прежняя государственная идеология. Ни одно общество, находящееся на переходном этапе развития, когда меняются все привычные устои, не может рассчитывать на прочную социальную и политическую стабильность, если у него отсутствует объединяющая людей идея, формулирующая те ценности, на основе которых мог бы быть достигнут необходимый минимум общественного согласия. Для России, в силу вышеотмеченных причин, это особенно верно.

Апелляция к общечеловеческому характеру идеалов рыночного общества, плюралистической демократии, защиты прав человека в качестве указанной идеи явно не воспринимаются российским сознанием. И не только потому, что демократы, в отличие от авторитаризма, не может быть построена «сверху»: государство может создать лишь условия, способствующие ее развитию, но и потому, что новая правящая элита, выступившая с претензией на роль проводника демократической идеи, самонадеянно игнорировала национальные реальности и национальные традиции, как и то, что демократия и рынок не могут выступать как некие едва ли не самодостаточные цели, как заранее заданное состояние общества. Они лишь средства - конечно, важные и необходимые нормализации человеческих отношений и оздоровления экономики. Демократия - это самодеятельность гражданского общества, его свобода от государства. Если же «неразумному» народу пытаются навязать новый строй, рыночное общество (к тому же доктринерски воспринятое) «сверху», в готовом виде, то это гораздо ближе к большевизму, чем к демократии.

Дискредитации правящей элиты и самой идеи демократии, с одной стороны, а с другой - расколу и фрустрации общества способствует и навязываемый ему комплекс неполноценности. Так, например, средства массовой информации, демократическая печать, и - что еще хуже - иногда даже высокопоставленные правящие

*Между тем правительство фактически не интересовало, какой вариант рыночного хозяйства хотели бы иметь сами граждане России. Эксперты-экономисты уже в 1992 подчеркивали: «Ныне очевидно, что чисто рыночные механизмы распределения, пусть и имеющие должное законодательное обеспечение, для России не подходят. Надо корректировать эти механизмы, перераспределять доходы, даже если такие действия не согласуются с учебниками по теории рыночного хозяйства или, скажем, с американской экономической практикой» (7, 4.12.92). Через год А. Лифшиц (с 1994г. руководитель группы экспертов-экономистов при президенте России) вновь обращает внимание на то, что в силу совокупной российской специфики простое заимствование даже самых передовых западных рецептов не может обеспечить России эффективной рыночной экономики. Поэтому «нам надо создавать свою, не подавляющую нас, удобную для нас - российскую экономику» (4, 26.08.93).

тельственные чины при характеристике населения своей страны позволяют себе использовав уничижительный термин «совки» (см. прим.7), противопоставлять современный период в развитии российского общества (с его очевидными тяготами для большинства населения) одномерно и безапелляционно трактуемому в духе «империи зла» недавнему историческому прошлому, пренебрежительно относиться к исторической памяти народа и т.д. Подобные идеологические суррогаты, чем бы ни руководствовались использующие их политики, крайне опасны, ибо в лучшем случае они просто не воспринимаются массовым сознанием или снижают степень доверия людей к правящему режиму, в худшем способствуют формированию «опущенного самосознания»⁸, а в самом худшем - вызывают агрессивную ответную реакцию, которая нашла одно из проявлений в событиях 3-4 октября 1993 года.

Сохраняющая значительную часть ядерного потенциала бывшего СССР, но ослабленная в геополитическом и демографическом отношении; испытывающая неимоверные экономические трудности, социальную дестабилизацию, разгул преступности, внутривнутриполитические раздоры и региональные проблемы, не обретшая всех атрибутов государственности, а также того, что Р. Арон характеризовал как «дух нации», постсоветская Россия явно утратила, вопреки все еще встречающемуся мнению, роль глобальной державы. Новое положение России как международного автора требует внимательного осмысления, переформулирования содержания ее национальных интересов и внешнеполитических приоритетов. Однако этому мешает существующее на сегодняшний день противоречие между отсутствием объединяющей общество ясной и четкой идеи относительно характера целей и путей его преобразования, с одной стороны, а с другой - идеологизацией реальных или мнимых проблем такого преобразования. Указанные обстоятельства, а также отсутствие в российском обществе социального консенсуса и кризис его самоидентификации влекут за собой столкновение различных концептуальных подходов к определению основных элементов внешней политики страны.

2. Основные подходы к определению внешней политики

С точки зрения основополагающих для всякого государства проблем, к которым относятся определение его национальных интересов и обеспечение безопасности, многообразие подходов к выделению внешнеполитических приоритетов России может быть сведено, с неизбежной долей огрубления, к двум противоположным концепциям, к которым так или иначе тяготеют все остальные. Одна из них может быть названа радикально-либеральной, другая национально-патриотической.

Согласно первой из них вопрос о национальных интересах носит в основном второстепенный характер и поэтому должен быть подчинен целям демократических преобразований общества. Основная задача внешней политики России формулируется как необходимость войти в цивилизованное международное сообщество, или, иначе говоря, в сообщество западных государств. В качестве главных доминант внешней политики выдвигаются соблюдение прав человека, приверженность ценностям свободного рынка и плюралистической демократии и другие либеральные концепты. В соответствии с такой логикой «распад советской империи следует расценивать как положительный факт, поскольку в постколониальном пространстве больше не существует ни геополитической ниши, ни природных или демографических ресурсов, достаточных для выживания военно-бюрократического монстра» (см. прим.4, 7.02.92). С окончанием холодной войны перестала существовать и внешняя угроза российской безопасности, а с присоединением постсоветской России к вышеперечисленным универсальным ценностям развитые страны Запада стали ее естественными союзниками. Партнерские отношения с этими странами и особенно с США рассматриваются как единственная возможность спасти Россию, которая не выйдет из нынешнего экономического кризиса без финансовой поддержки Запада, и, соответственно, трактуются по сути как необходимость априорной поддержки всех западных инициатив в области международной политики.

В рамках описываемой концепции страны мусульманского Востока рассматриваются как страны, в которых власть, как правило, отчуждена от народа и отдельного человека. Парламентские формы демократии являются чаще всего не более чем внешней декорацией и в большинстве случаев не имеют прочных оснований. Агрессивный тоталитаризм мусульманского фундаментализма, проповедующего экспорт мусульманства и победоносное шествие ислама по всему миру, а также нарушение прав человека в этих странах противопоставляют их всеобщим демократическим ценностям и потому достойны публичного осуждения.

Подобные рассуждения нередко сопровождаются различного рода саморазоблачениями, публичными раскаяниями за подлинные и мнимые преступления советской и досоветской империи перед народами Российской Федерации, ее ближайшими и более отдаленными соседями. В конечном счете, речь идет о концепции, в которой идеологические пристрастия явно доминируют над прагматическими потребностями, связанными с непредвзятым анализом содержания национального интереса России и формулирования основных приоритетов российской внешней политики. Конечно, это уже не идеология марксизма-ленинизма или же нового политического мышления. Однако, противопоставляя себя

первой, данная концепция лишь внешне элиминирует вторую, совершая при этом своего рода инверсию: от тотальной конфронтации с Западом она переходит к не менее тотальному (хотя и явно одностороннему) «братанию» с ним, которое переходит всякие границы разумного. Идеалы «мировой социалистической революции» уступают место идеалам «триумфа рыночной экономики во всем мире». Тезис о верховенстве прав человека и личностных свобод идеализируется и более того - догматизируется, наподобие тезиса о классовых интересах, и т.п. Выше уже говорилось о том, что демократические принципы как универсальные ценности международных отношений призваны играть растущую роль в их развитии. В то же время они не должны рассматриваться абстрактно, ибо их применение вне конкретного исторического, социально-политического и культурного контекста нередко приводит к результатам, противоположным декларируемым целям. Так, например, меры по ограничению рождаемости в Китае, или запрет второго тура выборов в Алжире в 1992 году, или, наконец, указание в официальной военной доктрине вероятного противника могут быть осуждены как нарушение прав человека и демократических норм, как возврат к эпохе конфронтации на мировой арене. Однако ограничение рождаемости отвечает китайским объективным условиям, способствуя поддержанию в этом государстве социальной, экономической и политической стабильности, что отвечает и потребностям России в отношениях с Китаем. Запрещение режимом Алжира второго тура парламентских выборов в стране позволило сдержать распространение агрессивного исламского фундаментализма, что соответствует как российским внешнеполитическим интересам, так и интересам универсальной демократии. Отсутствие же в российской военной доктрине понятия вероятного противника лишает ее смысла, лишает возможности установить предел материальных потребностей государства и армии для подготовки и ведения войны и в конечном счете, как подчеркивает И. Серебряков, вольно или невольно дает основания предполагать, что РОССИЯ записывает в число своих потенциальных врагов весь внешний мир (см. об этом: прим.4, 08.02.94).

Сторонники радикально-либеральной концепции нередко аргументируют свою позицию тем, что России не справиться с обрушившимися на нее экономическими проблемами в одиночку, ее потребностью в кредитах и необходимостью стимулировать интерес Запада к инвестициям в российскую экономику. Однако, помимо сомнительности данного тезиса в моральном отношении, сегодня уже нельзя не замечать фактического отсутствия такого крупномасштабного интереса, что объясняется, во-первых, политической и юридической нестабильностью, в стране, произволом коррумпированного чиновничества, противостоянием «центра» и регионов; во-вторых, возможности Запада оказать России необходимую ей

помощь достаточно ограничены ввиду испытываемого им циклического спада в экономике, проблем, возникающих в ходе как европейской, так и североамериканской интеграции; в-третьих, и это главное, необходимо принимать в расчет, что страны Запада имеют собственные интересы в том, что касается роли и места России в современном мире, и, несмотря на демократические декларации российских радикал-демократических политиков, такие интересы, как это будет показано ниже, вовсе не обязательно совпадают, а, наоборот, нередко кардинально расходятся с российскими интересами.

Национально-патриотическая концепция внешней политики России по сути представляет собой реакцию на крайности радикально-демократической. Высшей ценностью провозглашается национальный интерес, который рассматривается как основа ответственной внешней политики, имеющая безусловный приоритет перед ценностями демократии. Данная концепция исходит из геополитического описания российской ситуации, делая на нем сильный алармистский акцент. Ее исходным пунктом выступает бескомпромиссное осуждение разрушения СССР, которое квалифицируется как историческое преступление. Сторонники этой концепции настаивают на том, что исчезновение Советского Союза и социалистического лагеря стало мировой геополитической катастрофой. Указанные события повлекли за собой радикальную трансформацию в соотношении сил на мировой арене: Россия, которая играла роль основы, фундамента в равновесии сил, оказалась ослабленной, столкнулась вслед за развалом СССР с угрозой собственного распада, тогда как единственной сверхдержавой, безраздельно господствующей в мире, стали США. При этом Соединенные Штаты стремятся ослабить Россию, с тем чтобы не допустить ее возрождения, разрушить геополитический ансамбль Евразии с целью утверждения здесь собственных интересов. В Европе, с точки зрения сторонников данной концепции, в результате объединения Германии появляется обширная зона нестабильности: в новом обличье возрождается «Mittleeuropa», что означает возврат, хотя и в иных формах, традиционной, дестабилизирующей сложившийся здесь баланс сил, политики блоков и союзов, названной в свое время Бисмарком «кошмаром коалиций». Восток более близок России, с точки зрения его оппозиции Западу, а также с точки зрения ее традиций и ее особой геополитической ситуации, поэтому она должна поддерживать с ним более тесные отношения. В целом же Россия должна остаться великой державой, поэтому основной задачей российской внешней политики является защита своих национальных интересов на всех направлениях, тем более, что с поражением Советского Союза в холодной войне внешние угрозы безопасности России не только не уменьшились, но, напротив, многократно возросли. Реализация такой политики требует временной и относительной, но тем не менее реальной самоизоляции России, с

тем, чтобы она смогла, говоря словами знаменитого российского дипломата XIX века А.М. Горчакова, «сосредоточиться».

Однако такая позиция по меньшей мере не учитывает факта взаимозависимости: хотя Россия действительно вынуждена рассчитывать, главным образом, на собственные силы и средства в восстановлении страны, это не означает, что она может обойтись без взаимодействия с внешним миром. Самоизоляция России ограничила бы возможности ее экономической модернизации и демократического развития. Главное же заключается в том, что если радикально-либеральная концепция грешит определенным утопизмом, своего рода забеганием вперед, то национальнопатриотическая концепция напротив характеризуется обращенностью в прошлое, ностальгией по великодержавности, понимаемой в духе теории «естественного состояния».

Подчеркнем еще раз, что речь идет о собирательных, «реконструированных» концепциях, которые тем не менее отражают позиции, вполне реально существующие если и не в целостной форме, то в виде разрозненных элементов как в академических, так и в политических кругах сегодняшней России, оказывая влияние на российскую внешнюю политику.

Как уже отмечалось, к ним так или иначе тяготеют дискуссии по отдельным проблемам, связанным с трактовкой внешнеполитического облика России и ее роли на международной арене. Одна из таких дискуссий касается вопроса о российской исторической миссии.

Сегодня уже все менее популярной становится точка зрения, в соответствии с которой Россия в силу ее особого геополитического положения призвана выполнять исключительную всемирноисторическую роль своего рода «евразийского моста», который соединяет Запад и Восток и без которого невозможен взаимный обмен двух культур, двух цивилизаций, их взаимное обогащение. Подобная позиция, несущая на себе отпечаток старого спора между западниками и славянофилами, справедливо критикуется как неконструктивная и даже реакционная, поскольку в ней заложено отрицание собственной ценности России, ее самостоятельной роли на мировой арене, с одной стороны, а с другой - навязывание указанной функции внешнему миру, который в сущности и не нуждается - особенно в наш век электронных, трансконтинентальных и космических средств связи и транспорта - в каких-то особых «мостах» (см. об этом: прим.8, с. 46- 47; а также 9 и10). Однако, отказ от мессианства не означает отрицания необходимости осмысления реальной миссии России, или, иначе говоря, той роли, которую она должна играть на мировой арене в соответствии со своими национальными интересами и объективными возможностями. В этой связи, по мнению многих экспертов, стержень исторической миссии России состоит в том, чтобы служить гарантом стабильности в

постсоветском геополитическом пространстве (См.: прим.10, с.73; а также 11,12,13).

Спор о российской исторической миссии тесно связан с еще одной дискуссией, в центре которой вопрос о досоветской и советской России как имперской державе. С позиций, примыкающих к радикально-либеральной концепции, досоветская Россия собирала свои земли железом и кровью, жестоко подавляя сопротивление колонизируемых ею народов и угнетая их на протяжении всей истории своего существования. В свою очередь, СССР продолжил эту традицию, став тюрьмой народов, насильно удерживаемых в его орбите и подвергающихся экономическому ограблению и национальному унижению. Известный американский политолог Ф. Фукуяма прямо утверждает, что «Россия длительное время была имперской и авторитарной державой», играя по отношению к бывшим советским республикам роль «имперского центра» (см. прим.4, 6.11.92). Отсюда вывод: демократическая Россия должна отказаться от своего имперского прошлого и признать право всех населяющих ее народов на самоопределение, ибо удержать их в своем составе она может лишь силой (см., например: Попов А. Философия распада. Об идеологии пост-советского националпатриотизма. прим.4,10.04.92).

Выше уже приводилась точка зрения русского историка Н.Я. Данилевского о роли национального вопроса в строительстве российской государственности. Как подчеркивают многие современные исследователи, трудно возразить против того факта, что если Россия и была империей, то довольно своеобразной: население «метрополии» не только не обогащалось за счет ограбления колониальных народов, но, напротив, нередко имело более низкий жизненный уровень, чем они. Так, например, Р. Овинников приводит следующие данные, которыми оперирует Международный валютный фонд и которые показывают, что в 1991 г. общесоюзные субсидии составляли 45% в бюджете Таджикистана, 43% - Узбекистана, 35% - Кыргызстана, 25% - Казахстана и 22% Туркменистана. Таким образом, союзный центр (и, прежде всего, Россия, которая давала 60% общего экономического потенциала и, соответственно, - выделяла необходимые суммы для дотаций) выступал в роли крупного донора в отношении этих пяти наиболее отсталых среднеазиатских республик. Следовательно, в соответствии с наиболее существенным критерием, Союз (и, соответственно Россия) не был империей, ибо не выкачивал средства из республик, не «жирел за их счет», а осуществлял вливания в их экономику, способствовал росту из благосостояния (см. прим.4, 16.04.94). Если же углубляться в историю, то, признавая, например, колониальный характер войн, которые Россия вела на Кавказе и в Средней Азии, нельзя не заметить, что последующие отношения между русскими и этими народами не были отношениями между «хозяином и слугой».

Отмечая это обстоятельство, А. Малашенко приводит слова великого тюркского просветителя XIX века Исмаила бея Гаспринского о том, что «ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чуждому племени, как... русские» (см. прим.4, 22.02.92). В советский период именно Россия вынесла на себе основную тяжесть борьбы с тоталитаризмом и защиты демократических ценностей, а русский народ понес наибольшие материальные и людские потери в «социалистическом строительстве». Поэтому, как пишет С.Б. Станкевич, нынешняя Россия и русские несут «не больше ответственности за дела коммунистических вождей, чем нынешняя Латвия за дела тысяч латышских стрелков на российской земле в 1917-м» (см. прим.4, 6.11.92). Более того, на Кавказе, например, историческая память многих народов хранит воспоминания о России как о стране, которая объективно гарантировала условия их спасения от физического исчезновения. Речь идет о прекращении непрерывных пограничных войн, о братоубийственных конфликтах между кавказскими народами, а также о кровной мести и других подобных обычаях, которые стоили им многих жизней их молодого поколения¹⁴. Кроме того, «трудно отрицать тот факт, что в СССР были созданы условия для возрождения многих народов северного Кавказа. Что же касается репрессии и депортации целых народов, то это совершенно другая проблема, требующая самостоятельного анализа в общем списке преступлений большевистской диктатуры» (см. прим.14).

Сказанное не означает, конечно, что «империя и демократия диалектически едины» и что постсоветская Россия должна поэтому как утверждает В. Гушин, обязательно стать империей (см. прим.4, 23.07.93; 17.09.93). Сильная, многонациональная и единая держава, обеспечивающая равные демократические права всем своим гражданам и народам и в то же время твердо отстаивающая свою целостность, вопреки претензиям отдельных националистических деятелей, представляющих лишь самих себя в своем стремлении к власти, - это отнюдь не империя в точном смысле данного термина, которым вряд ли стоит злоупотреблять, особенно в период глубокого экономического и политического кризиса и обострения национального вопроса. Это особенно важно подчеркнуть в свете вышеописанной дифференцированности российского национального самосознания, являющейся, в свою очередь, причиной отсутствия согласия по внешнеполитическим вопросам между различными группами российского социума, а также внутривнутриполитической борьбы, которая характеризует процесс принятия решений в сфере международной деятельности государства.

3. Проблемы принятия внешнеполитических решений

Помимо общего социально-политического и экономического контекста, формирование и практическая реализация российской внешней политики находятся под непосредственным воздействием целого ряда конкретных факторов, вытекающих из современного состояния страны. Среди них выделяются такие, как: отсутствие идеологической «скрепы» государства и идеологизация внешнеполитических концепций; ожесточенная борьба, которая велась между бывшим Верховным советом под руководством Р. Хасбулатова и исполнительной властью, достигшая кульминации в конце сентября - начале октября 1993 года, а также внутри каждой из двух ветвей власти; давление общественного мнения и различных политических сил и групп интересов на структуры, разрабатывающие и реализующие внешнюю политику, и особенно - на президента; противостояние «центра» и субъектов федерации; наконец, слабость правовой базы внешнеполитических решений.

Противоречия и даже борьба законодательной и исполнительной власти по вопросам внешней политики государства, как и воздействие общественного мнения на внешнеполитические решения составляют неотъемлемую черту политического процесса любого демократического государства. Однако в постсоветской России эта черта оказалась искаженной, в результате чего приоритеты внешней политики нередко определяются не целью понятными национальногосударственными интересами, а внутривластной конъюнктурой, в которой, например, борьба с коррупцией оказывается всего лишь борьбой с политическим противником. В свою очередь, внешняя политика также превращается в поле борьбы за полноту власти, независимо от конкретного содержания и действительного значения ее проблем.

Руководство российского внешнеполитического ведомства, пришедшее на волне демократической эйфории на смену союзному, недалеко отошло, особенно на первых порах, от его идеологизированных представлений и утопических иллюзий, опирающихся на философию ненасилия, идеализацию демократических тенденций в международных отношениях и т.п. На первых этапах деятельности нового внешнеполитического ведомства значительное место в публичных выступлениях и статьях его руководства уделяется навязчивой критике и осуждению порочности имперской внешней политики СССР как одной из причин «полного выпадения нашей страны из международного общения» (см. прим.7, 31.03.92), а также декларациям о том, что лишь сейчас российская внешняя политика начинает развиваться на подлинно демократической основе, добиваясь серьезных успехов, вроде Кэмп-девидской декларации, подписанной в начале 1992 года Россией и США, «где впервые прозвучали слова «дружеские отношения», «полномасштабное

партнерство». Это в общем-то серьезный сдвиг (см. прим.4, 1.04.92). Подобный подход был заявлен МИД РФ и в стратегии отношений с Западом, прежде всего с США, - как стратегии «союзнчества на основе общих ценностей»: «Мы заявили о приверженности демократии, верховенству личности, правам человека, свободному рынку», поэтому «западные страны - естественные союзники России» (см. прим.7, 2.01.92). Что же касается национального интереса, то «никакой схемы быть не может, а есть реакция на конкретную ситуацию, и в них-то и проявляются национальные интересы России. Ни в одной стране нет официального описания национального интереса (см. прим.4, 1.04.92).

Все это очень напоминает «общечеловеческие ценности и интересы» «нового политического мышления». В условиях тех радикальных перемен, которые в последние годы произошли в российском политическом спектре и общественном менталитете, когда, как подчеркивал А.В. Козырев, «различные политические силы нашей страны по-разному формулируют свои внешнеполитические ориентиры»¹⁵, а многообразные организации и группы интереса ведут бескомпромиссную борьбу за собственность и власть, когда на смену пассивному восприятию широких социальных слоев по отношению к государственной внешнеполитической линии приходит столкновение взглядов и точек зрения на проблемы внешней политики, вышеуказанные рассуждения не могут не вызывать в различных политических кругах и в обществе противоречивого восприятия.

Так, председатель Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатов уже в начале 1992 года сделал заявку на участие в определении российской внешнеполитической стратегии (см. прим.12, с.91), подвергнув осторожной, но вместе с тем достаточно прозрачной критике стратегические установки МИД: «Нужны предельная реалистичность в оценке интересов нашего многоэтничного государства, прагматизм в выдвижении внешнеполитических инициатив, последовательность и организованность в их реализации. Не следует увлекаться какими-то «широкомасштабными», «красивыми» идеями, которые, как правило, не работают на наши социальноэкономические и внутривнутриполитические интересы... Иногда повторяем худшие сценарии прошлых десятилетий, когда царедворцы навязывали свой примитивно облегченный взгляд... Мы должны постоянно иметь в виду, что в мире не прекращается борьба за экономическое и политическое влияние. Продолжает существовать сложная иерархия отношений, соответствующая реальной мощи того или иного государства» (см. прим. 12, с.88, 89).

Не отказываясь от основных положений своей позиции, министр иностранных дел тем не менее уже к концу 1992 года вынужден был смягчить свой акцент на прозападный приоритет: выступая на заседании Верховного Совета, он заявил, что «Россия не должна

сужать рамки партнерства между Востоком и Западом. Спектр ее интересов значительно шире, необходимо учитывать максимум возможных взаимодействий» (см. прим.7, 23.10.92). Однако это не помешало последующей все более заметной эволюции как тона критики (в сторону ужесточения) в адрес внешнеполитического ведомства со стороны руководства Верховного совета, так и ее содержания, что дало А.В. Козыреву повод говорить о том, что «для определенной части оппозиции наша доктрина либо вовсе не существует, либо она есть, но... предательская. ...Спикер ... отражает точку зрения того так называемого национал-патриотического крыла или большинства депутатского корпуса, которое считает, что установление политического партнерства и выход на полномасштабные экономические отношения с «семеркой», с Международным валютным фондом, Банком реконструкции и развития, ЕЭС... - это провал, поскольку эти институты, согласно «Краткому курсу» являются орудием империализма»¹⁶.

Не исключено, что именно влиянием со стороны парламента и не менее резкой критики установок руководства МИД со стороны умеренной оппозиции в лице Гражданского союза, а также со стороны ближайшего окружения президента, занимающего более прагматичные, или державные позиции (С.Б. Станкевич, Г. Бурбулис), а, возможно, кроме того, и мнения некоторых авторитетных экспертов (например, зам. директора Института Европы РАН Караганова) объясняется создание президентом во второй половине декабря 1992 года Межведомственной внешнеполитической комиссии под председательством Ю. Скокова. По сути в ее компетенцию была передана - и тем самым изъята из компетенции МИД - деятельность по подготовке и реализации внешнеполитических решений (см. прим.4, 17.12.92). Однако МВК практически никак не успела проявить себя, поскольку уже в мае следующего года ее работа была приостановлена, а сам Ю. Скоков отправлен в отставку.

Определенное противостояние основных центров формирования внешней политики и влияния на процесс принятия внешнеполитических решений в лице правительства (представленного, прежде всего, МИДом), парламента и наиболее влиятельных политических партий и движений (представленных, например, такими фигурами, как А. Руцкой - до октября 1993 г., или В. Жириновский - после декабрьских выборов, состоявшихся в том же году) сохраняется и в дальнейшем, как сохраняется оно и внутри самих указанных структур. Среди сформированных Думой в начале 1994 года комитетов по крайней мере четыре имеют прямое отношение к вопросам определения внешнеполитической линии. При этом три из них возглавляются представителями политических структур, находящихся в той или степени оппозиции по отношению к курсу президента и правительства. Так, председателем комитета по

международным делам стал бывший посол России в США, давний оппонент А. Козырева В. Лукин, а его заместителем - «теневого министр иностранных дел» ЛДПР А. Митрофанов. Комитет по вопросам геополитики возглавили представители той же партии В. Устинов и М. Сидоров. Пост председателя комитета по безопасности занял представитель коммунистов В. Илюхин, а одним из его замов является Н. Кривельская из ЛДПР. Коммунистов и либеральных демократов нет лишь в руководстве четвертого комитета - по делам СНГ, но они не могут не оказаться среди его членов. Все это с самого начала создавало вполне реальные предпосылки для противостояния Думы и исполнительной власти практически на всех внешнеполитических направлениях, что и не замедлило проявиться в таких вопросах, как отношение к Программе НАТО «Партнерство во имя мира», проблеме Черноморского флота, войне в бывшей Югославии и т.д.

Отсутствие в обществе «идеологической скрепы», или, иначе говоря, широкого согласия по вопросам внутренней и внешней политики правящего режима при раздоре ослабляющих государство властных структур, ведет к заполнению вакуума различного рода мифами и идеологическими суррогатами - вроде идеи о солидарности «единокровцев» и «единоверцев», «заговоре масонов» и т.п., - на базе которых формируются радикальные оппозиционные движения: например, такие как «наши» и даже откровенно фашиствующие «баркашовцы». Вокруг таких изданий, как «День», «Советская Россия» и т.п., группируются интеллектуальные круги непримиримой оппозиции и просто недовольных и/или незаслуженно обиженных правящим режимом. Они активно формируют в массовом сознании образ внутреннего («агенты влияния») и внешнего (сионизм, американский и мировой империализм) врага, поощряют активные (то есть с оружием в руках) действия в «защиту русскоязычного населения» в Приднестровье, Абхазии и других горячих точках.

Помимо воздействия на внешнеполитические решения противоборства между ветвями власти, общественного мнения и политических партий, имеющего в постсоветской России свои особенности по сравнению с другими странами нельзя не отметить я определенное влияние православной церкви. Об этом говорит, в частности, то, что в июне 1992 года президент в своем указе о протоколе, касающемся ранга официальных лиц России, предоставил 18-й ранг Патриарху Всея Руси, что выше, чем ранг Верховного Суда.

*...Пожелание о расширении контакта с политическими партиями, организациями, об учете их мнений представляется, безусловно, справедливым», - подчеркивал, например, заместитель министра иностранных дел Г.Ф. Кунадзе. В то же время он справедливо отмечал, что «политические партии в нашей стране еще не сформировались. Да и правила игры для такого сотрудничества не созданы» (см. прим. 12, с.112,113)

Несколько позднее президент заявил, выступая перед верующими накануне своего визита в США, что Патриарх благословил его на этот визит и что его власть как президента - от Бога (см. прим.4, 4.02.93). Влияние православной церкви чувствуется и в колебаниях российской позиции в «югославском вопросе»: в кругах, близких к официальным, нередко звучит тема необходимости преемственности в исторической поддержке православных сербов со стороны России, хотя в историческом плане Сербия всегда тяготела к Центральной Европе, а военное вмешательство России в региональные конфликты на стороне балканских славян вдали от российских границ заканчивалось для нашей страны бесславно и трагически.

Важным фактором, влияющим на внешнеполитические решения в постсоветской России, является конфронтация центральной власти и субъектов Федерации - республик, краев и областей. Можно выделить три причины, лежащие в основе этой конфронтации: процесс национального самоутверждения, являющийся одним из проявлений общесоциологической тенденции к демократизации международных отношений; неспособность (и объективная невозможность) сохранения, даже в каком-либо модифицированном варианте, прежней «вертикальной» системы управления, предполагающей централизованное распределение ресурсов и осуществление властных функций; неравноправное экономическое положение и неравноценный статус различных субъектов Федерации (в частности, республик и областей). И если первые две причины являются по сути общими для тех процессов, которые сегодня наблюдаются во всех субъектах Российской Федерации, то третья породила процесс «суверенизации» не только республик, но и регионов, краев, областей. Представители областей, объявивших себя республиками, подчеркивают противоестественность положения, при котором они получают «директивы из Москвы, в которых все расписано до последнего гвоздя» (см. прим.4, 13.07.93) и при котором непропорциональная часть их доходов изымается в пользу федерального центра и идет на поддержку других регионов и республик. К середине 1992 года 23 территории ввели собственные ограничения на вывоз товаров за свои рубежи, создавали таможенные силы местными органами внутренних дел и добровольных формирований. Льготных квот на экспорт сырья добились Карелия, Коми, Якутия, Горный Алтай, Иркутская и Тюменская области (см. прим.4, 10.12.92). В принятой в ноябре 1992 года Конституции Республики Татарстан говорится, что она «... вступает в отношения с иностранными государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами, участвует в деятельности международных организации, руководствуясь принципами международного права. . В начале 1993 года вице-президент республики В. Лихачев нанес визиты в Германию и в Канаду, где провел переговоры с представителями правительственных и бан10*

ковских кругов, а затем - в штаб-квартиру ЮНЕСКО в Париже, где речь шла о подключении Татарстана к ряду межгосударственных программ этой организации. Премьер-министр М. Сабиров посетил Сингапур, Южную Корею и даже Тайвань, с которым у России нет дипломатических отношений (см. прим.4, 11.03.93). Принятие Российской Конституции способствовало тому, что в дальнейшем, при подписании двустороннего договора между Россией и Татарстаном в феврале 1994 года, Казань согласилась внести изменения в свой Основной закон, отказываясь от трактовки республики как «суверенного государства» и «субъекта международного права» (см. прим.4, 16.02.94). И тем не менее здесь остается еще не решенной проблема, с которой сталкивается подготовка и реализация российской внешней политики, - проблема ее юридических основ. Эксперты отмечают, что у многих субъектов Российской Федерации (таких, например, как Республика Саха, Татарстан, Якутия, Ярославская область и т.п.) соглашения с иностранными государствами насчитываются уже десятками, однако полной картины их международной активности сегодня нет ни у одного федерального ведомства, поскольку эти связи развиваются хаотично, без должного согласования в масштабах Федерации. Главная причина такого положения - отсутствие соответствующей правовой базы (см. прим.4, 24.03.94).

Как подчеркивает первый зам. министра иностранных дел России А.Л. Адамишин, «в международной практике отношения частей федерации практикуются, как правило, не с государствами, а с его частями и ограничиваются областью «неполитических» связей. Если же - в исключительных случаях - партнером выступает государство, соответствующее соглашение нуждается или требует его последующего утверждения»¹⁸. Фактически же в области законодательного регулирования международных связей субъектов Федерации и сегодня продолжает существовать обширный вакуум.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ключевский Б.О.* Сочинения в девяти томах. Том I. Курс русской истории. Часть I. М. 1987. с.50.

² *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М. 1991. с.496-497.

³ *Бердяев Н.А.* Судьба России. М. 1990. с.65-66;19;21-22.

⁴ Независимая газета. 23.09.93.

⁵ *Косолапов Н.А.* Внешняя политика России: проблемы становления и политикообразующие факторы// Мировая экономика и международные отношения. 1993. №2. с.17.

⁶ *Дилигенский Г.Г.* Российские альтернативы// Мировая экономика и международные отношения. 1993. №9.

⁷ Известия. 02.01.92,

⁸ *Косолапов Н.А.* Россия: самосознание общества и внешняя политика// Мировая экономика и международные отношения. 1993. №5. с.38.

⁹ *Загорский А.В.* Россия и Европа// Международная жизнь. 1993. №7. с.55.

¹⁰ *Гаджиев К. С.* От биполярной к новой конфигурации геополитических сил// Мировая экономика и международные отношения. 1993. №7. с.72.

¹¹ *Загладин Н.Н., Мунтян М.А.* Некоторые аспекты нового геостратегического положения России// Мировая экономика и международные отношения. 1993. №7. С.11.

¹² *Станкевич С.Б.* Выступление на научно-практической конференции МИД РФ (26-27 февраля 1992 года)//Международная жизнь. 1992. №3-4. с.107.

¹³ *Плешаков К.В.* Миссия России. Третья эпоха// Международная жизнь. 1993. №1.с.25.

¹⁴ *Гаджиев К.С.* Геополитические перспективы Кавказа в стратегии России / Мировая экономика и международные отношения. 1993. №1. с. 82.

¹⁵ Московские новости. 14.03.93.

¹⁶ Куранты. 16.04.93.

¹⁷ Конституция республики Татарстан. Казань. 1992. ст.62.

¹⁸ *Адамишин А.Л.* Российская Федерация, составляющие ее величины и международные отношения// Международная жизнь. 1993. №3. с.25.

Глава XV ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Изменение ситуации в мире после окончания холодной войны значительно ослабило угрозы внешней безопасности бывшего СССР, в том числе и России, в связи с чем ее министр иностранных дел неоднократно подчеркивал фактическое отсутствие какого-либо источника опасности для страны, потенциальных противников и ассоциировавшихся с ними военных угроз. Однако впоследствии такая установка, так же как и однозначная ориентация российского руководства на западные экономические и политические модели и безоговорочное следование рекомендациям МВФ, подверглась значительной модификации. И если главным аргументом, который заставил исполнительную власть признать, хотя бы на словах, необходимость корректировки «западнического» курса и вынудил обратить внимание на социальные проблемы, стал фактический провал гайдаровских реформ и его политические последствия (в том числе и «феномен Жириновского», и усиление коммунистов), то подобные причины характерны и для изменения позиции в сфере внешнеполитических ориентиров. Во-первых, обнаружилось, что окончание холодной войны отнюдь не принесло человечеству вечного мира и всеобщего поворота к демократии. Напротив, как мы уже видели, в чем-то международная ситуация стала даже опаснее, чем прежде. Во-вторых, провозглашение российским руководством «партнерских» и «союзнических» отношений с Западом и, в первую очередь, с США не сделало эти отношения безоблачными. Более того, стоило России заявить о том, что у нее могут быть собственные национальные интересы, диктуемые историческими традициями и геополитическим положением, как со стороны западных «партнеров» последовало обвинение ее в возрождении имперских амбиций, и наступило определенное «похолодание» российско-американских отношений. Наконец, ужесточилась и приняла целенаправленный характер критика «внешнеполитического романтизма» российского руководства, в которой объединились фактически все оппозиционные правительству силы в том числе и продемократические.

В документе, посвященном концепции российской внешней политики (апрель 1993), МИД уже констатирует разбалансированность международных отношений, связанную с переходным

периодом в их эволюции, сохранение некоторых прежних и появление новых угроз стабильности и безопасности на глобальном и региональном уровнях. Выдвинув в числе стратегических задач необходимость «предотвратить превращение Восточной Европы в своего рода буферный пояс, изолирующий нас от Запада», не допустить вытеснения России западными державами из восточноевропейского региона, противодействовать всевозможным рецидивам имперской политики Вашингтона¹, внешнеполитическое ведомство как бы признало, что угрозы безопасности России все же имеются.

И действительно, постсоветская Россия сталкивается сегодня с целым рядом вызовов, связанных как с изменениями системы международных отношений, так и с наследием эпохи холодной войны. Назовем лишь наиболее значительные из них:

в международных отношениях по-прежнему продолжает играть важную роль ядерное сдерживание и военно-силовой фактор. При этом ядерное оружие становится все более доступным, что обостряет проблему его нераспространения; оставаясь одним из крупнейших в мире государств по своим природным ресурсам и ядерному потенциалу, постсоветская Россия тем не менее не может, в силу причин внутреннего и международного порядка, играть роль глобальной державы, оказывающей одно из решающих воздействий на ход мировых процессов. Это сужение ее международных возможностей, по сравнению с СССР, имеет и субъективный аспект: при доброжелательном отношении Запада к ее усилиям по реформированию своей политической и экономической системы, с его стороны наблюдается и непонимание ее международных проблем, и сопротивление экономическим и политическим интересам Российской Федерации на мировой арене. Реальна и угроза превращения России в сырьевой придаток Запада; изменение непосредственного международного окружения Российской Федерации ставит перед нею непростые задачи формирования качественно новых отношений с бывшими советскими республиками, ставшими суверенными государствами. При этом нельзя не учитывать груза связанных с историей совместного существования проблем, наличие в сопредельных странах реальных и потенциальных очагов локальных войн и вооруженных конфликтов, опасности, исходящие от проникновения исламского фундаментализма на территорию соседних государств, и т.п.

отмеченные ранее тенденции глобализации и фрагментации международных отношений находят проявление и в Российской Федерации, которую в определенном смысле можно рассматривать как своеобразную модель международной системы; пре

обладание второй из указанных тенденций несет в себе угрозу распада России как целостного государства;

фактом являются и территориальные претензии к России со стороны ряда соседних государств. Кроме того, Российская Федерация сталкивается и с такими относительно новыми для нее вызовами, как противоречия в проявлении тенденций к демократизации и социализации международных отношений, рост международной преступности и терроризма и т.п.

Сложность вышеотмеченных вызовов, новизна большей части из них, переходный характер самой международной системы – все это в сочетании с особенностями постсоветской России убеждает в том, что отсутствие у нее последовательной внешней политики и завершенности в ее концептуальном обосновании не являются случайными. Более того, на данном этапе создание такой концепции, в которой были бы жестко зафиксированы основные приоритеты в международных отношениях Российской Федерации, представляется не только невозможным, но и нежелательным. Вместе с тем нежелательность заранее заданной предопределенности не означает, конечно, что российская внешняя политика должна представлять собой беспорядочную совокупность импульсивных действий на мировой арене.

Характером международных проблем, с которыми она сталкивается в настоящее время, определяются и основные направления ее внешней политики. В пространственном отношении они могут быть представлены в виде ряда «кругов», в каждом из которых имеются свои приоритетные задачи. Во-первых, это постсоветское геополитическое пространство (в рамках которого, в свою очередь, существует несколько дифференцированных сфер, представленных, например, балтийскими государствами; славянскими государствами и Молдовой; кавказскими регионом; странами Центральной Азии). Во-вторых, - восточноевропейское направление, Средний Восток (Турция, Иран, Афганистан, Ирак), Китай; Западная Европа, США, Канада, Япония; страны американского континента, Африка, АТР и т.д. В целом эти два «круга» охватывают так называемое ближнее и дальнее зарубежье. При этом в «ближнем зарубежье» российская внешняя политика сталкивается с наиболее сложными проблемами, требующими нетривиальных подходов и решений. Однако при всей их важности нельзя не признать того, что существует еще один «круг» отношений, которые не являются международными отношениями в формальном смысле этого термина, но приближаются к ним по своему реальному содержанию и значимости. Речь идет о так называемом «внутреннем зарубежье» или, иначе говоря, о субъектах Российской Федерации.

1. Проблема сохранения государственной целостности Российской Федерации

Приоритетность в решении проблем, связанных с субъектами Российской Федерации, обусловлена целым рядом обстоятельств. Во-первых, сохранение государственной целостности - один из важнейших составных элементов национального интереса, безопасности и стабильности любого государства. Во-вторых, взаимосвязь и взаимозависимость эндогенных и экзогенных явлений, их тесное переплетение становятся неотъемлемой чертой современных политических процессов. В-третьих, в отношениях между народами в рамках многонационального, многоэтнического, многоконфессионального федеративного государства, каким является Российская Федерация, и международными отношениями в традиционном понимании этого термина имеется много общего. Наконец, в-четвертых, бывшие автономные республики трактуются в российском Федеративном договоре как «суверенные государства в составе Федерации», края и области - как «государственно-территориальные образования в составе Федерации». При этом Чечня объявила о своем полном государственном суверенитете, Татарстан - о введении двойного гражданства. С учетом деклараций о создании Челябинской, Приморской и других республик, вначале в составе Российской Федерации насчитывалось 23 республики.

Что лежит в основе распространения феномена «суверенизации» на территории постсоветской России? Возможно ли в этих условиях сохранение целостности Российской Федерации? Какими должны быть методы и средства, способствующие такому сохранению? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть причины и реальное содержание происходящих процессов.

Прежде всего, следует иметь в виду, что основным генератором «суверенизации» являются причины экономического характера, связанные с потребностями в самостоятельном управлении ресурсами, собственностью, доходами того или иного региона. Важное значение имеет и проблема национального развития. Как мы уже убедились, национальное и государственное развитие - это взаимосвязанные, более того, неразрывные аспекты развития социума, причем стремление наций и народностей, являющихся составными элементами многонационального государства, к собственной государственности возрастает до критической отметки именно в периоды экономических и политических кризисов. Попытки воспрепятствовать такому стремлению силовыми методами приводят, как свидетельствует опыт, к прямо противоположным результатам. В этом убеждают, например, неудавшиеся попытки сохранить балтийские республики в составе СССР, действия руководства Азербайджана в отношении Нагорного Карабаха, или же политика правительства Шеварднадзе в

отношении Абхазии. Их объединяет неприятие «центром» идеи самостоятельности региона, отказ от понимания того, что в ее основе лежит объективная тенденция к фрагментации современных общественных отношений (и как следствие недооценка всей глубины противоположной ей тенденции к интеграции), объяснение происходящего только амбициями местных политиков, наконец, использование «аргументов силы» для доказательств собственной правоты. В результате относительно умеренные требования регионов радикализируются, придается мощный импульс националистическим настроениям, сепаратизм многократно усиливается, а иногда и принимает необратимый характер. Подобная ситуация ведет либо к заведомо обреченному (и уж во всяком случае паллиативному) наращиванию силовых методов, к затяжному вооруженному конфликту, в котором проигрывают народы обеих сторон, либо к необходимости неизмеримо больших уступок со стороны «центра».

Надо сказать, что на сегодняшний день в России ведется дискуссия между сторонниками трех моделей сохранения государственной целостности, которые могут быть названы державно-унитарной, национально-конфедеративной и регионально-федеративной. Колебания в федеративной политике правящего режима - от единого подхода к управлению на всем пространстве России до принятия Федеративного Договора с признанием за республиками права на государственный суверенитет и его фактической отмены в дальнейшем - в определенной мере можно рассматривать и как отражение указанной дискуссии.

Сторонники державно-унитарной модели апеллируют к необходимости возрождения России как великой державы - прежде всего в военно-стратегическом смысле. Самостоятельность регионов и республик рассматривается ими как фактор дезинтеграции, что обуславливает, по их мнению, неизбежность достаточно жесткого тона по отношению к сепаратистским тенденциям внутри Российской Федерации, а также потребность в сохранении контроля над стратегическими ресурсами со стороны центральной власти. В рамках данной модели необходимость сохранения и даже усиления политической централизации обосновывается также потребностями экономической модернизации и рыночных реформ. Однако при этом не учитывается, что несовпадение географических, экономических, национальных и социальных условий делает по сути невозможным осуществление рыночных реформ в одно и то же время и одинаковыми методами на всей территории страны. Кроме того, процесс «суверенизации» республик и регионов зашел уже достаточно далеко, и попытки остановить его при помощи средств силового воздействия чреваты серьезными конфликтами, усугубляющими угрозу дезинтеграции государства.

В этой связи сторонники национально-конфедеративной модели подчеркивают, что идея о децентрализации всех управленческих процессов и структур Российской Федерации, о предоставлении всем ее нациям и народностям благоприятных условий для развития через собственную государственность - не прихоть отдельных политических лидеров, а настоятельная потребность, диктуемая задачей сохранения целостности российского государства, причем это касается не только татар, якутов и других народов в составе Российской Федерации, но и русских. Однако в силу исторических причин русские как единый этнос не занимают компактной территории, а расселились по ряду регионов и, кроме того, дифференцировались в социокультурном отношении. Поэтому субъектами единого государства, наряду с национальными республиками, должны стать и такие республики, как Уральская, Московская, Санкт-Петербургская, Приморская, Сибирская, и др. Именно через них, как считает известный юрист С. Алексеев, и произойдет возрождение и расцвет русского народа. В дальнейшем неизбежны интеграционные процессы, о формах которых пока говорить еще рано. Но сегодня процесс создания на территории Российской Федерации множества суверенных республик представляется неизбежным и необходимым (см. прим.4 к гл. XIV, 9.07.93). Таким образом, данная модель является как бы полярной противоположностью первой: в противовес жесткой централизации, она выдвигает идею сохранения государственной целостности путем едва ли не полной ликвидации всякого «центра» и передачи его функций, за исключением тех, которые связаны с координацией процессов в рамках единого и взаимозависимого хозяйственного комплекса, сохранением единого гражданства и т.п. На деле же это в лучшем случае означает не что иное, как путь к конфедерации с туманными перспективами интеграции в неопределенном будущем. При этом необходимо учитывать, что, как отмечалось выше, каждая республика уже сегодня стремится к установлению самостоятельных, минуя центральные органы, отношений не только с другими республиками в рамках Российской Федерации, но и за ее пределами, что отсутствие четких механизмов координации и контроля, разграничения компетенции между федеративными и республиканскими органами способно нанести ущерб международным обязательствам России или же интересам и правам других республик. В конечном счете это ведет к дальнейшей дестабилизации и снижению порога безопасности для России.

*В качестве примеров можно назвать договор «О дружбе и сотрудничестве» между Татарстаном и Марий Эл, стремление Казани придать системный характер своим отношениям с Башкортостаном и мусульманскими республиками на юге Российской Федерации и т.п.

Регионально-федеративная модель ориентирована на то, чтобы избежать подобного рода угроз, и вместе с тем опираться на имеющиеся тенденции с учетом национальной и территориальной неоднородности Российской Федерации и сложившихся здесь реальностей. Она исходит из того, что в основе процессов «суверенизации» лежит общая экономическая деградация и ослабление роли центра по отношению к периферии. Поскольку же главным фактором сепаратизма является экономика, а не национальный вопрос, постольку условиям российской государственности лучше всего отвечает всемерная децентрализация, подъем экономики и благосостояния регионов путем передачи на места основных функций управления и регулирования хозяйственной жизни. Такая модель предполагает самостоятельное использование регионами местных ресурсов, распоряжение собственностью, участие в международных экономических, торговых, культурных обменах, что будет способствовать укреплению властных полномочий местных органов при сохранении за федеральными структурами координирующих и управленческих функций. При этом степень экономического суверенитета регионов, учитывая разнообразие их условий, должна варьироваться: от практически полного (свободные экономические зоны) до более или менее ограниченного². Особенно важным, с этой точки зрения, является участие в международном сотрудничестве приграничных регионов (например, Приморья, Хабаровского края, Калининградской области и т.д.), которые через установление системы субрегиональных связей с сопредельными государствами, привлечение иностранного капитала могут стать зонами ускоренной технологической модернизации и интенсификации экономической реформы. С этой целью им может быть предоставлен особый статус и особые полномочия в сфере правового регулирования внешнеэкономических связей.

Преимущество данной модели состоит в том, что она нацеливает на противодействие тенденции к распаду российской государственности через децентрализацию и обеспечение регионам наиболее оптимальных условий для их развития, что лежит в русле современных мировых процессов³. Вместе с тем предполагаемое различие в статусах регионов и, главное, недооценка стремления республик к национальному самоопределению содержит в себе потенциальную опасность эскалации противостояния «центра» и «периферии» Российской Федерации.

Таким образом, предотвращение распада Российской Федерации, сохранение ее государственной целостности требует установления нового типа отношения между федеральными и региональными органами. Это связано с необходимостью учитывать как общие тенденции в развитии современных международных отношений, так и особенности нашей страны, представляющей собой, с одной стороны, единый и взаимозависимый хозяйственный комплекс,

целостное геополитическое, социокультурное пространство, а с другой - неоднородность интересов различных групп населения, связанную с многообразием его этнонационального состава, региональной социоэкономической специфики, традиций и образа жизни, условия и уровня повседневного существования. Отсюда вытекает объективное требование дифференцированного подхода к субъектам Федерации в строительстве новой демократической России. В то же время такой подход не принесет успеха, если не будет направлен на достижение взаимного согласия всех республик, регионов и областей, опираться на легитимную правовую основу, гарантирующую равные права и свободы всем гражданам. Одна из главных задач строительства новой российской государственности состоит в том, чтобы создать механизмы, которые могли бы обеспечить демократический контроль над государством со стороны общества. Это и одна из центральных проблем, ибо незащищенность личности перед государством является мощным препятствием на пути реформ. Пока же можно констатировать, что такая незащищенность в условиях максимальной коррумпированности госаппарата и контроля за ходом приватизации со стороны возросшего числа чиновников всех уровней неизмеримо увеличилась.

2. Национальные интересы и политика России в «ближнем зарубежье»

Российское внешнеполитическое ведомство с полным основанием подчеркивает «приоритетность отношений со странами ближнего зарубежья как непосредственного геополитического окружения России, от характера которого напрямую зависит как судьба внутренних преобразований в нашей стране, так и ее положение на международной арене». МИД отмечает необходимость сочетания формирования новых отношений с этими странами «с наращиванием многосторонних форм взаимодействия», обосновывает «целесообразность «разноскоростного» подхода к формам организации и функционирования СНГ». Выдвигается «стратегическая цель формирования «пояса» добрососедства вокруг России... Перспектива - становление Содружества в качестве влиятельной региональной международной организации» (см. прим.1, с.19).

Возникает вопрос: есть ли реальные основания для постановки столь далеко идущих задач? Вопрос не случайный, если иметь в виду как противоречия и конфликты между бывшими советскими республиками и их претензии к России, так и еще недавнюю пессимистическую оценку СНГ многими экспертами (в том числе и из структур самого МИДа), которые рассматривали его как «мертворожденное дитя», не имеющее перспектив (см., например, Независимая газета, 12.03.92). В этой связи СНГ отводилась роль механизма «цивилизованного развода», регулятора обвального

распада связей между частями ранее целостного политического, экономического и социокультурного пространства. К СНГ складывалось отношение как к сугубо временному явлению, призванному обеспечить явно господствовавшим дезинтеграционным процессам регулируемый характер. Поэтому попытки сохранения прежних связей считались не меньшим препятствием на пути российских реформ, чем их распад. Выход из подобного парадоксального состояния виделся в создании условий для постепенного перехода России с периферии в центр мирового хозяйства и вхождение в число ведущих государств мира.

Действительно, реальные процессы давали основания считать иллюзорной идею преобразования СНГ в более тесное сообщество государств, идущее по пути интеграции. Явно провалились планы создания эффективного межгосударственного объединения с координирующими органами, единым экономическим пространством, единой валютой, единой стратегией рыночных реформ, скоординированной налоговой и таможенной политикой, объединенными вооруженными силами, прозрачными внутренними границами, совместным контролем внешних рубежей и т.п. После декабря 1991 года бывший СССР вступил в полосу непрерывно обостряющихся противоречий между его распавшимися частями: проблемы вывода войск, дележа имущества и долгов, формирования армии и флота, принадлежности территорий и внутренних трудностей и конфликтов - все становится источником разногласий, питает взаимное недоверие. Особые подозрения вызывает Россия: ее обвиняют в разжигании конфликта между абхазами и грузинами, в поддержке незаконной Приднестровской республики, в провоцировании сырьевого кризиса и т.п. Доходит до абсурда: так, в начале 1992 года Украина отказалась подписывать совместное с другими постсоветскими государствами соглашение по экологическому сотрудничеству, заклеив его как давление России, заставляющее ее изменять свои законы (4, с.106). Политические элиты, пришедшие к руководству в государствах СНГ, опасаясь потери власти, проявляют склонность придавать идеологическую окраску любому вопросу, связанному с межгосударственными отношениями в рамках постсоветского геополитического пространства. При этом, так же как и Россия, каждое постсоветское государство стремится самостоятельно «войти в цивилизованный мир», создать рыночное общество, добываясь западных кредитов и привлекая иностранных инвесторов в национальную экономику. Отдельные голоса о губительности поспешного разрыва хозяйственных и иных связей, о необходимости сотрудничества и координирования усилий в проведении экономических реформ не имеют по сути никакого резонанса. Потребовалось время и разрушительные результаты попыток самоизоляции по отношению друг к другу, для того, чтобы наступило некоторое отрезвление.

Определенный перелом возникает в начале 1993 года. Потенциал дезинтеграции близится к концу. Становятся более-менее очевидными два важных момента. Во-первых, слабая историческая легитимность большинства новых государств, особенно в современных границах и с нынешним национальным составом населения. Ситуация требует не взаимных обвинений и поиска внешних врагов, а совместного решения вопросов, связанных с необходимостью реагировать на последствия социально-психологической травмы, полученной населением, большинство которого ощущало себя единым народом, с общими историческими традициями и совместным будущим. Во-вторых, одновременно с первыми атрибутами новой государственности приходит и постепенное осознание действительных, а не мнимых национальных интересов, что связано с оценкой реальных возможностей ускоренного экономического развития при помощи таможенных барьеров, введения собственной валюты и других атрибутов суверенности. Приведем хронику важнейших событий в этом отношении (цит. по прим.4;7, гл. XIV)

22 января 1993 года происходит встреча лидеров стран СНГ в Минске, предполагающая процесс создания новой легальной структуры содружества и возможность «мягкого» присоединения к новому Уставу (на протяжении года). На встрече к Уставу присоединились семь стран - участниц СНГ (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан). Не присоединились Украина, Молдова, Туркменистан. Были приняты важнейшие решения о рублевой зоне, учреждении межгосударственного банка, подписан ряд документов.

30 апреля в Минске завершилась встреча глав правительств государств СНГ. Утверждено положение о Координационноконсультативном комитете и об Исполнительном секретариате СНГ. С точки зрения ряда наблюдателей, минская встреча показала возможность создания экономического союза даже для окончательно независимых государств.

14-18 мая в Москве состоялась закрытая встреча глав государств и правительств стран СНГ, посвященная решению вопроса о возможности создания экономического и оборонного союза в рамках Содружества. Встреча закончилась подписанием декларации об образовании Экономического союза (ЭС).

13 июля главы правительств России, Украины и Беларуси подписали совместное заявление о неотложных мерах, направленных на более тесную экономическую интеграцию. Документ подтверждает настоятельную необходимость и твердое намерение создать экономический союз.

19 июля главы правительств Беларуси, России и Украины заявили о необходимости углубления экономической интеграции на основе развития рыночных отношений и более тесного

трехстороннего сотрудничества. В последнем абзаце заявления говорится о том, что к договору могут присоединиться государства, «не участвующие в любых других экономических союзах и объединениях». Ряд экспертов рассматривает это заявление как реакцию на предпринимаемые действия государств Средней Азии, Казахстана и Азербайджана по более тесному экономическому сотрудничеству с Турцией, Ираном, Пакистаном и Афганистаном.

20 сентября милли меджлис Азербайджана принял решение о вступлении республики в СНГ. В начале октября согласно этому решению руководство Азербайджана подписало Договор об экономическом союзе и присоединении к Договору о коллективной безопасности. Милли меджлис вступает также в Межпарламентскую ассамблею стран - членов СНГ.

В начале октября членом СНГ становится Грузия. Вполне вероятным становится вступление в Содружество Молдовы.

24 декабря - встреча лидеров стран - членов СНГ, высказавших определенный оптимизм относительно его будущего.

Начало 1994 года ознаменовалось подписанием межправительственного соглашения «О порядке объединения системы Белоруссии с денежной системой Российской Федерации и механизме функционирования общей денежной системы». В апреле 1994 г. Н. Назарбаев выдвигает перед лидерами стран - членов СНГ идею создания Евразийского Союза, предполагающего более тесное экономическое и политическое объединение бывших советских республик, входящих в Содружество.

Развитие событий показывает, таким образом, наличие устойчивой тенденции к реинтеграции постсоветского пространства, основанной не на априорно разработанных подробных проектах создания тех или иных структур, предопределении направлений совместной деятельности, не на уверениях во взаимном уважении и дружеских чувствах между народами, а на все более адекватно осознаваемых интересах бывших советских республик по мере развития и укрепления их государственности. И можно предположить, что чем больше эти республики будут превращаться в полноценные независимые государства, тем более разнообразными, развитыми и устойчивыми будут формы их многостороннего и двустороннего сотрудничества. В этой связи ряд исследователей приходит к обоснованному выводу о том, что в обозримой перспективе территория бывшего СССР неизбежно станет одной из самостоятельных подсистем международных отношений⁵.

Объективно, в силу своего геополитического положения и ресурсов, Россия выдвигается на роль лидера этой подсистемы. Более того, в последнее время становится все более заметным давление на нее в этом направлении со стороны стран СНГ. Интересы самой России в данном регионе вытекают, во-первых, из необходимости

обеспечения благоприятных условий для проведения внутренних реформ и выхода из кризиса, а, во-вторых, формирования пояса безопасности и добрососедства по периметру ее границ. На первом этапе своей деятельности руководство российского МИДа, учитывая настроения в политических кругах постсоветских республик, всячески подчеркивало, что РФ не стремится к выполнению «неоимперской роли» на территории бывшего СССР. В этой связи и правительство РФ стремилось демонстрировать, что основные усилия российской внешней политики будут направлены на то, чтобы договариваться, искать компромиссы, защищать свои позиции аргументами. Оно пыталось избегать функций посреднического звена в отношениях между государствами СНГ. Оно также стремилось интернационализировать проблему вооруженных конфликтов в СНГ путем привлечения к их разрешению авторитетных международных организаций.

Однако на пути проведения своей линии Россия сразу же сталкивается с многочисленными проблемами и трудностями. Достаточно назвать, например, такие проблемы, как положение примерно 25 млн. русских в этих республиках, территориальные претензии со стороны балтийских государств, вопрос о ядерном оружии в Украине, спор по поводу Черноморского флота, отсутствие ясной позиции России в Таджикиском конфликте, тенденция к образованию субрегиональных группировок на южных границах Российской Федерации, действия исламских экстремистов в Таджикистане, наконец, давление на государства Центральной Азии идеологии панисламизма и формирование зон ее влияния на территории России. Сложность проблем ближнего зарубежья, потенциальная угроза российской безопасности, которую несут в себе многие из них, привела Россию к необходимости более решительной политики.

Действительность показала, что Россия не может уклониться как от активной политики по выполнению роли гаранта стабильности на территории СНГ, так и от использования всего арсенала методов - включая и «жесткие» методы экономического и политического давления - для защиты своих интересов. Так, уже 29 октября 1993 г. Б. Ельцин распорядился приостановить вывод российских войск из стран Балтии до подписания с последними межгосударственных соглашений о порядке эвакуации и мерах социальной защиты военнослужащих. В марте, 1993 г., когда Госсобрание Эстонии приняло дискриминационный закон об иностранцах, в котором к разряду иностранцев отнесены все «неграждане», Б. Ельцин предупредил, что российским правительством «будут предприняты все необходимые меры для защиты своих национальных интересов и ограждения русскоязычного населения от политического, социального и полицейского произвола». Даже само создание экономического союза СНГ, с точки зрения некоторых экспертов, стало

возможным во многом ввиду опасности резкого снижения Россией доли субсидирования соседних экономик за счет сокращения объемов технических кредитов, которые в 1992 году достигли 10% от российского ВВП.

Что касается региональных конфликтов на территории бывшего СССР, то и в этом вопросе, несмотря на ряд неудач (карабахский конфликт, грузино-абхазская война), России не избежать роли посредника, а в отдельных случаях и прямого участия своих войск. Пространство в границах бывшего Советского Союза, как справедливо подчеркнул А.В. Козырев, «это не «неоимперское», но все же уникальное, единственное в своем роде геополитическое пространство, где никто за Россию мира не сделает» (прим.4 к гл. XIV, 22.09.93). К такому же выводу приходят и эксперты - как в самой России, так и за ее пределами, - учитывающие ограниченные возможности и малоэффективность использования войск ООН для поддержания мира в различных регионах планеты (см. прим.7 к гл. XIV, 29.09.93).

Таким образом, даже столь краткое рассмотрение вопросов, связанных с национальными интересами и внешней политикой России в бывшем СССР, убеждает в необходимости понятной (как для внутреннего использования, так и для внешнего мира) концепции государственной линии в ближнем зарубежье вообще, и в зонах конфликтов - в частности. Подчеркивая это обстоятельство, многие эксперты: например, Э. Паин (см. прим.7 к гл. XIV, 29.09.93), С. Кондрашов (см. прим.7 к гл. XIV, 29.09.93), О. Лацис (см. прим.7 к гл. XIV, 29.09.93) с тревогой отмечают отсутствие у российского руководства такой линии и даже единства в подходах к ее содержанию. К данной проблеме добавляется еще одна: российская политика и внутри страны, и в рамках бывшего СССР нуждается если не в поддержке, то хотя бы в адекватном понимании лежащих в ее основе интересов со стороны других участников международных отношений, и прежде всего - развитых стран. Между тем этого часто не хватает.

3. Россия и дальнейшее зарубежье

Стало уже общим местом положение о том, что окончание холодной войны создало благоприятное для России международное окружение. Однако, - и на это обращается внимание гораздо реже в постбиполярном мире Россия отнюдь не получила в готовом виде всех внешних условий для своих реформ. Более того, по сравнению с бывшим СССР она оказалась во многом в более сложной ситуации.

Потеря статуса сверхдержавы и необходимость создания и поддержания имиджа демократического государства практически лишили ее силовых средств достижения своих целей на мировой арене. В то же время сокращение ресурсной базы внешней политики,

глубокий внутренний кризис снизили и возможности влиять на международные дела методами дипломатии.

Выше уже отмечалось значение стран Восточной Европы для российской внешней политики. В положении России и бывших социалистических стран много общего. Подобно бывшим республикам СССР, многие из них уже осознали, что при том уровне интеграции, который имелся прежде между ними и Советским Союзом, при жесткой конкуренции на западных рынках они заинтересованы в расширении сотрудничества с Россией и другими странами СНГ. К этому побуждает и необходимость расширения рынков, и потребности в сырье и энергоносителях, и ориентация некоторых видов производства, не находящего спроса на Западе. В свою очередь, для России, помимо очевидных экономических выгод, сотрудничество со своими давними партнерами, продвинувшимися гораздо дальше по пути реформ, важно и в политическом, и в политико-психологическом отношении. Оно может способствовать укреплению российских связей с западными странами ближнего зарубежья (например, Украиной, Беларусью, Молдовой, Литвой), а также с развитыми европейскими государствами.

Экономический спад в ведущих капиталистических странах, жесткая конкуренция между тремя центрами мировой экономической системы - США, Японией и Западной Европой - при огромном отставании России от Запада в экономическом развитии, уровне технологического оснащения производства и т.д. делают маловероятными шансы на вхождение РФ в семерку ведущих государств мира и значительно затрудняют ее возможности встраивания в систему мирохозяйственных связей. То же можно сказать о перспективах подключения России к интеграционным процессам в Западной Европе, тем более, что события в экс-Югославии и последствия развала СССР способствовали их значительному замедлению. Специалисты отмечают, что югославский кризис показал: европейские страны по-разному видят свою роль хотя бы на Балканах. Германия, например, склонна мыслить в категориях сфер влияния (см. прим. 13 к гл. XIV). Впрочем, то же можно сказать и о США, объявивших территорию бывшей СФРЮ зоной своих жизненных интересов.

При настоятельной потребности России в западных кредитах и инвестициях поддержка российских реформ со стороны развитых стран носит, главным образом, моральный характер. Это показала, например, токийская встреча семи ведущих стран мира, состоявшаяся в июле 1993 г. Участники токийского мероприятия неоднократно подчеркивали свое удовлетворение результатами апрельского референдума в России. Вместе с тем они всячески давали понять, что кроме самой России ей никто не поможет. От каких-либо обещаний, касающихся действительно насущных российских проблем - новых отсрочек по долгам, допуска на западные рынки, снятия

дискриминационных ограничений в торговле и т.п. - «семерка» уклонилась. Разумеется, Запад заинтересован в поддержке российских демократических преобразованиях, открывающих путь к стабильной, предсказуемой во внешнеполитическом плане России, с ее возможностями потенциального рынка сбыта и регионального сотрудничества. Нельзя не видеть и определенных конкретных мер в этом отношении. Так, согласно апрельскому соглашению 1993 года между Россией и Парижским клубом, объединяющим 19 стран - ее кредиторов, из 17 млрд. долларов, которые Москва должна была выплатить своим кредиторам, она вернет только два. На остальные получен 10-летний мораторий. В конце октября 1993 года России удалось получить со стороны ЕС статуса страны с переходной экономикой, которого она долго добивалась. В перспективе это снимает главные препятствия в подготовке к подписанию договора о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС и открывает возможности равноправных отношений в торгово-экономических обменах.

Было бы, однако, ошибкой думать, что речь идет о близкой и однозначной перспективе. Если Запад и готов оказать определенную помощь кредитами, которые будут возвращены с процентами и которые поддерживают также различные секторы в самих западных странах, то с принципом равенства в экономических контактах и торговле дело обстоит сложнее. Этот принцип напрямую затрагивает национально-государственные интересы, поэтому здесь не приходится ожидать быстрых результатов. Переговоры с ЕС о зоне свободной торговли начнутся только в 1998 году. При этом Европейские сообщества запрашивают для своих компаний и банков, обладающих явными конкурентными преимуществами по сравнению с российскими, льготный режим на территории РФ, сохраняя одновременно определенные препятствия для наших конкурентоспособных фирм на рынке ЕС, занимающихся, в частности, космическими запусками и автотранспортными перевозками (см. прим.7 к гл. XIV, 30.10.93). Между тем Европа, например, уже сегодня стремится оградить себя от дешевых товаров, которые может экспортировать Россия, - стали, цветных металлов, некоторых видов сельскохозяйственной продукции и т.п.

Впрочем, и с кредитами все обстоит достаточно не так просто. По оценкам МВФ, в 1992-1993 годах Россия должна была получить около 80 млрд. долларов. Однако в 1992 году из этой суммы было предоставлено не более 30 млрд. Данных на 1993 и последующие годы нет (см. прим.7 к гл. XIV, 15.10.93). Значительная доля вины за это ложится на саму Россию: отсутствие необходимой правовой базы, соответствующих структур, которые позволили бы эффективным образом воспользоваться западными капиталами, оседание значительных сумм из предоставляемой помощи на зарубежных банковских счетах российских граждан - все это не

способствует привлечению финансовых инъекций в нашу страну. И все же следует ясно видеть, что мотивы осторожности, проявляемой Западом к финансовой помощи РФ, состоят не только в том, что в западных странах происходит экономический спад, как и не в проблемах использования этой помощи Россией. Здесь присутствуют и опасения, которые Запад испытывает перед возможным усилением России. Это касается как уже упомянутого экономического, так и политического аспекта проблемы.

Так, например, российский министр иностранных дел отмечал существование определенной сдержанности, если не подозрительности в отношении роли России в урегулировании конфликтов на пространстве бывшего СССР. При этом Россия и ее соседи неоднократно обращались к ООН и СБСЕ с предложениями о более тесном сотрудничестве. Наконец, было принято решение СБ ООН о развертывании в Абхазии миссии наблюдателей ООН. Однако, к концу октября 1993 года из 88 наблюдателей в зону конфликта прибыло только 22 (см. прим.2 к гл. XIV, 22.09.93). А. Козырев подчеркивал, что уже два года Россия в одиночку несет тяжкое финансовое бремя реального миротворчества в конфликтах по периметру своих границ. При этом ратный труд российских солдат и офицеров оплачивается в сотни раз ниже, чем в случае с операциями ООН. «И это в то время, когда на нас регулярно начисляются многомиллионные взносы для операций ООН по поддержанию мира в далеких регионах. Россия признает эти свои обязательства перед ООН. Но ведь ООН - универсальная организация, и она тоже обязана признать, что усилия России и ее соседей по обеспечению мира и стабильности на пространстве бывшего СССР имеют как минимум не менее важное значение для региональной и международной безопасности, чем, скажем, тушение кризисов в Центральной Америке» (см. прим.2 к гл. XIV, 22.09.93). Цель России добиться создания специального фонда для финансирования операций по поддержанию мира в Таджикистане, Грузии, Молдове и других горячих точках СНГ. Однако эта идея не находит поддержки у Запада. «Запад опасается, - как прямо сказал высокопоставленный британский дипломат, - что Москва поддастся искушению восстановить свои прежние позиции и сферы влияния в соседних государствах» (см. прим.7 к гл. XIV, 29.10.93). Генеральный секретарь ООН заявил, что российские войска не получают мандат ООН на проведение миротворческих операций в бывших республиках СССР: «Мы будем приветствовать их участие в операциях в Азии, в Америке. А в бывшие советские республики мы должны посылать войска из Латинской Америки, Африки и Азии» (см. прим.7 к гл. XIV, 28.10.93). Позиция достаточно спорная, особенно учитывая такие факторы, как финансовые трудности ООН (а переброски воинских контингентом из России за океан и оттуда в постсоветский регион потребует огромных затрат), так и слабую эффективность (а

по сути, провал) ее миротворческих усилий в бывшей Югославии и Сомали.

Еще одна проблема, касающаяся отношений России с Западом и ООН, связана с экономическими санкциями. Дело в том, что санкции ООН против таких стран, как Югославия, Ирак и Ливия, наносят серьезный ущерб экономическим интересам России. При этом действия ООН не привели к урегулированию кризисных ситуаций в регионах Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, непосредственно примыкающих к российским государственным границам. Специалисты считают, что Россия могла бы сыграть незаменимую посредническую роль в отношении как между близкими ей славянскими народами в бывшей Югославии, так и мировым сообществом и Ираком, а также Ливией. Отмена или ослабление экономических санкций ООН против Ирака и Ливии отвечает фундаментальным экономическим интересам России прежде всего потому, что эти страны остаются одним из наиболее емких рынков российской машиностроительной продукции, военного оборудования и материалов, что в условиях глубокого экономического кризиса и бюджетного дефицита в РФ жизненно важно для поддержки национальной промышленности и облегчения обслуживания российского внешнего долга. Сложное положение, в котором сегодня находится Россия, заставляет ее колебаться с применением права вето против указанных санкций в СБ ООН. В свою очередь, западные страны не проявляют склонности учитывать аргументы российской стороны. Поэтому одним из постоянных требований и одновременно затруднений в отношении с ними является трезвая оценка их текущих и перспективных интересов в отношении России, а также оценка Россией собственных национальных интересов. Ключевую роль в этих отношениях будут играть двусторонние отношения России с ведущими промышленно развитыми странами - прежде всего с Великобританией, Францией и Германией (см. прим. 3, с.67).

Один из важных приоритетов российской политики отношения с США, так же как и с Западной Европой. В пользу этого говорит накопленный данной страной опыт демократии в социально-политической и хозяйственной области, возможности ее помощи в осуществлении крупномасштабных программ конверсии и технологической модернизации при отмечаемом многими российскими и американскими исследователями сходстве политико-психологического облика обоих народов. США объективно заинтересованы в сближении с Россией и успехе российских реформ - с точки зрения и потенциального российского рынка, и создания определенного противовеса как Японии, так и Западной Европе. Однако и здесь были бы неоправданны завышенные ожидания и надежды на решение проблемы вхождения в мировую систему экономических отношений при помощи американцев. Россия может создать серьезную

конкуренцию США в торговле оружием, что хорошо понимают в Вашингтоне и стремятся предпринять против этого меры. Такие меры могут быть достаточно жесткими. Как показал конфликт между Россией и США весной 1993 года по поводу поставки Индии российских криогенных двигателей и технологии их изготовления, Соединенные Штаты непрочь выбить Россию с аэрокосмического рынка, заставить события в сфере российских внешних сношений развиваться по собственному сценарию.

В АТР у России существуют ограниченные возможности сотрудничества с Японией, которая ставит развитие взаимных отношений в зависимость от решения проблемы «северных территорий», или, проще говоря, возвращения четырех островов Курильской гряды. Сложность положения России состоит в том, что, будучи заинтересованной в сотрудничестве со своим восточным соседом, она не может «отдать» острова: помимо того, что это могло бы создать опасный прецедент перекройки границ при достаточно зыбкой правовой базе японских притязаний, такой шаг способствовал бы еще большему расколу российского общества, дальнейшей дестабилизации его социально-политической обстановки. Поэтому необходимы поиски выхода на путях интенсификации регионального сотрудничества между двумя странами в рамках «открытых зон», поощряемого при помощи различного рода льгот. Большое значение в данном регионе имеет налаживание двустороннего сотрудничества с такими странами, как динамично развивающийся Китай, с которым у России существует самая протяженная граница, Южная Корея, новые индустриальные страны, Индия.

Особого внимания требуют отношения России с мусульманскими странами, прежде всего такими, как Афганистан, Пакистан, Иран, а также таким «центром региональной стабильности», каким является Турция. Главная проблема, имеющая для России геополитическое измерение, состоит в том, чтобы не допустить проникновения на ее территорию исламского экстремизма. Вот почему российское правительство пошло на участие российских военных в охране таджико-афганской границы. Перед Россией стояла непростая дилемма: либо рассматривать эту границу как внешнюю границу и самой РФ, либо перенести ее на наши рубежи с Таджикистаном. Выбор был сделан в пользу первого варианта, оправданного как с экономической, так и с политической точек зрения. Его поддержали и другие среднеазиатские государства, которые однако слабо выполняют предусмотренные соответствующим соглашением обязательства. Как подчеркнул заместитель министра иностранных дел России Г. Кунадзе, ни одна из стран Средней Азии неспособна без помощи России охранять свою границу. Поэтому, если мы оттуда уходим, то должны быть готовы к тому, что исламский экстремизм, силы нестабильности

вообще, пройдя Таджикистан, а затем и другие бывшие среднеазиатские республики СССР, окажутся у порога России. Кроме того, нельзя забывать, что в Таджикистане проживают, по разным оценкам, от 200 до 300 тысяч русских.

Одновременно российское правительство пытается найти решение проблемы политическими средствами: влияя в пользу диалога таджикского режима с оппозицией, налаживая постоянный контакт с афганским правительством и правительствами других стран региона. В более широком плане речь идет о том, чтобы уравновесить западную политику России более тесным сотрудничеством с близлежащими и более отдаленными мусульманскими странами в рамках двусторонних отношений. Главный приоритет в отношениях с ними это безопасность России, недопущение ее изоляции в международных делах, взаимовыгодное экономическое взаимодействие.

Таким образом, внешняя политика России не может быть одностороннее «атлантистской», европоцентричной, американоцентричной или евразийской, ориентироваться только на «семерку» или замыкаться в проблемах ближнего зарубежья. Она не может исходить из однозначного отстаивания универсальных демократических ценностей и прав человека, или же, напротив, из отрицания их роли в структуре своих национальных интересов. Несмотря на реально существующую угрозу неизоляции российского государства, его внешняя политика не может быть и глобалистской. Этому препятствует нехватка ресурсной базы, а также необходимость сосредоточить усилия на решении таких проблем, как сохранение внутренней целостности государства, безопасного геополитического пространства. Национальные интересы России варьируются в зависимости от особенностей ситуации в том или ином регионе мира, специфики обстановки и структуры, характерной для той или иной подсистемы международных отношений. Вот почему в современной постбиполярной международной системе российская внешняя политика с необходимостью должна быть различной на разных направлениях, руководствоваться неодинаковыми приоритетами, решать неодинаковые задачи.

В ближнем зарубежье такие задачи связаны с необходимостью локализации и урегулирования войн и вооруженных конфликтов, политического решения спорных вопросов и противоречий, защиты прав русских в суверенных постсоветских государствах, налаживания отношений полноценного сотрудничества с каждым из них, независимо от характера установившегося в них режима. Основной приоритет на данном направлении - это поддержание в регионе политической стабильности и климата добрососедства, единого экономического и военно-стратегического пространства.

В Европе - это создание на базе вековых общих исторических и культурных традиций взаимовыгодного сотрудничества с государствами ЮС и ЕАСТ, укрепление и развитие двусторонних и многосторонних связей с бывшими социалистическими и ведущими западными странами.

На южных границах бывшего СССР главным приоритетом в отношениях с исламскими странами должна быть безопасность России, недопущение ее изоляции в региональных отношениях, экономическое сотрудничество. Здесь РФ должна показать свою заинтересованность в стабильном и предсказуемом развитии мусульманского мира, в исключении возможностей конфронтации с региональными державами.

В целом же, при приоритетности отношений с США, странами «семерки», ведущими межправительственными организациями (и прежде всего - ООН), российская внешняя политика должна отстаивать самостоятельность своей линии. Ибо главный приоритет, диктуемый ее национальными интересами, - это обеспечение условий для успеха внутренних политико-экономических реформ, сохранение своей государственной целостности, построение новой, демократической и процветающей страны.

На пути проведения Россией самостоятельной внешней политики неизбежны противоречия и конфликты с другими государствами. Естественно, что основой их разрешения должны быть мирные, политические средства: переговоры, консультации, посредничество третейских сил и международных организаций и т.п. При этом, в одних случаях необходимо опираться на одни силы и аргументы, в других - на другие. Так, например, Ф. Фукуяма совершенно справедливо обращал внимание на то, что «не Иран, Пакистан или Афганистан будет поддерживать Россию в ее попытках гарантировать равные права русских.... а скорее «семерка» (см. прим.4 к гл. XIV, 16.10.92). Напротив, в отстаивании своих интересов с указанными странами для России было бы ошибочным пытаться исходить из принципа защиты демократических идеалов и прав человека и безусловно поддерживать западные санкции против них. Такая поддержка могла бы обернуться для нее обратным эффектом.

Наконец, сохраняя приверженность неконфронтационным отношениям и соответственно политическим методам, Россия должна располагать всем арсеналом средств для отстаивания своих национальных интересов - в том числе и сохранить в пределах достаточности имеющийся у нее ядерный потенциал.

Современная международная система имеет переходный характер, когда на смену уходящему прежнему порядку с присущими ему правилами регулирования отношений и соответствующей структурой ценностей еще не пришел новый. Возрастает степень взаимного недоверия между людьми, культурами и государствами.

Менее предсказуемыми становятся источники угроз человечеству в целом и национальной безопасности государств, в частности. В этих условиях, ориентируясь в своей внешней политике на такие тенденции в эволюции международной системы, как демократизация и интеграция межгосударственных отношений, Россия правомерно стремится стать нормальной великой державой. Это означает приобретение таких новых атрибутов данного понятия, как демократия и основанное на высоком уровне экономического развития и постиндустриальных технологиях материальное благополучие ее граждан при одновременном сохранении в пределах, достаточных для обороны, его традиционных силовых признаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сути концепции внешней политики России// *Международная жизнь*. 1993..№3. с.18-20.

² *Корбинская И.Я.* Внешняя и внутренняя политика России// *Мировая экономика и международные отношения*. 1993 №9. с.62-63.

³ *Мурабян А.А.* Регионализация России: внутренний и международный аспекты// *Регионализм как мировая тенденция (сборник научных трудов)*. М. 1993.

⁴ *Яблоков А.В.* Выступление на научно-практической конференции МИД РФ// *Международная жизнь*. 1992 №3-4. с.106.

⁵ *Разуваев В.В.* Россия и постсоветское геополитическое пространство// *Международная жизнь*. 1993 №8. с.13;14;73;132.

Приложение

КРАТКАЯ ХРОНИКА СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ СНГ*

- 08.12.91 В резиденции «Вискули» под Брестом руководители Белорусской ССР, РСФСР и Украинской ССР подписали Соглашение о создании Союза независимых государств и ликвидации СССР.
- 30.12.91 Минская встреча глав государств-членов СНГ.
- 04.01.93 В Ташкенте в рамках СНГ создано сообщество государств Средней Азии (Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана) и Казахстана.
- 22.01.93 Встреча лидеров СНГ в Минске, предполагающая процесс создания новой структуры содружества и возможность «мягкого» присоединения к новому Уставу (на протяжении года). На встрече к Уставу присоединились 7 участниц СНГ (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан). Не присоединились Украина, Молдова, Туркменистан. Были приняты важнейшие решения о рублевой зоне, учреждении межгосударственного банка, подписан ряд документов.
- 16.04.93 В Минске на внеочередную встречу собрались главы государств СНГ для выработки принципов сближения «на новых началах»
- 10.04.93 В Минске завершилась встреча глав правительств государств СНГ. Утверждено положение о Координационно-консультативном комитете и об Исполнительном секретариате СНГ. По мнению ряда наблюдателей, минская встреча показала возможность создания экономического союза даже для окончательно независимых государств.
- 14-18.05.93 В Москве состоялась закрытая встреча глав государств и правительств СНГ, посвященная решению вопроса о возможности создания экономического и оборонного союза в рамках Содружества. Встреча закончилась подписанием декларации об образовании Экономического союза (ЭС). Некоторые эксперты полагают, что главным стимулом к этому стала опасность резкого снижения Россией доли субсидирования соседних экономик за счет сокращения объемов технических кредитов, которые в предыдущем году достигли 10% от ВВП.
- 19.07.93 Главы правительств Белоруссии, России и Украины недавно заявили о необходимости углубления экономической интеграции на основе развития рыночных отношений и более тесного

*При составлении «Хроники» использована база данных, созданная А.П. Цыганковым, которому автор выражает искреннюю признательность. Источники: «Известия», «Независимая газета», «Сегодня», RFE/RL Research Report.

- трехстороннего сотрудничества. В последнем абзаце заявления говорится о том, что к договору могут присоединиться государства, «не участвующие в любых других экономических союзах и объединениях». Ряд экспертов рассматривает это заявление как реакцию на предпринимаемые действия государств Средней Азии, Казахстана и Азербайджана по более тесному экономическому сотрудничеству с Турцией, Ираном, Пакистаном и Афганистаном.
- 17.08.93 В Кремле состоялась встреча лидеров государств Центральной Азии (Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, а также делегация из Туркменистана в качестве наблюдателя) и России, призванная определить окончательный комплекс совместных мер по охране таджикско-афганской границы, а также позицию по окончательному урегулированию конфликта.
- 24.09.93 На встрече глав правительств СНГ в Москве премьер-министры Армении, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Узбекистана выступили с инициативой соглашения по созданию экономического союза. Соглашение было подписано. Украина подписала как ассоциированный член, Грузия - как наблюдатель, а Туркменистан заявил, что присоединится позже. Соглашение приняло форму экономической конструкции, связанной с поисками единого экономического пространства на основе рыночных отношений. Оно включает в себя постепенное снижение и отмену таможенных тарифов и других барьеров внешнеторговой деятельности, равный статус совместных предприятий и достижение единой денежной единицы.
- 18.12.93 Был официально учрежден межгосударственный банк СНГ со стартовым капиталом для участников в 5 млрд. руб. Вклады также сделаны на основе индивидуального вклада участников во внешнеполитический оборот 1990 года. Россия - 50% капитала, Украина - 20,7, Беларусь - 8,4, Казахстан - 6,1, Узбекистан - 5,5, Молдова - 2,9, Армения - 1,8, Таджикистан 1,6, Кыргызстан - 1,5, Туркменистан 1,5.
- 24.12.93 В Ашгабаде состоялась 14-я встреча членов СНГ на высшем уровне. Подписан ряд соглашений, но организационная жизнеспособность СНГ не слишком выросла. Договорились начать применение соглашения об экономическом союзе, хотя некоторые парламенты все еще не ратифицировали документ. Не был подписан предложенный Россией проект о правах национальных меньшинств. Заключительная декларация встречи предупреждает против «экспансионизма и шовинизма», имея в виду Жириновского. На период 6 месяцев Б. Ельцин был избран председателем СНГ. Российский дипломат Г. Шабанников назначен Ген. секретарем Совета коллективной безопасности СНГ. Создан также новый орган - Совет министров иностранных дел СНГ.

Другой результат встречи - просьба к ООН одобрить статус СНГ как международной организации. Встреча министров обороны прошла более гладко, чем обычно.

Принято решение о создании совместной организации и координации действий миротворческих сил. Был продлен мандат на действия этих сил в Таджикистане еще на год. Генерал-полковник сил СНГ в Таджикистане Б. Пьянков убедил Казахстан и Киргизстан выполнить свои обязательства по отправке войск в Таджикистан и обратился с такой же просьбой к Узбекистану. Еще более важными были двусторонние встречи Грачева и В. Радзецкого, министра обороны Украины, в которых было найдено совместное понимание многих новых вопросов безопасности. В то же время путаница с ядерным оружием осталась.

10.04.94 Молдова ратифицирует соглашение о вхождении в СНГ и об экономическом союзе.

14.04.94 На заседании министров иностранных дел СНГ был предложен проект документа о суверенитете, территориальной целостности и нерушимости границ в СНГ и обсужден проект о защите прав нацменьшинств, вызвавший много споров и подозрений относительно намерений России. Был также предложен флаг СНГ.

Кроме того, встретились министры обороны, которые утвердили документ об общей системе безопасности в СНГ и рассмотрели проект «Партнерство во имя мира» как альтернативу расширению НАТО, позволяющую участвовать как в европейских, так и в азиатских структурах. Был также назначен новый глава сил поддержания мира.

Состоялась встреча представителей СНГ на высшем уровне в Москве о статусе СНГ, ситуации в Таджикистане, границах и правах граждан. Назарбаев отсутствовал в силу прохладного отношения к его идее Евразийского союза, призванного заменить непрочный СНГ.

17.04.94 Решения саммита СНГ: принятие Украины в СНГ как ассоциированного члена; продление службы войск в Таджикистане и резолюция о необходимости усилий по поддержанию мира